

Министерство культуры Самарской области
Самарское археологическое общество
Самарская областная универсальная научная библиотека
Самарский государственный институт культуры
Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва

МОРДВА САМАРСКОГО КРАЯ: ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

Коллективная монография

Самара
2021

УДК 94(470.43)+902.7(=511.152)
ББК 63.3(2Р-4Сам)+63.52(235)
М 79

Авторы: Т.И. Ведерникова (1.2; 2.2.3; 3.1–3.5; 4.1–4.2),
Н.М. Малкова (1.1; 2.1; 4.3),
Э.Л. Дубман (1.2; 2.2.1),
Ю.Н. Смирнов (2.2.2),
Г.А. Корнишина (4.2-4.3),
Т.П. Прокина (3.6),
В.И. Алексеева (2.3)

Редколлегия: Т.И. Ведерникова, Н.М. Малкова, Э.Л. Дубман, В.И. Алексеева
Руководитель проекта и ответственный редактор Н.М. Малкова
Авторы предисловия и введения Н.М. Малкова, Т.И. Ведерникова

Рецензенты:
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Историко-социологического
института Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева
Н.М. Арсентьев;
доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия Г.А. Куршева

М 79 Мордва Самарского края: история и традиционная культура : коллективная монография /
Т.И. Ведерникова, Н.М. Малкова, Э.Л. Дубман [и др.] ; редколлегия: Т.И. Ведерникова, Н.М. Малкова,
Э.Л. Дубман, В.И. Алексеева ; руководитель проекта и ответственный редактор Н.М. Малкова ; авторы
предисловия и введения Н.М. Малкова, Т.И. Ведерникова ; Самарское археологическое общество, Самарская
областная универсальная научная библиотека, Самарский государственный институт культуры, Самарский
национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва. – Самара, 2021. – 336 с. –
ISBN 978-5-600-03049-7.

Коллективная монография является результатом впервые предпринятого комплексного
исследования истории и культуры мордвы – одного из многочисленных, традиционных
для Самарского края народов. В монографии представлены археологическое, историческое
и этнографическое изучение, процессы формирования, характеристика современного
состояния этнотерриториальной группы мордвы региона. Работа основана на обширной базе
разнообразных источников, многие из которых впервые введены в научный оборот.

Издание предназначено для историков, этнографов, краеведов-любителей, студентов и
школьников, для всех, интересующихся историей и культурой народов Самарского края.

УДК 94(470.43)+902.7(=511.152)
ББК 63.3(2Р-4Сам) + 63.52(235)

Коллективная монография издана на средства
Губернского гранта в области культуры и искусства.

ISBN 978-5-600-03049-7

© Ведерникова Т.И., Малкова Н.М., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н.,
Корнишина Г.А., Прокина Т.П., Алексеева В.И., 2021
© Оформление. Самарское археологическое общество, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА I. ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ МОРДВЫ САМАРСКОГО КРАЯ	11
1.1. Археологические исследования мордвы Самарского края в XIX – XXI вв.	11
1.2. Историко-этнографическое изучение мордвы Самарского края в XVIII – XXI вв.	21
ГЛАВА II. ИСТОРИЯ МОРДВЫ САМАРСКОГО КРАЯ	37
2.1. Мордва на территории Самарского края в эпоху Золотой Орды (XIII-XIV вв.)	37
2.2. Формирование и развитие этнотерриториальной группы самарской мордвы во второй половине XVI – XIX вв.	52
2.2.1. Мордовское население Самарского края в середине XVI – начале XVIII в.	52
2.2.2. Мордва в эпоху освоения Заволжья (30-е гг. XVIII – начало XIX в.)	74
2.2.3. Заселение мордвой Самарского края в XIX в.	86
2.3. Мордва Самарской области в XX – начале XXI в.	97

ГЛАВА III. ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА САМАРСКОЙ МОРДВЫ.....	133
3.1. Хозяйственная деятельность.....	133
3.2. Местные и отхожие промыслы.....	144
3.3. Поселения и жилище	149
3.4. Пищевая культура.....	156
3.5. Утварь	160
3.6. Традиционный народный костюм.....	161
 ГЛАВА IV. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА МОРДВЫ САМАРСКОГО КРАЯ	 187
4.1. Конфессиональная специфика самарской мордвы.....	 187
4.2. Календарно-обрядовые традиции	197
4.3. Семейная обрядность	234
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	 275
ПРИЛОЖЕНИЯ	277
Приложение 1. Изучение археологических памятников мордвы на территории Самарской области.....	 277
Приложение 2. Полевые этнографические исследования самарской мордвы в 1970–2010-е гг.	 278
Приложение 3. Мордовские селения Самарского края в 1795 г. по данным «Экономических примечаний к Генеральному межеванию» и 5-й ревизии населения России 1795 г.....	 286
Приложение 4. Мордовские селения Самарской губернии в конце XIX в. по данным М. Гребнева.....	 295
 АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	 300
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ.....	320
ОБ АВТОРАХ	331

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа посвящена истории и самобытной традиционной культуре этнотерриториальной группы мордвы Самарского края с учетом границ губернии в XIX в. и области в настоящее время.

Монография выполнена коллективом авторов, представляющих ведущие научные организации Самарской области и Республики Мордовия: Ведерникова Тамара Ивановна (Самарский государственный институт культуры) – пункты 1.2; 2.2.3; 3.1-3.5; 4.1-4.2; Малкова Наталья Михайловна (Самарский государственный университет, Самарская областная универсальная научная библиотека) – пункты 1.1; 2.1; 4.3; Дубман Эдуард Лейбович (Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева) – пункты 1.2; 2.2.1; Смирнов Юрий Николаевич (Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева) – пункт 2.2.2; Корнишина Галина Альбертовна (Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск, Республика Мордовия) – пункты 4.2; 4.3; Прокина Татьяна Петровна (этнограф, Саранск, Республика Мордовия) – пункт 3.6; Алексеева Вера Ивановна (Региональная мордовская национально-культурная автономия Самарской области, РОО «Союз народов Самарской области») – пункт 2.3.

В монографии впервые представлены историография и источниковедческая база археологического и историко-этнографического изучения самарской мордвы. Рассмотрены обстоятельства появления мордовского населения на территории края в эпоху Золотой Орды в XIII-XIV веках. Подробно раскрыта история освоения региона и развития этнотерриториальной группы мордвы начиная со второй половины XVI в. вплоть до настоящего времени. Отдельные главы посвящены описанию традиционной материальной и духовной культуры.

В приложении 1 содержится перечень произведенных археологических исследований мордовских памятников на территории края с указанием года раскопок, их руководителя,

организации, по инициативе которой они проводились, и количества раскопанных погребений.

Приложение 2 дает полную информацию об этнографических экспедициях разных лет, здесь приведены данные об исследователях, головной организации и информаторах, в ряде случаев указана их этническая принадлежность.

Приложение 3 состоит из сведений о мордовских селениях пяти уездов Самарской губернии по уездам по данным «Экономических примечаний к Генеральному межеванию» и 5-й ревизии населения России 1795 года. Здесь указаны наименования населенных пунктов, число дворов, количество душ мужского и женского пола. Данные Российского государственного архива древних актов приведены с указанием номера фонда, описи, единицы хранения и листа.

В приложении 4 размещен перечень мордовских сел Самарской губернии конца XIX в. по данным М. Гребнева.

Справочно-поисковый аппарат книги представлен аннотированным указателем имен и указателем географических названий.

В аннотированный указатель имен включены все упомянутые персоналии. Более развернуто отражены данные о лицах, имеющих непосредственное отношение к изучению мордвы, а также оказавших влияние на развитие мордовской культуры. В аннотации у людей, рожденных в Самарской (Куйбышевской) области (губернии), указано место рождения. Предваряет указатель перечень аббревиатур и сокращений.

Указатель географических названий содержит упоминаемые в тексте и приложениях наименования населенных пунктов, административно-территориальных единиц, а также рек. В тех случаях, когда название одного и того же населенного пункта в тексте употребляется в разных вариантах, характерных для разных исторических периодов, все эти варианты приводятся в указателе в одной строке.

Информация об авторах коллективной монографии расположена на отдельных страницах.

Авторы выражают благодарность главному библиографу краеведческого отдела ГБУК «Самарская областная универсальная научная библиотека» А.Н. Завальному за помощь, оказанную в подготовке аннотированного указателя имен.

Книга издана на средства Губернского гранта в области культуры и искусства за второе полугодие 2021 года.

ВВЕДЕНИЕ

Самарская область является вторым после Республики Мордовия субъектом Российской Федерации по численности мордвы. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., здесь проживали 65 447 человек (2,117 %) мордовской этничности, более 34 тыс. человек – в городах, более 31 тыс. – в сельской местности.

В настоящее время представители мордовского этноса живут во всех городских округах и муниципальных районах области. Наибольшей численностью характеризуются городские округа Самара (12 735 чел.) и Тольятти (12 447 чел.). Компактные поселения мордвы существуют в Похвистневском (4 344 чел.), Клявлинском (3 832 чел.), Волжском (3 386 чел.), Шенталинском (2 593 чел.), Иса克林ском (2 275 чел.) и Ставропольском (2 070 чел.) муниципальных районах.

Значительную численность эрзя и/или мокша составляют в ряде традиционных селений, в которых мордва проживает с раннего периода заселения Самарского края до настоящего времени: Виловатое, Максимовка, Съезжее (Богатовского района); Благодаровка, Захаровка, Коноваловка, Немчанка (Борского района); Вязовка, Подъём-Михайловка, Торное, Шелехметь (Волжского района); Мордово-Аделяково, Мордово-Ишуткино, Старое Вечканово (Иса克林ского района); Ерзовка, Чёрновка (Кинель-Черкасского района); Горелый Колок, Клявлино, Новые Сосны, Старые Сосны, Старый Байтермиш, Старый Маклауш (Клявлинского района); Городок, Грачёвка, Новая Кармала, Степная Шентала (Кошкинского района); Большая Каменка, Калиновка, Новосемейкино, Старая Бинарадка, Шилан (Красноярского района); Большая Ёга, Большой Толкай, Красные Ключи, Малый Толкай, Нижнеягодное, Подбельск, Старый Аманак (Похвистневского района); Захаркино, Мордовская Селитьба (Сергиевского района), Александровка, Бахилово, Верхнее Санчелеево, Лопатино, Нижнее Санчелеево, Новая Бинарадка, Узюково (Ставропольского района); Сиделькино (Челно-Вершинского района); Багана, Васильевка, Новое Суркино,

Сенькино, Старая Шентала, Старое Суркино (Шенталинского района); Кяхта, Маза (Шигонского района) (см. карту на с. 9).

Этноним «мордва» не является самоназванием народа. В научной литературе он до сих пор не нашёл однозначного объяснения. По одной из версий, он связан с иранскими языками (*mord* – человек, мужчина).

Большинство представителей мордовского этноса идентифицируют себя с эрзей или мокшей. «Эрзя» также восходит к иранской лексике (*arsan* – мужчина, герой, самец). «Мокша» связан с индоевропейским гидронимом (санскрит. *moksha* – проливание, утекание, освобождение).

Мордовский этнос представляет несколько этнографических групп, или субэтносов, эрзя и мокша самые многочисленные из них. Численное большинство в правобережных мордовских селениях Самарской области (Бахилово, Торное, Шелехметь) составляет мокша; в Заволжье миграционные потоки включали как эрзя, так и мокшу, на протяжении веков тесно взаимодействовавших друг с другом.

Первое письменное упоминание о мордвях относится к середине VI в. н. эры. Придворный историк готских королей Иордан в труде «О происхождении и деяниях гетов» («*Getica*») называет «морденс» в числе племен, покоренных готским королем Германарихом. Позднее этим же этнонимом древнемордовские племена называют и византийские источники. Константин VII Багрянородный в сочинении «Об управлении империей» (X в.), определяя расстояние от Печенегии до пограничных земель, упоминает страну Мордию, расположенную в десяти днях пути. Этнонимы «эрзя» (арису) и «мокша» (моксель) встречаются в послании хазарского кагана Иосифа, датированного тем же временем, а также в путевых записках монаха-путешественника Гильома Рубрука (XIII в.). Начиная с XI в. этноним «мордва» встречается в русских летописях: «По Оце реце, где потече в Волгу же, мурома языкъ свой, и черемиси свой языкъ, моръдва свой языкъ»¹. ...А се суть и нии языци, иже дань даютъ Руси: чюдъ, меря, весь, мурома, черемись, моръдва...»². ...«Того же лета бияся Ярославъ с мордвою месяца марта въ 4 день, и побежденъ бысть Ярославъ» (1105 г.)³.

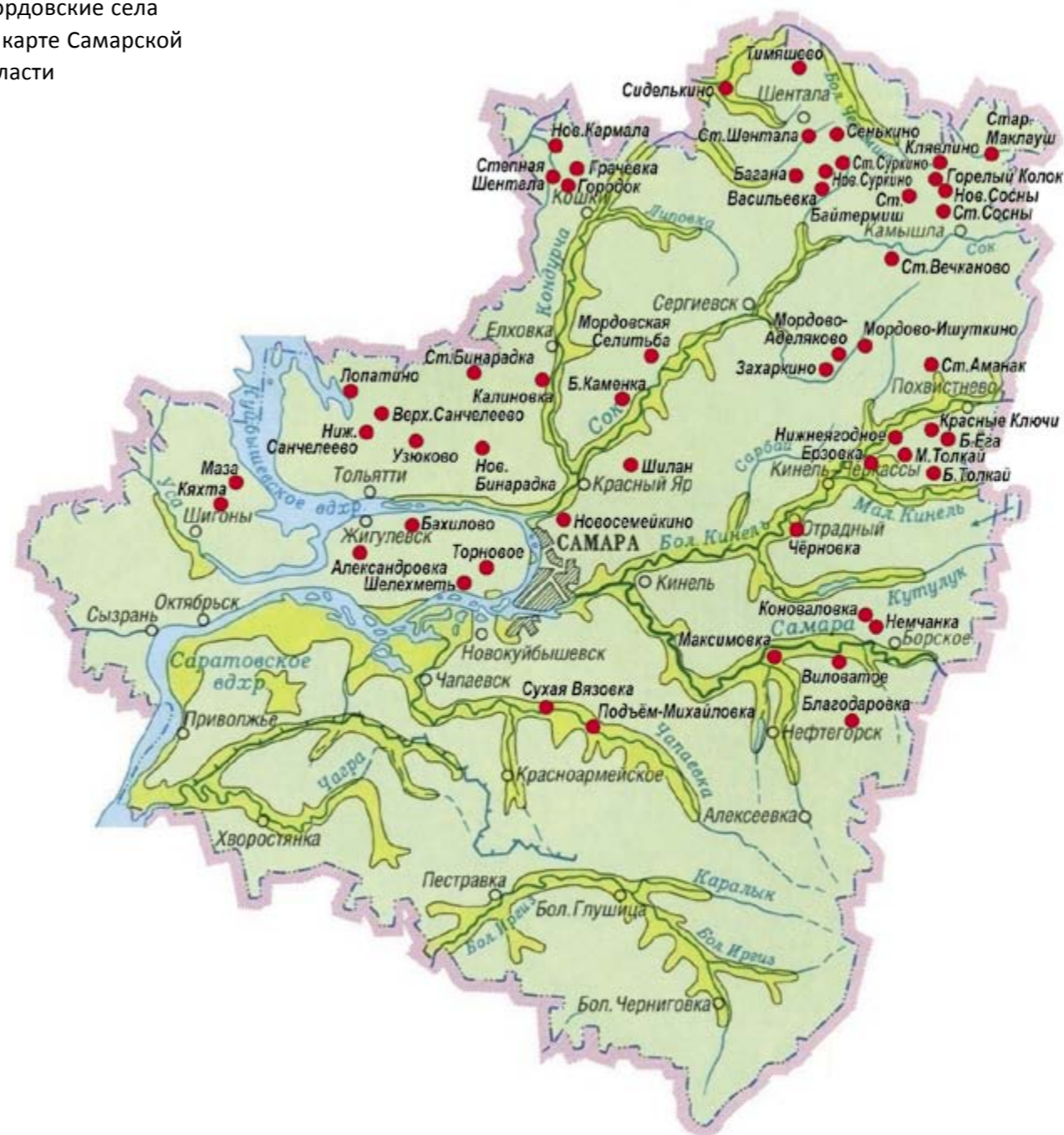
Вопрос об этногенезе мордовского народа до сих пор остается предметом острых дискуссий. Многие исследователи считают прямыми предками мордвы племена городецкой культуры VII в. до н. э. – I в. н. э. Она изучена по селищам и городищам, расположенным на огромной территории – от верховий Дона на западе до Самарской Луки на востоке, от среднего течения Оки на севере до г. Саратова на юге.

¹ Лаврентьевская летопись. Л. 4 [Электронный ресурс]. URL: http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php?list=13&n=7 (дата обращения: 30.08.2021).

² Лаврентьевская летопись. Л. 4 об. [Электронный ресурс]. URL: http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php?list=14&n=8 (дата обращения: 30.08.2021).

³ Лаврентьевская летопись. Л. 94 об. [Электронный ресурс]. URL: http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php?list=194&n=230 (дата обращения: 30.08.2021).

Мордовские села
на карте Самарской
области

Могильников племен городецкой культуры не обнаружено. Диагностирующим ее признаком является рогожная или сетчатая керамика. Городецкие лесные племена были скотоводами и охотниками; владели косторезным и гончарным ремеслами; знали ткачество, прядение и плетение. Однако черная металлургия у городецкого населения была развита довольно слабо, цветной не было. В Самарской области следы городецкой культуры обнаружены на Самарской Луке – городищах Белая Гора, Каменная Коза, Лбище, селищах у пос. Новый Путь, у с. Новинки и др.

Формирование мордовского этноса происходило в междуречье Оки, Цны и Волги. Здесь исследованы археологические памятники древнемордовских племен I тыс. н. эры. Культура мордвы

этого времени характеризуется высоким уровнем развития различных промыслов и связанных с ними орудий труда. Широко использовались черный и цветные металлы. Наиболее известны среди археологических памятников этого периода Кошибеевский и Армиевский могильники.

Исследователи, наряду с городецким, называют другие этнические и культурные компоненты, участвовавшие в сложении мордовского этноса. По археологическим данным, в I в. н. э. наблюдается проникновение на обозначенные территории прикамских восточно-пьяноборских племен. Появляется грунтовый обряд погребения с рядовым расположением могил, где исследованы разнообразные типы украшений, имеющих аналогии в пьяноборских могильниках. Нельзя не отметить и западное влияние позднезарубинецких и позднедьяковских племен, на которое указывает характер керамического материала, появление чернолощеной посуды и некоторых типов женских украшений.

К V-VII вв. н. э. образовались два крупных племенных союза мордвы – эрзя и мокша. Территория по рекам Пьяне, Алатырь и Суре была эрзянской, а по Мокше, Вад и Иссе – мокшанской.

Важным моментом в изучении этногенеза мордвы является вопрос об этнической принадлежности буртасов. Так, арабские источники X в. называли народы, обитавшие между Хазарией и Волжской Болгарией. Ибн Русте, например, писал, что буртасы подчинены хазарам и «выставляют в поле 10 тыс. всадников... нет у них верховного главы»¹. Ряд исследователей полагали, что этим этнонимом источники называли мокшу².

В VIII в. на юго-востоке Восточной Европы формируется Хазарский каганат. О зависимости мордвы от хазар сообщают арабские источники. Древней мордве в этот период приходилось бороться ещё и с печенегами, и волжскими болгарами. С X в. начинает усиливаться Волжская Болгария. В её подчинении оказались многие народы, платившие когда-то дань Хазарскому каганату, в том числе и мордва. В конце X в. происходит укрепление Киевской Руси. Походы Святослава на хазар и болгар, скорее всего, освободили мордовские племена от хазарской зависимости.

XI–XIII вв. в истории мордвы характеризуются зависимостью от волжских болгар, противодействием русским княжествам. Неслучайно летописные источники сообщают о существовании в этот период как открытых поселений, так и укрепленных «твердей», где мордва пряталась от противников.

Первая волна пришлого мордовского населения на территории Самарского края появляется в XIII–XIV вв. На протяжении XVI–XIX столетий заселение мордвой Самарского края происходило с разной степенью интенсивности, тремя путями военно-государственной, вольно-крестьянской и частновладельческой (церковно-монастырской и помещицкой) колонизации.

¹ Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. СПб., 1869, С. 19-20.

² Гольмстен В.В. Буртасы // КСИИМК. Вып. XIII. Л., 1946.

ГЛАВА I

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ МОРДВЫ САМАРСКОГО КРАЯ

1.1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОРДВЫ САМАРСКОГО КРАЯ В XIX – XXI ВВ.

В конце XIX в. на территории Самарского края началось изучение археологических памятников мордвы (прил. 1). Интерес профессиональных археологов к изучению отечественных славянских и финских древностей возник в связи со сменой руководства Императорской Археологической комиссии (далее – ИАК) и назначением на должность председателя графа А.А. Бобринского (1886 г.). До этого времени археологические исследования проводились в основном на юге России, а древности Среднего Поволжья оставались без внимания¹. В 1891-1893 и 1900 гг. В.Н. Поливанов по поручению ИАК провёл раскопки Муранского могильника на Самарской Луке. Всего им было раскопано 445 захоронений мордвы-мокши, датированных эпохой Золотой Орды. Раскопки проводились в очень сжатые сроки с большим количеством рабочих, причем без личного надзора В.Н. Поливанова. По воспоминаниям очевидцев, часть погребений осталась невскрытой, поскольку рабочие избегали раскапывать более глубокие могилы, а именно там располагались наиболее богатые погребения². В процессе работ ни описания отдельных захоронений, ни зарисовок исследователь не делал, однако результаты раскопок опубликовал³.

Видимо, на Муранском могильнике постоянно совершались несанкционированные сборы и грабительские раскопки. Так, в Государственном историческом музее имеются две неболь-

¹ Тихонов И.Л. Императорская Археологическая комиссия: структура и кадровый состав // Российская археология. 2009. № 4. С. 8-12.

² Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // МИА. Вып. 42. Т. 1. М., 1954. С. 260.

³ Поливанов В.Н. Муранский могильник: археолог. очерк. Симбирск, 1893; Его же: Муранский могильник. М., 1896; Его же. Муранский могильник: археолог. очерк / сост. В. Поливанов. Казань, 1893.

шие коллекции из могильника, подаренные В.Н. Акинфовым и А.В. Толстым¹.

В одном из своих трудов «Археологическая карта Симбирской губернии» В.Н. Поливанов упоминает о находке в 1898 г. в с. Кузькине (ныне Шигонского района), в 21 км от Волги, двух серебряных браслетов, трех подвесок «болгарского типа, тождественных с найденными в Муранском могильнике», и двадцати татарских монет XIV в.²

В начале XX в. при строительстве загородных дач самарских купцов Соколовых в районе Барбошиной Поляны был выявлен еще один мордовский памятник этого же периода. Первые исследования на Барбашинском могильнике провел в 1907 г. В.Н. Глазов, член Императорского Русского археологического общества, приехавший в служебную командировку в Самару. Он осмотрел могильник, собрал сведения у местных жителей, провел пробные раскопки двух погребений³. На следующий год раскопки продолжил самарский агроном В.А. Миллер. Именно им впервые была описана топография Барбашинского могильника и определена примерная его площадь – около 1,5 га⁴. Отчеты по этим исследованиям поступили в ИАК и ныне хранятся в научном архиве Института истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург)⁵.

Результаты работ В.Н. Глазова и В.А. Миллера, спустя столетие после раскопок, были опубликованы сотрудниками Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина (далее – СОИКМ) Д.А. Сташенковым и А.Ф. Кочкиной⁶.

В июле-сентябре 1918 г., в период установления власти членов Комитета Учредительного собрания (КОМУЧа) в Самарской губернии, возобновились археологические раскопки уже известного Барбашинского могильника, который продолжал разрушаться дачным строительством. Раскопки проводились по инициативе и, в основном, силами местных историков, краеведов и любителей древности, членов Самарской музейной археологической комиссии. Среди них были самарцы П.Н. Ефимов, Ф.Т. Яковлев, К.П. Головкин, П.В. Карпов, П.А. Преображенский, А.А. Субботин и С.А. Хованский⁷, Е.И. Тарасов⁸, а также председатель Оренбургской ученой архивной комиссии А.В. Попов.

К сожалению, каких-либо материалов исследований 1918 г. (отчётов, дневниковых записей, описаний методики раскопок, фотографий, планов погребений) не сохранилось, либо фиксация результатов раскопок не проводилась. Отметим, что сама методика полевых исследований того времени была далека от совершенства и не предусматривала детальной фиксации полученных материалов. Публикаций результатов изучения Барбашинского могильника сами раскопщики не сделали. Точку зрения исследователей на датировку и этническую принадлежность могильника в настоящее время можно получить только из публикаций местной прессы того времени. Культура изученных погребений была ошибочно отнесена ими к булгарам и в то же время к «восточно-финской народности – чувашской или мордовской». Исследованные погребения датированы временем не позже XII–XIII вв.¹, пять погребений – ошибочно первой половиной XVIII в.². Предметы из раскопок Барбашинского могильника 1918 г. хранятся в настоящее время в фондах СОИКМ.

Отдельную страницу в истории самарского краеведения занимает деятельность созданного в 1919 г. при Самарском университете Общества археологии, истории и этнографии (далее – СОАИЭ), в которое вошло существовавшее ранее Самарское археологическое общество (ил. 1.1). Одним из положений Устава СОАИЭ было «изучение духовной и материальной культуры прошлого и настоящего народов, населяющих Самарский край и прилегающие к нему области, содействие в распространении знаний»³. Позднее в название и, соответственно, в исследовательские задачи Общества добавилось естествознание (далее – СОАИЭиЕ).

Ил. 1.1.
Члены Самарского
Археологического
общества, 1917 г.
Слева направо:
сидят В.Э. Бернер,
П.А. Преображенский,
А.Г. Ёлшин,
К.П. Головкин,
стоят Ф.Т. Яковлев,
С.А. Хованский

¹ Алихова А.Е. Муранский могильник и селище... С. 260.

² Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск. 1900. С. 23.

³ Медведева М.В., Соболев В.Ю. Археолог Владимир Нилович Глазов // Археологические вести. Вып. 20. Санкт-Петербург, 2014. С. 422.

⁴ Сташенков Д.А. Некоторые итоги археологических исследований на территории города Самары // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII–XVI вв.). Самара, 2012. С. 84.

⁵ Сташенков Д.А. Барбашинский могильник на территории города Самары: некоторые итоги изучения и перспективы исследования // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3. С. 326.

⁶ Археологические исследования на территории города Самары. Раскопки В.Н. Глазова и В.А. Миллера на Барбашинском могильнике / ред.: Д.А. Сташенков, А.Ф. Кочкина. Самара, 2011.

⁷ Вечерняя заря. Самара. 1918. 18 июля. № 99. С. 3; Ключников Р.М. Археологические изыскания К.П. Головкина // Краеведческие записки СОИКМ им. П.В. Алабина. Вып. VII. Самара, 1995. С. 199–202.

⁸ Волжское слово. Самара. 1918. 6 июля (23 июня). № 131 (4119). С. 1.

¹ Волжский день. Самара. 1918. 8 сент. № 70. С. 3.

² Вечерняя заря. Самара. 1918. 29 июля. № 108. С. 2.

³ ЦГАСО. Ф. 558. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

Ил. 1.2.
Вера Владимировна
Гольмстен

Документы Общества, хранящиеся в фонде 558 Центрального государственного архива Самарской области (далее – ЦГАСО), свидетельствуют о его активном археологическом изучении Самарской губернии. «Правильные работы по археологическому обследованию Самарского Поволжья»¹ связаны с именем санкт-петербургского археолога Веры Владимировны Гольмстен (ил. 1.2). Самарский губернский отдел народного образования пригласил её в 1919 г. на должность заведующей музейной секцией внешкольного подотдела².

Работая в качестве профессора Самарского университета, В.В. Гольмстен и её ученики – М.Г. Маткин, В.П. Мизинова, А.А. Марущенко и др., проводили в основном разведочные работы по поиску самарских древностей, в редких случаях – небольшие раскопки. Экспедиции были организованы по инициативе Археологического подотдела Всероссийской коллегии по делам музеев и охраны памятников старины и искусства по предложению В.А. Городцова³. Они осуществлялись малыми силами, при скудном финансировании, а в 1921 г. – в условиях голода и разгула бандитизма в губернии⁴.

В ходе экспедиций В.В. Гольмстен было открыто более 1000 памятников различных эпох⁵, в том числе проведены разведки на селище, расположенном рядом с Барбашинским могильником.

Здесь были найдены фрагменты керамики: слепленной вручную мордовской и на гончарном круге – болгарской¹.

В отличие от предшествующих исследователей, В.В. Гольмстен провела анализ полученного материала, обнаружив сходство (хотя и ошибочно) керамики Барбашинского могильника с керамикой более ранней именьковской культуры на Самарской Луке². Исследовательница отметила аналогичность материалов Барбашинского и Муранского могильников, датировала памятник серединой XIV в. По ее мнению, «по составу инвентаря могильника эти не представляют высокого интереса, но самый факт их нахождения в Самарском Заволжье является знаменательным, так как доказывает проникновение финнов в лесостепную полосу нашего края в значительно более раннее время, чем то, о котором говорят исторические данные»³.

В 1921 г. на памятнике продолжил раскопки археолог, профессор Самарского университета А.С. Башкиров. В ходе работ изучено более 70 погребений, материалов которых, к сожалению, не обнаружено. Коллекция разрозненных предметов в настоящее время также хранится в фондах СОИКМ⁴.

В 1926 г. в ходе разведок В.В. Гольмстен у с. Бахилово Ставропольского района был обнаружен позднесредневековый мордовский могильник, но до сего дня памятник не раскапывался. Кроме того, В.В. Гольмстен упоминала о позднем «финском поселении», занимающем большую площадь около с. Ермаково Ставропольского района, датируя его XVI-XVII вв.⁵

Необходимо отметить, что уже с середины 1920-х гг. научная деятельность в провинции начала сворачиваться, поскольку официальная государственная политика в области краеведения кардинально изменилась. С целью «выкорчевывания капиталистических элементов» было создано Общество краеведов-марксистов и Коммунистическая академия общественных наук. Изучение истории края обратилось «лицом к социалистическому строительству»⁶. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. исследователи старой школы испытывали на себе давление властей, даже в провинциальной Самаре происходили аресты «бывших».

24 марта 1929 г. на Окружном краеведческом съезде представители партии доложили о реорганизации СОИЭИ в Самарское научно-краеведческое общество. На съезде был выдвинут новый лозунг: «Краеведение – дело самых широких слоев обществен-

¹ Гольмстен В.В. Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение. Ч. 1. Самара, 1924. С. 152.

² Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. Вера Владимировна Гольмстен. Самара, 2007.

³ Евгеньев А.А. Деятельность по изучению археологического наследия Оренбуржья Веры Владимировны Гольмстен и ее учеников // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19, № 3(2). С. 413.

⁴ Классика самарского краеведения: антология. Вып. 5. «Золотое десятилетие» самарского краеведения. Самара, 2008. С. 24-43.

⁵ Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губернии // Труды секции археологии РАНИОН. Вып. 4. М., 1928; Её же. Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение. Ч. 1. Самара, 1924; Её же. Материалы по археологии Самарской губернии // Материалы по изучению Самарского края. Вып. 5. Самара, 1928. С. 4-10.

¹ Сташенков Д.А. Новые археологические исследования на территории города Самары. Самара, 2012. С. 4.

² Гольмстен В.В. Материалы по археологии Самарской губернии. Керамика древних мест поселений Самарской Луки // Бюллетень общества археологии, истории, этнографии и естествознания. Самара, 1925. № 3. С. 12-13

³ Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губернии... С. 137.

⁴ Сташенков Д.А. Некоторые итоги археологических исследований на территории города Самары... С. 80.

⁵ Гольмстен В.В. Доисторическое прошлое Самарского края. «В прошлом – будущее» // Классика Самарского краеведения. Вып. 5. Самара, 2008. С. 72.

⁶ Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. Указ. соч. С. 36.

ности»¹. Занятия археологией в прежнем научном формате становились невозможными, и в сентябре 1929 г. В.В. Гольмстен покинула Самару.

Окончательный разгром «старого краеведения» произошел в 1930 г. в рамках «дела Академии наук», многие ученые были репрессированы, добровольные общества по изучению истории края переродились в формальные структуры².

Археологическое исследование мордовских могильников края продолжилось в 1935 г. раскопками на Барбашинском могильнике. Их провёл высланный из Ленинграда археолог, научный сотрудник Государственного Эрмитажа Б.А. Латынин. Он был приглашён на работу в Краевую комиссию по охране исторических памятников, принимал участие в деятельности областного краеведческого музея. В середине 1935 г. создано Общество изучения Куйбышевского края, при котором была организована историческая секция. К работе в обществе был привлечен и Б.А. Латынин³.

Раскопки в 1935 г. были связаны с продолжающейся угрозой разрушения могильника из-за строительства дома отдыха на его территории. Соответствующие средства на охранно-спасательные работы были выделены Краевой комиссией по охране памятников при Куйбышевском Крайисполкоме⁴.

В ходе исследования ставилась задача определить этническую принадлежность и датировку могильника. Раскопы были заложены в разных частях памятника, что позволило точно определить его границы. Выяснилось, что западная часть могильника особенно сильно пострадала от случайных раскопок, восточная сохранилась лучше. Всего Б.А. Латынин исследовал 62 погребения. Он предположил, что общее число погребённых составляло до 5 тыс. человек. Интересно, что в ходе раскопок и даже после их завершения почти ежедневно здесь проводились экскурсии для жителей города, читались лекции по древнейшей истории края⁵.

В 1950-х гг. на территориях, попадающих в зону строительства Куйбышевской ГЭС, проводились крупномасштабные работы Куйбышевской археологической экспедиции.

Отряд А.Е. Алиховой (ил. 1.3) и Н.В. Трубниковой произвел сплошное разведочное исследование Самарской Луки. Здесь были обнаружены и исследованы поселения у сел Печерские Выселки, Березовка, Муранка. Спустя более полувека А.Е. Алиховой были продолжены раскопки Муранского могильника, которые зафиксировали, что значительная часть памятника была разрушена еще в конце XIX в. На площади 17 га было изучено 483 погребения⁶.

Ил. 1.3.
Анна Епифановна
Алихова

Ил. 1.4.
Галина Ивановна
Матвеева

Её полевые материалы отличаются высоким для своего времени уровнем методики раскопок и фиксации артефактов, хранятся в архиве Института археологии РАН, итоги подведены в научных статьях, коллекции находятся в СОИКМ.

Необходимо отметить, что для А.Е. Алиховой изучение истории и материальной культуры мордвы стало делом всей жизни. В общей сложности она предприняла раскопки шести могильников XIV-XVIII вв. Позднее этот материал был изложен в её обобщающей работе по истории материальной культуры мордовского народа¹.

О существовании мордовского могильника у с. Торноеево Волжского района стало известно в 1958 г., когда в СОИКМ поступили случайно обнаруженные предметы (сборы М.Б. Корнеевой и С.П. Хрущевой). Среди них – украшения костюма – сюлгамы, бусы, перстни, относящиеся к культуре мордвы эпохи позднего Средневековья.

После открытия Куйбышевского государственного университета (далее – КГУ) в 1969 г. в регионе был создан самарский научный археологический центр под руководством Г.И. Матвеевой (ил. 1.4). С этого времени начала работать Средневолжская археологическая экспедиция (далее – САЭ), началось непрерывное и систематическое археологическое изучение древностей Самарского края. В том же году разведочным отрядом КГУ под руководством И.Б. Васильева, первого ученика Г.И. Матвеевой, был обследован мордовский могильник у с. Шелехметь на Самарской Луке².

О «финском могильнике XVIII века» у с. Шелехметь упоминала ещё В.В. Гольмстен в своих трудах, отметив, что раскопки данного памятника могут познакомить нас с материальной культурой и «дать целый ряд заключений о быте финнов этого времени, чего

¹ Зудина В.Н. Археологические изыскания // Классика Самарского краеведения. Вып. 5. Самара, 2008. С. 41-42.

² Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. Указ. соч. С. 37.

³ Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Самара, 2008. С. 14.

⁴ Археологические исследования в РСФСР в 1934-1936 гг.: краткие отчеты и сведения / под ред. В.В. Гольмстен. М.; Л., 1941. С. 148-151.

⁵ Там же. С. 17, 19.

⁶ Алихова А.Е. Муранский могильник и селище... С. 259-301.

¹ Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из истории мордвы конца I-го – начала II тысячелетия // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959. С. 13-54.

² Иванов В.А. Мордовский могильник у села Шелехметь // Самарская Лука в древности: краевед. зап. Вып. 3. Куйбышев, 1975. С. 142.

мы также не имели возможность почерпнуть из каких-либо письменных источников»¹.

В 1970 г. Г.И. Матвеева и В.А. Иванов провели исследования Шелехметского могильника². Это были первые на территории Самарской области раскопки позднесредневекового памятника мордвы. Большая часть могильника уже тогда была занята огородами жителей села. Раскоп же был заложен в северо-восточной части мыса, свободной от огородов. На площади 188 м² было найдено 10 погребений мордвы-мокши.

В 1970-е гг. отрядом САЭ под руководством Г.И. Матвеевой обнаружено и исследовано Сухореченское поселение эпохи Золотой Орды на р. Большой Кинель в Похвистневском районе³, где найдена мордовская керамика. Раскопки были продолжены в 1979 и 1981 гг. сотрудником Куйбышевского государственного педагогического института И.Н. Васильевой.

В 1987 г. сотрудником КГУ А.В. Богачёвым был открыт еще один мордовский памятник эпохи Золотой Орды – Усинский II грунтовый могильник в юго-восточной части Самарской Луки, было исследовано 2 погребения. И.Н. Васильева в следующем году вскрыла еще 18 захоронений⁴. Могильник датирован монетой Кульна-хана 1359-1360 гг. Позднее И.Н. Васильевой были написаны работы о технике и технологии гончарного производства керамики народов, населяющих Самарский край в эпоху Средневековья⁵.

В 1990-е гг. целенаправленную полевую работу по изучению мордовских могильников позднесредневекового периода начала проводить сотрудник археологической лаборатории Самарского государственного университета (далее – СамГУ) Н.М. Малкова, избравшая данный период истории мордвы сферой своих научных интересов. Ею изучался вопрос заселения мордвой Самарского края по материалам археологических раскопок⁶.

Под руководством Н.М. Малковой проведены раскопки двух могильников эпохи позднего средневековья на территории региона: Шелехметского 1-го и Коноваловского 1-го⁷. Так, в 1996 г. небольшим отрядом экспедиции СамГУ были продолжены исследования Шелехметского 1-го грунтового могильника, в ходе которых

вскрыто 5 погребений¹. Памятник датирован монетами Михаила Федоровича и Петра Алексеевича 1620-ми гг. – серединой XVIII в.

В том же году при поддержке Историко-эко-культурной ассоциации «Поволжье» во главе с В.И. Пестриковой и С.А. Агаповым этнолого-археологической экспедицией исследовано 97 погребений Коноваловского 1-го грунтового могильника, расположенного у одноименного села в Борском районе². Раскопки проводились силами студентов самарских вузов – СамГУ и СГИК.

На базе материалов раскопок позднесредневековых мордовских могильников Самарской области, а также синхронных памятников на территории Республики Мордовии, Нижегородской, Пензенской, Саратовской и Ульяновской областей, Н.М. Малковой опубликован ряд работ по особенностям погребального обряда и инвентаря³. По этой теме в результате авторских исследований подготовлена кандидатская диссертация. Прослежены истоки погребальных традиций мордвы позднего средневековья, а также их преемственность, отраженная в этнографических источниках⁴.

В 1990-е гг. сотрудником СОИКМ Д.А. Сташенковым был обнаружен позднесредневековый мордовский могильник у с. Сиделькино Челно-Вершинского района, памятник не раскапывался⁵.

В 2005-2006 гг. отрядом СОИКМ проводились исследования на разрушающемся карьере могильнике у с. Кузькино Шигонского района. Всего на площади 130 кв. м. было исследовано 16 погребений⁶.

¹ Малкова Н.М. Отчет о раскопках Шелехметского 1 грунтового могильника...; Её же. Шелехметский I грунтовой могильник на Самарской Луке // Средневековье. Великое переселение народов. Самара, 2013. С. 299-332; Её же. Раскопки поздних мордовских могильников в Самарской области // Археологические открытия. М., 1997. С. 89-90.

² Малкова Н.М. Отчет о раскопках Коноваловского 1 грунтового могильника // Архив ИА РАН. М., 2000.

³ Малкова Н.М., Морозов В.Ю. Украшения мордовского костюма в XVIII – начале XIX вв. (по материалам могильника у с. Коноваловки Борского района) // Краеведческие записки Областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Самара. 1996. Вып. VIII. С. 249-268; Малкова Н.М. Погребальный обряд эрзи в XVIII – начале XIX вв. (по материалам раскопок Коноваловского 1 грунтового могильника) // Тезисы VI Международного научного семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований». СПб., 1998. С. 10-11; Её же. Медная пластика Коноваловского могильника // Тезисы Урало-Поволжской археологической конференции молодых ученых. Самара, 1998. С. 144-147; Малкова Н.М., Мишина М.Ю. Головные уборы мордвы-эрзи середины – начала XIX вв. (по материалам раскопок Коноваловского 1 грунтового могильника) // Тезисы Урало-Поволжской археологической конференции молодых ученых. Самара, 1998. С. 148-150; Малкова Н.М., Орлова М.О. Христианские символы в погребальном обряде эрзи XVIII – начала XIX вв. (по материалам раскопок Коноваловского 1 грунтового могильника) // XXXI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых: тез. докл. Самара, 1999. С. 130-132; Малкова Н.М. Эволюция мокшанского наконечника пулокеря // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 1999. С. 216-233; Её же. Костные останки животных в погребальных комплексах мордвы XVI – начала XIX вв. // Тезисы VII Международного научного семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований». М.-Омск, 1996. С. 247-249; Её же. Жертвенные вещи в погребениях мордвы XVI – начала XIX вв. // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Саранск, 2000. С. 70-74; Её же. The Millennium History of a Wooden Hair-dressing // Bulletin of the international committee on urgent archaeological and ethnological research. № 41. 2001-2002. P. 85-92; Её же. Погребальные традиции мордвы в середине XVIII – начале XIX вв. // Самарский край в истории России: материалы юбилейной науч. конф. 6-7 февр. 2001 г. Самара, 2001. С. 214-218.

⁴ Малкова Н.М. Погребальный обряд и инвентарь могильников эрзи и мокши XVI – начала XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2000.

⁵ Сташенков Д.А. Отчет об охранно-спасательных археологических работах на комплексе археологических памятников у д. Пролетарий Челно-Вершинского района Самарской области // Архив ИА РАН. Самара, 1995.

⁶ Сташенков Д.А. Кузькинский мордовский могильник конца XIII – XIV вв.: к истории населения правобережья Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т.2. Казань-Кишинев, 2019. С. 413-432.

¹ Гольмстен В.В. Доисторическое прошлое Самарского края... С. 72.

² Матвеева Г.И. Отчет о раскопках в Волжском и Ставропольском районах и о разведках в Похвистневском, Кинель-Черкасском, Кошкинском, Челно-Вершинском и Борском районах в 1970 году. Куйбышев, 1970; Иванов В.А. Мордовский могильник у села Шелехметь...

³ Матвеева Г.И. Сухореченское селище // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977.

⁴ Васильева И.Н. II Усинский грунтовый могильник XIII-XIV вв. на Самарской Луке // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 58-76.

⁵ Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X-XIV вв. Екатеринбург, 1993; Её же. Золотоордынский период истории Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000. С. 298.

⁶ Малкова Н.М. Заселение мордвой Самарского Поволжья (по материалам археологических раскопок) // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А.П. Смирнова: тез. науч. конф. Болгар, 1999. С. 87-89.

⁷ Малкова Н.М. Отчет о раскопках Шелехметского 1 грунтового могильника // Архив ИА РАН. М., 1996; Её же. Отчет о раскопках Коноваловского 1 грунтового могильника // Архив ИА РАН. М., 2000.

В 2011-2013 гг. Д.А. Сташенковым были продолжены раскопки Барбашинского могильника. В результате учёный уточнил современное состояние памятника, вскрыв 16 погребений на площади 266 м². Результаты исследований опубликованы, в том числе анализ керамики, костных останков животных и монет¹.

Таким образом, в разные годы XX-XXI вв. исследовано более 220 погребений Барбашинского могильника на территории не менее 1600 м². Имеющийся полевой материал и коллекция предметов данного могильника делают возможным комплексное изучение культуры мордвы в эпоху Золотой Орды.

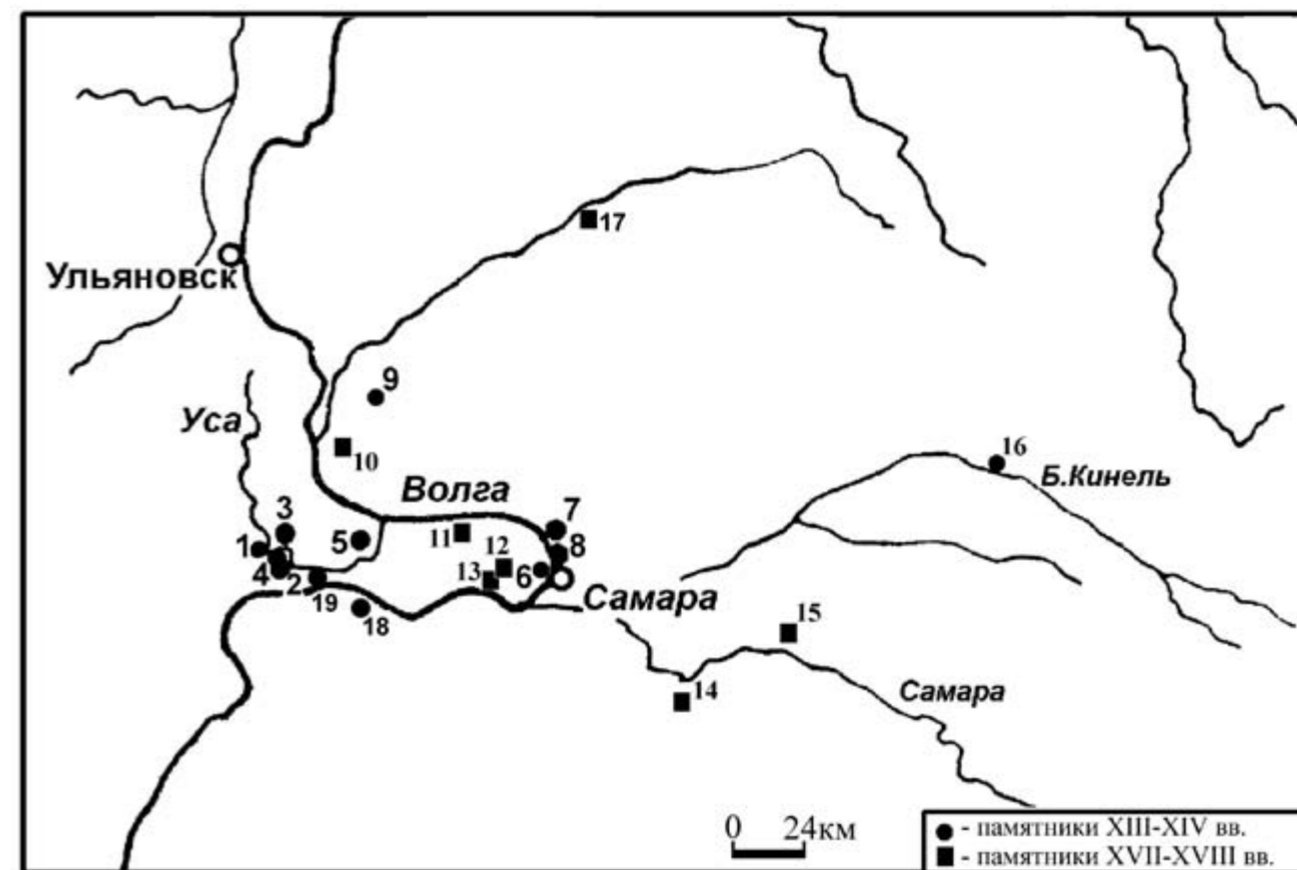
В целом, обобщая результаты археологических исследований региона, можно отметить, что с конца XIX в. до настоящего времени собран некоторый материал для исследования истории и культуры мордвы. Однако нельзя утверждать, что изучение мордовских древностей носило системный характер. Количество исследованных памятников незначительно, степень изученности – неравномерна. Наиболее масштабные раскопки проводились на трех памятниках – Муранском, Барбашинском и Коноваловском.

Хронологически можно выделить две группы памятников мордвы на территории региона – это XIII-XIV вв. и XVII – начало XIX в. Территориально исследованные памятники располагаются на Самарской Луке и прилегающем к ней правобережье Волги, на левобережье Волги напротив восточной части полуострова и на востоке области (ил. 1.5).

Наиболее полное представление о культуре мордвы, жившей в нашем крае в эпоху Золотой Орды, дают нам Муранский и Барбашинский могильники. Однако несовершенная методика раскопок XIX в., незавершённость работ на Муранском могильнике в части более глубоко расположенных погребений (раскопки В.Н. Поливанова) исключают из всего массива для изучения более половины погребений памятника. Да и исследования Барбашинского могильника конца XIX – начала XX вв. не оставили после себя полноценно зафиксированного и систематизированного материала. Несмотря на то, что большая часть предметов из Барбашинского могильника представлена в СОИКМ, полноценный комплекс для изучения дают нам только материалы раскопок последних лет. Только изученные в текущем столетии погребения дают возможность провести полноценный антропологический, нумизматический, керамический анализ находок, однако их количество слишком мало.

Традиции и культуру позднесредневековой мордвы-эрзи позволяют изучить материалы Коноваловского 1-го грунтового могильника. Количество рассмотренных погребений в мокшанском Шелехметском 1 могильнике явно недостаточно для полноценного исследования.

¹ Сташенков Д.А. Новые археологические исследования... С. 13-51; Его же. Барбашинский могильник... С. 326; Археологические памятники Самары. Самара, 2012; Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году: материалы науч. экспедиций. Самара, 2014; Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. По Самаре с археологом: путеводитель по археологическим памятникам. Самара, 2014.

Ил. 1.5.
Карта «Заселение мордвой Самарского Поволжья по данным археологических исследований» (сост. Н.М. Малкова)

Необходимо также отметить, что из всего имеющегося в настоящее время материала преобладают данные раскопок могильников, количество исследованных же селищ на территории региона ничтожно мало. Для получения более глубоких выводов о культуре мордвы в разные исторические периоды необходимо дальнейшее системное и масштабное изучение мордовских древностей.

1.2. ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МОРДВЫ САМАРСКОГО КРАЯ В XVIII – XXI ВВ.

История изучения мордвы Самарского края начинается с первых этнографических сведений XVIII-XIX вв., содержащихся в дневниковых записях путешественников и даже случайных людей. Они чаще всего носили описательный характер, что не умаляет их значения и актуальности, и по сей день они являются ценнейшим источником для современных научных исследований.

Уже в XVIII в. предпринимаются первые этнографические экспедиции, применявшие важнейший для науки этнологии метод полевых исследований, предусматривающий погружение в традиционную культуру изучаемых народов, контакт (опрос, анкетирование) с носителями этой культуры, сбор материалов устной истории, визуальные наблюдения, фото- и видеозаписи фольклорных сюжетов и текстов.

К числу первых исследователей мордвы Самарского края по праву можно отнести участников Оренбургской академической экспедиции, организованной в 1768 г. с целью изучения естественной истории, географии, этнографии, земледелия и торговли Европейской части России, Урала и Сибири. Руководителями Оренбургской научной экспедиции были назначены профессор П.С. Паллас, академики И.П. Фальк (после него доктор медицины И.Г. Георги) (ил 1.6 А и Б) и И.И. Лепёхин.

Труд Петра Симона Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи»¹ начал публиковаться ещё во время экспедиции, он насыщен подробными описаниями геофизических особенностей исследуемых земель, флоры и фауны, а также содержит ценные сведения по истории и этнографии народов, населяющих Поволжье в целом, и, как его часть, – Самарский край. Направляясь из Симбирска, осенью 1768 г. П.С. Паллас впервые оказался на территории современной Самарской области. Здесь он посетил мордовские деревни Кармала (ныне Новая Кармала Кошкинского района) и Сиделькино (ныне Челно-Вершинского района). В 1769 г. П.С. Паллас изучал город Самару и его окрестности, в частности – Самарскую Луку. Так, жителей д. Санчелеевой Ставропольского уезда он обозначил «смешанными мокшанцами», указывая на процессы взаимодействия эрзи и мокши между собой и с соседними народами, в частности с чувашами². П.С. Паллас побывал также в эрзянских и мокшанских деревнях Вечканово (ныне Старое Вечканово Исаклинского района), Узюково (ныне Ставропольского района), Бинарадка (ныне Старая Бинарадка

Ил. 1.6 А.
Мокшанка.
Рисунок из книги
И.Г. Георги

Ил. 1.6 Б.
Мокшанка.
Рисунок из книги
И.Г. Георги.
Вид сзади

¹ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I. СПб., 1773.

² Там же. С. 178.

Красноярского района) и др.¹ Уникальны описания П.С. Палласа самаролукской мордвы-мокши и мокшанской свадьбы в д. Шелехметь² (ил. 1.7).

Академик И.П. Фальк, оставивший этнографические записи, первым обратил внимание на взаимоотношения различных народов Поволжья, отмечая, что согласие между ними «достойно удивления, они не ссорятся ни за границы, ни за притеснения, ни за какие-либо дела»³.

Экспедиция И.И. Лепёхина во многом повторила маршрут предыдущих, включив более 20 населенных пунктов на территории современной Самарской области, в том числе Самару, Ставрополь, Сергиевск, Сызрань. В опубликованном труде «Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъютанта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году», а конкретно – в главе под названием «О мордве, чувшах и татарах», дается характеристика указанных этнических групп, обитавших на реке Черемшан – их традиционных народных костюмов, религиозной культуры, свадебного обряда. Путь И.И. Лепёхина пролегал через мордовские деревни Кармала (ныне Новая Кармала Кошкинского района), Сиделькино (ныне Челно-Вершинского района), Байтермиш и Сосны (ныне Старый Байтермиш и Старые Сосны Клявлинского района)⁴.

Ил. 1.7.
Мокшанка.
Рисунок из книги
П.С. Палласа

¹ Мокшин Н.Ф., Мокшина Е.Н. П.С. Паллас и И.И. Лепёхин – исследователи этнографии мордвы // Социально-политические науки. 2018. № 6. С. 114-116.

² Паллас П.С. Указ. соч. С. 240-241.

³ Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией наук, по предложению ее президента, с прим., изъясн. и доп. Т. 6. Записки путешествия академика Фалька / пер. с нем. И. Петрова. СПб., 1824.

⁴ Лепёхин И.И. Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъютанта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771. С. 200-201.

Целостную картину начальной российской колонизации Среднего Поволжья, в том числе и Самарского края, впервые создал ученик С.М. Соловьева Г.И. Перетяткович. Во второй книге своего исследования он подробно рассмотрел процессы формирования постоянного населения и хозяйственного освоения Самарской Луки и всего сызранско-усинского междуречья в середине – второй половине XVII в. Историк особо отметил активное участие мордвы, чувашей и татар в этом процессе. Основываясь на репрезентативных, впервые вводимых в научный оборот архивных источниках, Г.И. Перетяткович пришёл к выводу, что все это пространство, ранее бывшее зоной сезонных промыслов коренных народов Средневожья, к рубежу XVII – XVIII вв. стало ареалом формирования новой этнокультурной и поликонфессиональной общности¹.

Особую ценность для исследования начального переселенческого движения мордвы на Правобережье Самарского края представляют труды известного саратовского исследователя А.А. Гераклитова². Изучив сводные материалы писцовых и переписных книг XVII – начала XVIII вв. по Алатырскому и Арзамасскому уездам, он смог реконструировать особенности промыслового сезонного хозяйственного освоения мордвой территорий волжского Правобережья, лежащих южнее указанных уездов вплоть до устья р. Терешки³. Позднее, в конце XX в. полученные историком результаты подтвердила и дополнила в своей диссертации и статьях М.В. Биленко⁴.

В работе, посвященной роли Самары и Саратова XVII в. в жизни мордвы, А.А. Гераклитов показал высокую социальную и хозяйственную активность мордовских переселенцев, отметил практически одинаковый правовой статус различных этнических сообществ, заселявших регион⁵.

С середины XIX в. территорию края с научными целями посещали деятели Русского географического общества (далее – РГО), оставившие для исследователей разнообразную информацию, содержащуюся в их описаниях. В частности, в архиве РГО хранится рукопись «Опыт описания экономического быта крестьян села Титовки Самарского уезда», составленная в 1878 г. Н.Е. Симаковым⁶.

Особый интерес исследователей вызывали этноконфессиональные группы молокан, расселившихся в Самарском Заволжье с XVIII в. В архиве РГО хранятся «Ответы на вопросы по разным частям сельского хозяйства, требуемые Императорским Географическим обществом», составленные священником Михайло-Архангельской церкви с. Максимовка (Коржевка) ныне Богатовского района Федором Соколовым. В них особое внимание уделено молоканам села, из русских и мордвы¹.

Культура повседневности мордовских крестьян в ракурсе народного юридического быта оказалась в поле зрения сотрудника ИРГО П. Матвеева², а также в монографии В.Н. Майнова³.

Для изучения истории и культуры мордвы Самарского края не утратили своей значимости краеведческие публикации А.Ф. Леопольдова⁴.

В 1877 г. в ряде сёл Бугурусланского уезда, в том числе в Малом Толкае (ныне Похвистневского района) и Ерзовке (Кинель-Черкасского района), с целью изучения этнических и антропологических особенностей самарской мордвы останавливался Н.М. Малиев. Уникальны его заметки об экономическом состоянии и культуре повседневности мордовских крестьян указанных селений, в ряде случаев – в сравнении с другими народами края⁵.

Историк русской медицины Л.Ф. Змеев в 1879-1880 гг., работая санитарным врачом в Бугульминском уезде Самарской губернии, изучал медицинские практики жителей региона. Полевой материал лёг в основу защищенной им в МГУ в 1883 г. докторской диссертации⁶. Ценнейший этнографический источник включает подробные сведения о народах края, их хозяйстве, жилище и пищевой культуре крестьян. Автор работы как медик дал оценку народной медицине, в том числе знахарским способам лечения.

Особенности землевладения и землепользования, бытовавшие у мордовских переселенцев на территорию Самарского края, были рассмотрены И.М. Красноперовым⁷ на примере отдельно взятой общины в Бугульминском уезде.

Ценным источником для исследования истории и этнографии мордвы Самарского края являются публикации в «Самарских губернских ведомостях» (далее – СГВ) (издавались с 1852 г.) и «Самарских епархиальных ведомостях» (далее – СЕВ)

¹ Соколов О. (свящ.) Ответы на вопросы по разным частям сельского хозяйства, требуемые Императорским Географическим обществом // Архив РГО. Р. 34. Оп. 1. Ед. хр. 25.

² Матвеев П. Очерки народного юридического быта Самарской губернии // Записки ИРГО по отделению этнографии. СПб., 1878. Т. 8. С. 27–28.

³ Майнов В.Н. Очерки юридического быта мордвы. СПб., 1885.

⁴ Леопольдов А.Ф. Исторические заметки о Самарском крае // Журнал министерства внутренних дел (ЖМВД). 1860. № 2; Его же. Народы, населяющие Самарскую губернию // СГВ. Самара, 1854. Часть неофиц. № 34. С. 238-239.

⁵ Малиев Н. Общие сведения о мордве Самарской губернии; их антропологический характер; поздние браки и влияние их на крепость и сложение народа. Национальные особенности черепа. Приложение к протоколу 97 Общества Естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Казань, 1878. С. 4-5.

⁶ Змеев Л.Ф. Методико-топографическое описание и статистический очерк народонаселения Бугульминского уезда Самарской губернии. М., 1883..

⁷ Красноперов И. Мордовская община в Бугульминском уезде // Северный вестн. СПб., 1887. № 1. С. 60–75.

¹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории края и его колонизации). Одесса, 1882.

² Гераклитов А.А. Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного приказа) // Классика Самарского краеведения: антология. Вып. 2 / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара, 2006. С. 236-238.

³ Гераклитов А.А. Арзамасская мордва. По писцовым и переписным книгам XVII-XVIII вв. // Гераклитов А.А. Избранное: в 2 ч. Ч. 1. Саранск, 2011. С. 171-348; Гераклитов А.А. Алатырская мордва 1624-1721 гг. // Там же. С. 349-459

⁴ Биленко М.В. Дворцовая мордва Алатырского уезда в XVII в. (по писцовым и переписным книгам): дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1980. С. 113, 120, 370.

⁵ Гераклитов А.А. Роль Саратова и Самары XVII в жизни мордвы // Гераклитов А.А. Избранное: в 2 ч. Ч. 1. Саранск, 2011. С. 104-117.

⁶ Смирнов Ю.Н. Материалы о самарском крестьянстве дореформенной эпохи в Русском Географическом обществе и их авторы // Вестн. Самар. госун-та. 2013. № 8/2 (109). С. 69-72.

(с 1867 г.). Среди них статьи М. Гребнева¹, И. Белореченского², Н. Федорова³ и др.

В конце XIX в. полевые исследования мордвы Самарской губернии, в частности Ставропольского и Самарского уездов, осуществлялись финским учёным А.О. Хейкелем. Собранные им материалы по народному костюму явились источником творчества для художника А. Рейнхольма⁴ в совместном издании «Костюм и орнамент мордвы»⁵.

Значительный вклад в изучение духовного наследия мордовского народа внёс финский языковед, фольклорист и этнолог, профессор языкознания Хельсинского университета Хейкки Паасонен. Несколько лет учёный провёл в экспедициях среди мордвы Поволжья, в том числе в Самарской губернии. В 1889–1890 гг. Хейкки Паасонен собирал полевой материал среди мордвы-мокши, в 1898–1902 гг. – среди мордвы-эрзи. Исследования по мордовским языкам и фольклору составляют значительную часть его научного наследия. Во время экспедиции 1899 г. Хейкки Паасонен работал в Новой Кармале, Степной Шентале и Грачёвке Степно-Шенталинской волости Самарского уезда, где изучал мордовский (эрзянский) язык, собрал богатый фольклорный материал. Он отметил, что в этих сёлах наблюдались те же самые диалектные особенности эрзянского языка, что и в Исаклах, где он был до Новой Кармалы. В многотомный труд *Mordwinische Volksdichtung* («Мордовская народная поэзия»), изданный с 1938 по 1981 г. под руководством профессора Пааво Равилы, вошли мордовские сказки, баллады, свадебные, похоронные, поминальные песни, предания, заговоры, заклинания, пословицы, загадки, собранные Паасоненом в эрзянских и мокшанских сёлах восьми губерний России, в том числе и Самарской. Все тексты даны в транскрипции и изданы на немецком языке⁶.

Другой финский учёный – Армас Отто Вайсянен (ил. 1.8), летом 1914 г. стал участником научной экспедиции в эрзянские сёла Самарской губернии, организованной на средства Финно-угорского общества (Хельсинки) с целью повторить маршруты фольклорно-лингвистических экспедиций под руководством Хейкки Паасонена и дополнить записанные им тексты песен мелодиями. В связи с начавшейся Первой мировой войной запись мордовских песен и инструментальных мелодий на фонограф была проведена только в двух уездах – Бугурусланском и Бугуль-

минском. Нотации мелодий песен и наигрышей были опубликованы в сборнике «Мордовские мелодии» на немецком языке¹, в котором представлено 143 песни и 59 инструментальных наигрышей. В Предисловии и Приложении содержатся переводы песенных текстов на немецкий язык². Звукозаписи А. Вайсянена сопровождаются множеством фотографий, сделанных в конце лета 1914 г. в эрзянских сёлах Старое Вечканово (ныне Исаклинского района) и Старая Шентала (Шенталинского района), Мордовский Бугуруслан, Борискино и др. (Бугурусланского района Оренбургской обл.)³. На фото запечатлены жители в традиционных народных костюмах, бытовые сцены из жизни сельчан, проводы мужчин на войну⁴.

Широко известный в мировом научном сообществе мордовский этнограф, просветитель и энциклопедист Макар Евсевьевич Евсевьев (ил. 1.9) почти полвека занимался полевыми исследованиями мордвы Поволжья и Приуралья, в том числе Самарской губернии⁵. Его просветительская деятельность началась в 1890-х гг. в связи с подъёмом общественного движения в России.

Ил. 1.8.
Армас Отто Вайсянен

Ил. 1.9.
Макар Евсевьевич
Евсевьев

¹ *Mordwinische Melodien*. Helsinki, 1948.

² Бояркина Л.Б. Армас Вайсянен – исследователь мордовской народной музыки (к 100-летию первой мордовской этномузикологической экспедиции) [Электронный ресурс] // Финно-угорский мир. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/armas-vuaysyanen-issledovatel-mordovskoy-narodnoy-muzyki-k-100-letiyu-pervoy-mordovskoy-etnomuzikologicheskoy-ekspeditsii/viewer> (дата обращения: 18.03.2021).

³ Электронный ресурс. URL: <https://museovirasto.finna.fi/Search/Results?lookfor=Samara&type=AllFields&dfApplied=1&limit=20> (дата обращения: 01.03.2021); Мордовские деревни Поволжья [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-97220602_2028?z=album-97220602_243097291 (дата обращения: 01.03.2021); Мордовская деревня Шентала. 1914 [Электронный ресурс]. URL: <https://humus.livejournal.com/5389257.html> (дата обращения: 12.03.2021); Эрзянское село Вечканово [Электронный ресурс]. URL: <https://www.perunica.ru/stfoto/9165-mordovskoe-selo-vechkanovo-v-kanun-veliko-voynu-1914.html> (дата обращения: 14.03.2021); Мордовское село Борискино [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/koz_trop?w=wall-147746809_200&z=al (дата обращения: 16.03.2021); Мордовские сёла Морд. Бугуруслан, Пронькино, Середнеевка [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/koz_trop?w=wall-147746809_200&z=al (дата обращения: 16.03.2021).

⁴ Шуляев А.Д. Музыкальная народная культура Поволжья XIX века в записях А.А. Вайсянена // Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки... Т. II. Самара, 2008. С. 407–428.

⁵ Евсевьев М.Е. Отчёт о командировке в Самарскую и Казанскую губернии для изучения говоров мордовского языка. Казань, 1914.

¹ Гребнев М. Мордва Самарской губернии: ист.-этнограф. очерк // СЕВ. 1886. № 20-24. С. 479-485; 1887. № 1. С. 1-7; № 2. С. 33-45; Его же. Село Фролкино или Ерзовка Бугурусланского уезда // СЕВ. 1855. № 22-24. С. 541-543.

² Белореченский И. Исторический очерк села Лобаз Бузулукского уезда // СЕВ. 1874. № 12. С. 277–282; № 18. С. 428; № 19. С. 427.

³ Федоров Н. Заметки о мордвях села Шенталы // СГВ. Самара, 1863. № 48. С. 321–323.

⁴ Кудрявцев В.Г. Изучение народного искусства финским художником Агатом Рейнхольмом [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 12-2. С. 166-168. URL: <https://publikacia.net/archive/2014/12/2/53> (дата обращения: 16.03.2021).

⁵ Heikel A.O. *Mordvalaisten pukuja ja kuoseja*. Trachten und Muster der Mordvinen. Helsingfors, 1899.

⁶ Алексеева В.И. Новая Кармала. Самара, 2019. С. 53-56.

В письме академику А.А. Шахматову от 9 декабря 1914 г. М.Е. Евсевьев отмечал своеобразие мордвы с. Александровка и соседних селений Ставропольского уезда (ныне Ставропольского района), расположенных на Самарской Луке в правобережье Волги. В первую очередь, по мнению исследователя, это проявлялось в говоре, который является «осколком нижегородского говора, но здесь он несравненно лучше сохранился, чем на родине»¹. Уникальным, не встречающимся нигде, был и традиционный женский костюм в Александровке. Кроме того, здесь учёному удалось записать 25 песен и свадебных причитаний.

М.Е. Евсевьев изучал культуру мордвы и делал фотографии в целом ряде нынешних селений области: Алёшкино, Большой и Малый Толкай, Большая Ёга Похвистневского района, Багряш, Вечканово, Исаклы Иса克林ского района, Александровка, Бахилово, Новое Ерёмкино Ставропольского района, Клявлино, Новый Маклауш Клявлинского района, Новая и Старая Шентала Шенталинского района, Шелехметь Волжского района, Пролейка Елховского района².

Из самарских исследователей начала XX в. первую попытку рассмотреть роль мордвы в колонизации края в своих обзорных работах предпринял профессор первого Самарского университета и активный участник краеведческого движения послереволюционного периода П.А. Преображенский³.

Научная деятельность вышеупомянутого СОАИЭ при Самарском университете в области этнографии в 1920-гг. включала обязательные полевые исследования, результатом которых стали ценнейшие описания, опубликованные или хранящиеся в рукописи в фонде Общества ЦГАСО⁴. Не имея специального этнографического образования, эти ученые внесли вклад в становление историко-этнографического краеведения и развитие науки в целом. Сегодня их работы являются ценнейшим источником по реконструкции культурного облика этнических групп Самарского края на уровне конца XIX – начала XX вв.

Особую значимость для изучения этнографии самарской мордвы представляют работы Иллариона Сергеевича Поздьева (ил. 1.10) который в качестве партийного работника Самарского губернского отдела Народного образования,

Ил. 1.10.
Илларион Сергеевич
Поздьев

¹ Мокшин Н.Ф. Макарьев Евсевьевич Евсевьев // М.Е. Евсевьев: жизнь мордвы в фотографиях: фотоальбом /сост. А.С. Лузгин и др. Саранск, 2004. С. 9-10.

² Евсевьев М.Е. Жизнь мордвы в фотографиях... С. 171-174.

³ Преображенский П.А. Очерк истории Самарского края. Самара, 1919; Его же. Колонизация Самарского края. Самара, 1923.

⁴ ЦГАСО. Ф. 588. Оп. 1.

методом полевой этнографии изучал фольклор в селениях Ново-Домосемейкино, Секретарка (ныне Северного района Оренбургской области); Шилан, Кобельма (ныне Калиновка), Большая Каменка (Красноярского района); Подъём-Михайловка, Вязовка, Шелехметь (Волжского района); Каменный Брод (Красноармейского района); Мордовские Липяги, Томылово (район Новокуйбышевска); Пестравка (райцентр) и др. Фольклорно-этнографические материалы были представлены собирателем на заседании СОАИЭ и по инициативе В.В. Гольмстен опубликованы в «Известиях» СГУ¹.

Ценность перечисленных источников состоит в фиксации уникальных этнокультурных явлений, в основной массе исчезнувших к настоящему времени. Материал, собранный сотрудниками СОАИЭ в ходе полевых этнографических исследований в начале XX в., составил богатейший «банк данных» для современной науки.

Ил. 1.11.
Слева направо:
В.П. Тумайкин,
А.Д. Шуляев,
О.Е. Поляков,
А.С. Лузгин.
Село Большой Толкай,
1976

Начиная с 1930-х гг. и вплоть до конца 1970-х гг. практически не появлялось работ, специально посвященных вопросам формирования полиэтничного населения региона, истории его заселения и складывания нового социума. Исключение составили только объемные коллективные монографии по истории Самарского края, подготовленные под руководством К.Я. Някшина. Написанные в традиционных рамках марксистского подхода к истории, они носили общий характер, и по рассматриваемой теме их авторы опирались в основном на материалы, ранее уже введенные в научный оборот².

Начиная с 1970-х гг. плеяда учёных Республики Мордовия приступили к системному изучению полевым методом компактных мест расселения мордвы в Заволжье (ил. 1.10-1.13).

¹ Поздьяев И.С. Бабань-каша озск (Моление старушечьей каши) // ЦГАСО. Ф. 558. Оп. 1. Д. 70; Его же. Из материалов комиссии по изучению нацменьшинств. Древние обряды самарской мордвы // Известия СГУ. Вып. 5. 1928. С. 13-18.

² Някшин К.Я. Очерки из истории Среднего Поволжья. Куйбышев, 1955; Его же. Очерки истории Куйбышевской области: Бывшая Самарская губерния. Куйбышев, 1962.

Ил. 1.12.
Галина Альбертовна
Корнишина (слева)
и Татьяна Петровна
Прокина (справа).
Село Старые Сосны,
1984

В их поле зрения оказался целый ряд селений Исаклинского, Кошкинского, Красноярского, Похвистневского, Шигонского районов с компактным проживанием эрзи и мокши. Эти исследования продолжают саранскими и самарскими этнографами вплоть до настоящего времени (прил. 2).

Результатом этнографических экспедиций стали многочисленные публикации и диссертационные исследования, включавшие актуальную тематику развития семьи и семейных отношений, материальной и духовной культуры мордвы Самарского края. В их числе работы В.П. Тумайкина¹, В.Ф. Разживина², Г.А. Корнишиной³, Н.Ф. Беляевой⁴, А.С. Лузгина⁵.

Полевые исследования на территории региона позволили Т.П. Прокиной выделить традиционный костюм заволжской мордвы-эрзи в отдельную группу⁶.

В 1970-е гг. активно развивалась собирательская деятельность самарских музыкантов-фольклористов. Так, музыковед И.А. Касьянова (ил. 1.14) и краевед, исследователь мордовских народных песен М.И. Чувашёв (ил. 1.15) в 1979 г. выпустили в свет уникальный сборник «Мордовские эрзянские причитания».

¹ Тумайкин В.П. Семья и семейные отношения у мордвы Самарской губернии в XVIII–XIX вв. // Материальная и духовная культура мордвы в XVIII–XIX вв. [сб. ст.]. Саранск, 1978. С. 77-86; Его же. Сведения по материальной культуре мордвы Куйбышевской области // Этнокультурные процессы в Мордовии. Саранск, 1982. С. 148-157; Его же. Некоторые этнографические особенности мордвы левобережья Средней Волги // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1974. С. 122-137; Его же. Из истории заселения мордвой левобережья Средней Волги (XVIII–XIX вв.) // Исследования по истории Мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1971. Вып. 47. С. 73-88; Его же. Соседская община заволжской мордвы в пореформенный период (по материалам Самарской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1974.

² Разживин В.Ф. К вопросу о демографической структуре мордовского сельского населения Куйбышевской области (по материалам экспедиции 1976 г.) // Этнокультурные процессы в Мордовии. Саранск, 1982. С. 158–167.

³ Корнишина Г.А. Общее и особенное в этнокультурных контактах мордвы Мордовской АССР и Куйбышевской области // Этнические аспекты культурно-бытовых процессов в Мордовской АССР. Саранск, 1987. С. 105–120; Её же. Сельская семья мордвы Самарского Заволжья: дис... канд. ист. наук. М., 1992; Её же. Этнокультурные контакты мордвы Самарского края в процессе досугового общения (конец XIX – начало XX вв.) // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность: материалы и тез. докл. Межрегион. науч.-практ. конф. Самара, 2006.

⁴ Беляева Н.Ф. Традиционные институты социализации детей и подростков у мордвы. Саранск, 2002; Её же. Дореволюционный быт мордовской крестьянской семьи Заволжья // Бытовая культура мордвы. Саранск, 1984; Её же. Традиционное воспитание детей у мордвы. Саранск, 2000.

⁵ Лузгин А.С. Жизнь промыслов. Промысловая деятельность крестьян Мордовии во второй половине XIX – начале XX в.: этнокультурные аспекты. Саранск, 2001.

⁶ Мордовский народный костюм: альбом / сост. и авт. текста Т.П. Прокина, М.И.Сурина. Саранск, 1990. С. 148-213.

Ил. 1.13.
П.И. Янкина (слева) и
Т.П. Прокина (справа).
Село Старый
Байтермиш, 1998.
Фото Г.А. Корнишиной

В 1981 г. на основе архивных документов и полевых материалов Т.И. Ведерниковой была выполнена кандидатская диссертация на тему «Формирование этнически смешанного населения степного Самарского Заволжья в середине XVII – середине XIX вв.». В ней, как и в отдельных статьях автора, рассматривались этнокультурные контакты мордвы с другими народами края¹.

Начавшийся с 1980-х гг. и продолжающийся до настоящего времени бурный подъем интереса к прошлому в истории и культуре народов края обозначился исследовательской деятельностью как профессионалов – историков и этнографов, так и краеведов-любителей.

Ил. 1.14.
Инна Александровна
Касьянова

Ил. 1.15.
Михаил Иванович
Чувашёв

¹ Ведерникова Т.И. Формирование этнически смешанного населения степного Самарского Заволжья в середине XVII – середине XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1981; Её же. Расселение мордвы в Самарском Заволжье (XVII – середина XIX вв.) // Этнокультурные связи мордвы. Дооктябрьский период. Саранск, 1988. С. 38-40.

Изучение начальных этапов формирования современного населения нашего края, степени участия в этом процессе различных этносов было обусловлено развитием исторических исследований в КГУ. Итогом работы сложившегося на его кафедрах коллектива историков стали такие объемные издания, как трехтомная «Самарская летопись»¹ и шеститомная «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней»², переизданная в 2020 г. в двух томах³.

В 1990-е гг. вышел ряд исследований Ю.Н. Смирнова, Э.Л. Дубмана, Л.М. Артамоновой, в которых рассматривались различные стороны истории региона, его отдельных локальных территорий, роль в их освоении разноэтничных переселенцев, в том числе и мордвы⁴.

Собранные в ходе научных экспедиций 1970–80-х гг. полевые материалы легли в основу коллективной монографии саранских исследователей «Мордва Заволжья»⁵. В ней рассмотрены основные этапы заселения региона мордовскими переселенцами из коренных территорий обитания, материальная и духовная культура, семья и семейные обряды, социально-демографические процессы и культурные изменения в среде мордовских жителей Самарской и Оренбургской областей в конце XX в.

В этот же период созданная В.И. Пестриковой и С.А. Агаповым Историко-эко-культурная ассоциация «Поволжье» объединила историков и этнографов Самары и поволжских республик с целью изучения народов Самарского края.

Особым направлением в 1990-е гг. становится изучение исторической ономастики региона, происхождения названий его поселений, рек и других природных объектов. В работах по ономастике и топонимике принимали участие специалисты разных направлений (филологи, историки, экологи), что в значительной степени позволило придать исследованиям комплексный системный характер. Анализ всей совокупности топонимов, эволюции и изменений в их составе показал, что в складывании «топонимического пространства» в различные периоды, прежде всего на раннем этапе аграрного освоения края, особо значимую роль сыграли традиционные народы Поволжья, в их числе находится и мордва⁶. Интерес исследователей к мордовской топонимике не угас и сегодня, об этом свидетельствуют современные публикации Н.В. Беленова⁷.

¹ Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времен до наших дней: в 3 кн. / под общ. ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмова. Самара, 1993-1998.

² История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней [в 8 т.] / [редкол.: П.С. Кабытов (гл. ред.) и др.]. Москва-Самара, 2000.

³ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 2 т.: монография / [редкол.: П.С. Кабытов (гл. ред.) и др.]. Самара, 2020.

⁴ Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. Самара, 1991; Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л., Барашков В.Ф., Артамонова Л.М. Самарская Лука в XVI – начале XX вв. Самара, 1995; Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997; и др.

⁵ Мордва Заволжья / ред. В.И. Козлов, П.Д. Грузнов, И.М. Петербургский и др. / отв. ред. В.И. Козлов. Саранск, 1994.

⁶ Барашков В.Ф. Названия рек Ульяновско-Самарского Поволжья. Ульяновск, 1991; Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Самарская топонимика. Самара, 1996; и др.

⁷ Беленов Н.В. Историческая мокша-мордовская топонимия на Самарской Луке // Известия Южного Федерального университета. 2019. № 3. С. 130-137; Его же. Топонимическое пространство мокша-мордовского села Благодаровка Борского района Самарской области // Этническая культура. 2020. № 1 (2). С. 14-20; Его же. Субстратная топонимия окрестностей села Торное на Самарской Луке // Журнал фронтирных исследований. 2020. № 4. С. 85-105.

В коллективной работе, посвященной этнографии и топонимике Самарской Луки, представлены полевые материалы исследования трёх мокшанских селений – Бахилово, Торное и Шелехметь¹.

В 1996 г., как указывалось выше, была организована совместная археолого-этнографическая экспедиция в Борский район. Этнографические полевые исследования возглавила этнограф, доцент СГИК Т.И. Ведерникова. Сбор материалов устной истории был проведен в сёлах Борского района с компактным проживанием мордвы – Благодаровка, Захаровка, Коноваловка (ил. 1.16), Немчанка². В дальнейшем Т.И. Ведерникова с группами студентов полевым методом изучала мордву ряда селений – Большая Ёга и Подбельск Похвистневского района, Сухой Колок, Старый Маклауш, Клявлино, Старые Сосны Клявлинского района, Максимовка, Виловатое и Съезжее Богатовского района, Чёрновка и Ерзовка Кинель-Черкасского района.

Значительным событием в изучении мордвы Самарского края стало издание, инициированное профессором, музыковедом И.А. Касьяновой и краеведом Шенталинского района Т.И. Волковой, под названием «Духовное наследие народов Поволжья. Живые истоки» (ил. 1.17). Первые два тома антологии представляют собой культурное наследие фольклориста М.И. Чувашёва, тексты и ноты мордовских и русских песен, записанных собирателем в 1960-х – начале 1970-х гг. в Поволжье и Приуралье, в том числе в целом ряде селений Волжского, Клявлинского, Похвистневского, Челно-Вершинского и Шенталинского районов³.

Ил. 1.16.
Т.И. Ведерникова (слева)
и М.М. Есипова (справа).
Село Коноваловка
Борского района,
1996.
Фото С.А. Осьмачкиной

¹ Ведерникова Т.И., Фокин П.П., Ягафова Е.А. Этнография Самарской Луки; Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Топонимика Самарской Луки. Самара, 1996.

² МЭЭ. 1996. Борский район // Личный архив Т.И. Ведерниковой.

³ Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки / авт.-сост. М.И. Чувашёв, И.А. Касьянова, А.Д. Шуляев, А.Ю. Малыхин, Т.И. Волкова. Т. I. Самара, 2001; Т. II. Самара, 2008.

Ил. 1.17.
И.А. Касьянова
(крайняя слева) и
Т.И. Волкова (вторая
справа) среди жителей
села Шенталы

В 2003 г. вышли в печать историко-этнографические очерки «Этносы Самарского края», где Н.М. Малковой и С.Д. Николаевым впервые представлена статья по истории и традиционной культуре самарской мордвы¹. Позднее, без согласования с авторами, эта статья с некоторыми погрешностями была опубликована в издании «Дружба народов на самарской земле» (2015 г.).

Итоги многолетней работы самарских историков по изучению территорий Среднего Поволжья, в состав которого входило и Самарское Заволжье, были подведены в начале 2010-х гг. в ряде коллективных монографий и учебном пособии².

Анализ особенностей освоения ранее пустынного региона, формирования в нём нового социума позволил выделить ряд этапов его развития в составе Российского государства. К ним относятся прежде всего периоды фронта и «внутренней окраины». Хронологически рамки исследования охватили значительный по протяженности период с XVI до начала XX столетия. Для различных этнических групп, в том числе и мордвы, это было время «обретения родины», когда на бывших пустынных территориях складывалась новая историко-культурная общность. Изучение данного явления позволило внести существенные коррективы в понимание процессов аккультурации, взаимодействия и взаимовлияния их участников; отношений государства, церкви и социума в регионе, имеющем сложный полиэтничный и поликонфессиональный состав его жителей.

¹ Этносы Самарского края. Самара, 2003. С. 76-100.

² «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.): монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Ч. 1. Очерки истории. Самара, 2013; Ч. 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация. Самара, 2014; Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.): учеб. пособие / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013.

Процессы формирования этнотерриториальной группы мордвы Самарского края нашли своё отражение в историографии¹ и источниковедении², получили осмысление при рассмотрении методологических проблем исторической науки³.

Следует также отметить статьи Э.Л. Дубмана⁴ и Ю.Н. Смирнова⁵, в которых рассмотрены ранее не изучавшиеся вопросы военной службы коренного населения Самарского края, участия тяглой мордвы и других этнических групп в заселении Самарского Заволжья.

Актуальной для этнографических исследований в последние два десятилетия стала тема конфессиональной специфики мордвы Самарского края. Она отражена в публикациях Г.А. Корнишиной⁶ и Т.И. Ведерниковой⁷.

В 2017 г. вышла в свет коллективная монография «Православные святые Самарской митрополии»⁸, включившая в себя подробные историко-этнографические описания более 100 православных храмов дореволюционной постройки на территории области. Согласно информации в книге, строительству храмов предшествовало формирование системы сельских поселений, среди которых значительную часть составляли однородно русские, мордовские, чувашские; в числе смешанных селений чаще других встречались мордовско-русские.

В монографии, выполненной коллективом авторов «Край Кинель-Черкасский: к истории населённых мест и этнографии

¹ Смирнов Ю.Н. Вопросы освоения Заволжья во второй трети XVIII – середине XIX веков в историографии // История и историки в меняющемся мире. Самара, 2003; Буренкова Л.Е. Вклад самарских историков в изучение участия мордвы в заселении и освоении новых земель Поволжья в XVIII-XIX вв. // Модернизация культуры: от человека традиции к креативному субъекту: материалы V Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1. Самара: СГИК, 2017. С. 378-384.

² Смирнов Ю.Н. Материалы по истории заселения и освоения Самарского Заволжья в архивах России // Архивный фонд Самарской области как информационный ресурс общественно-экономического развития региона. Самара, 2003; Артамонова Л.М. Соответствие письменных источников и устных преданий при изучении вопроса о крестьянском заселении новых земель в XVIII веке (по материалам Самарского края) // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: материалы I Всерос. (IX межрегион.) науч.-практ. конф. историков-аграрников. Самара, 2007. С. 74-81.

³ Смирнов Ю.Н. «Мордовская история» профессора В.А. Юрченко: local history как область историописания // Центр и периферия. 2015. № 3. С. 121-125.

⁴ Дубман Э.Л., Натаров А.И. Автохтонное служилое население Казанского края в Южном Средневожье в середине XVII – начале XVIII в.: миграции и расселение // Вестн. Самар. ун-та. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23, № 4. С. 30-39; Дубман Э.Л. Ясачные крестьяне Казанского края в Южном Средневожье (к вопросу о специфике колонизационных процессов во второй половине XVII в.) // Вестн. Самар. ун-та. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25, № 2. С. 13-23.

⁵ Смирнов Ю.Н. Роль мордвы в расширении пространства российской государственности и культуры XVIII – начала XX в. // Вестн. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 1 (53).

⁶ Корнишина Г.А. Конфессиональная характеристика мордвы Самарского края в контексте этнической идентичности // Роль конфессий в развитии межнациональных отношений: Россия – Балканы – Поволжье: труды Междунар. науч. конф. Самара, 2008. С. 217–224; Её же. Современные хлыстовские общины мордвы: конфессиональная и этническая идентификация // Congressus XI. Internationalis FennoUgristarum. Piliscsaba, 9-14. VIII. 2010. Pars VII. Dissertationes sectionum et symposiorum ad ethnologiam, folkloristicam et mythologiam. Piliscsaba, 2011. С. 78–83; Её же. Этнокультурная самоидентификация последователей неортодоксальных христианских вероучений (на примере мордовской религиозной общины) // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 63-72.

⁷ Ведерникова Т.И. Молоканские общины Самарского края в XIX – XXI вв. // Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем. К юбилею д-ра ист. наук, проф. К.И. Козловой: сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Никишенков М., 2012. Труды ист. фак. МГУ; Вып. 57. Сер. 2. Исторические исследования, 22. С. 42-52.

⁸ Ведерникова Т.И., Кокарев М.С., Курмаев М.В., Радченко О.И. Православные святые Самарской митрополии. Самара, 2017.

района»¹, изданной при финансовой поддержке В.Н. Муратова, значительное внимание уделено истории и локальным культурным традициям мордвы, проживающей в целом ряде сел района: Ерзовка, Свободные Ключи, Семёновка, Чёрновка и др.

Большой интерес среди широкой общественности вызвало уникальное объёмное издание монографии В.И. Алексеевой «Новая Кармала»², в которой прослеживается жизнь эрзянского села Кошкинского района с давних времён до наших дней, история его заселения и развития, характеризуется культура повседневности сельчан, прослежен жизненный путь выдающихся уроженцев села.

Особенности социокультурной адаптации мордовских переселенцев в контексте исторических, социально-экономических и этнокультурных процессов в условиях поликультурной и поликонфессиональной среды на территории Самарского края стали предметом исследования в кандидатской диссертации Е.В. Тюганковой³.

Самарская мордва, наряду с другими народами, стала объектом научного исследования Е.А. Ягафовой и А.Н. Демидова в контексте развития процессов межэтнического взаимодействия в Самарском Заволжье в прошлом и настоящем⁴.

Таким образом, на протяжении более двух столетий мордва Самарского края являлась объектом пристального внимания путешественников и любителей-краеведов, а также научных исследований археологов, историков, музыкантов-фольклористов, этнографов. Благодаря этому сложилась обширная историографическая и источниковедческая база для современного изучения истории и традиционной культуры этноса.

Кроме упомянутых археологических (вещественных) источников и историко-этнографических описаний, в данной работе использовались архивные материалы Российского государственного архива древних актов (РГАДА)⁵, Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО); опубликованные «Сборники статистических сведений»⁶ и «Списки населённых мест» по Самарской губернии за разные годы⁷; экспонаты и фотоархивы ряда музеев Республики Мордовия и Финляндии, Самарского областного историко-краеведческого музея (СОИКМ) им. П.В. Алабина, а также полевые материалы авторов.

¹ Ведерникова Т.И., Семочкина Г.В., Столяров П.Д., Черных Л.А. Край Кинель-Черкасский: к истории населённых мест и этнографии района: монография. Самара: СГИК, 2019.

² Алексеева В.И. Указ. соч.

³ Тюганкова Е.В. Социокультурная адаптация мордвы Самарского края (середина XIX – XXI вв.) [Электронный ресурс]: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2014. URL: <http://konf.x-pdf.ru/18pedagogika/526802-1-sociokulturnaya-adaptaciya-mordvi-samarskogo-kraya-seredina-xix-nachalo-hhi-vv.php> (дата обращения: 04.03.2021).

⁴ Этнические группы в межкультурном пограничье Самарского Заволжья: исторический опыт взаимодействия и современные процессы: монография / Е.А. Ягафова, Е.В. Бажина, А.Н. Демидов; науч. ред. Е.А. Ягафова. Самара, 2020.

⁵ Экономические примечания к Генеральному межеванию // РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1874, 1876, 932, 1422, 1430.

⁶ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 1. Самарский уезд. М., 1883; Т. 2. Ставропольский уезд. М., 1884; Т. 3. Бузулукский уезд. Самара, 1885; Т. 4. Бугурусланский уезд. Самара, 1886; Т. 5. Бугульминский уезд. Самара, 1887; Т. 6. Николаевский уезд. Самара, 1888; Т. 7. Новоузенский уезд. Самара, 1889; Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 8. Самара, 1892.

⁷ Списки населённых мест по Самарской губернии за 1859, 1889, 1900 и 1910 гг.

ГЛАВА II

ИСТОРИЯ МОРДВЫ САМАРСКОГО КРАЯ

2.1. МОРДВА НА ТЕРРИТОРИИ САМАРСКОГО КРАЯ В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (XIII-XIV ВВ.)

Первое появление мордвы на территории Самарской области происходит в эпоху Золотой Орды. Обстоятельства прихода сюда мордовского населения следует рассматривать в контексте исторических событий, развернувшихся в тот период на обширных просторах Европы, Средней Азии, Монголии и Китая.

В 1236 г. татаро-монгольские войска, объединенные под властью дома Чингисидов, покорив государства Средней Азии, Ирана, Закавказья, а также башкир, удмуртов и камских болгар, двинулись на правобережье Волги. В хрониках Рашид-ад-Дина читаем: «...в год курицы... сыновья Джучи – Бату, Орда и Берке, сын Угетайкаана – Кадан, внук Чагатая – Бури и сын Чингиз-хана – Кулькан занялись войною с мокшей, буртасами и арджанами...»¹.

Мордва, как и другие народы, была втянута в борьбу с монгольским завоеванием, о чем мы находим подтверждение в исторических источниках того времени. Венгерский монах Юлиан, побывавший в конце лета 1237 г. «в мордовском крае» и своими глазами видевший нашествие монголо-татар, писал о покорении ими «величайших языческих царств – Булгарии, Меровии, Фасхии и царства Мордванов»².

Походы Бату-хана и его полководцев привели к ослаблению мордовских земель³. Армия была разгромлена, часть воинов, включенная в состав войска победителей, погибла на чужбине, хозяйство разрушено, множество людей погибло, разбежалось или уведено в плен. Численность мордовского населения после этих

¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.-Л., 1952. С. 39.

² Анненский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.-Л, 1940. С. 89.

³ Лаврентьевская летопись. 1377. Л. 164 об. [Электронный ресурс]. URL: http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php?list=334&n=365 (дата обращения: 27.02.2021).

войн составляла не более 60-70 тыс. человек. Мордва вместе с другими покоренными народами Восточной Европы была включена в состав Золотой Орды¹ на условиях выплаты дани – ясака; часть селений была превращена в пепелище, а поля и другие угодья – в пастбища для скота.

Исконно мордовские земли были опустошены татарами дважды – в 1236 и в 1239 гг., во время второго похода Батыя на запад. По свидетельству западно-европейских монахов-путешественников XIII в. Юлиана² и Рубрука, часть мордвы – моксель (мокша) подчинилась татарам, а другая часть (эрзя) укрылась в лесных укреплениях и там отчаянно сопротивлялась. Мокшане, как указывает Рубрук, впоследствии участвовали в дальнейших походах на запад, причем «их государь и большая часть людей были убиты в Германии»³. В.И. Козлов предположил, что именно это событие явилось причиной того, что в последующие столетия численность мокши оказалась значительно меньше численности эрзи⁴.

Вовлечение монголо-татарами мордовского населения, преимущественно мокши, в военные походы продолжалось с момента её завоевания вплоть до XIV в. Большая часть насильственно переселённой на самарские земли мордвы была также мокшей. Мокшанские поселения были сосредоточены в основном в западной части региона, на Волжском правобережье и Самарской Луке (см. ил. 1.5).

В середине XIII в. золотоордынские ханы начали проводить в Поволжье активную градостроительную политику, обусловленную необходимостью создания надежной и разветвлённой системы взимания налогов и сбора дани с покоренных народов; развитием дипломатических отношений; организацией внутреннего рынка для снабжения огромной массы кочевников продовольствием, продуктами ремесла; чеканкой монет⁵.

Война оставалась основой политики Золотой Орды, однако вновь приобретенные земли нуждались в освоении, стратегия «содержания» караванного пути требовала от метрополии обустройства постоянных поселений, но традиционные формы хозяйствования кочевников не были расположены к этому. Поэтому золотоордынские ханы принудительно перемещали в Поволжье мордву и другие народы с их исконных земель.

Именно в этот период начинает формироваться этническая карта нынешней Самарской области. Данный период важен для понимания динамики освоения этой обширной территории и этногенеза многих современных народов региона.

¹ Иоанн де Плано Карпини. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911. С. 25.

² Анненский С.А. Указ. соч. С.85-86.

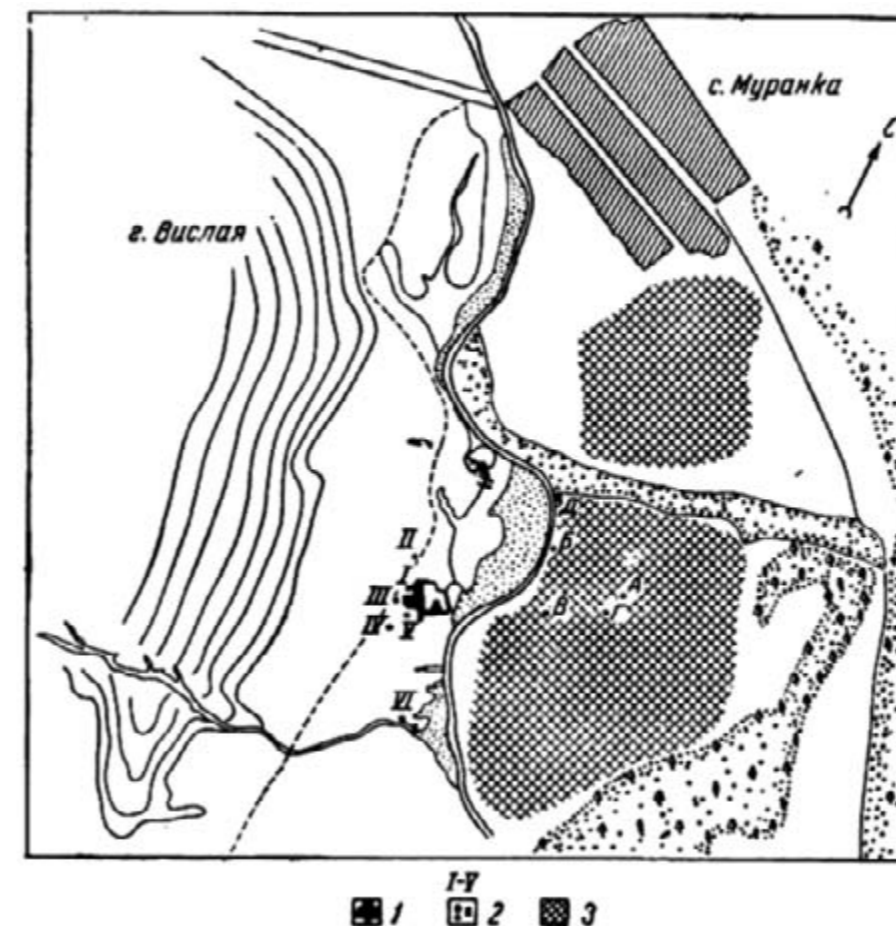
³ Документы и материалы по истории МАССР. Т. I. Саранск, 1940. С. 182.

⁴ Козлов В.И. Расселение Мордвы // Вопросы этнической истории мордовского народа: труды мордовской этнографической экспедиции. Вып. I. М., 1960. С. 10.

⁵ Васильева И.Н. Золотоордынский период истории Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000. С. 293-294.

Ил. 2.1.
План расположения
Муранского селища
и могильника

1 – раскопы
В.Н. Поливанова
XIX–XX вв. на
могильнике;
2 – раскопы
Куйбышевской
экспедиции 1950 г.;
3 – Муранское селище

В результате политики максимального извлечения доходов с покоренного населения, процессов создания Золотой Ордой внутренней политической и экономической структуры на указанной территории появляются поселения смешанного в этническом плане типа. Зачастую эрзянское и мокшанское население проживало совместно, а также в тесной близости с болгарами и/или русскими.

Письменных источников, напрямую свидетельствующих о фактах подобной «миграционной политики» центральной власти Золотой Орды, в настоящее время не найдено. Однако накопленные к настоящему времени археологические, антропологические, керамические исследования находят подтверждение этим процессам.

Население в XIII-XIV вв., в том числе и мордва, преимущественно было сосредоточено на Самарской Луке – у сел Муранка, Кузькино, пос. Усинский и др. Наибольшая плотность наблюдалась в местах, удобных для переправ и транспортировки судов. Изучены поселения этого времени и на левом берегу Волги – в районе Барбашиной Поляны, в бассейне рек Кондурча, Сок, Большой и Малый Кинель.

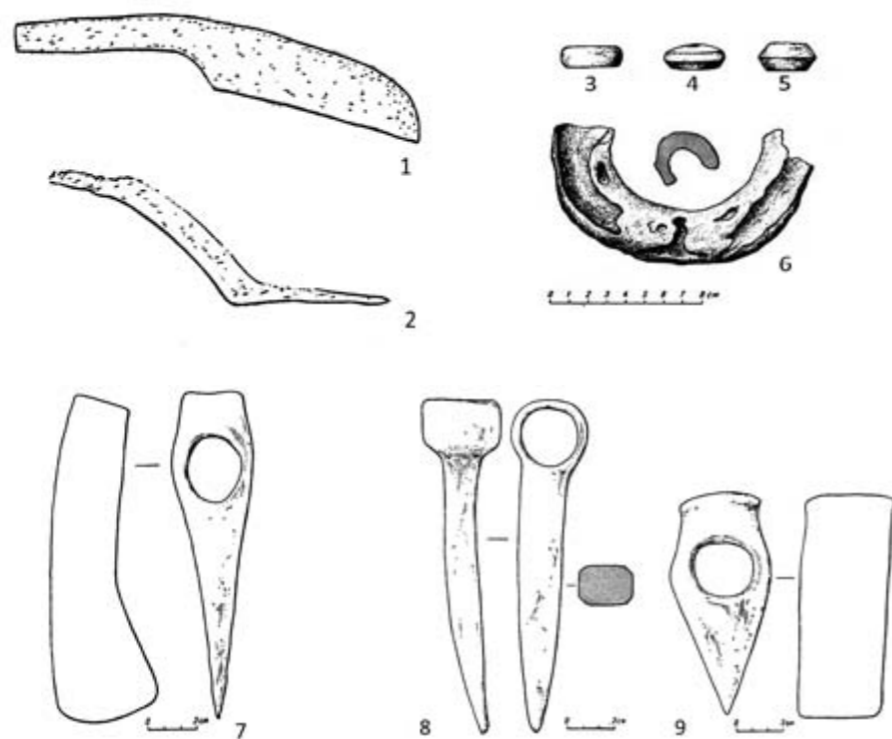
Появление довольно крупного Муранского селища и еще нескольких поселков в эпоху Золотой Орды именно на р. Усе

далеко неслучайно. Сравнительно широкая, но мелкая в большей части своего течения Уса протекает недалеко от Волги, постепенно приближаясь к ней. В районе с. Переволоки расстояние между реками составляет всего около 3 км. Именно здесь устраивался переволок (перетаскивание) судов, шедших по Волге, что позволяло значительно сократить водный путь, не огибая полуостров.

Площадь Муранского поселения составляла примерно 2 км², здесь жила в основном мордва-мокша (ил. 2.1). На противоположном берегу Усы располагался достаточной крупный мордовский могильник, связанный с поселением. По подсчетам А.Е. Алиховой, здесь было захоронено около 5 тыс. чел. в промежутки времени, охватывающий не более 100 лет¹. Поселение и могильник датированы золотоордынскими монетами серединой – второй половиной XIV в.

Основным занятием муранского населения было земледелие. О высоком уровне его развития свидетельствуют находки – резак от плуга, серпы (ил. 2.2, 1-2). Заметное место в хозяйстве занимало скотоводство. Находки костей животных на поселении позволили установить, что основу стада составляли коровы (62 %), мелкого рогатого скота было 22 %, лошадей – 14 %, свиней – 2 %.

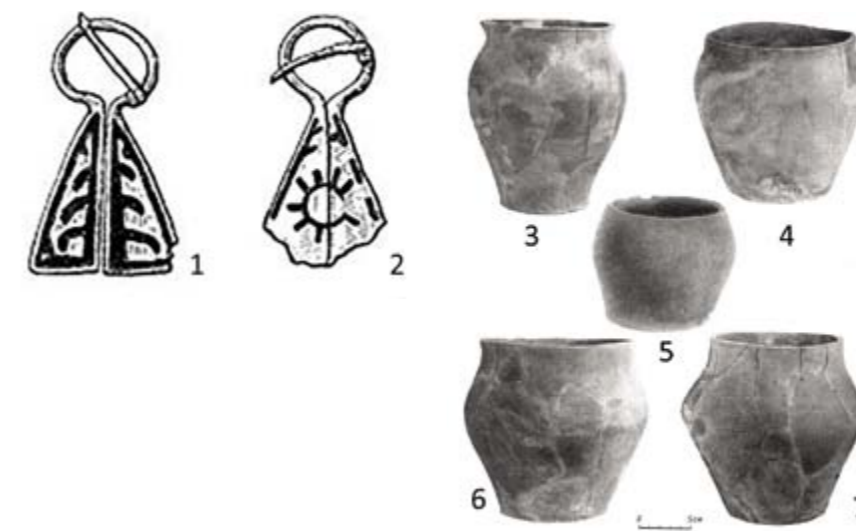
Поскольку этническое формирование мордвы происходило в лесной зоне, сбор меда диких пчел – бортничество, было традиционным промыслом. О его развитии свидетельствует найденный В.Н. Поливановым круг воска диаметром 13,5 см, толщиной 3,5 см (ил. 2.2, 6).

Ил. 2.2.
Предметы из
Муранского
могильника
1 - серп,
2 - резак,
3-5 - пряслица,
6 - круг воска,
7 - топор-секач,
8 - кайло,
9 - топор-молот

¹ Алихова А.Е. Из истории мордвы конца I-го - начала II тысячелетия // Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959. С. 37.

Ил. 2.3.
Предметы из
Муранского
могильника
1-2 - сьлгамы,
3-7 - сосуды

Среди муранских ремесленников была широко развита специализация. Плотники использовали топор-секач, служивший для раскалывания бревен на доски (ил. 2.2, 7). Руду добывали при помощи такого инструмента, как кайло, топор-молоток использовали для дробления железных криц (твёрдая губчатая масса железа со шлаковыми включениями, заполняющими поры и полости. Крица может быть получена либо непосредственно из руды путём её восстановления при 1250-1350°C, либо путём кричного передела чугуна.) (ил. 2.2, 9).

Муранцы занимались изготовлением замков, ювелирным делом. Найдены такие инструменты ювелира, как молоточек-гвоздодер с буравом и несколькими фигурными железными пластинками. Ювелиры мастерили поясные бляшки, накладки на шкатулки, разнообразные украшения. В качестве исходных материалов применяли медь, бронзу, серебро и железо. Традиционное мордовское украшение – сьлгамы (застежки), изготовленные с помощью сложных ювелирных техник зерни, скани, чернения и позолоты, требовали большой квалификации мастера (ил. 2.3, 1-2). Возможно, что такие украшения делались в более крупных ремесленных центрах¹.

Муранское население занималось гончарством. Посуда была двух типов – гончарная и лепная; в основном использовалась посуда болгарского типа, изготовленная на гончарном круге (ил. 2.3, 3-7).

Лепные вручную сосуды обжигали на костре, поэтому они имели пятнистый серовато-коричневый цвет. В основном посуда была баночной, горшковидной или мисковидной формы, орнамент не наносился. Исследована технология её изготовления: в формовочную массу из глины добавляли шамот² и органику в большой

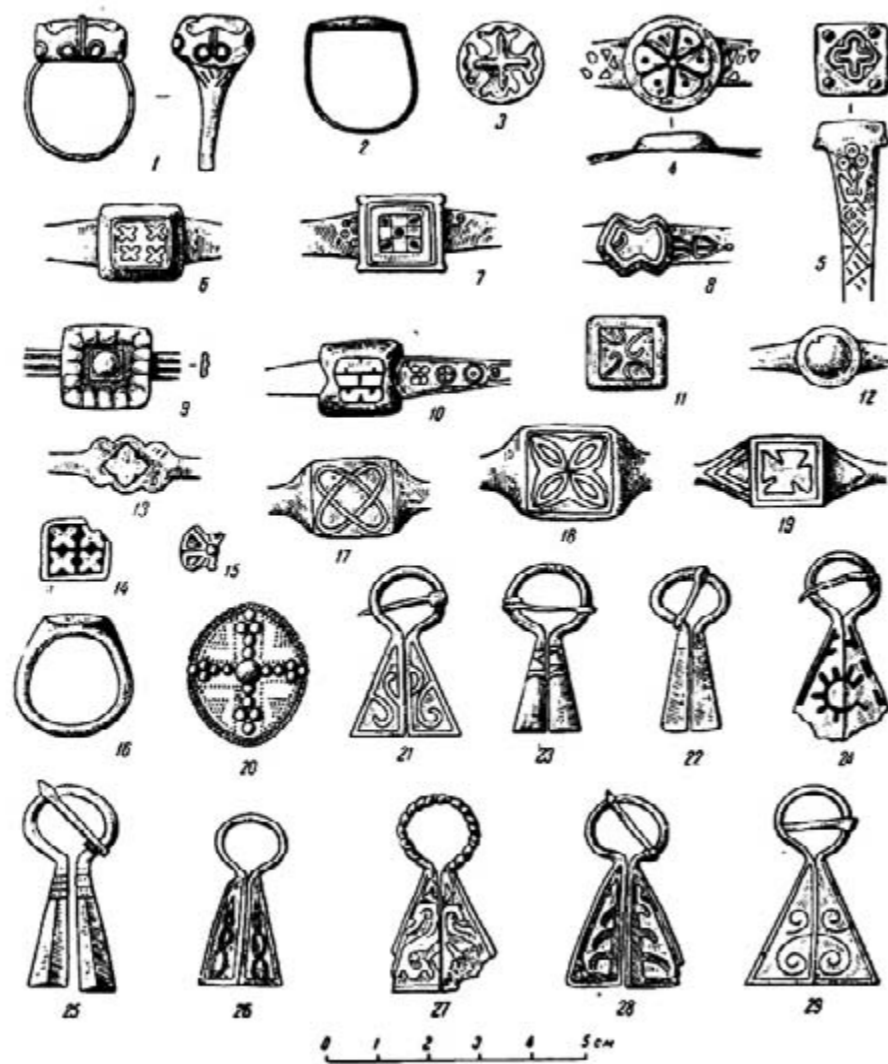
¹ Алихова А.Е. Из истории мордвы конца I-го - начала II тысячелетия... С. 267-270.

² Шамот – огнеупорная глина, каолин, обожжённые до потери пластичности и удаления химически связанной воды и доведённые до некоторой степени спекания.

концентрации, для конструирования использовали достаточно архаичный для этого времени лоскутный налп¹. Лепные сосуды по своей форме и отделке отличаются от находимых в могильнике. В основном посуду клали в женские и детские погребения. А.Е. Алиховой была даже высказана гипотеза, что она имела только погребальное назначение². Однако микроскопические исследования, проведенные И.Н. Васильевой, не подтвердили данный вывод³.

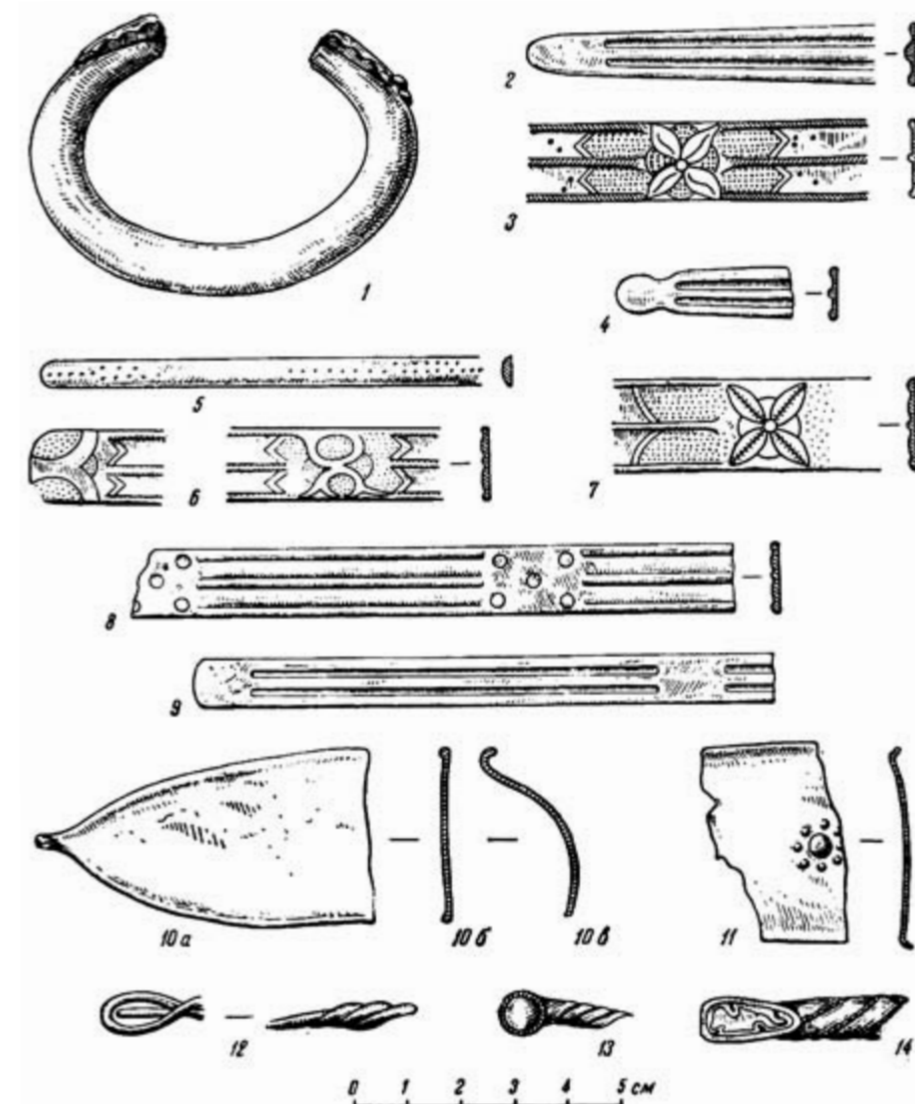
Мордовские женщины активно занимались ткачеством, при этом использовали глиняные пряслица (ил. 2.2, 3-5) – грузик в форме диска со сквозным отверстием по продольной оси. При прядении их надевали на веретено для утяжеления и крепления на нём пряжи.

На золотоордынских поселениях была широко развита торговля. Местное мордовское население покупало перстни (ил. 2.4, 1-20) и браслеты болгарской работы (ил. 2.5), застежки и сюлгамы, стеклянные мозаичные бусы, зеркала. Предметом продажи служили мёд, воск, возможно, меха. Денежное обращение в этот

Ил. 2.4.
Украшения из
Муранского
могильника
1-20 - перстни,
21-28 - сюлгамы

Ил. 2.5.
Браслеты из
Муранского
могильника

период было очень интенсивным, использовалась золотоордынская денежная система¹.

Предметами повседневного быта были ножи и кресала (припособление для розжига огня). Очень часто мужчины носили прибор для хранения трута (любой материал, воспламеняющийся от искры (берёзовая кора, сухая трава, деревянные стружки, еловые шишки и др.)) или фитиля. Эти предметы входили в состав типичного набора погребального инвентаря мужчины. Женщины также использовали ножи в повседневной жизни при выполнении мелкой бытовой работы.

Мокшанские женщины носили сложные составные костюмы и головные уборы, известные еще с эпохи Средневековья, VII-XI вв. (ил. 2.6). Волосы были убраны в наконик «пулокерь» – украшение косы, не встреченное более ни у одного из известных народов. Лексический состав современных мокшанского и эрзянского языков позволяет объяснить значение этого слова: «пуло» (э.), «пула» (м.), мн. ч. – «пулот»: 1. хвост, задняя часть (чего-либо); 2. коса (деви-

¹ Васильева И.Н. Золотоордынский период истории Самарского Поволжья... С. 305.

² Алихова А.Е. Из истории мордвы конца I-го - начала II тысячелетия... С. 295.

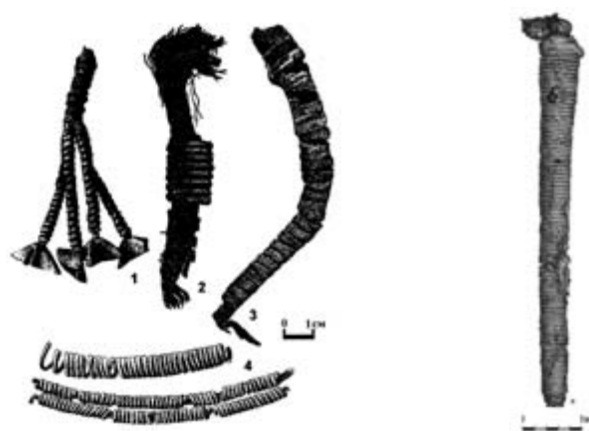
³ Васильева И.Н. Золотоордынский период истории Самарского Поволжья... С. 306.

¹ Федоров-Давыдов Д.А. Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV века // Советская археология. 1958. № 3. С. 69.

чья); 3. корма (у судна); «керь» (э., м.) – кора, лубок¹. И так, пулокерь – девичья коса, заключенная в луб. Можно предположить, что слово «пула» первоначально означало только «девичья незаплетенная коса», поскольку для обозначения косы в мокшанском языке существуют синонимы: сёрал, сёралня.

Этот вид головного убора известен у мокши начиная с VII в.² История его существования у мордвы насчитывает более тысячи лет. Пулокерь XIII-XIV вв. отличается своим устройством от более ранних типов. Убор изучен по материалам мокшанских могильников, расположенных на территории современной Республики Мордовии, Пензенской, Нижегородской, Тамбовской, Саратовской областей и нашего края. Скорее всего, в самом начале этого периода в конструкции накосника, между волосами и их обмоткой, появляется деревянная прослойка. Возможно, использование именно этого материала связано с существовавшим у мордвы культом леса и дерева. Относительно сложности конструкции и технологии изготовления пулокеря можно отметить, что чередование нескольких материалов, громоздкость и многосоставность являются характерными и, пожалуй, отличительными чертами мордовского костюма и его украшений.

В золотоордынскую эпоху у мокши бытовало два типа пулокеря: с деревянным или лубяным футляром и без него. Пулокерь с футляром чаще всего сужался к одному из концов. Он состоял из двух полукруглых в разрезе деревянных половинок. Длина футляра (11,5-65,2 см) зависела, скорее всего, от длины волос. Диаметр всей конструкции составлял 2-4,1 см. Накосник не спадал с волос, так как его верхний конец привязывали к основанию косы. Доказательством этого служат фрагменты перевитых веревочек, сохранившиеся в верхней части накосника из погребения 1 Долгоруковского могильника³ и из погребения 29 Аткарского могильника⁴.

Ил. 2.6.
Накосники (пулокерь):
1-4 - из могильников
VII-XI вв.,
5 - из Кузькинского
могильника XIV в.

Внутри конструкции для ее укрепления мог быть расположен стержень – круглая в сечении палочка диаметром 1-1,5 см. В.Н. Поливанов при описании накосников из Муранского могильника уточняет, что их основой служил «очищенный от коры дубовый или тальниковый прут, перевязанный местами бечевкой», а ремешок был сыромятным – «из белой недубленой кожи»¹. На территории Республики Мордовия и Нижегородской области изучены экземпляры с железным стержнем.

Прежде чем косу со стержнем упаковывали в лубяной футляр, ее предварительно оборачивали. При этом использовали различные материалы – шнур, сплетенный из шерсти, кожаный ремешок шириной 1-1,2 см.

При раскопках Муранского могильника встречены варианты и пулокеря без стержня, при этом футляр был обернут бронзовой проволокой или полоской шириной 2,5 мм. Как вариант – кожаным ремешком шириной 3 мм, обвитым, в свою очередь, тонкой бронзовой проволокой. Коса в этом случае предварительно оборачивалась кожаным ремешком.

А.Е. Алихова полагала, что «характер наружного убранства» накосника «имеет датирующее значение», определяя по времени пулокери с обмоткой футляра бронзовой полоской – XIII в.², а накосники с обмоткой футляра кожаным ремешком, обернутым бронзовой проволокой – XIV в.³ Нами предложена подробная типология накосников, позволяющая опровергнуть эту точку зрения⁴.

В XIII-XIV вв. при совершении погребального ритуала подчеркивалась особая роль пулокеря, его значимость. Например, накосники, найденные в захоронениях Усинского II и Старобадиковского могильников были уложены на войлочную подстилку. В обоих случаях под подстилкой был зафиксирован еще и тонкий слой дерева. Иногда их покрывали корой, как экземпляр, исследованный в погребении Ефаевского могильника⁵. Под накосниками из погребений Усинского II грунтового могильника были обнаружены продолговатые куски коры, покрытые шерстяной плотной тканью черного цвета⁶.

Поскольку конструкция убора была достаточно жесткой для постоянной носки, можно предположить, что этот вид головного убора был только погребальным.

Юные мокшанки одевали открытый головной убор типа широкой ленты, обернутой вокруг головы, к нему подвешивались бронзовые височные кольца.

¹ Щанкина В.И. Мокшень-рузонь валкс. Саранск, 1993. С. 52,128.

² Альбом мордовских древностей. Саранск, 1941.

³ Арзютов Н.К. Финский могильник XIII-XV вв. близ г. Аткарска // Труды Нижневолжского Краевого музея. Вып. 1. Саратов, 1929. С. 12.

⁴ Беляев Я.В., Шитов В.Н. Мордовский могильник XIV в. у с. Долгоруково // Из истории области: очерки краеведов. Вып. II. Пенза, 1990. С. 18.

¹ Поливанов В.Н. Муранский могильник: археолог. очерк. Симбирск, 1893. С. 7.

² Алихова А.Е. Из истории мордвы конца I-го - начала II тысячелетия... С. 39.

³ Алихова А.Е. Муранский могильник и селище... С. 272.

⁴ Малкова Н.М. Эволюция мокшанского накосника пулокерь // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 1999. С. 216-224.

⁵ Горюнова Е.И. Ефаевский могильник: археолог. сб. Вып.1. М., 1948. С. 127.

⁶ Васильева И.Н. II Усинский грунтовой могильник XIII-XIV вв. на Самарской Луке // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 63.

В ушах мокшанские женщины носили серьги в виде знака вопроса, на груди – бусы из сердолика, хрусталя или стекла. Почти в каждом женском погребении были найдены серебряные или бронзовые лопастные сьлгамы – застежки со сплюснутыми в виде треугольников нижними концами. Ими закалывали глубокий вырез рубахи (ил. 2.3, 1-2; 2.7, 4-11, 21-24). Сьлгамы могли иметь гладкие лопасти, а также богато украшенные зернью или сканью.

Пулокерь и лопастная сьлгама являются этноидентифицирующими предметами, эти украшения носили только мокшанские женщины.

На руки женщины нанизывали бронзовые, серебряные или железные браслеты – круглые, плосковыпуклые пластинчатые, витые. А также одевали по несколько (в зависимости от материального благосостояния) перстней с растительным орнаментом, возможно, работы болгарских мастеров (ил. 2.5). Браслеты и перстни «болгарской работы», по всей видимости, носили только зажиточные женщины¹.

Мужской костюм мокши был достаточно лаконичен. Поверх рубахи мужчины носили пояса, к которым крепились кольца для подвешивания различных предметов, использовавшихся в повседневной жизни. Пояса застегивались на пряжки. Незначительная часть мужского населения, возможно, наиболее зажиточная, носила кожаные сапоги.

Погребальный обряд Муранского могильника достаточно устойчив и типичен для могильников мокши XIV в. на исконных территориях. Умершие помещались в ямы прямоугольной формы глубиной от 30 см. Наиболее зажиточных мокшан хоронили в более глубоких могилах (1,5-2 м). Часто в качестве погребальной конструкции использовали деревянные гробовища, редко – колоды, выдолбленные из сосны². Есть погребения и без конструкций. Захороненные лежали головами на юг или юго-восток: мужчины – вытянуто, на спине, со сложенными в области таза руками, женщины и девочки – на правом боку, в позе

Ил. 2.7.
Предметы из Усинского
могильника:
1, 2, 17, 18 - перстни,
4-11, 21-24 - сьлгамы
12-14 - браслеты,
15 - сосуд,
16 - нож,
19-20 - пряслица

спящего, с согнутыми в коленях ногами, кисти рук сложены у лица. Обычай хоронить в такой позе появился у мордвы ещё в VIII-IX вв. В XII-XIV вв. эта архаичная традиция преобладает у мокши, изредка встречаясь у эрзи. Некоторые исследователи связывают её с влиянием кочевых аланских ираноязычных племен скифо-сарматского происхождения.

Интересно одно из погребений могильника, совершенное по обряду трупосожжения. Здесь найден глиняный сосуд и 18 бронзовых и серебряных с позолотой сьлгам. Необходимо отметить, что обряд трупосожжения, существовавший у мордвы с VI в., к IX в. полностью исчезает, сменившись трупоположением. Данный ритуал в Муранском могильнике является либо иноэтничным заимствованием, либо архаизмом.

Особенностью Усинского II грунтового могильника является наличие большого количества ям ритуального назначения, относящихся именно к мордовским погребениям. Всего на площади 512 м² найдено 24 ямы, часть их сооружено до погребений. Некоторые из них были нарушены захоронениями преднамеренно. В ямах найдены: сажа, зола, угольки, керамика, кости рыб и животных. Две содержали скелеты мелких животных (в одном случае – собаки), одна из ям – развал целого сосуда, другая – биконическое пряслице.

Могильник был сооружен представителями различных этноконфессиональных групп – мордвы, причем и мокши, и эрзи, мусульман и кочевников. К мордовским комплексам относятся 8 из 20 исследованных захоронений, из них 6 принадлежали мокше (ил. 2.7), 2 – эрзе. Мокшанские погребения отличала южная и юго-западная ориентировка, эрзянские – северо-восточная.

Интересно, что черепа, независимо от того, из какой этноконфессиональной группы они происходили, демонстрировали признаки, характерные как для европеоидов, так и для монголоидов, или их смешанные формы, что может свидетельствовать о смешении мордвы с разными этническими группами¹.

Мужчины так же, как и в Муранском могильнике, были положены на спину, в вытянутом положении, а женщины – на правом или левом боку, скорченно, руки перед лицом. В засыпи могильных ям обнаружены следы ритуальных приношений – обломки керамики, кости животных. В двух мокшанских погребениях найдены остатки деревянных конструкций, которые использовались при захоронении. Погребальный инвентарь в эрзянском захоронении № 3 выделяет наличие наконечника стрелы, что не свойственно мокшанским. Бедность инвентаря второго, женского эрзянского погребения, контрастирует с мокшанскими. И.Н. Васильева предположила, что это насильственное умерщвление, демонстрирующее «чуждость и какое-то особое положение в мокшанской группе населения»².

¹ Алихова А.Е. Муранский могильник... С. 265.

² Поливанов В.Н. Муранский могильник... С. 6.

¹ Газимзянов И.Р. Антропология средневекового Барбашинского могильника // Краевед. зап. Вып. XIV. Самара, 2010. С. 157.

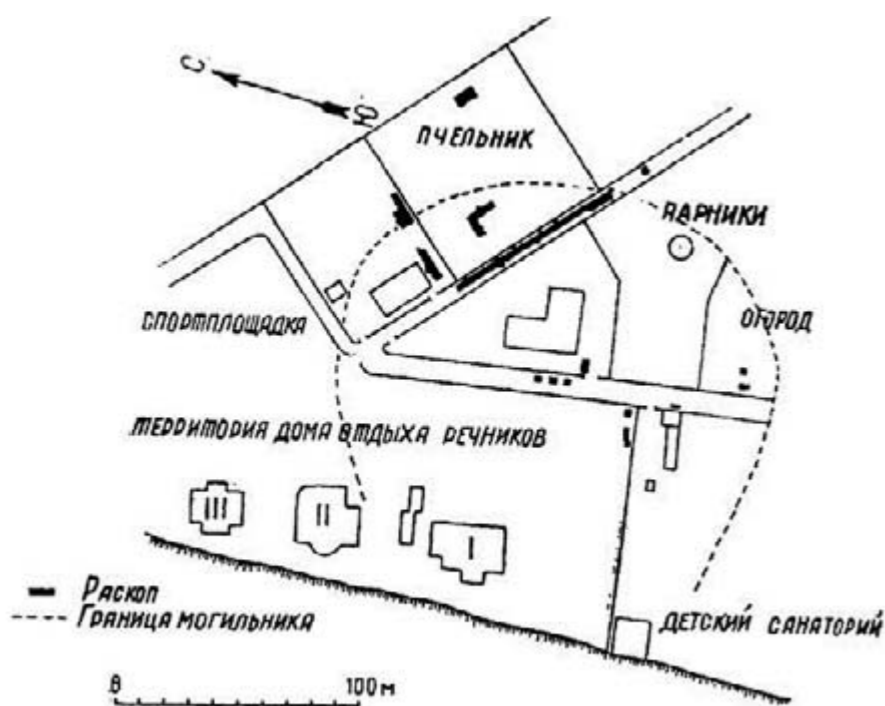
² Васильева И.Н. II Усинский грунтовой могильник... С. 61.

Материалы могильника у с. Кузькино в Шигонском районе близки к исследованным на Самарской Луке синхронным памятникам мордвы. Судя по южной ориентировке захороненных, его можно отнести к мордве-мокше. Интересно, что из 16 исследованных погребений половина были детскими. Могильник датируется по монете с именем Узбек-хана 1332-1333 гг., чеканеной на монетном дворе Булгар ал-Махруса¹.

Барбашинский могильник (ил. 2.8) принадлежит и эрзе, и мокше. Большинство погребенных, расположенных головой на север, были эрзянами. Часть захороненных на окраине могильника ориентированы на юг, что типично для мокшан. Интересно, что погребальный инвентарь мокшан был сходен с эрзянским².

Обряд захоронения очень устойчив и схож с исследованным в Муранском, Кузькинском и Усинском II могильниках. Могилы расположены рядами, что характерно для погребальной обрядности финно-угорских народов. Погребения узкие, прямоугольные с закругленными углами и несколько неровным дном. Глубина взрослых – 60-90 см, детских – 35-50 см. В некоторых прослежены остатки дубовых досок и луба, частично прикрывающих костяки. Встречались захоронения в гробовищах из толстых дубовых досок.

Среди барбашинцев доминировали люди средне-массивного и грацильного (грацильный – грациозный, не массивный, небольшой, тонкий, хрупкий, стройный, деликатный по сложению, со слабыми мышечными связками или тонкокостный) развития. Длина тела мужчин составляла 165,8-167,6 см, женщин – 150,4-166,1 см. Выявлены разные краниологические типы, в первую очередь,

Ил. 2.8.
План Барбашинского
могильника,
1935

типично европеоидный, а также уралоидный с признаками умеренной профилировки лица. На основании рассмотрения общих краниологических материалов Барбашинского могильника фиксируется антропологическое многообразие при очевидном присутствии уралоидного компонента¹. Последний, в качестве так называемого субуральского варианта, в представлениях антропологов был свойственен для финно-язычных народов Поволжья средних веков². Имеющиеся материалы при очевидном присутствии уралоидного компонента в целом не демонстрируют антропологическое единообразие.

Интересно, что количество женских захоронений значительно превышает количество мужских. Тот факт, что в мужских погребениях предметы вооружения – обычное явление, подтверждает предположение, что мужское население активно привлекалось для участия в военных операциях монгольской администрацией, после которых домой уже не возвращалось³. Количество детских погребений не превышало 10-15 %.

Погребальный инвентарь четко выделяет имущественное неравенство среди мордовского населения. Богатые мужские погребения сопровождалась наборами сюлгам, ременными поясами, украшенными накладками, железными топорами, ножами, кресалами, наконечниками стрел и копий. Богатые женские – огромным количеством сюлгам из серебра и бронзы, сотнями стеклянных бус и раковин каури, бронзовыми цепочками. На руки были надеты по несколько серебряных или бронзовых с позолотой браслетов и перстней.

Набор погребального инвентаря обычного, рядового барбашинца стандартизирован. Для мужчин – железные ножи, кресала, топоры, наконечники стрел, реже – одна-две бронзовые сюлгамы, наконечники копий, ременные накладки, медные котлы и глиняная посуда, удила, стремяна, предметы конской упряжи. Для женщин – бронзовые сюлгамы (ил. 2.9) и браслеты, стеклянные бусы, глиняные пряслица, изредка – глиняная посуда, украшения из серебра – перстни, бусы, подвески.

Инвентарь для подростков практически не отличался от рядовых взрослых погребений. Детям клали игрушки и украшения – бусы, раковины-каури, амулеты из клыков волка или лисицы, иногда кости птицы (курицы) или ребра коровы.

Среди прочих выделяются мужские погребения с конем. Конь лежал на дне ямы на боку с сильно поджатыми ногами, поверх него на спине располагался костяк мужчины, правая рука была вытянута, левая – на груди. От костюма сохранились 3 сюлгамы,

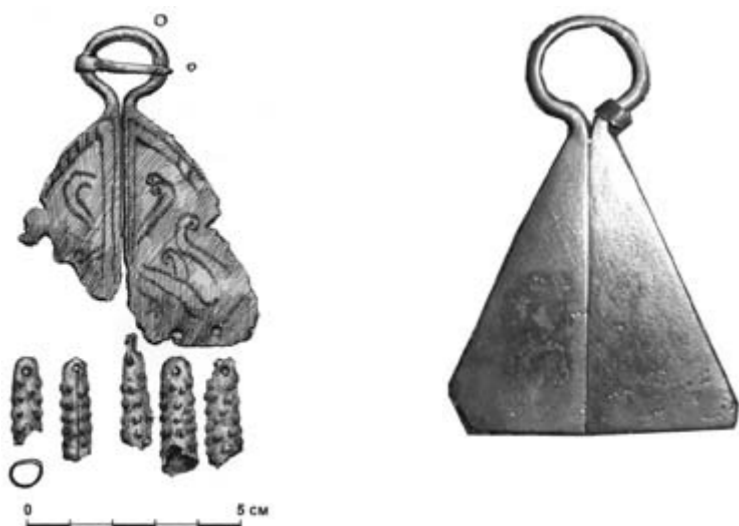
¹ Хохлов А.А. Антропологическая характеристика погребенных в Барбашинском могильнике (раскопки 2011-2012 гг.) // Сташенков Д.А. Новые археологические исследования на территории города Самара. Самара, 2012. С. 112; Его же. Антропологическая характеристика погребенных в Барбашинском могильнике (раскопки 2013 года) // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Самара, 2014.

² Газимзянов И.Р. Антропология средневекового Барбашинского могильника... С.157.

³ Сташенков Д.А. Барбашинский могильник на территории города Самара: некоторые итоги изучения и перспективы исследования // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3. С. 328.

¹ Сташенков Д.А. Кузькинский мордовский могильник конца XIII-XIV вв.: к истории населения правобережья Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. Казань-Кишинев, 2019. С. 414, 419.

² Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг.... С. 149.

Ил. 2.9.
Сюлгамы из
Барбашинского
могильника

бронзовый браслет, остатки поясного набора (круглые железные бляшки), бронзовая пряжка. Рядом с мужчиной лежали огниво, нож, топор, железный инструмент для вырезания деревянной посуды, бронзовый полый предмет, предположительно, навершие нагайки¹.

Подобные захоронения встречены по одному на Муранском и Усинском II грунтовом могильнике. Существуют гипотезы, что эти люди – представители иноэтничного, скорее кочевого населения² или социальной верхушки мордвы³.

В могильнике есть два парных погребения мужчины и женщины. Причём, в одном захоронение было произведено одновременно, в другом – последовательно.

Значительный интерес представляет погребение колдуна или шамана. На поясе у него был подвешен набор разнообразных железных кованых бляшек и подвесок. Среди специфического инвентаря этого погребения особенно интересен железный наконечник крупной стрелы у правой берцовой кости. Он отличен по конструкции от обычных охотничьих стрел, некоторые исследователи находят сходство с магической стрелой, употребляемой буддистами-ламаистами при различных колдовских церемониях. Надо отметить наличие на перстнях тамгообразных (в переводе с тюркского тамга – тавро, клеймо, основное значение – печать. В период Золотой Орды термин получил распространение в странах Средней Азии, Восточной Европы, Ближнего и Среднего Востока, Кавказа и Закавказья) знаков, иногда входящих в состав орнамента широких плоских браслетов. Среди этих знаков особенно распространен так называемый процветший крест – стилизованное изображение древа жизни или небесного дерева⁴.

¹ Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг... С.150; Археологические исследования на территории города Самары. Раскопки В.Н. Глазова и В.А. Миллера на Барбашинском могильнике... С.19, 46-50; Сташенков Д.А. Кочкина А.Ф. Борис Александрович Латынин... С.61, 64, 91.

² Васильева И.Н. II Усинский грунтовый могильник... С. 62-63.

³ Алихова А.Е. Муранский могильник... С. 264.

⁴ Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг... С.151.

Для погребальных традиций было характерным принесение умершим жертв в виде фрагментов крупного рогатого скота, а также овцы, козы, лошади. Две трети составляют кости из отделов туши, малоценных в пищевом отношении: зубы, челюсти, кости дистальных (дистальный – расположенный дальше от центра или срединной линии тела) отделов конечностей¹.

Барбашинцы в качестве погребального инвентаря использовали горшковидные и баночные сосуды, сделанные вручную. На основе технико-технологического и микроскопического анализа керамики золотоордынских памятников И.Н. Васильева выделила керамику «барбашинского типа», принадлежащую мордве. Сделан вывод о множестве гончарных производств в среде мордовского населения, а также об определенной специфике гончарных традиций мокши и эрзи. Выделен ряд культурных традиций гончарных технологий мордвы: 1) для лепки посуды использовались «жирные» (высокопластинчатые и пластинчатые) ожелезненные глины; 2) в формовочную массу добавляли шамот и органическую добавку (в большинстве случаев – выжимку из навоза жвачных животных); 3) доминировала скульптурная лепка сосудов без применения гончарного круга (в том числе архаичным лоскутным налепом); 4) обжигали посуду в кострищах, очагах или печах, в режиме с кратковременной выдержкой при температуре каления, что приводило к пятнистости поверхности и образованию трехслойного черепка². Керамика «барбашинского типа» найдена также в культурных слоях поселений на р. Усе.

В непосредственной близости с могильником обнаружено большое селище XIV в. Численность его населения составляла не менее 700-1000 человек. Находки болгарской и мордовской керамики говорят о том, что здесь проживало этнически смешанное население.

Памятники эпохи Золотой Орды исследованы также в бассейне рек Кондурча, Сок, Большой и Малый Кинель. Некоторую долю их населения составляла мордва, что подтверждают находки керамики «барбашинского типа», например, на Сухореченском поселении³.

Таким образом, археологические, антропологические и керамические исследования свидетельствуют о том, что впервые мордва появилась и проживала на территории нашего региона с конца XIII в. до 60-х гг. XIV в. Культура её в основном изучена по материалам могильников на Самарской Луке (Муранский, Кузькинский, Усинский II) и левобережья Волги (Барбашинский). Первые оставлены преимущественно мокшей и содержали небольшой иноэтничный компонент. Расположенный на восточной части полуострова

¹ Гасилин В.А. Результаты анализа костных остатков животных из Барбашинского могильника (2013) // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году: материалы науч. экспедиций. Самара, 2014 С. 48-49.

² Васильева И.Н. Заключение по результатам технико-технологического анализа керамики Барбашинского могильника // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году: материалы науч. экспедиций. Самара, 2014. С. 46-47.

³ Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии. Екатеринбург, 1993. С. 123, 140-141.

Усинский II могильник демонстрирует уже этнический и конфессионально неоднородный состав населения. Исследованный на левом берегу Волги Барбашинский могильник показывает доминирование эрзянского населения. Кроме того, мордва проживала и в золотоордынских поселениях, исследованных в восточной части территории современной Самарской области.

Эрзя и мокша были насильственно переселены Золотой Ордой в конце XIII – начале XIV вв. в наш край с исконных территорий, жили здесь в тесном соседстве друг с другом, а также с русским, болгарским и другими народами, обслуживая волжский караванный путь. Традиционные костюм, особенности погребального обряда эрзи и мокши сохраняли архаичные черты и постепенно включали иноэтнические заимствования. Погребальный обряд отличался однообразием, был более беден по сравнению с изученным на исконно мордовских территориях.

Во второй половине XIV в. золотоордынские поселения в нашем регионе прекращают свое существование. Послеордынское время для мордвы, как и других народов, пострадавших от татаро-монгольского нашествия, было достаточно тяжелым периодом. Истреблена большая часть населения, жизнь в уцелевших поселениях замерла. Сохранялась сложная политическая обстановка, это было время начала смуты и распада Орды. Вероятно, одна часть мордовского населения, переселенная на земли Среднего Поволжья, была ассимилирована татаро-монголами, другая – вернулась на свои исконные или прилегающие к ним территории¹. В этот период почти все коренные мордовские земли входили в сферу влияния Казанского ханства.

2.2. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ГРУППЫ САМАРСКОЙ МОРДВЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – XIX ВВ.

2.2.1. Мордовское население Самарского края в середине XVI – начале XVIII в.

На раннем этапе освоения Самарского края мордвой речь шла о правобережных территориях Волги. Период усобиц в Золотой Орде, начавшийся во второй половине XIV в., привел к запустению лесостепного пространства Южного Средневожья. Осваивавшие южную лесостепь мордва, чуваша и другие народы были вынуждены отойти выше к северу из-за разорительных набегов кочевников².

Состояние заселенности правобережья рассматриваемого региона в середине XVI в. охарактеризовал А.М. Курбский в сочинении «История о делах великого князя Московского». В описании похода

на Казань летом 1552 г. он сообщал о продвижении своего отряда, шедшего до Суры несколько южнее («...правее великого князя (Ивана IV. – Э.Д.) в пяти днях конной езды от него») основной армии: «...С великим трудом, изголодавшись... добрались мы до Суры, большой реки при устье речки Барыша... И от той реки шли мы с войском восемь дней степью и дубравами, кое-где и лесами, а населенных мест там очень мало»¹.

Князь особо выделил два участка пути следования своего отряда. На первом из них – до «Баранчеева городища» (у впадения Барыша в Суру) – он продвигался по землям, где автохтонное мордовское население практически не селилось. Курбский писал, что там его войска шли «с великим трудом», «изголодавшись». На втором – от Суры к Свияжску – объединенная армия поворачивает на северо-восток. И хотя Курбский сообщает о редко встречающихся селениях, но все чаще и чаще, по его словам, местные жители привозили и продавали русским достаточное количество продовольствия².

Однако присоединение Казани к России не привело к быстрой русской колонизации всего Среднего Поволжья. На первых порах московские власти попытались закрепить за собой лишь основную территорию бывшего ханства, поставить города-крепости с военными гарнизонами, основать монастыри, расселить служилых людей и принадлежавших им крестьян. На правобережье совокупность городов и других фортификационных сооружений шла от крепости Тетюши (позднее спустилась несколько ниже ее по течению Волги) к Алатырю и далее на запад. В Заволжье вплоть до середины XVII в. границы оседлого расселения в основном проходили по среднему и нижнему течению Камы (захватывая лишь небольшую часть Западного Закамья).

Передовым элементом этого оборонительного рубежа стала система сторожевой службы, охватывавшая все южное и юго-восточное лесостепное пограничье европейской России. На восточной окраине отряды служилых людей проезжали по правому берегу всю среднюю (и значительную часть нижней) Волгу и останавливались под «Караманским лесом» у устья р. Терешки, неподалеку от построенного позднее Саратова. В «Боярском приговоре» в составе этих отрядов упоминалась и служилая мордва: «...из Темникова да из Кадомы да из Шацкаго двенадцать человек детей боярских да десять человек татар да десять человек мордвы... И всего из всех городов с тою головою людей – детей боярских тридцать пять человек, да казаков пятьдесят человек, да татар и чуваш и мордвы сто тридцать пять человек»³. Отряды служилых людей «украинных городов» (в том числе и мордвы) регулярно проезжали, «прижимаясь», насколько это было возможно, к правому берегу Волги, мимо

¹ Малкова Н.М. Заселение мордвой Самарского Поволжья (по материалам археологических раскопок) // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А.П. Смирнова. Тезисы науч. конф. Болгар, 1999. С. 88.

² Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). Чебоксары, 1986. С. 294-296; История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 378; и др.

¹ Курбский Андрей. История о делах великого князя Московского. М., 2015. С. 33.

² Там же.

³ Акты Московского государства (далее – АМГ). СПб., 1890. Т. 1, № 4. С. 6.

устьев Большого Иргиза, Большого Черемшана, горловины Самарской Луки, через всю территорию правобережья и сообщали о возможных появлениях кочевников. Важнейшей их задачей являлось наблюдение за волжскими «перевозами», через которые отряды ногаев, а позднее калмыков, переправлялись на правобережье для грабительских походов. Например, когда в 1580 г. хан Большой Ногайской Орды Урус стал готовиться к походу на русские окраины, представители ногайской знати его остановили, говоря при этом: «...нынче на Волге сторожи, и оне тебя за Волгу не пустят; хотя и за Волгу перейдешь, то московские люди будут наготове»¹. Эта система разъездов сыграла важную роль для защиты уже заселенных земель пограничья и осваиваемых промысловиками запустевших территорий.

Сохранившиеся источники конца XVI – начала XVII в. свидетельствуют, что правобережье Самарского края, как и всей южной лесостепной части Среднего Поволжья и Заволжья, почти не имело постоянного населения. Такие земли, лежащие за границами оседлого расселения на Юге и Юго-Востоке Европейской России, в эпоху позднего средневековья обычно называли «Подем». Однако уже в последние десятилетия XVI – начале XVII в. коренное население Казанского края постепенно начинает переходить через систему пограничных укреплений (в Заволжье через Каму²) и осваивать «наездом» пространство к югу от них. Такой промысловый тип колонизации в Предволжье наблюдался в рамках, прежде всего, двух уездов – Алатырского и Свияжского (хотя между ними вклинивались земли Чебоксарского и, возможно, других уездов, а примыкая к правому берегу Волги, узкой полосой тянулись от Тетюшей до земли Казанского уезда). Результаты исследований Г.И. Перетятковича, А.А. Гераклитова³ и других историков, основывавшихся на данных писцовых, дозорных книг и других источников, подтверждают этот, протекавший в весьма своеобразной форме, процесс освоения Поля. Вместе с тем на данных территориях время от времени возникали отдельные сельские поселения, в их числе и мордовские. Однако таких селений было крайне мало, они основывались sporadически и существовали недолго. Подобные процессы наблюдались и в Заволжье⁴. Так, Р.Г. Буканова считает, что Закамская черта, строившаяся в середине XVII в., проходила по уже освоенным территориям⁵.

Несомненно, что пограничная с кочевьями степняков лесостепь Юго-Востока имела своих жителей, но в основном временных, лишь эпизодически «изгоном» или «наездом» появлявшихся

на ее территории и занимавшихся эксплуатацией природных ресурсов – охотничьих угодий, бобровых гонов, бортных ухажав, сенокосов и т. д. Такая промысловая деятельность могла вестись и летом, и зимой. В последних случаях строились примитивные жилища – «зимницы».

Можно сделать вывод, что практически весь рассматриваемый регион до Самарской Луки включительно (и даже южнее) был зоной постоянных промысловых интересов представителей самых различных этносов. При этом, если рыбные ресурсы волжской акватории эксплуатировались, как правило, русскими предпринимателями, то одновременно протекавшая хозяйственно-промысловая деятельность в южной лесостепи осуществлялась чувашами, мордвой, татарами и представителями других коренных народов Средневожья¹.

Характерно, что в русских источниках XVI–XVII вв. не уделялось должного внимания этнической принадлежности тяглых и служилых представителей этих, традиционных для региона, народов. Зачастую под термином «служилые татары» могли скрываться и чуваша, и мордва. То же самое можно говорить и о ясачном крестьянстве. Русская администрация отличала, прежде всего, конфессиональную принадлежность этих людей, введя термин «новокрещены», а также их социальное положение и отношение к тяглым и служебным обязанностям. Поэтому при изучении заселения Поля коренным населением Казанского края возникают значительные трудности в его идентификации². Нередко под названием «чувашская деревня» обнаруживается селение, в котором жила мордва, и наоборот.

Для середины XVI в. границу бортных ухажав мордвы на юго-востоке В.И. Козлов доводит до Самарской Луки³. По мнению А.А. Гераклитова, промысловые угодья мордвы Алатырского уезда в первой четверти XVII в. простирались на юго-восток от устьев Алатыря и Барыша вдоль Волги вплоть до устья р. Терешки. Наглядно это пространство промыслового хозяйственного мордовского освоения показано в исследованиях М.В. Биленко⁴. Основанием для такого заключения являются писцовая книга 1623/24–1625/26 гг. Д.Ю. Пушечникова и другие материалы⁵.

¹ Дубман Э.Л. У истоков земледельческого освоения Симбирского Поволжья в первой половине XVII в. // Самарский земский сборник. 2005. № 4(12).

² См., например: Исхаков Д.М. Об этнической ситуации в Среднем Поволжье в XVI–XVII вв. (критический обзор гипотез о «ясачных чувашах» Казанского края) // Советская этнография. 1988. Вып. 5. С. 141.

³ Козлов В.И. Расселение мордвы (Исторический очерк) // Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды мордовской этнографической экспедиции. Вып. 1. Труды института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. LXIII. М., 1960. С. 12.

⁴ Гераклитов А. Алатырская мордва... С. 11; Биленко М.В. Дворцовая мордва Алатырского уезда в XVII в. (по писцовым и переписным книгам): дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1980. С. 113, 120, 370.

⁵ Книга письма и меры Дмитрия Юрьевича Пушечникова да подьячего Офонасья Костяева 132-го, и 133-го, и 134-го году Алатарского уезда татарским, и буртасским, и мордовским вотчинам бортным ухажьем // Мордовский фронт в зеркале приказной статистики (первая четверть XVII в.) / сост.: В.Д. Кочетков, Н.В. Заварюхин, С.В. Видяйкин, М.М. Акчурин. Саранск, 2017. С. 235.

¹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С. 302-303.

² Насыров Р.Г. Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII вв.: дис... канд. ист. наук. Казань, 2006.

³ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века: очерки истории колонизации края. Одесса, 1882; Гераклитов А. Алатырская мордва по переписям 1624-1721 г. Саранск, 1936; и др.

⁴ Насыров Р.Г. Сельское расселение... С. 28-44.

⁵ Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI-XVII вв. Уфа, 2010. С. 150-152.

По соседству, вдоль обоих берегов Волги вниз по течению до, примерно, Самарской Луки, включая и этот полуостров, тянулись промысловые угодья чувашей, в меньшей степени мордвы и татар Казанского уезда. Сведения о таких угодьях сохранились от середины – второй половины XVI в. в писцовой книге Казанского уезда И. Болтина 1602-1603 гг.¹, межевой книге И. Лосева начала XVIII в.², а также в материалах, собранных и систематизированных А.А. Гераклитовым³.

А.А. Гераклитов считал, что в Самарском Поволжье (прежде всего, Самарская Лука) мордва вновь после распада Орды появляется, по крайней мере, с середины XVI в. в качестве пользователя ухояями. Но в первой половине XVII в. она не только расширяет свою промысловую деятельность, но и оседает здесь. Так, например, при межевании бортного лугового ухоя, бывшего первоначально у мордвы д. Уреня Казанского уезда, а затем д. Бахиловой Самарского уезда, в 1690 г. были предоставлены жалованные грамоты от казанского хана Сафая (якобы 6858 г. – А.А. Гераклитов приводит эту дату⁴) и Бориса Годунова (1599/1600 г.). Этот ухояй и сенные покосы располагались за Волгой от д. Бахиловой в 4-х верстах, и бывали там их владельцы только наездом⁵.

Случаи фиксации в источниках промысловой деятельности мордовского населения встречаются достаточно часто. Лесостепное пространство Южного Средневожья и Заволжья являлось фактически пограничьем, где соседствовали летние пастбища кочевников с промысловыми угодьями мордвы, чувашей и других народов. Последним приходилось опасаться внезапных нападений, быть всегда настороже, выбирать укромные места. Они делали все возможное, чтобы не обнаружить своего присутствия. Но несомненно, что вплоть до крайних границ лесостепи на юге (реки Сызранка, Крымза, Терешка на правом берегу; Самара и Кинель в Заволжье⁶) регион был освоен временным промысловым населением.

Только после завершения Смуты в Московском государстве на всем этом обширном пространстве возникают отдельные локальные районы оседлого сельского расселения. К таковым относится, прежде всего, территория Самарской Луки, где в 1620-х гг. в ее восточной части складывается Самарский уезд, а в западной в начале 1630-х гг. – промысловое владение ярославского гостя Надеи (Епифания) Светешникова, получившее по его имени название Надеинское Усолье.

Ведущее место в хозяйственном освоении этих территорий занимали русские переселенцы, но определенную, достаточно значимую роль сыграли мордва, чувашаи и другие народы Казанского края. От первой трети XVII в. практически не сохранились свидетельства о расселении их в рассматриваемом регионе. Однако известно, что к рубежу 1630–40-х гг. русские и мордва освоили низменные, подгорные земли восточной части Самарской Луки и начали проникать в межгорные долины. Итоги этого расселения приведены в переписных и описных (они указаны еще и как отказные) книгах воевод Самары Ф. Племянникова и П. Загряжского 1639/1640 и 1641/1642 гг. К сожалению, сами эти книги не сохранились. Приходится исходить только из более поздних упоминаний о них.

Число жителей селений подгорной долины в эти годы составляло до тысячи человек обоего пола. Русские размещались в двух сёлах – Рождествено и Ильинском (Подгорах) и деревнях, названия которых отсутствуют, но, скорее всего, это были Выползова и Новинки (Новая Подкараульная). Кроме того, отмечены две «чувашские» деревни – Ахтулина и Торновая Поляна (современное с. Торновое). Но их, судя по более поздним сведениям, основали и заселили не чувашаи, а мордва¹. Точное местонахождение д. Ахтулиной установить не удастся, но если исходить из дел о спорах между жителями отдельных мордовских селений, она находилась в западной части Рождественской низменности или в прилегающей к ней межгорной долине.

Мордва-мокша заселила всю восточную подгорную часть Самарской Луки. Первые сведения о появлении постоянных селений в центральной нагорной части полуострова относятся к началу 1640-х гг. «В прошлом во 149 году по государеву указу дано им в Самарском уезде в Шелехметских горах на речке Аскуле земли под усадьбу и под пашню, да на той земле дворы поставили и земли распахали и всем построились»². Рядом с мордовской деревней при Аскульском овраге в те же годы в 5 «верстах» находилась еще одна д. Мордва (видимо, в районе современного с. Мордово). На р. Аскуле селение просуществовало недолго. В 1645-1646 г. самарский воевода князь В. Горчаков перевел крестьян в более безопасное от набегов кочевников место, «на конец верхней изголовья Щучья озера», где возникло новое поселение Борковка (на месте современного с. Новинки). Всего на новом месте поселили 7 мордовских дворов (17 душ муж. пола). Переселенцы получили по 1,5 десятины пахотной земли на каждый двор и льготу на 3 года. Его жители жаловались, что после переселения у них начались споры о земле «до той земли государевых крестьян деревни Караульной да мордвы деревни Ахтулина изго-

¹ Писцовая книга Казанского уезда 1602-1603 годов. Публикация текста. Казань, 1978. С. 61, 62, 67.

² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1209. Оп. 7. Д. 159.

³ Гераклитов А.А. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы // Гераклитов А.А. Избранное в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 1. С. 104-117.

⁴ Гераклитов А.А. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы... С. 112.

⁵ Там же.

⁶ Насыров Р.Г. Сельское расселение...

¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 52. Д. 1407. Л. 41 об.

² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода (далее – ОДДАС). СПб., 1868-1914. Т. XV. 1907. Приложения. Стб. 955-959.

няют, ту их землю околицу пашут и сено косят, потому что между ними не размежевано и не расписано». В челобитной мордвы от 1647 г. сообщается о том, что их переселили за «засеку» и за лес¹. Действительно, восточная подгорная низменность от центральной части Луки была отделена обширным лесом и укреплениями – «засекой», о конструктивных особенностях которой ничего неизвестно. Несмотря на то, что Самарская Лука была хорошо защищена акваторией Волги, горным массивом и лесами, в конце 1620-х гг. и позднее район оседлого земледельческого расселения «под горами» все же нуждался в дополнительных укреплениях.

Уже в первой половине XVII в. жители Самары и Самарского уезда занимались промыслами в Заволжье, где вступали в конкуренцию с башкирами, для которых земли к северу по р. Самаре и прилегающей к ней местности являлись дальними кочевьями. В качестве потерпевшей стороны при этом оказывались башкиры, о чем свидетельствуют 2 челобитные, относящиеся к 1645 г. В них башкирские вотчинники (собственность была корпоративной, писалось «с товарищи») просили самарские власти оградить их вотчины от насилия, в одном случае «мордвы и иных людей», в другом – самарских людей².

Таким образом, начавшееся после завершения Смуты сельское земледельческое и промысловое освоение Самарской Луки с единичных поселений 1620–30-х гг. постепенно расширялось, захватывая новые территории. К середине 1640-х гг. это расселение распространилось на значительную часть полуострова. Преобладали в этом колонизационном процессе русские крестьяне. Часть из них являлась беглыми, остальных переводили в свои новые владения монастырские власти и помещики. Из местных коренных народов Среднего Поволжья в восточной части Самарской Луки преимущественно оседала мордва, а в западной – чуваш.

Итоги начального этапа формирования постоянного населения Самарской Луки были подведены в переписной книге Самары и Самарского уезда 1646 г.³ Писцы осматривали город и уезд в конце весны – летом 1646 г. К сожалению, в поле зрения М. Зюзина и Л. Пантелеева оказалось только русское православное население.

Ко времени проведения переписи, кроме русских селений на Самарской Луке, входившей в состав уезда, находились мордовские деревни Мордва, Ахтулина, Аскула и, видимо, Торновое (Торновая Поляна). Последняя деревня была перенесена непосредственно перед переписью «под Шелехметские горы» и переименована в Борковку. В конце 1620-х гг. возникла д. Шелехметь. Ее основала, как и остальные мордовские селения Рождественской низменности, мордва-мокша. Все эти деревушки были невелики.

Численность мордовского и чувашского населения Самарского уезда составляла лишь небольшую часть от русского. Ко времени проведения переписи достаточно густая сеть русских и мордовских поселений возникла только в восточной подгорной части Луки и ее окрестностях. Центральные нагорные районы, а также приволжские устья овражных долин только начали осваиваться и значительно отставали в этом отношении от территории Рождественской низменности.

Наиболее значимыми для формирования населения восточной части Луки стали два перераспределения земельной собственности, случившиеся между патриаршим и дворцовым ведомствами в конце 1640-х и начале 1670-х гг.

4 июня 1648 г. патриарх Иосиф получил жалованную грамоту о том, что принадлежащему ему домовому Самарскому Спасо-Преображенскому монастырю возвращаются все владения, которые были отписаны в 1640/1641 г. Список возвращенных монастырю селений повторял те, которые были указаны в грамоте 1640/1641 г. о передаче части монастырских вотчин во Дворец. В нем не были указаны селения, возникшие в 1640-1648 гг. Перечислялись сёла Рождественно и Ильинское, д. Подкараульная, «да деревня, что был починок на Красном Ерке у Березовой Гривы» (речь идет о д. Выползовой), мордовские селения Ахтулина и Торновая Поляна¹. Старая вотчина возвращалась в патриарший Дом в полном объеме и со значительными иммунитетными правами.

Второе крупное перераспределение земель произошло в 1670 г. (указ от 15 июля 1670 г.), когда монастырские владения окончательно забрали у патриаршего Дома (в обмен на нижегородский Амвросиев-Дудин монастырь с его земельными владениями и 406 крестьянскими дворами²) и передали в собственность Дворцу³. Описание новых дворцовых владений составил самарский воевода В. Яверлаков в 1671/1672 г. Всего было учтено 3 села – Рождественское, Ильинское (Подгоры), Архангельское (Новинки) и 4 деревни – из них одна русская – Выползова, остальные «мордовские и чувашские» – Шелехметь, Борковка, Торновое⁴. Всего в это время в вотчине насчитывалось 436 дворов с 436 дворохозяевами.

В том же году дворцовые селения Самарского уезда досматривал полковник В. Воробьин⁵. Результаты его описания в значительной степени отличаются от данных В. Яверлакова. В 4 русских селениях по Воробьину – 3-х сёлах и 1 деревне – указано 413 крестьянских и бобыльских дворов, 10 десятин (везде, где отсутствуют примечания, имеется в виду размер одного поля, а два остальных подразумеваются равными первому – известная фор-

¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 218. Карт. 1345. Д. 33. Л. 1-3; РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3609. Л. 197.

² НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 186.

³ РГАДА. Ф. 1209. Д. 6468. Л. 1-4.

¹ ОДДАС. Т. XV. СПб., 1907. Приложение XXIX. Стб. 955-959.

² РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Кн. 40. Л. 11 об.

³ Там же. Л. 459-462.

⁴ Невоструев К. Историческое описание бывших в городе Самаре мужского Спасо-Преображенского и женского Спасского монастырей. М., 1867. С. 3-11.

⁵ В документах рассматриваемого времени – «Воробин».

мула «а в дву потому ж») десятинной пашни, 5 десятин церковной земли, 125 десятин пашни на себя¹.

Воробьин дал интереснейшее описание мордовских и чувашских селений: «...деревня Торновая живут мордва, и чуваша, и черемиса» – 24 двора, пашни на себя пашут 25 десятин; «деревня Борковская, живут мордва и чуваша» – 10 дворов, пашни пашут на себя 16 десятин; «деревня Шелехмецкая, живут мордва и чуваша» – 24 двора, пашни пашут на себя 20 десятин.

Кроме того, в список Воробьина попали следующие «мордовские да чувашские» селения, которые он дает совместно, общим списком: «деревня Березовой Солонец, деревня Старая Аскула, деревня Бахилов Буярак, деревня Сосновой Солонец, деревня Винная на Ключе, деревня Ширяевские Вершины, деревня Брусяна, деревня Карамол, деревня Мордовская на ключе Мордвине, деревня чувашская да мордовская пусты».

Всего в этих 11 селениях (вместе с запустевшими) насчитывалось 139 дворов, жители которых пахали на себя 175 десятин пашни². Видимо, и в отношении чувашских и мордовских селений Воробьин явно занижил количество пахотной земли, так как ее явно не должно было хватить для нормального ведения хозяйства. Всего в селениях чувашей и мордвы насчитывалось 197 дворов, что составляло чуть менее половины от русского населения дворцовой вотчины. Однако территория, находившаяся в сфере хозяйственной деятельности мордвы и чувашей, значительно превосходила размеры сельских угодий русских жителей. Вновь отметим, что в описании Воробьина удивляет малая обеспеченность пахотной землей, когда на один двор по его данным приходится в среднем менее 1 десятины пашни. В списке селений не указана д. Чуракаева (имеются разные варианты названия), которая ко времени проведения описания, несомненно, уже существовала.

При складывании сети мордовских и чувашских селений в центральной части Самарской Луки переселенцы занимали свободные от леса участки на плато и в обширных долинах, впадавших в Волгу оврагов – Винновского, Акульского и других. Нередко крайне сложно определить, кто же – чуваша или мордва – основали ту или иную деревню и затем в ней продолжали жить. В основном здесь селились чуваша («черемисы»)³. Выше уже говорилось о том, что в конце 1630-х – первой половине 1640-х гг. там существовали такие селения, как Мордово, Чувашская Брусяна и Аскула (последняя в 1640-х гг. была переселена на территорию Рождественской низменности).

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют сделать вывод о своеобразной «ползучести», неустойчивости селе-

¹ Очевидно, при исчислении количества крестьянской пашни Воробьин ошибся, так как 0,6 четверти пахотной земли в 1 поле на 1 крестьянский двор было недостаточно.

² РГАДА. Ф. 281. Оп. 16. Д. 10845. Л. 3-5.

³ Обычно так называли «черемисских татар» - чувашей.

ний центральной части Луки. В случае возникновения каких-либо осложнений, конфликта с местными властями или прежними хозяевами этих земель, их жители легко снимались с уже освоенного участка и переходили на свободное место выше по овражной долине, где «исчезали» на определенное время из-под контроля уездной администрации. Выявить такую совокупность переселений какой-либо малодворной деревни достаточно сложно, и попытки локализовать ее местоположение нередко приводят к ошибкам.

Еще одно направление формирования мордовских и чувашских селений прослеживается от современного с. Бахилова по лесным тропам на юго-восток к верховьям отрогов Ширяевского оврага, далее в его среднее русло, а затем через лес по двум дорогам к деревням Шелехметь – Борковка и Торновая Поляна (Торновая). На этой дороге в 1661 г., после разрешения самарского воеводы И.Н. Языкова, в вершинах Ширяевского оврага чувашские переселенцы основали д. Ширяевские Вершины. Для занятий сельским хозяйством они получили на оброк земли от верховьев оврага вниз по его безлесной долине¹. Не совсем ясно, кем были первые жители этой деревни, так как в ряде источников жители Ширяевских Вершин именовались мордвой и чувашами, а то и просто мордвой, а в качестве места их прежнего жительства указывалась д. Мордова на Самарской Луке. В сохранившихся делах особо подчеркивалось то обстоятельство, что переселенцев было много и земли на всех явно не хватало². Это были ясачные крестьяне, тягловые повинности которых составляли 8 ясаков без четверти.

Мордва и чуваша прежде всего пытались использовать для расселения основные овражные долины Луки. Так, удастся уточнить время первого упоминания в документах д. Бахиловой («Бахиловом Буяраке»). 26 апреля 1665 г. самарские помещики Филитовы подали челобитную воеводе Самары с просьбой выяснить, почему на их поместной земле в «Бахиреве бояраке» незаконно поселилась «мордва»³. Возможно, появление новой «мордовской» деревни произошло незадолго до подачи челобитной.

Колонизация территории Самарского Поволжья мордовскими переселенцами продолжилась и в последние десятилетия XVII – начале XVIII вв. Как и ранее, они осваивали «порозжие» земельные угодья и основывали новые селения. В этом процессе преобладали тяглые ясачные люди, но определенную роль сыграли и представители служилых сословий. В конце XVII в. такое расселение наблюдалось на территории Сызранского правобережья, а к началу XVIII в. оно охватывает уже земли Самарского Заволжья.

¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 52. Д. 1407. Л. 52 об.

² РГАДА. Ф. 1239. Оп. 52. Д. 1407. Л. 19.

³ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Д. 68. Л. 431.

На самой Самарской Луке сеть мордовских и чувашских селений, в целом, уже сложилась. Известны только отдельные частные случаи освоения незаселенных земель и появления новых деревень. Так, например, в 1670 г. крестьяне монастырской мордовской д. Торновой получили в оброк «порозжие», т. е. пустынные земли «на пашню и сенные покосы» по обе стороны Ширяевского оврага от впадения в него с севера в среднем течении Хмелева оврага до Каменной Чаши (современный топоним, ранее назывался «Ключ») и далее до «Казачьего зимовья», находившегося ближе к низовьям Ширяевского оврага¹.

Самарские власти, с ведома которых «чуваша, мордва и черемиса» основывали свои селения, претендовали и на те земли, распоряжение которыми лежало явно вне их компетенции. Так, во время воеводства в Самаре стольника К.П. Пуцина в 1682-1683 гг. впервые упоминается д. Яблонная в Яблонево овраге (на Яблонево ключе или «Яблонной поляне»), находившемся в межах Надеинского Усолья, принадлежавшего в это время звенигородскому Саввино-Сторожевскому монастырю. Там с ведома уездной администрации поселилась небольшая, состоявшая всего из 4-х дворов, мордовская деревня. Новоселы перешли сюда из Алатырского (2 дворовладельца) и Саранского (1) уездов, также из д. Бахиловой Самарского уезда (1). Все они должны были платить ежегодно в самарскую приказную избу по 1 руб. в год². Действительно, в окладной приходной книге под 1682/83 г. указано, что жители селения заплатили 1 руб. оброка³. Однако это поселение просуществовало недолго. Узнав о «незаконно» возникшем селении на монастырской земле, усольский промышленник старец Л. Моренцов, по словам местных жителей, «выбил» его жителей. Последние вынуждены были перейти со всем имуществом в д. Бахилову Самарского уезда.

Интенсивные миграционные процессы, протекавшие в Южном Средневожье и, в частности в Самарском крае, в конце XVII – начале XVIII в. оказывали существенное влияние на этнический и конфессиональный состав жителей некоторых ранее возникших деревень. Например, в результате подселения в первой четверти XVIII в. значительного количества русских беглых крестьян из вотчин Троице-Сергиева монастыря и А.Д. Меншикова практически русскими стали такие селения, как Аскула и Березовый Солонец⁴.

Материалы 1-й ревизии по Самарскому уезду (территория Луки)⁵ и данные ландкарты 1730-х гг.⁶ показывают некоторые

тенденции развития селений, жителями которых были мордва и чуваша. Так, на Рождественской низменности сохранились все возникшие еще в первой половине – середине XVII в. мордовские деревни Шелехметь, Борковка и Торновое. Довольно значительная населенность их (пожалуй, за исключением Торнового) свидетельствует об устойчивости этих селений, относительно благополучии. То же самое можно сказать о мордовских деревнях, располагавшихся в устье и долине Ширяевского оврага – Бахилово и Ширяевские Вершины (Ширяево).

Весьма любопытные изменения происходят в центральной части Самарской Луки. Многочисленные малодворные чувашские и мордовские деревни, существовавшие здесь в середине – второй половине XVII в., такие как Винная, Аскула, Мордва и другие, не выдерживают конкуренции селившегося рядом русского населения и затухают. Можно предположить, что их жители просто находили более удобные места для переселения. Как правило, они не покидали Самарскую Луку, а переходили в более крупные деревни, существовавшие по соседству с запустевшими – Сосновый Солонец, Кармалы, Березовый Солонец. Таким образом, при видимом сокращении общего количества деревень, основанных мордвой и чувашами, резко возрастает их населенность, а следовательно, устойчивость.

Данные ревизии свидетельствуют и о том, что увеличение мордовского и чувашского населения восточной и центральной частей Луки не могло быть обеспечено только естественным его приростом. Значительную роль играло переселение (прежде всего) из соседних регионов. Основной тяглой повинностью жителей всех этих селений традиционно являлся ясак. Характерно, что население русских сел Соснового Солонца, Аскул, Винновки, возникших на месте ранее существовавших здесь чувашских деревень, также приобрело статус ясачного и, соответственно, стало нести данную повинность.

В последние два десятилетия XVII в. рядом с селениями служилых людей и их крестьян на свободных землях начинают интенсивно складываться вотчины крупных центральных монастырей и представителей светской знати. В некоторых из них, помимо русских переселенцев, важное место занимают мордва и чуваша.

К северу от Надеинского Усолья в 1683 г. формируется крупное владение московского женского Новодевичьего монастыря. Его владельцы к началу XVIII в. в результате обменов, покупок, прямого захвата земель у монастыря собрали около 100 тыс. десятин различных угодий¹. На правом берегу у обители располагалось центральное селение вотчины – Новодевичье, а также русское село Мордово и мордовская д. Бектяшка. Основные земли вотчины находились на левобережье между Волгой и нижним течением Большого Черемшана, к югу от его устья. Монахини одними

¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 52. Д. 1407. Л. 53.

² РГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 10845. Л. 16-17.

³ Там же. Д. 11562. Л. 14 об.

⁴ Л. 5 об.-6 об.; Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л., Барашков В.Ф., Артамонова Л.М. Самарская Лука в XVI – начале XX вв.: РГАДА. Ф. 281. Д. 10848 учеб. пособие. Самара, 1995. С. 58.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Д. 1159. Л. 498-505; Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л., Барашков В.Ф., Артамонова Л.М. Самарская Лука... С. 183.

⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 251.

¹ РГАДА. Ф. 281. Д. 11550. Л. 1, 3.

из первых, по сравнению с другими владельцами, начали глубоко осваивать волжское левобережье, не испугавшись угрозы нападений кочевников. Сведения о русском, чувашском и мордовском населении Новопречистенской волости противоречивы. Так, например, в документах Коллегии Экономии говорится о неких ведомостях 1705 г., где указаны 796 дворов¹. В межевых книгах И. Лосева на 1716 г. указано крестьянских русских дворов – 651, чувашских и мордовских – 99².

По данным переписчика А.П. Ащерица на 1728 г., когда земли опального А.Д. Меншикова перешли вновь к Новодевичьему монастырю, в мордовских деревнях насчитывалось: в Бектяшке – 4 мордовских и 6 чувашских дворов; в Табурной – 21 мордовских и 18 чувашских (переведенных из д. Бирли) дворов. Всего же во владении состояло 795 дворов, из них русских – 664, чувашских – 76 и мордовских – 65.

Как бы ни разнились между собой все данные о численности, в совокупности они дают достаточно репрезентативные сведения о крестьянском населении вотчины³. Сложно определить основные направления миграций на данную территорию. В первую очередь, это объясняется скудостью источников. Сами же объяснения властей монастыря трудно принимать на веру. Например, в 1737 г. игуменья утверждала, что у нее была грамота 1693 г. на мордву и чувашу Новопречистенской волости, но эта грамота сгорела⁴. В книгах Генерального двора в с. Преображенском сохранилась запись слов стряпчего Новодевичьего монастыря И. Бурнашова, который сообщал, что «...из монастырских старинных вотчин... вывезены в Симбирский уезд в монастырскую Пречистенскую слободу к рыбному промыслу... многие крестьяне»⁵. О том же в 1722 г. писала в своей челобитной игуменья Олимпиада. Население вотчины было, по ее словам, «...частью переведенными, частью бежавшими из других вотчин того же монастыря»⁶. Сами жители волости в XVIII в. рассказывали, что «наперед сего деда и отцы их, также и из них некоторые, но самые престарелые, уже имели жительство во Владимирском, Ростовском, Верейском и Углицком уездах в разных того Ново-Девичьего монастыря сёлах и деревнях, а потом, в прошлых давних годах, не сами же их деда и отцы не собою, но по повелению бывших в тогдашнее время в том монастыре властей, за тем, что в тех местах, где они крестьянствовали хлебопашенной земли, санных покосов и других угодий было недостаточно, несколько числом душ переведены и поселены на пожалованные тому монастырю земли Симбирского уезду Ново-Пречистенской волости на горной стороне р. Волги»⁷. Очевидно, что монастырские власти на самом деле осуществили

массовый перевод населения из своих владений в центральных уездах страны. Но и то, что значительная часть населения вотчины, прежде всего чуваша и мордва, состояла из беглых, также можно считать вполне достоверным фактом.

Во владениях других центральных монастырей – Чудова, Новоспасского, Воскресенского и т. д., получивших земли в рассматриваемый период, мордовских селений не указано.

Со строительством Сызрани и Кашпира, неудачной попыткой возведения Сызранской черты, которая должна была перекрыть междуречье Волги и Суры, начинает активно осваиваться сызранское правобережье. Территория современных Сызранского и Шигонского районов в середине 1680-х – 1690-х гг. была в значительно большей степени заселена военизированным населением. Ее, наряду с русскими казаками и солдатами, защищали служилые татары, чуваша и, возможно, мордва деревень Еделево, Сайман, Ахметлей, Ногайский Брод (Уса), Малячкино (Казанбаевка), Татарская Кулатка, Терешевские Вершины и ряда других¹. Однако мордовских селений в этом районе было мало². Анализ расселения на территории симбирского правобережья показывает, что в междуречье Волги и Барыша мордовских деревень практически не наблюдалось. Характерно, что и в подробнейшей росписи дел Симбирской приказной избы за 1662-1700 гг. фактически отсутствуют сведения о делах, связанных с проживанием мордвы на территории уезда³.

До сих пор нет окончательного ответа на вопрос, откуда и каким путем изначально шло переселение мордвы на Самарскую Луку. Известно, что в основном она заселяла междуречье Суры и Барыша, о чем свидетельствуют данные писцовых книг Пушечникова, писцовой книги 1685-1686 гг. и другие источники⁴.

Предположительно, продвижение групп мордовских переселенцев шло с земель Засурья далее на восток по самому краю южной лесостепи на верховья Терешки, а затем выходило к южной оконечности Самарской Луки. Кроме того, переселение могло происходить через Западное Закамье вдоль левого берега Волги.

В конце XVII – середине 30-х гг. XVIII в. под защитой оборонительных линий (Закамской и Новой Закамской) начинает складываться сеть постоянного сельского расселения в Самарском Заволжье. Она охватывала прилегающую к Волге, расположен-

¹ Архив Музея «Новодевичий монастырь». Д. 146. Л. 16, 47; Д. 145. Л. 3.

² Там же. Л. 354-355.

³ РГАДА. Ф. 281. Д. 11555. Л. 1-62 об.

⁴ Архив Музея «Новодевичий монастырь». Д. 146. Л. 134.

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1310. Д. 18655. 1700 г. Л. 2.

⁶ ОДДАС. Т. 2. Ч. 1. Приложение. С. 97-98.

⁷ Там же. Л. 132-133.

¹ Дубман Э.Л. Строительство Сызрани и начальный этап военно-государственного освоения Сызранского Правобережья // Самарский край в истории России. Вып. 4: материалы Межрегион. науч. конф., посвящ. 160-летию Самарской губернии и 125-летию со дня основания Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Самара, 2012. С. 81-85.

² Дубман Э.Л. Система расселения на территории Симбирского уезда к началу XVIII в. // Вестник СамГУ. 2014. № 1 (112). С. 38.

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 6473. Л. 1-705.

⁴ Писцовая книга Карсунского и Симбирского уездов 1685-1686 гг. / сост. Ю.Н. Мельников. Ульяновск, 2014; Книга письма и меры Дмитрия Юрьевича Пушечникова да подьячего Офонася Костяева 132-го, и 133-го, и 134-го году Алатарского уезда татарским, и буртаским, и мордовским вотчинам бортным ухажьем // Мордовский фронт в зеркале приказной статистики (первая четверть XVII века) / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия; сост.: В.Д. Кочетков [и др.]; [ред. совет: В.А. Юрчёнков (предисл.) и др.; редкол.: В.А. Юрчёнков, С.В. Видяйкин (отв. редакторы) и др.]. Саранск, 2017.

ную в нижнем и среднем течении таких ее притоков, как Большой Черемшан (к югу от него), Сок с Кондурчой, Самара с Большим Кинелем, южную лесостепь левобережья. Это были территории кочевий и охотничьих угодий калмыков и, в большей степени, башкир, находившиеся за пределами привычных, уже распределенных владений последних, вне зоны их постоянного кочевания. На ландкартах начала 1730-х гг., созданных во время проектирования и строительства Новой Закамской линии, эти пространства обозначались по-разному. Междуречье Самары (от устья Большого Кинеля) и Сока (до пригорода Сергиевска) называли «пустые степи». Лесостепь севернее Сока (к востоку от Сергиевска) к Большому Черемшану и далее значилась как «башкирские вотчины»¹ или «степь пустая башкирские угодья»². Кроме того, здесь «наездом» занимались хозяйственной деятельностью жители Самары, Сергиевска, ряда селений Самарской Луки.

Колонизация всего этого региона развивалась сразу в нескольких направлениях и на каждом из них давала весьма ощутимые результаты. Важнейшую роль в освоении лесостепного Заволжья сыграло государство, использовавшее для проведения своей политики военные и административные ресурсы крупнейших городов региона – Казани, Симбирска, Самары, Уфы, пригородов и острогов Закамской линии, а также Сергиевска и Алексеевска.

По царскому указу в 1688 г. к Самаре приписали 120 тыс. десятин земли на левом «степном» берегу Волги. К началу XVIII в. эти угодья наконец-то были размежеваны. Вокруг города, в междуречье рек Самары и Сока, начала складываться сельскохозяйственная округа, состоявшая из участков сенокосов, «конских и скотских выпасов», лесных и промысловых угодий. Однако всерьез заниматься земледелием городское и уездное население не могло из-за опасности нападений кочевников. В 1697 г. местный воевода И. Колюбакин сообщал, что «...в Самарском де уезде на нагорной стороне порозжих земель для селидьбы... нет, вся в дачах. А на луговой стороне в степи за Самарою... приходу воинских людей опасно»³.

С северо-востока новый, возникший вдоль левого берега Волги район земледельческого и промышленного расселения (серные заводы и поселения при них на р. Сок и её притоках), защищал возведённый в 1703 г. пригород Казани Сергиевск⁴, а с востока, со стороны заволжской степи, – построенная в 1706 г. Алексеевская крепость.

Помимо серных заводов и прилегающих к ним деревень рабочих людей и крестьян, в Самарском Заволжье складывается сеть сельских поселений. В последние десятилетия XVII в. крупнейшие

монастыри страны, обосновавшиеся на правобережье, получили обширные земельные и промысловые владения на левом берегу Волги. Здесь в начале XVIII в. в нижнем течении Сока и Черемшана, в относительно безопасных местах, возникают постоянные селения. Выше уже говорилось, что на левобережных землях Новопречистенской волости Новодевичьего монастыря было основано несколько деревень, в том числе мордовских и чувашских. У московского женского Вознесенского монастыря в устье р. Сок был основан рыбный двор и ватага, ведшие с 1692 г. промысел в волжских «Сокских водах»¹.

Но и более удаленные от Волги территории Заволжья, располагавшиеся в междуречье Сока, Кондурчи, Большого Черемшана и выше, уже имели свое постоянное население, хотя по этому поводу высказывались разные мнения. Так, полковник А. Змеёв весной 1737 г. сообщал: «...от оной крепости (Красноярской. – Э.Д.) рекою Соком и по рекам Кондурче и Шешме до пригорода Нового Шешминска будет около двухсот верст, а в ширину от жилищ от реки Черемшану до линеи (речь идет о Новой Закамской линии. – Э.Д.) по штидесят и по сту верст, где никакова поселения не имеетца, а места к пашне и поселению весьма годные и к калмыцкому кочевому пребыванию весьма пристойные и лесами и протчими угодья довольные»². Однако Змеёв явно не владел достоверной информацией и отделался лишь отпиской. Полковник Пальчиков, по поручению начальника Оренбургской экспедиции В.Н. Татищева осмотревший в конце 1737 г. указанные территории, выявил большое количество постоянных поселений. В подготовленной им «Описи деревням, которые поселены внутри закамской линии» было указано 51 селение. Из них более половины – 27 – возникло за 35-60 лет до проведения обследования, т. е. задолго до строительства Новой Закамской линии. Скорее всего, их жители самовольно, не испрашивая разрешения, поселились в Заволжье³. Административно данные территории входили в состав Казанского уезда, а Сергиевск являлся пригородом Казани. Но все эти земли практически не состояли под контролем властей Казани, Симбирска и Самары. Ситуация изменилась только с началом деятельности в этих местах сотрудников Закамской экспедиции.

Еще 9 селений запустели, а остальные были основаны во время и после строительства Новой Закамской линии. Разрыв почти в 30 лет между возникновением двух основных групп селений можно объяснить следствием башкирского восстания, охватившего Заволжье и Южное Приуралье в 1704-1711 гг. Оно практически полностью разорило складывающийся здесь район сельского

¹ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2084.

² РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2081.

³ РГАДА. Ф. 281. Д. 10845. Л.1.

⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1126. Л. 103; Ф. 9. Отд. 2. Д. 3. Л. 432; Лукьянов П.М. История химических промыслов и химической промышленности России. В 4 т. Т. 2. М-Л., 1949. С. 374; Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. 2-е изд., испр. и доп. Самара, 2006. С. 11-12.

¹ РГАДА. Ф. 281. Д. 10844. Л. 1-5; Д. 10843. Л. 2-4.

² Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара, 1997. С. 83.

³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 611. Л. 170 об.-176. Этот документ был выявлен и широко используется Ю.Н. Смирновым. См., например: Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция... С. 83-84.

расселения. Так, в донесении администрации Казанского уезда от 1706 г. сообщалось: «...в тех числах здесь от башкирцов многое воровство за Камою рекою. Сёла и деревни вырубали и выжгли и в полон людей и стада поимали прибегаючи внезапно изгоном так же, как и в прошлых летех»¹. Из доношения казанских коменданта Н.А. Кудрявцева и комиссара С. Варакина князю А.Д. Меншикову в 1708 г. вырисовывается подлинная картина разгрома сельских поселений по р. Сок башкирами: «...А те воры башкирцы и в нынешнем июне месяце после того числа, в котором бутто добили челом и куран целовали; под Сергиевым городом, что на Соку, деревни разоряли, людей порубили и в полон побрали, и стада отогнали и не в одном месте»². В Заволжье к югу от старой Закамской черты башкиры попытались вообще вытеснить оседлое население за Волгу, рассматривая все эти земли как свои родовые владения. В 1710–20-х гг. в регионе наступило затишье, однако страх перед новыми нападениями являлся, несомненно, главным фактором, препятствовавшим появлению здесь новых поселений. По рекам Соку, Кондурче, Липовке и ряду других находились селения, разоренные во время нападений башкир и затем так и не восстановившиеся, о чем свидетельствуют материалы обследований данной территории в начале 1730-х гг. во время проектирования и строительства Новой Закамской линии³. Только по Большому Черемшану и к северу от него начинают встречаться сохранившиеся селения с постоянными жителями⁴.

Чрезвычайно опасными были также нападения калмыков, каракалпаков и «киргиз-кайсаков». Жалобы местной администрации, сообщения яицких казаков свидетельствуют о постоянных столкновениях с отрядами степняков. Например, осенью 1720 г. казаки выдержали бой с «киргис-кайсаками» в междуречье Самары и «Кинельчика»⁵.

В том же 1737 г. была составлена ландкарта района, защищаемого Новой Закамской чертой⁶. Сопоставление данных «Описи деревням...», ландкарты 1737 г. с другими документами этого времени позволяет уточнить ряд приведенных в указанных источниках сведений. Некоторые уже существовавшие в Заволжье населенные пункты вообще не попали в опись, как, например, мордовская (мордовско-чувашская) деревня Табурная, чувашская – Бирля (в вотчине Новодевичьего монастыря). Выше уже говорилось, что Пальчиков указал 9 селений, которые к 1737 г. запустели. Среди них были и 2 мордовские – Кукшум (5 дв.) и Кривое озеро (10 дв.).

Среди 27 селений, возникших за 35–60 лет до описания, т. е. в конце XVII – самом начале XVIII в., указаны 5, где проживала мордва: Седел(ь)кина (21 чувашский и 3 мордовских двора ясачных крестьян); Кармалы (44 двора ясачных мордвы и чуваш¹, а также 36 дворов мордвы, принадлежавших княгине Дарье Арчиловне); Бесовка (37 дворов ясачной мордвы и 54 двора мордовских, бывших за княгиней); Боровка (13 дворов ясачной мордвы); Малыкла (75 дворов ясачной мордвы и 26 дворов мордовских, записанных за Дарьей Арчиловной).

История указанных селений связана с самовольным уходом мордвы в начале XVIII в. из дворцовой Терюшевской волости, из Нижегородского уезда. На землях близ Закамской линии бывшие дворцовые крестьяне подселились к ясачной мордве. Тем временем Терюшевская волость была пожалована грузинскому царю Арчилу, а от него перешла его дочери Дарье².

И наконец, в группе селений, возникших в 1733–1734 гг., насчитывалось 7 мордовских и мордовско-чувашских: Шентала (20 дворов ясачной мордвы), Туева (12 дворов ясачной мордвы), Новая Багана (15 дворов ясачной мордвы), Ад(т)еляково (14 дворов ясачных чувашских и 7 дворов ясачных мордовских), Ташла (10 дворов ясачной мордвы), Новое Санчелеево (10 дворов ясачной мордвы) и Бирля (25 дворов ясачной мордвы). К сожалению, «Планкарта описания» участка р. Волги и впадающих в нее Черемшана, Сока и его притока Кондурчи, составленная примерно в то же время, в ряде случаев не позволяет определить местоположение интересующих нас мордовских деревень. Наиболее явственно указана лишь цепочка селений, идущая по левому берегу Б. Черемшана от устья и далее на восток – Бирля, Боровка, Кармалы, Седелково³.

Локализовать указанные (и позднее возникшие) селения попытался М. Гребнев. На р. Кармалке, притоке Черемшана, он указывает на мордовские д. Новая Бесовка, Шентала и Старая Кармала (кроме того, д. Сок-Кармала была на левом притоке Сока – р. Малой Кармалке); на р. Малыкле – Новую и Старую Малыклу, на р. Черемшан – Старую Бесовку, на р. Соколке – Верхне-Санчелеево, на р. Конотинке – Нижне-Санчелеево (обе эти реки составляют р. Сускан). При впадении р. Ташолки в Черемшан Гребнев отмечает мордовскую Бирлю, на притоке Сока – р. Сургуте – Аделяково (в транскрипции Гребнева), при истоке Кондурчи – Шенталу⁴.

Судя по описи полковника Пальчикова, жители мордовских деревень доказывали свои права на поселение и владение землей, основываясь на самые разные источники. Так, в деревнях, возникших в конце XVII – начале XVIII в., ссылались в основном

¹ Акманов И.К. Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв. Уфа, 1993. С. 139.

² Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л., 1936. Ч. 1. С. 247.

³ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2286.

⁴ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2081, 2084, 2279, 2289.

⁵ История Казахстана в русских источниках XVI – XX веков. Т. 2. Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII в. о народах Казахстана. Алматы, 2005. № 16. С. 296–298.

⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 48.

¹ В настоящее время село Старая Кармала Кошкинского района Самарской области. По мнению Н.А. Курскова, оно возникло в 1639 г. См.: Курсков Н.А. Преображенская Кондурчинская слобода Кошки тож. История одного редкого топонима Самарского края // Самарский земский сборник. Вып. 3. 1996. С. 98.

² РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Ч. III. Д. 2643. Л. 39 об., 40.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 48.

⁴ Гребнев М. Мордва Самарской губернии: историко-этнографический очерк // СЕВ. 1886. № 23. Часть неофиц. С. 455–461.

на владенные выписи с отводных книг; в селениях, основанных в 1730-е гг., – на Указы Камер-коллегии и Казанской губернской канцелярии. Две деревни возникли по разрешению военных властей: Бирля – по указу подполковника М.Д. Языкова, а Шентала – по разрешению «со штабного двора Луцкого полка». Мордва «пустых» деревень Кукшум и Кривое озеро, очевидно, не смогла предъявить каких-либо документов.

Как правило, старые деревни имели значительное количество дворов – 101, 91, 80; только Седелкина – 34 и Боровка – 13. Дворность селений, возникших в 1730-е гг., была значительно меньше (10–25 дв.).

Среди переселенцев в Самарское Заволжье преобладали чуваша, населившие до половины всех селений (25) и имевшие более трети дворов (578). Второе место занимала мордва, проживавшая в 14 селениях с 417 дворами. По последнему показателю она несколько превосходила русских с 386 дворами. И, наконец, последнее место с 7 селениями и 285 дворами занимали татары. Большинство селений были моноэтническими. Из 5 указанных в описи деревень Заволжья, имевших смешанный в этническом отношении состав жителей, 3 являлись мордовско-чувашскими (Кармалы, Аделякова, Седелкина).

Процесс заселения края представителями разных народов шел неравномерно. В селениях, возникших в конце XVII – начале XVIII в., чувашских дворов насчитывалось больше, чем русских и мордовских вместе взятых. Ситуация кардинально изменилась в 1730-е гг., когда в основанных в это время и в «выведенных» селениях русские и мордва по отдельности имели больше дворов, чем чуваша.

В сословном отношении среди мордовских переселенцев преобладали государственные крестьяне, а именно ясачные (за исключением 2-х «пустых» деревень). Только в Бирле жила дворцовая мордва. Видимо, из бывших «старых» 3-х ясачных селений часть мордвы была отдана в крепостные княгине Дарье Арчиловне (Малыкла, Кармала, Бесовка), но во всех них помещичьи крестьяне соседствовали с ясачной мордвой, а в Кармале еще и с ясачными чувашами¹.

По мнению В.И. Козлова, поток мордовских переселенцев в первой половине XVIII в. шел с северо-запада и запада – из Алатырского, Арзамасского и Нижегородского уездов, преимущественно из районов расселения эрзи из-за Суры к Волге и далее через Симбирск на левобережье. Причинами переселения являлись притеснения местной администрации и усиливающаяся христианизация². В пользу выводов В.И. Козлова свидетельствуют результаты исследования заселения Западного Закамья Р.Г. Насыровым. Проведенный им анализ этносоциальной структуры населения Западного Закамья (по данным переписи 1716-1717 гг.) показал, что мордва

была указана только в 6 из 187 населенных пунктов данного региона. Ее численность от всего полиэтничного населения составила 4,4 % (1 432 чел.)¹.

Подведем некоторые итоги и отметим особенности колонизации Самарского края мордовским населением во второй половине XVI – начале XVIII в. К началу его массового заселения это была территория, прежде всего, промыслового освоения, практически не имевшая постоянных, длительное время существующих, поселений. Важной особенностью его колонизации было этническое и конфессиональное разнообразие миграционных потоков: активнейшее участие в них как представителей коренных народов Среднего Поволжья, так и русских служилых и тяглых людей. В этом массовом миграционном движении мордва являлась одним из основных участников.

Оценивая роль мордвы в истории Российского государства Нового времени, следует прислушаться к мнению видного историка В.А. Юрчёнкова, выдвинувшего тезис о ней как «имперском народе» в силу активного участия «в генезисе империи как таковой». Особенно ярко это проявилось в ходе процессов «поглощения окраинных земель и их колонизации, в которые мордовские крестьяне включились по ряду причин». Несмотря на особенности участия в этих процессах, присущие данному этносу «объективно мордовские переселенцы совместно с русскими способствовали складыванию имперской системы»².

Мордва приняла активное участие в освоении московского «фронта», наряду с другими этническими волнами переселенцев внесла свой важный вклад в «...конструктивные аспекты российской колонизации»³.

Характерным для сети мордовских поселений являлась дисперсность расселения, смешанность их с селениями русских и других участников колонизации. В ряде случаев бытовала и этническая смешанность жителей конкретных селений.

Можно говорить о высокой адаптивной способности мордовских переселенцев, в основном ясачных крестьян, приспособившихся к новым условиям жизни.

Очевидно, что в конце XVI – начале XVIII в. в пространстве всего слабо освоенного лесостепного юго-восточного Поля протекал интенсивный процесс «обретения родины», происходило складывание нового поликонфессионального и этнокультурного сообщества⁴. Многие современные исследователи считают, что в период начального освоения второй половины XVI – начала XVIII в. указан-

¹ Насыров Р.Г. Сельское расселение... Приложение 17.

² Юрчёнков В.А. Мордовский этнос в системе Российской империи: XVIII – начало XX века // Отечественная история. 2004. № 5. С. 28.

³ Юрчёнков В. Мордовский этнос в имперском социуме. XVIII – начало XX вв. // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сб. ст. / под ред. К. Мацузато. Саппоро, 2003. С. 159-160.

⁴ «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 1: Очерки истории / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013.

¹ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия)... С. 85-87.

² Мордва Заволжья... С. 11.

ные процессы сопровождалась целенаправленной государственной политикой, направленной на создание единого правового пространства для всех категорий переселенцев, формирование основ для распространения православия. В определенной степени данная политика оказалась успешной, тем более что проводилась она крайне осторожно, без насильственных мер христианизации, унификации и т. д.¹ Как считает В.А. Воропанов, официально выраженная веротерпимость коронной администрации основывалась на «политическом прагматизме». Именно «политический прагматизм» в практической региональной политике требовал массовой социальной поддержки для эффективной деятельности местных властей. Необходимо было достижение бесконфликтных отношений как внутри нового складывающегося полиэтноконфессионального социума, так и между основными категориями военизированного и тяглого населения и, разумеется, региональными элитами². Историки неоднократно цитировали один любопытный фрагмент из русского послания еще второй половины XVI в. ногайским правителям: «У нас в книгах хрестыянских писано николи не велено силою приводити к нашей вере; но кто какову веру захочет, тот такову веру и верует. А тому Бог судит в будущий век, хто верует право или не право; а человеком того судити не дано. А и у нас в нашей земле много мусульманского закону людей нам служит, а живут по своему закону»³. Несомненно, что это было декларативное заявление, но значительная доля правды в нем содержалась.

Следует признать справедливыми слова Б.Э. Нольде, считавшего, что статус «иногородческих окраин» в составе России в значительной степени не отличался от статуса центральных территорий, населенных великороссами⁴. Этот же вывод поддерживают и многие современные исследователи, рассматривая самые различные аспекты, в том числе и организацию управления, правосудия и т. д. не только на вновь присоединенных территориях, имевших местное коренное население, но также и на осваиваемых пространствах Поля, где в конце XVI – начале XVIII в. проходили мощные колонизационно-миграционные процессы с участием представителей различных этноконфессиональных сообществ⁵. Так, в частности, данное положение действовало и на вновь осваиваемых, ранее не

¹ Таймасов Л.А. Правовое регулирование межконфессиональных отношений в Среднем Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2009. № 1. С. 90-100; Его же. Правовые аспекты утверждения православия в Среднем Поволжье в первой четверти XVIII в. // Научно-теоретический журнал. № 2. 2016. С. 89-91; Марискин О.И. Новокрещенная мордва Алатырского уезда в XVII – первой половине XVIII века // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2016. № 3 (35). С. 33-49; и др.

² Воропанов С.А. Суд и правосудие в провинции Российского государства в XVI – первой половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала и Западной Сибири). М., 2017. С. 21, 52-53; и др.

³ Каппелер А.С. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. 2003. № 2. С. 131.

⁴ Кучумов И.В., Сахибгареева Л.Ф. Исследователь истории Российской империи Б.Э. Нольде // Вопросы истории. 2014. № 10. С. 115; Галлям Р.Г., Кадыров Р.В. Служилые татары как социальная категория населения Русского государства XVI – XVII вв. // Вестник ТГГПУ. 2011. № 2 (24). С. 77-80.

⁵ Воропанов С.А. Суд и правосудие... С. 24-27.

имевших постоянного населения пространствах Поля европейского юго-востока страны. Для всех участников его колонизации, ставших первыми постоянными жителями новых земель, заложивших основы их хозяйственного, социального и этнокультурного развития, в равной степени происходило «обретение родины», становление нового социума¹.

Реалии того времени отражает мнение американской исследовательницы В. Кивельсон, считавшей, что процессы колонизации в Московском государстве, в отличие от особенностей складывания других империй, несли «...отпечаток русского подхода к “человеческой географии”, для которого ни искоренение, ни обращение не были характерны»². Специалист в изучении колонизационных процессов А. Каппелер писал о гибкости и прагматичности политики Москвы в религиозной области. По его мнению, она в XVI-XVII вв. ни в коем случае не ставила перед собой задачу «религиозной или языковой гомогенизации»³. С зарубежными авторами в этих вопросах солидарны современные российские историки⁴.

Коренные жители недавно завоеванного Казанского ханства (массовые восстания закончились только к середине 1580-х гг.) наравне с русскими приняли активное участие в освоении новых территорий, выступили как фактически равноправные участники этого процесса. В исторической науке, в том числе и зарубежной, получило развитие мнение, что вплоть до начала XVIII в. христианизация коренного населения Среднего Поволжья продвигалась достаточно медленно⁵. Характерно, что В.А. Юрченок, подробно рассмотревший взгляды европейцев (прежде всего, побывавших в России Дж. Горсея, И. Масса, Ф. Авриля, Н. Витсена, Дж. Перри) на мордву, за единственным исключением не смог выявить упоминаний о насильственной христианизации или особом бесправии этого народа⁶. Об этом же сообщают прибалтийский немец Я. Рейтенфельс⁷, саксонец Г.А. Шлейсингер⁸ и многие другие. Пожалуй, только английский инженер Дж. Перри, лично общавшийся с татарами и мордвой, занятыми на строительстве и в охране канала на Камышенке, высказался достаточно точно и определенно о проблемах, связанных с отказом от принятия христианства: «...хотя им многократно предложены были значительные выгоды и преимущества, если они перекрестятся в Русскую Веру, несмотря

¹ «Обретение родины»... Ч. 1. С. 7-10, 355-358.

² Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М., 2012. С. 284.

³ Каппелер А. Южный и восточный фронт России в XVI-XVIII веках // Мусульмане в новой имперской истории: сб. ст. / отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семёнов. М., 2017. С. 54-55.

⁴ Верняев Н.И. Очерки по истории этноконфессиональной политики в России. СПб., 2017. С. 217-220; Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017; и др.

⁵ Петухов А.В. Христианизация народов Среднего Поволжья в середине XVIII века в освещении современной американской историографии // Вестник Чувашского университета. 2014. № 4. С. 66.

⁶ Юрченок В.А. Взгляд со стороны (мордовский народ и край в сочинениях западно-европейских авторов VI-XVIII столетий). Саранск, 1995. С. 110-111, 122, 146-147, 182-183.

⁷ Рейтенфельс А. Сказание о Московии // История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII-XX вв. Утверждение династии / сост. А. Либрман, С. Шокарев. М., 1997. С. 373-374.

⁸ Шлейсингер Г.-А. Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII века // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 114.

на то, что им приходится ежедневно терпеть со стороны Русских оскорбления и обиды... они упорствуют в своем отказе»¹.

Изучение источников, освещающих процесс освоения Самарского края в конце XVI – начале XVIII в., не позволяет говорить о сколько-нибудь очевидном распространении православия среди местного мордовского и чувашского населения, о случаях насильственной христианизации переселенцев, о грубом ущемлении их прав, в конечном итоге о каких-либо ярких проявлениях аккумуляции национальных меньшинств. Отметим, что значительная часть мордовских и чувашских селений находилась во владениях местных и центральных монастырей, где их власти, казалось бы, должны были активно требовать крещения от своих крестьян. Однако нам неизвестно ни одного случая насильственного или добровольного перехода их в православие.

Расселение на территории Самарского края при всей схожести с аналогичными процессами по Симбирской, Карсунской и Закамской линиям имело свою специфику². На Самарской Луке, в Самарском Заволжье и отчасти на сызранском правобережье оседало, прежде всего, тяглое, а не служилое мордовское население. Процесс расселения мордвы (как и чувашей, и татар) привел к складыванию располагавшихся чересполосно относительно замкнутых сообществ на уровне отдельных селений или их локальных групп. Для мордвы и чувашей земли южной лесостепи были хорошо знакомы, именно здесь они ранее занимались промысловой колонизацией, а в отдельных регионах и создавали единичные локальные поселения. Но в процессе массового земледельческо-промыслового освоения рассматриваемого пространства Поля они, как и другие народы, не получили каких-либо преимуществ, являлись фактически равноправными участниками колонизационного движения.

2.2.2. Мордва в эпоху освоения Заволжья (30-е гг. XVIII – начало XIX в.)

Активное заселение Самарского Заволжья продолжилось в ходе проведения Оренбургской экспедиции³, связанной с возведением новых пограничных укреплений и набором для службы на них казаков. В составе вновь формирующегося казачьего войска, названного впоследствии Оренбургским, была и мордва. Так, с 24 марта по 1 июня 1737 г. на Самарскую и Яицкую укрепленные линии прибыли и были поверстаны в казаки всего 686 чел, в том числе 9 мордовских крестьян. Всего же в крепостях и слободах по р. Самаре оказалось 1 186 казаков, среди них 26 чел. (2,2 %)

были из мордвы. Казаки из мордвы в основном оказались на службе в Борской крепости, хотя имелись также в Красносамарской, Тоцкой, Сорочинской¹. Основная же часть мордовских жителей Заволжья пришла сюда в ходе крестьянской колонизации.

В марте 1744 г. была создана Оренбургская губерния, в которую вошла основная часть Заволжья в составе таких административных единиц, как Ставропольский уезд (провинция), образованный в 1745 г., и ведомство Бугульминской земской конторы, учрежденное в 1747 г. Небольшая территория Заволжья осталась в Самарском уезде, который состоял в Симбирской провинции Казанской губернии.

Основная доля селений и жителей Заволжья оказалась в Ставропольском уезде. Перепись, проведенная в нем в 1747 г. в ходе 2-й ревизии, зафиксировала как текущий состав населения, так и места выхода переселенцев в обживаемый край после 1-й ревизии 1719-1721 гг.

Ставрополь был единственным городским поселением данного уезда. Его податное население насчитывало 305 душ муж. пола. В это число как «приписные к купечеству цехи» были включены 7 выходцев из мордвы Пензенского и Саранского уездов. Результаты переписи основного населения Ставропольского уезда – крестьянского, подсчитаны в следующей таблице²:

Национальные группы крестьянского населения Ставропольского уезда	Всего чел.	В % ко всем жителям	Написаны в прежнюю ревизию и их дети		Переселившиеся из других мест	
			чел.	в % от численности групп	чел.	в % от численности групп
русские	2652	26.53	450	17.0	2203	83.1
мордва	2548	25.49	934	36.7	1614	63.3
татары	1359	13.60	291	21.4	1068	78.6
чувашаи	3421	34.23	1765	51.6	1656	48.4
черемисы	3	0.03	0		3	100
башкиры	4	0.04	0		4	100
калмыки	1	0.01	0		1	100
персы	1	0.01	0		1	100
поляки	4	0.04	0		4	100
латыши	2	0.02	0		2	100
Общая численность	9995	100	3440	34.4	6555	65.6

Среди сельского населения уезда подавляющее большинство (две трети или 6 555 душ муж. пола из 9 995) составляли переселенцы. Преобладание их над старожилами было бы еще более заметным, если бы в Ставропольский уезд не был включен ряд старинных селений Симбирского и Казанского уезда по окраине исторического Закамья. Ведь до трех четвертей перешедших в Самарский край (4 867 душ муж. пола) стали жителями именно новых поселков.

¹ Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 145-146.

² Дубман Э.Л., Натаров А.И. Автохтонное служилое население Казанского края в Южном Средневолжье в середине XVII – начале XVIII в.: миграции и расселение // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 23, № 4. 2017. С. 30-39.

³ Смирнов Ю.Н. Политика освоения Заволжья и организация управления его территорией в XVIII – первой половине XIX веков (основные этапы) // Вестник Самарского государственного университета. 1997. № 1. С. 78-80.

¹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 75 об.-76.

² РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3351.

Во всех основных сословных группах крестьян переселенцы составляли большинство. Их было до 60 % среди государственных (ясачных) крестьян (3 856 душ муж. пола из 6 597) и почти 80 % среди частновладельческих (монастырских и помещичьих) крестьян (1 901 душа муж. пола из 2 459).

Самую большую национальную группу крестьян в уезде составляли чуваша (3 421 душа муж. пола). Однако быстрее всего росла за счет переходов численность русских крестьян. Они составляли большинство переселенцев (2 203 души муж. пола). Благодаря высоким темпам притока русские крестьяне обошли по численности в уезде мордву (соответственно 2 652 и 2 548 душ муж. пола), хотя среди старожилов той было в два раз больше, чем русских, но по числу переселенцев она занимала лишь третье место (1 614 душ муж. пола).

Из селений современной Самарской области в переписи 1747 г. в Ставропольском уезде были указаны несколько селений чисто мордовских или имевших этнически смешанное население, включавшее мордву. В том числе были деревни: Кармалы (ныне Старая Кармала Кошкинского района), Шентала (ныне Степная Шентала Кошкинского района), Бинарадка (ныне Старая Бинарадка Красноярского района), Сунчелеева или Тучеева (ныне Нижнее Санчелеево Ставропольского района), Узюкова, Ташла, Багана (ныне существуют под теми же названиями в Ставропольском и Шенталинском районах), Новая Шентала и Суруш или Суркина (ныне Старое Суркино Шенталинского района), Аделякова (ныне Старое Аделяково Челно-Вершинского района).

Совместное переселение представителей разных народов не было редкостью. Так, возникновение чувашских деревень Стюхина и Султангулова произошло одновременно с д. Алёшкиной, куда перешла мордва из Карсунского уезда. Переселенцы вместе оформили сделку на покупку земли у башкирских тархан, которую от мордвы подписали Алексей Назаров – «заводчик» деревни, по имени которого она была названа, и Степан Иванов¹.

Две трети переселенцев (4 349 душ муж. пола, или 66,35 %), как было установлено в ходе 2-й ревизии, перешли в Ставропольский уезд добровольно. Прежде всего, это относится к государственным крестьянам, которые могли распоряжаться собой свободнее, чем крепостные частных владельцев.

Однако среди 1 624 душ муж. пола помещичьих крестьян уезда более половины (871 душа, или 53,6 %) формально считались «возвращенными из бегов». Массовое водворение найденных беглых почти на самой границе страны, откуда легко совершить новый побег, выглядит, на первый взгляд, странным. В данном случае «возвращение из бегов» обозначало, как правило, просто фиксацию в ходе переписи беглецов, уже осевших на новых местах.

¹ Артамонова Л.М. Использование массовых источников и устных преданий при реконструкции освоения лесостепного Заволжья в 1750–1760-е гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 471, 473.

Примером служит упоминавшаяся выше история значительной группы мордвы, самовольно ушедшей в начале XVIII в. из дворцовой Терюшевской волости, в дальнейшем перешедшей во владение грузинского царя Арчила. Его дочь Дарья Арчиловна в 1728 г. отдала имение племяннице Софье Александровне, вышедшей замуж за грузинского князя и русского генерала Егора Дадияни. Когда возведение новых укреплений усилило государственную власть на приграничных территориях, потомки грузинского царя потребовали вернуть им сбежавших из бывшей дворцовой волости, которая стала их собственностью. Однако Дарья Арчиловна попросила сысканных беглых записать за племянницей в деревнях Кармале, Шентале, Малыкле, Бесовке, где они были найдены, не возвращая в прежние жительства¹. В результате беглые мордовские крестьяне и их потомки остались в Заволжье. Помещики же, вернув их под свою власть, приобрели заодно освоенные этими крепостными людьми земли.

Добровольных переселенцев было на самом деле больше числа указанных при переписи как «перешедшие сами». Самовольные сходцы были и среди тех, кто числился переведенным властями, и тех, кто считался «возвращенным из бегов» помещикам. Народная колонизация принимала разные формы, её не всегда можно четко отделить от правительственной или помещичьей.

Местами выхода переселенцев были указаны 44 уезда, 6 городов и крепостей России, а также территории за ее границами². Однако при этом выделяются основные направления движения населения в Заволжье.

Большинство прибыло из ближних районов Закамья и правобережья Средней Волги, входивших тогда в Казанский, Симбирский и Самарский уезды. Из Казанского и Симбирского уездов было две трети переселенцев. Вместе с Самарским уездом эта доля достигала 70 %. Отдельные национальные группы переселенцев из ближайших трех уездов представлены ниже в таблице. В ней указаны пришлые из этих ближайших уездов (в душах муж. пола) и их процент от всех переселившихся в Самарское Заволжье крестьян той или иной этнической принадлежности:

1557	русские	70,71 %
1174	мордва	72,74 %
981	чуваша	59,24 %
866	татары	81,09 %
2	поляки	50,00 %
1	марийцы	33,33 %

¹ РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Ч. III. Д. 2643. Л. 39 об., 40, 47.

² РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3351.

Следующими по роли в заселении Ставропольского уезда (22,4 % всех переселенцев) стали не имеющие с ним общих границ более удаленные уезды на Средней Волге: Алатырский, Арзамасский, Карсунский, Козьмодемьянский, Курмышский, Пензенский, Саранский, Свияжский, Царёво-Кокшайский, Цивильский, Чебоксарский, Ядринский. Таблица ниже составлена таким же образом, как и предыдущая:

чуваши	659	39,79 %
мордва	356	22,06 %
русские	256	11,63 %
татары	198	18,54 %
поляки	2	50,00 %
марийцы	2	66,67 %

Все остальные территории заметно уступают уездам по Средней Волге. Например, из Нижегородского края и с нижнего течения Оки (Городецкий, Касимовский, Муромский, Нижегородский уезды) переселились 194 души муж. пола только двух национальностей: 135 были русскими, 59 – мордвой. Другие российские уезды, упоминаемые как места выхода (уезды Балахонский, Бежецкий, Белозерский, Боровский, Владимирский, Вологодский, Галицкий, Дмитровский, Епифанский, Керенский, Кинешемский, Коломенский, Ломовский, Одоевский, Ростовский, Рязский, Слободской, Суздальский, Тверской, Темниковский, Угличский, Шацкий, Юрьевский, Ярославский и крепость Азов), представлены всего 183 душами муж. пола крестьян-переселенцев. В их числе было 176 русских и буквально единицы выходцев из мордвы, чувашей, татар.

Движение в Ставропольский уезд населения с востока (из Уфимского уезда, Черемшанской крепости и Сакмарского городка) было малозаметным. Оно дало только 15 душ муж. пола (русских, мордвы, башкир, чувашей, татар).

Мордовские переселенцы в основном прибывали:

- из Алатырского, Арзамасского, Нижегородского, Самарского уездов, среди выходцев из которых мордва преобладала;
- из уездов Пензенского и Саранского, из которых пришло немало мордвы, но большинство перешедших были русскими;
- из Казанского и Симбирского уездов, давших значительные группы переселенцев, принадлежавших ко всем основным народам Среднего Поволжья (русским, мордве, чувашам, татарам), но ни в одном из этих уездов крестьяне одной национальности не составляли половины переселившихся в Заволжье.

В освоении заволжских территорий к востоку Ставропольского уезда, которые лежали по Новой Московской дороге из Уфы в Оренбург и управлялись Бугульминской земской конторой, были

свои особенности. В 1746 г. Сенат утвердил представление губернатора Неплюева о высылке сюда на поселение всех «не помнящих родства», обнаруженных во время ревизии в различных частях России. Ссылка на «беспамятство» о своем происхождении и родителях, местах рождения и прежнего проживания была обычным приемом задержанных властями беглых, не желавших возвращения к прежним хозяевам или в прежнее состояние. В Бугульминской, Бугурусланской и других слободах, куда водворяли «не помнящих родства», их обязывали повинностями по содержанию Новой Московской дороги и платежом подушной подати наравне с ясачными крестьянами. «Не помнящие родства» из новокрещеной мордвы селились в Мордовском Бугуруслане и Сок-Кармале между Бугурусланом и Бугульмой.

Заметные группы мордовского населения продолжали прибывать в Заволжье в третьей четверти XVIII в., что подчеркивало привлекательность и перспективность этих мест для более интенсивного аграрного освоения. Так, обитатели малоземельных деревень на Самарской Луке стали осваивать Семейкинский лес с окрестными степными участками к северу от Самары.

Городские жители Самары, считавшие эти земли своими, стали жаловаться местным властям: «А в прошлом 1750 году самовольно же по чьим дозволениям вышедшие из Самарского уезду... из мордвы новокрещены в тех же наших общих дачах при реке Соку и Семейкинском лесе поселились... где, уже имея жительство, землю под хлеб пашут, сено косят и всякой лес пустошат»¹. Горожане требовали вернуть мордву в прежние места жительства.

Однако основатели «новопоселенной» д. Семейкиной поставили администрацию уезда в известность о переселении, исправно платили подати². Власти Самарского уезда были довольны тем, что число налогоплательщиков увеличилось и не стали отзываться на жалобы горожан. В 1762 г. при проведении 3-й ревизии жители были отмечены и переписаны только в трех селениях Самарского уезда на левом берегу Волги: самой Самаре, Алексеевске – ее пригороде и в упомянутой деревне.

Как правило, этническая принадлежность горожан при переписи не указывалась. О ней можно было узнать разве что в момент зачисления того или иного лица в посадскую общину. При этом этот признак носил не собственно этническую нагрузку, а указывал на сословную принадлежность. Так, прося о принятии в число горожан, Иван Киреев заявлял: «Слышел де от отца своего Кирея, а чей сын не упомнит, что он был из мордвы новокрещен, а которого уезду, села или деревни» не знает³.

После 3-й ревизии Семейкинская сельская община продолжала принимать переселенцев, благо земли и угодий было в достатке. В 1764 г. подали просьбу о вселении туда 125 душ муж. пола новокрещен из мордвы нескольких селений Пензенского уезда, кото-

¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 107. СПб., 1900. С. 461.

² РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2899. Л. 147–150, 178–182.

³ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2899. Л. 566.

рые ушли из родных мест «за малоимением при тех их жительствовах земли». Сами семейкинские жители дали на это свое согласие¹.

В 1760-е гг. в официальных документах упоминается на р. Моче деревня Титовка, которую основала мордва-эрзя². Предания этого селения утверждают, что во время калмыцкого набега жители Титовки «выдержали даже осаду, укрепившись баррикадами из телег, борон и т. п.»³. Титовские крестьяне в поле «выходили не иначе, как большими партиями и с оружием», причем «женщинам особенно был опасен калмыцкий аркан»⁴. Тем не менее, в Титовку и другие новые деревни на р. Моче (Гусарский Городок, Горки, Глушницы, Губашево) устремились переселенцы из Симбирского и Пензенского уездов. Среди них на 45 душ муж. пола русских приходилось 399 душ муж. пола крещеной мордвы.

К сожалению, сказки Ставропольского уезда, составлявшие в ходе 3-й ревизии податного населения, которая была проведена в 1762-1763 гг. не столь информативны в отношении старожилов и переселенцев, как поданные при 2-й ревизии. В силу этого картина продолжающегося заселения уезда после 1747 г. выглядит не столь подробно, как за предыдущий отрезок времени⁵.

Самой многочисленной группой среди жителей уезда, плативших подушную подать, были новокрещены из мордвы и чувашей. Их численность увеличилась более чем на треть (с 6 358 душ муж. пола до 8 468 душ муж. пола), а доля среди населения возросла почти до 47 % (от общего числа 13 846 душ муж. пола).

Подсчеты, сделанные непосредственно по сказкам ясачных крестьян 2-й и 3-й ревизии, представлены ниже⁶:

Численность ясачных крестьян Ставропольского уезда по национальностям						
	мордва	русские	татары	чувашаи	прочие	
По сказкам 1747 г. (душ муж. пола)	2 056	512	800	3 221	9	= 6 598
в %	31,16	7,76	12,12	48,82	0,14	= 100
По сказкам 1762-1763 гг. (душ муж. пола)	4 205	970	913	4 876	-	= 10 964
в %	38,4	8,8	8,3	44,5	0,14	= 100
Прирост населения между ревизиями в %						
В ходе 3-й ревизии указали места выхода (душ муж. пола)	105	89	14	51	-	= 66
	380	2	16	280	-	= 678
в %	56,0	0,3	2,4	41,3	-	= 100

¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2899. Л. 546, 548.

² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 931. Л. 32 об.

³ Научный архив Русского Географического общества (далее – НА РГО). Раз. 34. Д. 6. Л. 12 об.

⁴ Смирнов Ю.Н. Ретроспективный анализ в жанре устной истории бесед с жителями дореформенного российского города // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63, № 2. С. 374.

⁵ Переписи населения России. Вып. III. М., 1972. С. 234-238.

⁶ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3351.

Численность ясачных крестьян Ставропольского уезда по национальностям						
	мордва	русские	татары	чувашаи	всего	%
Казанского	23	0	0	90	113	16,7
Пензенского	194	0	13	7	214	31,6
Свияжского	0	1	0	14	15	2,2
Симбирского	160	1	3	158	322	47,5
Цивильского	0	0	0	11	11	1,6
Уфимского	1	0	0	0	1	0,1
Саранского	2	0	0	0	2	0,3

В среднем число ясачных крестьян всех национальностей выросло за 1747-1763 гг. на две трети. Особенно быстро увеличивалось число мордовских и русских крестьян, относящихся к этой сословной категории, более чем в два раза – первых и почти в два раза – вторых. По-прежнему самой большой национальной группой среди ясачных оставались чувашаи, хотя их доля снизилась с 49 % до 44,5 %. Среди ясачных в сказках 3-й ревизии не указаны представители иных национальностей, кроме вышеперечисленных и татар.

В таблице отмечены места выхода лишь части переселенцев, в основном мордовских и чувашских крестьян, поэтому уезды выхода показывают направления переселений ясачных людей преимущественно из этих народов. Симбирский, Пензенский и Казанский уезды дали до 96 % всех учтенных переселенцев. Численность переселенцев из чувашей и мордвы была одинаковой по Симбирскому уезду, мордва преобладала среди выходцев из Пензенского, Саранского и Уфимского уездов, а чувашаи – из Казанского, Свияжского и Цивильского.

Из-за быстрого увеличения числа жителей большие селения расселялись. После проведения переписи 1762-1763 гг. были представлены отдельные ревизские сказки новокрещеной мордвы из Верхнего Санчелеева, Новой Бинарадки, записанные первоначально в сказках Нижнего Санчелеева и Старой Бинарадки. Обстоятельства появления некоторых выселков закрепились в их названиях. Так, мордовская д. Андреевка (Подлесная) была названа по имени Андрея Лукоянова, являвшегося ее «заводчиком», т. е. организатором переселения из разросшегося Аделякова. Сюда подселились также выходцы из Свияжского и Казанского уездов¹.

Во второй половине XVIII в. численность податного населения в ведомстве Бугульминской земской конторы стала возрастать

¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3353. Л. 143 об.–144 об.

в основном за счет добровольных переходов государственных крестьян различных категорий, а не принудительных переводов «не помнящих родства», как прежде¹. В 1760-е гг. из народов Поволжья здесь преобладали чуваша и мордва, часто селившиеся вместе. Так, в 1766 г. мордва д. Байтермыш дала согласие на переход сюда группы новокрещенных чувашей². Заводчиком переселения мордвы в Большой Толкай в ревизской сказке называется чувашский крестьянин Литюшка (в крещении Ларион Андреев) из д. Малый Сызган Симбирского уезда³.

В ходе переселения, несмотря на наличие обширных неосвоенных земель, возникали земельные и имущественные тяжбы. Показательным для судебной практики тех лет по земельным спорам было следующее дело. В 1765 г. статский советник Арнаутов попытался согнать с земли жителей новопоселенной мордовской д. Сок Камышлы (Борисовой), «разведав о удобстве мест» и узнав, что «дикопорослая земля» была крестьянами «распахана и ко посеву удобрена»⁴.

Служа в губернской канцелярии, Арнаутов оформил документы, по которым земля, кормившая уже 285 ревизских душ, т. е. до 600 чел. обою пола, была представлена как «пустопорозжая» и передавалась ему «не токмо со всеми ... удобными местами, но и со всею деревнею и с распашенною пашнею и с посеянным озимым хлебом»⁵. Крестьянам же предлагалось переселиться на заведомо неудобные места.

В действительности земля была занята новокрещенцами под поселение с ведома и с последующим разрешением властей. Об их проживании здесь губернская администрация прекрасно знала. До той поры, пока уже освоенные угодья деревни не приглянулись Арнаутову, никаких препятствий в ее существовании не находилось, и даже официально давались разрешения на принятие новых жителей. По документам 3-й ревизии 1762-1764 гг., в «в новозаводимую деревню на речке Сок Камышле между деревни Сок Кармалы и Бугульминской Болшей слободы» были записаны переселенцы из уездов Казанского, Симбирского и Пензенского⁶.

Поддерживая влиятельного чиновника, власти прибегли к арестам протестовавших крестьян и предъявлению им обвинений по уголовным делам, описи скота и имущества. «Заводчик» этой деревни и вожак сок-камышлинских крестьян Борис Алексеев скрылся от ареста, попытался обратиться к оренбургскому губернатору, но безуспешно. Тогда Алексеев отправился в Санкт-Петербург, где смог добиться того, чтобы дело по жалобе жите-

лей деревни принял к рассмотрению Правительствующий Сенат. Губернатор Путятин обвинил Алексеева в клевете, уверяя в принадлежности спорной земли Арнаутову. В рапорте, poslanном в Сенат, безосновательно утверждалось, что Алексеева держали «в железах» сами жители деревни и бежал он от своих же односельчан «неведомо куда»¹. В конце концов, Сенат принял решение размежевать землю между мордвой и высокопоставленным чиновником.

Кроме судов, крестьяне Поволжья, в том числе мордовские, пытались отстаивать свои земли и интересы в Уложенной комиссии 1767-1768 гг.². Избранный депутатом новокрещен из мордвы К. Федоров представил в Комиссию 18 наказов от своих избирателей – государственных крестьян мордовских и чувашских деревень Ставропольского уезда. Среди них были наказания мордвы из сел Рождественского (Бесовки) и Дмитриевского (Малыклы), деревень Новой Малыклы, Мордовского Бугуруслана, Старой Такмаклы, Андреевки (Подлесной)³.

Работа этого законосовещательного собрания оказалась безрезультатной с точки зрения значительной массы населения. Это привело многих жителей Самарского края, в том числе из мордвы, в ряды участников пугачевского восстания 1773-1775 гг., одним из основных очагов которого стало Заволжье⁴.

В последней четверти XVIII в. переселенческое движение в Самарское Заволжье продолжалось. Теперь оно происходило в новых условиях, сложившихся после этого восстания, в новых административных границах, определившихся после губернской реформы Екатерины II, и по новым правилам, во многом продиктованным Генеральным межеванием.

Крупные землевладельцы часто использовали Генеральное межевание с выгодой для себя. Так, поверенные графа В.Г. Орлова добились передачи ему 26 тыс. десятин земли вдоль левого берега Волги, которые отрезались у горожан Ставрополя и ставропольских калмыков. Сюда была переселена мордва из малоземельных селений Самарской Луки, основавшая д. Мордовскую Борковку⁵.

Свою крепостную мордву Орловы перемещали также на заволжские земли к югу от Самары. В 1770-е гг. такие переводы были осуществлены в Екатерининскую волость⁶. В 1804-1811 гг.

¹ Переписи населения России. Вып. III. С. 234-238.

² РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2454. Л. 555.

³ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2454. Л. 207 об.

⁴ Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.). Самара, 2013. С. 79.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Д. 3620. Л. 629 об.– 630 об.

⁶ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2454. Л. 929–949 об.

¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 3620. Л. 629 об.–630 об.

² Артамонова Л.М. Региональные особенности землевладения и землепользования государственных крестьян Поволжья в их наказах депутатам Уложенной комиссии Екатерины II // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 222-230.

³ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. I б. Л. 29-30 об.; Ч. II. Л. 298-299, 304, 308-308 об.

⁴ Земля Самарская. Очерки истории Самарского края с древнейших времён до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Куйбышев, 1990. С. 115, 119.

⁵ Смирнов Ю.Н. Крупная крепостная вотчина и освоение земель Среднего Поволжья в последней трети XVIII – первой половине XIX века (по материалам владений Орловых и Орловых-Давыдовых в районе Самарской Луки) // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8-2 (99). С. 102-103.

⁶ ОР РГБ. Ф. 219. Карт. 3. Ед. хр. 4. Л. 1 об.–2.

мордовские крестьяне были среди переселяющихся в Воскресенскую волость¹.

Однако на свободные земли в ходе Генерального межевания перебирались и государственные крестьяне разных национальностей. Например, в так называемой «Уральской степи» к югу и востоку от г. Самары были «населены по открытию Симбирской губернии» после 1781 г. губернской казенной палатой «переведенцами из разных селений» несколько поселков. В их числе были получившие характерные этнические названия Русские, Мордовские и Чувашские Липяги².

Документы Генерального межевания (1799-1802 гг.) и 5-й ревизии (1796 г.) зафиксировали появление ряда довольно крупных селений с несколькими сотнями жителей дальше на восток в Бузулукском уезде. В их числе была Домашка (ныне в Кинельском районе), основателями которой стали украинские, русские, мордовские крестьяне из Тамбовской, Курской, Орловской губерний. Схожим и часто сложным был этнический состав переселенцев и в новые сёла Бугурусланского уезда. Так, в начале XIX в. Черновку (ныне в Кинель-Черкасском районе) вместе с 424 чел. обоего пола новокрещёной мордвы заселили 668 чел. обоего пола русских однодворцев из Тамбовской, Пензенской и других губерний³.

Всего с 1799 по 1811 г. в Бузулукский уезд прибыло из Тамбовской, Рязанской, Нижегородской, Казанской, Саратовской, Симбирской, Пензенской губерний и некоторых уездов Оренбуржья более 14 тыс. душ муж. пола, в основном русских государственных крестьян. Однако кроме них в составе переселенцев было 1 066 душ муж. пола мордовских, а также несколько сот чувашских и татарских крестьян. Сложным в этническом отношении оставался поток переселенцев в северо-восточные уезды Заволжья, поскольку в нем большое значение сохраняло традиционное передвижение жителей с разноэтничных территорий Среднего Поволжья. За 1799-1811 гг. среди 10,5 тыс. ревизских душ переселенцев в Бугурусланский уезд и 19 тыс. душ – в Бугульминский было указано соответственно 6,3 тыс. и 9,1 тыс. душ муж. пола русских крестьян, 2,5 тыс. и 4,8 тыс. душ муж. пола мордовских, 1,7 тыс. и 4,4 тыс. душ муж. пола чувашских, а также по несколько сот татар и тептярей⁴.

Наряду с казенными, активно переселялись в Заволжье дворцовые (удельные) крестьяне. Они реже продвигались вглубь неосвоенных районов, предпочитая оседать на еще весьма свободных землях, принадлежавших царской фамилии и тянувшихся по берегам Волги от устья Черемшана до нижнего течения Иргиза.

Среди новых мордовских деревень в этих местах появились Васильевка и Мусорка, основателями которой в 1795 г. стали переселенцы из уездов Алатырского (289 чел. обоего пола) и Котляковского (53 чел. обоего пола)¹. Новокрещёная мордва в числе 177 чел. перешла тогда же в дворцовую д. Спиридоновку из Алатырского в Самарский уезд².

Земли близ крепостей Самарской линии, формально выделенные местным казакам и гарнизонам, явочным порядком и довольно быстро заселялись государственными крестьянами. В XVIII – начале XIX в. (примерно до 1805 г.) здесь появилось 16 новых поселений. Для них был характерен пестрый национальный состав: 5 поселков имели русское население, 5 – русско-мордовское, 1 – русско-украинско-мордовское, 1 мордовское, 1 русско-чувашское, 1 чувашское, 1 – русско-татарское, 1 – татарское. В 1806–1812 гг. возникло еще 8 селений. Почти все они были русскими, но одно имело смешанное русско-мордовское население.

В ходе переселений и чересполосно-дисперсного проживания различных этносов ускорились ассимиляционные процессы. Несмотря на них, численность мордвы в России быстро росла, в том числе за счет расширения ее этнического пространства за Волгу, что помогло этому народу достигнуть, по мнению современных историков, определенной «комфортности и весьма благоприятных условий существования» в составе империи. Если в петровское время мордва насчитывала 107,4 тыс. чел., то к концу XVIII в. – 345,5 тыс. чел., т.е. в три с лишним раза больше. На исходе первой трети XIX в., по подсчетам современника той эпохи – академика П.И. Кеппена, в России численность мордвы достигла примерно 480 тыс. чел.³ Из них около 75 тыс. чел. (свыше 15 %) обитали в Самарском Заволжье, причем численность мордвы-эрзи здесь превышала примерно в 5 раз количество мордвы-мокши⁴.

В 1851 г. в Заволжье была создана Самарская губерния, хотя в соседней Симбирской «остался Сызранский уезд вместе с Самарской Лукой». Мордва составляла 9 % (133 265 чел.) от всех жителей новой губернии (1 479 081 чел.)⁵.

Достигнутые за короткий срок успехи в освоении Заволжского края в XVIII – начале XIX в. были в основном связаны с вольными переселенцами, пришедшими в том числе в результате притока беглых (добровольного или принудительного) с последующей легализацией их проживания в крепостях и казенных селениях, дворцовых и частновладельческих деревнях. Обеспечение условий для такого рода освоения и поддержка со стороны местных

¹ Смирнов Ю.Н. Самарское «графство» Орловых // Самарский краевед. Самара, 1995. С. 36.

² РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Д. 3896. Л. 3, 7, 12.

³ Ведерникова Т.И., Семочкина Г.В., Столяров П.Д. и др. Край Кинель-Черкасский: к истории населённых мест и этнографии района. Самара, 2019. С. 137.

⁴ Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). М., 1984. С. 92–93.

¹ Государственный архив Ульяновской области. Ф. 156. Оп. 3. Д. 16. Л. 700, 725, 727 об.; Д. 17. Л. 739-740.

² ГАУО. Ф. 156. Оп. 3. Д. 16. Л. 652–659 об., 706 об.

³ Юрчёнков В.А. Начертание мордовской истории: монография. Саранск, 2012. С. 291.

⁴ НА РГО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 187. Л. 23 об.

⁵ Воронов Н.А. Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.) / науч. ред. Ю.Н. Смирнов. СПб., 2015. С. 27.

властей ускорили интеграцию завожских земель в Российское государство. Важную роль в этом процессе сыграли мордовские переселенцы.

2.2.3. Заселение мордвой Самарского края в XIX в.

К концу XVIII в., в соответствии с данными 5-й ревизии населения России (1795 г.), отраженными в «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию по 5 уездам будущей Самарской губернии (Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский, Самарский, Ставропольский), 58 832 чел. мордовской этничности проживали в 186 селениях (подсчитано нами, прил. 3), в том числе:

в **Бугульминском уезде** – 9 996 чел. в 37 селениях: в Ново-Кувацкой слободе, в *сёлах* Борисово с деревнями Маторина, Алексеевское, Черный Ключ, Мордовский Кандыз (Секретарка); Рождественское (Маклауш); Богоявленское (Шентала) с деревнями Новое Суркина (Сенькина), Старое Суркина, Вязовка; в *деревнях* Старая Домосейкина, Новая Домосейкина, Добриня, Васильевка (Кузайкина), Сугушла, Новая Борискина, Дмитриевка (Усулы), Новоселка (Сережкина), Аксенкина, Старая Казбулатова, Новая Казбулатова, Новый Маклауш, Черемшанские Вершины (Клявлино), Спиридоновка, Кармалка (Сарабикулино), Ивановка, Тихие Ерыклы, Новая Резяпкина (Ойкина), Карабикулова, Темешева (Щербень), Андреевка (Подлесное), Афонькина (Новомордовская), Богана, Старая Урметева, Новая Урметева;

в **Бугурусланском уезде** – 16 713 чел. в 71 селении: в *сёлах* Рождественское (Мордовский Бугуруслан), Никольское (Аделяково), Дмитриевское (Кандыз) с деревнями Русская Бокла, Краснояровка, Павлушкина (Незнайкина); Архангельское (Ишуткино); Архангельское (Ключи); в *деревнях* Староверская (Елатманка), Пронкина, Шестайкина, Давыдкина (Киватская), Алексеевка (Озерок) или Башарина, Новая Григорьевка, Лобин Ключ, Каменный Ключ (Ключевка), Верхняя Заглядкина, Нижняя Заглядкина (Яковлевка), Козловка, Белое Озеро (Тюрино), Каменка (Нойкино), Мордовская Бокла, Мордовское Астанеево, Кирюшкина, Нуштайкина, Алпаева, Узеля, Старая Павлушкина, Новая Павлушкина, Афонькина (Коровино), Кабаевка (Васильевка), Терис-Тамак, Степановка, Малая Сурметева (Анисимовка), Большая Сурметева (Радаевка), Мартыновка (Елань), Новый Терис (Меклебаева), Ерыкла (Новая Кармалка), Верхний Сурмет (Подлесная), Новая Якупова (Абдулова), Алмистева, Кускина, Радостная, Борискина, Байтермишева (Савельевка), Тимофеевка, Камыш-Садак, Новые Узели (Петровка), Кукчумова, Каратай (Седяка), Гаврилова, Егорьевка, Сок-Кармала, Трифоновка (Михайловка), Большой Толкай, Малый Толкай, Ёга, Абдуловский завод, Новое Мансуркино, Ключевка (Аманак), Фролкино (Ерзовка), Семёновка (Сарбайкина), Солянка, Богородское (Вечканово), Каргала, Старый Байтермиш, Новый Байтермиш, Старые Сосны, Новые Сосны, Вязовка, Захаркина;

в **Бузулукском уезде** – 6 202 чел. в 25 селениях: в слободе Никольская (Домашкина), крепости Красносамарская; в *деревнях* Старая Тёпловка, Новая Тёпловка, Верхняя Вязовка, Нижняя Вязовка, Каменка (Покровка), Ялшанка (Трифоновка), Ивановка, Березовка, Пьянковка, Сарапкина, Ермаков Колок, Курманаева, Лобазы, Бобровка, Фёдоровка, Алдаркина, Таволжанка, Ивановка (Коноваловка), Новотоцкая, Съезжая (Леонтьевка), Съезжая (Максимовка), Чёрновка, Егорьевка (Семейкина);

в **Самарском уезде** – 10 076 чел. в 20 селениях: в *сёлах* Архангельское (Липовка), Архангельское (Титовка) с деревнями Горки, Малая Томилова, Глушицы; Кузьмодемьянское (Чёрновка) с деревнями Березовка, Тростянка; Архангельское (Каменка), Богоявленское (Кобельма), Спасское (Чесноковка), Покровское (Елховка), Богоявленское (Старая Кармала) с деревнями Новая Кармала и Грачёвка; в *деревнях* Мордовские Липяги, Старая Семейкина, Новая Семейкина; Мордовская Селитьба, Степная Шентала;

в **Ставропольском уезде** – 15 845 чел. в 27 селениях: Благовещенская слобода (Сускан), в *сёлах* Рождественское (Лебяжье) с деревнями Сабакаева, Васильевка (Грязнуха); Рождественское (Старая Бесовка), Дмитриевка (Малыкла), Покровское (Красная Река); в *деревнях* Выселок (Ивановка), Нижнее Санчелеево, Верхнее Санчелеево, Старая Бинарадка, Пискара, Узюково, Дмитриевка (Сухие Аврали), Кирилловка (Аврали), Новая Бинарадка, Табурная, Александровка, Белый Яр, Тимошкина (Высокий Колок), Средняя Бесовка, Новая Бесовка (Кармала), Куликовка, Новая Малыкла, Ерёмкина, Богдашкина, Старый Урень¹.

Указанная численность селений и жителей в них весьма относительна, поскольку землемеры чаще указывали социально-экономическую категорию крестьян (удельные, ясачные, экономические); в дворянских имениях этничность владельческих крестьян не указывалась вовсе.

В миграциях мордвы на территорию Самарского края в XIX в. существовали некоторые особенности по сравнению с предшествующим периодом: если для XVII–XVIII вв. было характерно заселение северных районов Заволжья, то сейчас, аналогично русским переселенцам, мордва направлялась и в южные уезды губернии.

Как и на предыдущем этапе, районами выселения мордвы в Самарское Заволжье являлись средневожские – Казанская и Симбирская губернии, а также правобережье Волги – Саратовская, Пензенская и Тамбовская губернии. Две последние губернии в XIX в. дали наибольшее количество мордовских переселенцев. Об этом свидетельствуют данные восьмой переписи населения (1834 г.)².

Основной причиной переселения мордвы в завожские степи в XIX в. по-прежнему оставалось малоземелье в районах прежнего

¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 932 (Бузулукский уезд), 1422 (Самарский уезд), 1430 (Ставропольский уезд), 1874 (Бугульминский уезд), 1876 (Бугурусланский уезд).

² ЦГАСО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1–10.

ее обитания. В.П. Тумайкин, рассматривая рост миграции в указанный период, писал, что «подавляющее большинство мордвы относилось к разряду государственных крестьян и в меньшей степени – к удельным. Помещичьи крестьяне из мордвы составляли лишь около 9 % от общей численности мордовского крестьянства. Поэтому значительные ее переселения в районы левобережья Средней Волги следует объяснять ростом относительного аграрного перенаселения и разложением мордовской сельской общины в ходе развития в ней капиталистических отношений»¹.

Соотнеся данные о мордовских селениях, указанных М. Гребневым на 1886 г.², и в «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию на конец XVIII в. (прил. 3-4), можно утверждать, что ряд селений в Заволжье были образованы в первой половине XIX в. В *Бугульминском уезде* возникли село Петровское, деревни Тирикля, Измайлова, Новая Борискина, Тихоновка; в *Бугурусланском уезде* – Исаково, Ново-Ганькино, Рычково, Красноярка, Петровка, Зернаевка, Тимошкино, Емантаева и Радовка; в *Бузулукском уезде* – Гришкино, Благодаровка, Георгиевка, Филипповка, Неприк, Ключевского прихода деревни Каменка, Пронькина, Шулаевка, Шестаковка; Богдановского прихода деревня Большая Ремизенка; Преображенского прихода деревня Кималовка; в *Новоузенском уезде* – село Калдино; в *Самарском уезде* – Мордовская Липовка, Шиланский Ключ, Бузаевка, Вязовка, Краково, Никольское (Красные Дома); в *Ставропольском уезде* – Никольское, Новая Бесовка, Бирля, Чувашский Сускан³. Рассмотрим историю некоторых из них.

Наряду с крещеными калмыками территорию Ставропольского уезда с 1730-х гг. активно осваивала мордва. Так, среди мордвы-эрзи д. Лопатино Ставропольского района сохранились предания о кочевьях калмыков в окрестных степях и перелесках, о переселении мордвы в эту деревню из с. Атяшева Симбирской губернии на земли, принадлежавшие уделу⁴. Эти предания подтверждаются и архивным документом «Дело по отношению Самарской удельной конторы о поселении новой деревни Лопатиной в удельном имении Ставропольского уезда»⁵.

В 1843 г. бывшие земли ставропольских калмыков площадью в 322 тыс. десятин поступили из военного ведомства в распоряжение Министерства госимуществ. Чиновники министерства произвели хозяйственную съёмку этих земель и выделили 128 тыс. десятин под заселение, нарезав 12 примерно равных частей под каждое предполагаемое сельское общество.

В процессе заселения калмыцких земель возникло указанное выше с. Никольское (Красные Дома) (ныне Елховского района). В 1848 г., спустя год после объявления набора добровольцев, 92 семейства (мордвы и русских. – *Т.В.*) из Пензенской и несколько семейств из Нижегородской губерний приступили к переселению. Осенью в Самару прибыли работники, которые выбрали себе участки по р. Чесноковке и успели частично обработать земли к весенним посевам. Весной 1849 г. появилась основная масса переселенцев, образовавшая первое сельское общество – Николаевское, выше по той же речке появилось ещё два – Вязовское и Троицкое, а по р. Кандабулак – четвертое, названное Петропавловским¹.

Не имея возможности образовывать новые селения с большими земельными владениями, в XIX в. мордва селилась дисперсно с иноэтничными жителями. Так, с. Краково Самарского уезда (ныне Красноярского района) было основано в 1845 г. выходцами из с. Манадыши и д. Дюрек Алатырского уезда Симбирской губернии. Еще в 1843 г. жители указанных селений получили разрешение переселиться «восьмидесяти ревизским душам русских и таковому же количеству мордвы. В 1844 г. некоторые из переселенцев явились на новую землю для сенокоса, а к озимому посеву и все способные к работе двинулись сюда». В 1855 г. в с. Краково прибыли еще мордовские переселенцы из с. Кочкурово Алатырского уезда. Таким образом возникло русско-мордовское селение; последующие переселения в село дали численное преобладание мордвы-эрзе. «По 10 ревизии (1858 г.) в Кракове уже состояло 254 души. Сделавшись из коронных удельными, в 1864 г. они стали крестьянами-собственниками»².

В Царевщинском приходе Самарского уезда по р. Сок на бывших калмыцких землях в 1858 г. вместе с русскими переселенцами из Курской, Нижегородской, Пензенской и Тверской губерний поселились мордовские выходцы из Бугурусланского уезда. Причиной их переселения явилось малоземелье в прежнем районе жительства³.

Как отмечалось выше, в XIX в. значительно усилился поток переселенцев в южные уезды Самарского Заволжья. Так, авторы «Сборника статистических сведений»⁴ относят рост переселенческого движения в Бузулукский уезд «в промежуток от 7 до 8 ревизии, между 1816–1834 гг. В течение этого времени крестьянами-переселенцами было основано 160 новых селений, преимущественно в южной степной части уезда. С 1834 по 1848 г. было населено 35 деревень, в 1850-х гг. – 9. Самый многочисленный контингент переселенцев дала Тамбовская губерния из уездов:

¹ Тумайкин В.П. Из истории заселения мордвой левобережья средней Волги (XVIII – XIX вв.). Труды Морд. НИИЯЛИЭ. Вып. 47. Саранск, 1974. С. 82.

² Гребнев М. Мордва Самарской губернии // СЕВ. 1886. № 22. С. 440-446.

³ Гребнев М. Мордва Самарской губернии // СЕВ. 1886. № 21. С. 435.

⁴ МЭЭ 1995 г. Ставропольский район // Личный архив Т.И. Ведерниковой.

⁵ ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1156. Л. 1.

¹ Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века. В 2 кн. / под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмкова. Кн. 1. Самара, 1993. С. 166.

² Приход Краковский Самарского уезда // СЕВ. 1872. № 17. С. 378-379, 382; № 21. С. 483.

³ Ласточкин Н. Царевщинский приход Самарского уезда // СЕВ. 1870. № 11. Ч. неофиц. С. 248.

⁴ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. I. Самарский уезд. М., 1883; Т. II. Ставропольский уезд. М., 1884; Т. III. Бузулукский уезд. Самара, 1885; Т. IV. Бугурусланский уезд. Самара, 1886; Т. V. Бугульминский уезд. Самара, 1887; Т. VI. Николаевский уезд. Самара, 1888; Т. VII. Новоузенский уезд. Самара, 1889.

Кирсановского, Козловского, Усманского, Моршанского, Липецкого, Шацкого, Темниковского, Лебедянского и Спасского, так что в период с 1825 по 1840-е гг. одна Тамбовская губерния выселила сюда не менее 1/3 своего населения. В Бузулукском уезде одними тамбовцами было основано 116 деревень. Курские поселенцы из уездов: Щигровского, Фатежского, Старо- и Ново-Оскольского и Тимковского основали 59 деревень; пензенские – из уездов: Саранского, Краснослободского и Чембарского 58 деревень; рязанские – из уездов: Ранненбургского, Скопинского и Сапожковского – 28 деревень; воронежские – из уездов Ливенского, Новохоперского и Вилуйского – 29 деревень; харьковские – 2; орловские – из уездов: Елецкого, Севского, Брянского и Карачевского – 20 деревень; смоленские переселенцы основали 7 деревень. Кроме того, масса переселенцев рассеяна по разным селениям из губерний Оренбургской, Уфимской, Томской – преимущественно в восточной части уезда, далее – из губерний Симбирской (Ардатовский и Сызранский уезды), Казанской, Нижегородской, Калужской, Саратовской, Тверской, Новгородской, Владимирской, Московской (Можайский уезд), Киевской, Черниговской, Кубанской. Таким образом, бузулукские крестьяне составляют пришлое население из 24 губерний Российской империи.

Массу тамбовских, курских, рязанских и орловских переселенцев составляют однодворцы, владевшие землей на четвертном праве; мордва “мокшане” шли из Тамбовской, Пензенской и Казанской губерний. Но здесь селилось немало и беглых крестьян, особенно помещичьих, и сектантов – молокан. Например, с. (ныне райцентр) Алексеевка (Землянка) первоначально состояла из 10 дворов беглых солдат и помещичьих крестьян из молокан, явившихся сюда в 1809 г. В 1828 г. молокан здесь насчитывалось уже 130 душ»¹.

В южной части губернии мордва проживала в основном в смешанных селениях, «хотя основная масса ее находилась в селениях, где она составляла большинство»².

К примеру, д. Тёпловка Бузулукского уезда, представлявшая одно целое с д. Ломовкой (ныне - оба села Пестравского района) возникла во второй половине XVIII в. По данным 5-й ревизии (1795 г.) здесь было 2 деревни – Старая и Новая Тёпловки. В Старой Тёпловке в 49 дворах проживала ясачная мордва в количестве 153 чел. муж. пола, 113 – жен. пола; здесь же находились 13 хозяйств перешедших из Курской губернии однодворцев – 46 чел. муж. пола, 37 – жен. пола³. По информации старожилов, Тёпловка делилась на 2 конца – Мокшанский (мордовский) и Карташи (русский)⁴.

В Новой Тёпловке в 77 дворах проживали 244 чел. муж. пола и 240 чел. жен. пола из мордвы новокрещеной, наряду с русскими однодворцами, которых в 27 дворах насчитывалось 87 чел. муж. пола и 86 чел. жен. пола. Аналогичный состав жителей был характерен для соседних деревень – Верхней и Нижней Вязовки, Каменки (Покровки), Ялшанки (Трифоновки), Ивановки, Сарапкиной¹.

С мордвой – переселенцами из Пензенской губернии, связано образование в начале XIX в. на удельных землях с. Георгиевка Бузулукского уезда (ныне Кинельского района). Изначально село было мордовским и называлось Егорьевкой; по мере подселения русских переселенцев село стало разрастаться. Егорьевка превратилась в Мордовский конец села, ближе к лесу возникла русская Зябловка; в дальнейшем появился и Московский конец².

Мордовские переселенцы на рубеже XVIII–XIX вв. основали в Бузулукском уезде и нынешнее с. Трофимовка Нефтегорского района. В планах Генерального межевания 1800 г.³ деревня была обозначена как «Дергановка, Трофимовка, Росташа тож». Первое название И.А. Радов связывает с мордвой, вышедшей из Старой Дергановки Краснослободского уезда Пензенской губернии (ныне Республика Мордовия). Изначально мордва разделилась в деревне на улицы по религиозному признаку – православные и молокане. Мордовский бок (Дергановка) – самый длинный и густонаселенный – занимал восточную часть. В южной части между двумя оврагами располагался Молоканский бок (Росташа); на северо-западе вдоль крутого овражного берега – Русский бок (Трофимовка). На «задах» Молоканского бока, преимущественно на левом берегу Ельцова оврага, примыкая к Русскому боку, селилась Фёдоровка – концевая, более поздняя улочка в несколько дворов⁴.

После образования в 1836 г. Николаевского уезда, в его состав были включены возникшие в конце XVIII в. сёла Константиновка (Барсуковка), Глушица (Большая), Овсяный Гай (Мосты), где проживала мордва. В XIX в. здесь возникли д. Ломовка (1800 г.), отделившаяся от д. Тёпловки; Вязовка (Дергуновка) (1830 г.), выделившаяся от Вязовки Березовка (1873 г.), Малая Глушица (1831 г.), Александровка (1843 г.), Мокша (1842 г.)⁵. Большая численность переселенцев из Тамбовской губернии и их фамилии позволяют предполагать, что в их среде были жители мордовской этничности.

К 1859 г. в Самарской губернии проживали около 140 тыс. чел. мордвы⁶, наиболее компактно (по убыванию числа селений) – в Бугурусланском, Ставропольском, Бугульминском, Бузулукском, Николаевском и Самарском уездах; в Новоузенском уезде ее было

¹ Сборник статистических сведений... Т. III. С. 10-15.

² Козлов В.И. Расселение мордвы (исторический очерк) // Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 63. М., 1960. С. 54.

³ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 932. Л. 70-71.

⁴ МЭЭ. 1997 г. Пестравский район // Личный архив Т.И. Ведерниковой.

¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 932. Л. 70-71.

² Мельниченко Л. Прогулки по Кинельскому району. Н. Новгород, 2018. С. 40-42.

³ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 415. Ч. 2. Д. 1126. Л. 85 об.

⁴ Радов И.А. Трофимовка, Дергановка, Росташа тож. История деревни в родословных её семей. М., 2017. С. 23-37.

⁵ Русяев П.Я. Земля глушицкая. Исторический очерк (ч. I, изд. 2-е). Самара, 1998. С. 106-116.

⁶ Списки населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года. Вып. 36. Самарская губерния. СПб., 1864. С. 34.

сравнительно мало. Об этом свидетельствует таблица, составленная В.И. Козловым¹:

Численность мордвы (в тыс. чел.)
в Самарской губернии на 1859 г.

Уезды Самарской губернии	Данные «Списков населенных мест»	%	
		в губернии	в уезде
Бугульминский	13,1	10,9	
Бугурусланский	43,6	20,9	
Бузулукский	12	5,3	
Николаевский	21,4	5	
Новоузенский	7	1,1	
Самарский	23,1	6	
Ставропольский	19,8	13,6	

Характеризуя этнографический состав мордвы Самарской губернии, Б. Ляковский в 1860 г. писал (текст адаптирован): «Мордва перешла в Заволжский край преимущественно из губерний Пензенской, Тамбовской, Нижегородской и Симбирской. Мордовский народ состоит из двух племен – мокшан и эрзи. Мокшане вышли из Пензенской и Тамбовской губерний. В хозяйственном быту и в понимании христианских обязанностей они стоят гораздо выше эрзи. Мокшане живут преимущественно в Самарском, Николаевском и частью в Бузулукском уездах; в некоторых селениях они до того обрусели, что почти утратили свой язык. Эрзя перешла сюда из Нижегородской и Симбирской губерний, живет в Бугурусланском, Бугульминском и частью в Ставропольском уездах; сохранила свой язык, свою племенную финскую физиономию и многие языческие верования. Мокшане с эрзью в родственные отношения не вступают и питают друг к другу какую-то закоренелую племенную вражду. Наречие, которым говорят мокшане, отличается от наречия эрзи»².

Переселение мордвы в Самарскую губернию активно продолжалось и во второй половине XIX в. Только за 10 лет количество селений, где проживала мордва, увеличилось с 203 в 1859 г.³ до 279 в 1869 г.⁴

Сравнение приведенных выше данных о численности мордвы по уездам губернии на конец 1850-х гг. с данными первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. позволило В.И. Козлову определить, что за этот период в край прибыло около 15 тыс. чел., главным образом в Самарский, Бугульминский и Новоузенский уезды⁵.

Характерно, что в этот период мордва обустраивалась в основном в сельской местности. Хотя процесс урбанизации мордовских

переселенцев в Заволжье был более активным, чем в районах их выхода, доля горожан в губернии составляла 0,6 %; около 640 чел. проживали в то время в городе Самаре¹.

Людность селений определяется природными условиями местности, давностью основания селения и системой землевладения. В степных районах, где сравнительно мало удобных источников водоснабжения, численность жителей сёл и деревень, как правило, больше, чем в лесной зоне.

Средняя людность мордовских населенных пунктов в южных уездах губернии была выше, чем в северных, при этом значительно выше, чем русских (соответственно 1 085 и 600 чел.). Это можно объяснить как фактором длительности существования селений и нахождением их жителей в разряде государственных крестьян, так и сравнительной стойкостью мордовской сельской общины².

Характеризуя сельскую общину Бугульминского уезда в конце XIX в., И. Красноперов писал: «Мордовская община обнаруживает признак более прочной устойчивости, нежели русская, так как: во-первых, мордва никогда не выделяет общественных земель для сдачи в аренду кулакам с целью покрытия доходами с них разных мирских платежей; во-вторых, не отбирает земельных наделов у своих неисправных плательщиков податей (как это делается иногда у русских), и все недоимки раскладывает поровну на всех однообщинников»³. Выселки из мордовских селений, а также образование новыми группами мордовских переселенцев в Заволжье новых селений – достаточно редкое явление. Как правило, при наличии достаточной земельной площади они присоединялись к уже существовавшим селениям.

В.Н. Майнов писал о повсеместном распространении среди мордвы (особенно у мокши) многолюдных дворов-хозяйств⁴. «Списки населенных мест» за 1859 г. позволяют утверждать, что в большинстве губерний Заволжья людность мордовских дворов была несколько выше, чем средняя (8 чел.). По Самарской губернии она составляла 8,5 чел. Это можно объяснить опять-таки более давним существованием здесь мордовских селений и стойкостью сельской общины⁵.

Исследователи переселенческого движения в России отмечают два подъема его с середины XIX в. Первый из них был обусловлен отменой крепостного права в 1861 г. и ускорившимся развитием капитализма, в том числе и в сельском хозяйстве, что приводило к его интенсификации и социальному расслоению деревни. В условиях продолжающегося роста численности сельского населения и обострения аграрного кризиса в центральных губерниях оба обстоятельства приводили к стремлению разрешить возникавшие

¹ Мордва Заволжья... С. 13.

² Ляковский Б. Материалы для статистического описания Самарской губернии. СПб., 1860. С. 61-62.

³ Списки населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года... С. 34.

⁴ Тумайкин В.П. Указ. соч. С. 82.

⁵ Мордва Заволжья... С. 16.

¹ Шибаев В.П. Этнический состав населения европейской части России. Л., 1930.

² Мордва Заволжья... С. 14.

³ Красноперов И. Мордовская община в Бугульминском уезде // Северный вестник. 1887. № 1. Отдел второй. С. 66.

⁴ Майнов В.Н. Очерк юридического быта мордвы. СПб., 1885. С. 152.

⁵ Мордва Заволжья... С. 15.

проблемы путем переселения в губернии с большими земельными просторами. Второй подъем был вызван реформой П. Столыпина 1906 г., обеспечившей крестьянам свободный выход из сельской общины с предоставлением им в этом случае земельного надела в полную собственность с правом залога или продажи, что обеспечивало переселенцам покрытие хотя бы части расходов для обустройства на новом месте. Немаловажное значение имело и упорядочение миграций крестьян, в частности, создание в 1896 г. государственного Переселенческого управления, взявшего на себя заботу по переселению из прежних мест обитания и выделению земельных участков в новых местах оседания переселенцев.

В целом к 1869 г. в Самарской губернии насчитывалось 279 селений, в которых проживала мордва. Смешанный этнический состав этих селений представляет таблица, составленная В.П. Тумайкиным¹:

Уезды Самарской губернии	Бугульминский	Мордва	34	Мордва+русские	3	Мордва+чуваши	2	Мордва+татары	-	Мордва+русские+чуваши	2	Мордва+русские+татары	-	Мордва+русские+мещер.	-	Мордва+русские+башкиры	1	Мордва+русские+татары+чуваши	1	Всего в уезде	43
	Бугурусланский		64		25		2		2		3		1		-		-		-		97
	Бузулукский		11		29		-		1		1		2		-		-		1		45
	Самарский		16		15		-		-		2		-		-		-		-		34
	Ставропольский		13		14		2		-		1		1		-		-		1		32
	Николаевский		5		15		-		-		-		-		-		-		-		20
	Новоузенский		1		7		-		-		-		-		-		-		-		8
	Всего в губернии				144		108		6		3		9		4		1		1		3

По данным переписи 1883 г., отраженным в «Сборниках статистических сведений», в Ставропольском уезде мордвы числилось 26 145 чел. обою пола (12 908 муж. пола и 13 237 жен. пола), что составляло 12,1 % от всего населения уезда²; в Бузулукском уезде – 7 408 чел. обою пола (3 628 муж. пола и 3 780 жен. пола)³. Авторы «Сборников...» отмечали, что в Бугурусланском уезде русские составляли 57 %, инородцы – 42,9 %. При этом «за русскими по численности следует мордва, составляющая ¼ часть всего населения в уезде. Чуваши, мордва и русские не живут между собою обособленной жизнью, мордва вступают с русскими даже в родственные связи»⁴.

Мордва-эрзя Бугульминского уезда характеризовалась в «Сборниках...» как «позднейший элемент населения, явившийся сюда в XVIII и начале XIX веков, из губерний Симбирской и Нижегородской». При этом численность мордовской этнической группы, включенной в состав инородцев (74,2 % от всего населения уезда), отдельно не указывалась⁵.

«Сборники...» в этнографическом составе жителей Николаевского уезда мордву не указывают совсем, хотя отмечается конфессиональная специфика переселенцев на эту территорию – наряду с православными, сюда активно двигались «раскольники» и молокане. Значительное число последних представляли выходцы из Тамбовской губернии, в их числе могла быть и мордва. Авторы «Сборника...» отмечают, что «селения Николаевского уезда отличаются наиболее крупными размерами, как ни в одном из 6 исследованных уездов». Среди наиболее крупных селений указываются Липовка (821 двор и 4 701 житель) и Дергуновка (745 дворов и 4 781 житель)¹. По косвенным сведениям, в этих сёлах значительный процент населения составляла мордва.

В Новоузенском уезде мордва была малочисленной – в 144 дворах проживали 1 007 чел. обою пола (524 муж. пола и 483 жен. пола), что составляло менее 1 % от всего населения уезда (295 185 чел.)².

В большинстве смешанных селений заволжская мордва проживала совместно с русскими; нередко это вело к ее обрусению. Сведения об ассимиляционных процессах в среде мордвы Самарского Заволжья появились уже в 1880-е гг. «Сборники...» исключили мордву из перечня этнических групп Самарского и Николаевского уездов. По мнению авторов «Сборников...», «мордва в настоящее время почти совершенно утратила свои племенные отличия и вполне ассимилировалась с великорусским элементом»³. Аналогичное заключение сделал М. Гребнев в своем исследовании: «Дело обрусения мордвы подходит к концу. Еще какая-нибудь сотня лет, и от мордовского имени в Самарском крае останется одно воспоминание»⁴. При этнографическом обследовании нами в 1980 г. селений, которые по данным «Списков населенных мест» на 1889 г. названы мордовскими, на территории бывших Николаевского и Новоузенского уездов обнаружилось, что их жители считают себя русскими по культуре и языку⁵.

В определении численности мордвы в Самарском Заволжье в XIX в. существуют некоторые сложности. На них обращает внимание В.И. Козлов: «Общая численность жителей в селениях, отнесенных составителями "Списков населенных мест Самарской губернии" к числу мордовских, резко превышала численность мордвы по тем же уездам, приведенную во вступном очерке к "Спискам"». Исследователь объясняет это явление тем, что «в начальный период заселения края мордва была основателем многих селений. По традиции они впоследствии долго считались мордовскими, хотя мордва в них составляла уже меньшинство населения или успела совершенно раствориться в массе более поздних, но и более многочисленных пришельцев»⁶.

¹ Тумайкин В.П. Указ. соч. С. 82.

² Сборник статистических сведений... Т. II. С. 17.

³ Сборник статистических сведений... Т. III. С. 15.

⁴ Сборник статистических сведений... Т. IV. С. 8-9.

⁵ Сборник статистических сведений... Т. V. С. 7, 13.

¹ Сборник статистических сведений... Т. VI. С. 10-22.

² Сборник статистических сведений... Т. VII. С. 14.

³ Сборник статистических сведений... Т. I. С. 7.

⁴ Гребнев М. Указ. соч. 1886. № 23. С. 462.

⁵ МЭЭ. 1980 г. Пугачевский и Новоузенский районы Саратовской обл. // Личный архив Т.И. Ведерниковой.

⁶ Козлов В.И. Расселение мордвы... С. 27.

По данным М. Гребнева, к 1886 г. в Самарской губернии насчитывалось 146 селений, в которых проживала мордва (прил. 4):

в **Бугульминском уезде** в 25 селениях (11,1 % от всего населения уезда): в сёлах Мартыново, Борискино, Домосейкино, Старые и Новые Маклауши, Поповский, Секретарка, Ново-Кувацкая, Старо-Кувацкая, Петровское, Тихоновка, Туарма, Шентала, слобода Верхне-Кармалинская, Черемшанская крепость и деревнях – Наумовка, Тирикла, Добрина, Ново-Мертовщинский, Дмитриевка, Измайловка, Ново-Борискина, Казбулат, Старая и Новая Урмагсейка;

в **Бугурусланском уезде** в 48 селениях (21 %): сёлах Кирюшкино, Большой Толкай, Малый Толкай, Ключи, Флоркино (Ерзовка), Семёновка, Захаркино, Исаклы, Аделяково, Аманак, Вечканово, Воскресенское, Исаково, Ишуткино, Кротково, Ново-Ганькино, Старые Сосны, Покровка, Сарайгир, Кузьминовка, Кармала-Ивановка, Мартыново, Григорьевка, Афонькино, Палибино, Мордовская Бокла, Нойкино, Пронькино, Мордовский Бугуруслан, Аксаково, Рычково, Сок-Кармала, Красноярка, Русская Бокла, Павлушкино, Баклановка, Петровка, Большой Сурмет, Борискино, Зернаевка, Камыш-Садак, Тимошкино, Георгиевский (Емантаевка), Радовка, Кандызская слобода, деревнях Ёга, Нуштайкина, Савельевка;

в **Бузулукском уезде** в 32 селениях (7,1 %): сёлах Лабазы, Курманаево, Гришкино, Герасимовка, Благодаровка, Перовка, Георгиевское, Филипповка, Виловатое, Коноваловка, Съезжее, Чёрновка, Колки, Неприк, Новая Тёпловка, Баклановка, Нижняя Вязовка, Каменка, Пронькино, Шулаевка, Яшкино, Толкаевка, Михайловка, Пронькино, Шестаковка, Логачевка, Ефимовка и деревнях Новотроицкая, Тарпановка, Новотоцкая, Большая Ремизенка, Кишаловка;

в **Николаевском уезде** в 10 сёлах (3 %): Новозахаркино, Константиновка (Барсуковка), Малая Глушица (Соплевка), Подъём, Вязовый Гай, Каменный Брод, Мосты, Ломовка, Милорадовка, Малое Перекопное;

в **Новоузенском уезде** в 2 сёлах (0,6 %): Калдино и Миус;

в **Самарском уезде** в 18 сёлах (5,83 %): Мордовская Липовка, Глушицкое (Томылово), Титовка, Липяги, Горки, Новосемейкино, Тростянка, Шиланский Ключ, Бузаевка, Большая Каменка, Сухие Аврали, Кобельма, Вязовка, Большая Чесноковка, Никольское (Красные Дома), Елховка, Степная Шентала, Новая Кармала;

в **Ставропольском уезде** в 23 сёлах (13,81 %): Никольское, Выселки, Нижне- и Верхне-Санчелеево, Кирилловка, Старая и Новая Бинарадка, Пискалы, Узюково, Александровка, Новая Бесовка, Старая Бесовка, Новая Малыкла, Старая Малыкла, Бирля, Васильевка, Лебяжье, Благовещенский Сускан, Чувашский Сускан, Белый Яр, Матюшкино, Красная Река, Архангельский и деревня Ботьма¹.

В XIX в., по сравнению с более ранним периодом, среди мордовских переселенцев численно преобладала мордва-мокша. Так, «в трех исследованных земскими статистами уездах – Бугурусланском, Бузулукском и Ставропольском преобладающее население (среди мордвы. – *Т.В.*) принадлежало к ветви мокши, тогда как в Бугульминском уезде эрзя составляла значительное большинство»¹.

В последней трети XIX – начале XX в. переселенческое движение среди мордвы развивалось медленнее, чем среди русских крестьян. Как отмечалось выше, большинство мордвы принадлежало к разряду государственных крестьян, которые после реформы 1861 г. оказались обеспеченными землей в 1,5-2 раза лучше, чем бывшие владельческие крестьяне. Видную роль играла и отмеченная сравнительная стойкость мордовской сельской общины. Тем не менее, тот факт, что земельные наделы в губерниях Заволжья (в среднем по 15-20 десятин на хозяйство) были вдвое больше, чем в губерниях и уездах региона изначального расселения мордвы, создавал достаточные стимулы для переселения².

В конце XIX – начале XX в. активность переселений в Заволжье и численность населения в Самарской губернии – зоне рискованного земледелия – напрямую зависели от природных условий. Разнообразные источники свидетельствуют о засухе и неурожаях 1873-1874, 1880, 1882, 1890, 1891, 1892, 1898 гг., приводивших к обеднению крестьянства.

Существенное влияние на миграции жителей Поволжья, в том числе и мордвы, оказал страшный голод 1921 г., поразивший особенно сильно Самарскую губернию.

Начало XX в. ознаменовалось оттоком населения, в том числе и мордовского, на восток – в Приуралье и далее – в Сибирь. Этот процесс усилился после государственного постановления в конце 1924 – начале 1925 г. о развитии переселенческого движения и создании при ЦИК СНК специального Центрального Колонизационного (с 1926 г. – Переселенческого) комитета, который выделял мигрантам земли и оказывал им различные виды помощи в новых местах обитания.

2.3. МОРДВА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ В XX – НАЧАЛЕ XXI В.

К началу XX в. мордва, как эрзя, так и мокша, жили на территории всех уездов Самарской губернии, большинство из них – в Бугурусланском, Бузулукском, Ставропольском, Самарском уездах.

По данным переписи населения 1920 г., в европейской части России проживало 1 095 780 чел. мордовской национальности, из них в Самарской губернии – 238 673 чел.; в 1924 г. – около 240 тыс. чел. С 1897 по 1920 г. численность мордвы в губернии выросла на 3 %, в то время как в Пензенской губернии – на 11 %, в Тамбовской – на 21 %.

¹ Гребнев М. Мордва... // СЕВ. 1886. № 22. С. 440-447.

¹ Красноперов И. Мордовская община в Бугульминском уезде // Северный вестник. 1887. № 1. Отд. 2. С. 60-75.

² Мордва Заволжья... С. 15.

Ил. 2.10.
Александро-Невская
церковь. Новая
Кармала Кошкинского
района. Начало 1990-х гг.
Фото В.И. Алексеевой

Согласно первой Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Самарской губернии проживало 252 тыс. чел. мордвы, в том числе 210 тыс. эрзян и 42 тыс. мокшан¹. Из-за неурожая и сильного голода 1921 г. отдельные группы крестьян, в том числе мордовских, оставляли места традиционного проживания, массово переселялись в Среднюю Азию и юг Сибири. Этим объясняется небольшой прирост численности мордовского населения губернии с 1920 по 1926 г.

По данным 1928 г. в десяти районах Самарского округа из 360 сельских советов 78 были национальными (21,8 %), большинство из них (28) были мордовскими². В начале 1934 г., в связи с численностью и компактным проживанием мордвы на северо-востоке области, в составе Бугурусланского округа Средневожского края был выделен Клявлинский мордовский национальный район.

¹ Мордва Заволжья... С. 17-20.

² Ведерникова Т.И. Реализация советской национальной политики в Самарской губернии в 1920-х гг. // Самарский край в истории России. Вып. 4. Самара, 2012. С. 197.

Ил. 2.11.
Отреставрированная
церковь Александра
Невского, 2011.
Фото В.И. Алексеевой

С 1928 по 1937 г. мордва, как и другие народы, пережила все тяготы всеобщей коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания. После конфискации имущества в пользу колхозов многие крепкие мордовские семьи были отправлены в ссылку – в Казахстан, Забайкалье, в Архангельскую область и т. д. Оторвавшись от своих корней и прожив на чужбине несколько лет, лишь малая часть из них решила вернуться в родные края. Многие навсегда потеряли связь с родными и близкими, с национальными традициями и родным языком, что в целом оказало негативное воздействие на этнодемографическую ситуацию в области.

В 1930-х гг. по всей стране стали закрываться и уничтожаться православные храмы. В уцелевших церковных зданиях устраивались колхозные склады, зернохранилища, машинно-тракторные и электростанции. В этих условиях мордва отдельных селений демонстрировала примеры героической защиты сельской святыни. К примеру, на защиту Александро-Невской церкви эрзянского с. Новая Кармала Кошкинского района (ил. 2.10, 2.11) встали все жители: взрослые и дети, женщины с грудными детьми, ста-

рики. Несколько дней и ночей они жили около церкви – по очереди дежурили, здесь же и ночевали. Когда по велению районного руководства к церкви пригнали гусеничный трактор, обвязали верёвками кресты и купола, жители села окружили церковь тройным кольцом. Чтобы не дать разрушить святыню, Чиндяева Мария Борисовна легла под трактор – техника с места не тронулась, храм был спасён¹.

В советское время мордва активно включилась в хозяйственное и культурное строительство страны: воздвигала заводы, железные дороги и гидроэлектростанции, поднимала целину, участвовала в создании сельских клубов, в ликвидации безграмотности. За выдающиеся успехи в подъёме сельского хозяйства (ил. 2.12-2.14) и за перевыполнение производственных показателей колхозники мордовских сёл области участвовали на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (с 1958 г. – на Выставке достижений народного хозяйства) в Москве, разрабатывали рационализаторские предложения, получали патенты на изобретения² (ил. 2.15).

В годы Великой Отечественной войны представители мордовского народа героически защищали свою Родину от врагов. Тысячи эрзян и мокшан были награждены орденами и медалями. 7 ноября 1941 г. в Куйбышеве прошёл военный парад, которым командовал мордвин-эрзя, командующий 60-й армией генерал-лейтенант Максим Алексеевич Пуркаев³.

За мужество и отвагу, проявленные в боях, за образцовое выполнение заданий командования, звания Героя Советского Союза были удостоены Иван Фёдорович Самаркин, Андрей Семёнович Кавтаськин, Григорий Назарович Гурьянов, Николай Михайлович Козлов, Алексей Степанович Сальников, Николай Борисович Бережков, Михаил Михайлович Медведев, Пётр Павлович Павлов.

Полными кавалерами солдатского ордена Славы стали уроженцы Похвистневского района эрзяне Александр Михайлович Шулайкин и Прокофий Максимович Лукьянов⁴ (ил. 2.16).

Многие из защитников Родины отдали свои жизни в боях, среди них – уроженец с. Степная Шентала, моряк-подводник, командир подводных лодок «Щ-421», «Щ-422» Фёдор Алексеевич Видяев (ил. 2.17). За уничтожение вражеских подводок и противолодочных кораблей и успешно выполненные задания, за подвиги по спасению судов союзников от общего врага Ф.А. Видяев награжден тремя орденами Красного Знамени, орденом Британской империи 4-й степени. В 2012 г. в селе Кошки ему установлен памятник.

¹ Алексеева В.И. Новая Кармала. Самара, 2019. С. 310-311.

² Там же. С. 276-277, 284-289.

³ Абрамов В.К. Генерал Пуркаев: жизнь и деятельность [Электронный ресурс] // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11, № 4. С. 478. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/general-purkaev-zhizn-i-deyatelnost/viewer> (дата обращения: 20.10.2021).

⁴ Энциклопедия подвига: Лукьянов Прокофий Максимович [Электронный ресурс]. URL: <http://sonko.samregion.ru/news/catalog/5801> (дата обращения: 20.10.2021); <http://sonko.samregion.ru/news/catalog/5496> (дата обращения: 20.10.2021); Мы не были на той войне... Александр Михайлович Шулайкин [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pohr.ru/?p=19053> (дата обращения: 20.10.2021).

Ил. 2.12. На току.
Колхоз им. Сталина
Кошкинского района.
Село Новая Кармала,
1940-е гг.
Фото из личного
архива В.И. Алексеевой

Ил. 2.13. Работа на
току. Село Ерзовка
Кинель-Черкасского
района, 1970-е гг.
Фото из школьного
музея села Ерзовка

Ил. 2.14. Колхозницы-
доярки. Село Ерзовка
Кинель-Черкасского
района, 1960-е гг.
Фото из школьного
музея села Ерзовка

С середины XX в. наиболее активная и образованная часть молодёжи, в том числе и мордовской национальности, стала уезжать из сёл и деревень, массово переселяясь в города. Юноши и девушки учились в средних и высших учебных заведениях, работали на заводах и фабриках, создавали семьи. Из года в год увеличивалось число межнациональных браков, что отрицательно влияло на сохранение родного языка и национальной культуры. Среди мордовского населения широкое распространение получил русский язык как язык межнационального общения.

С 1980-х гг. наблюдается неуклонное уменьшение численности мордвы области: в 1989 г. она составляла 116 475 чел. (3,57 %), в 2002 г. – 86 000 (2,67 %), в 2010 г. – 65 447 (2,17 %). Эта ситуация отразилась и в смене позиции в списке этнических групп в области – мордва со второго места по численности населения в 1979 г. переместилась на четвёртое в 2010 г.¹

Численность мордовского населения Самарской губернии (Куйбышевской/Самарской области):

Год	1896	1926	1939	1970	1979	1989	2002	2010
тыс. чел.	238,6	252,0	192,1	118,1	117,1	116,5	86,3	65,45

Снижение численности мордвы обусловлено развитием глобализации, а также урбанизационных и ассимиляционных процессов, прежде всего обрусением мордвы, что проявлялось, в первую очередь, в увеличении числа людей, сменивших свой родной язык – с 32,6 % в 1979 г. до 39,4 % в 1989 г. На негативную динамику численности мордвы оказывает воздействие и уровень этнического самосознания. По стремлению к изучению родного языка и национальной культуры эрзя и мокша уступают многим народам².

Ил. 2.15.
Опытник хаты-лаборатории колхоза им. Сталина Кошкинского района Николай Чиндяев с экспонатами овса для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Март 1938 г. Фото из Российского государственного архива кинофотодокументов

¹ Национальный состав, владение языками, гражданство населения Самарской области (по данным Всероссийской переписи населения 2010 года). Экспресс-доклад. Самара, 2012.

² Абрамов В.К. Мордовское национальное движение. Саранск, 2010.

Ил. 2.16.
Прокофий Максимович Лукьянов

Ил. 2.17.
Фёдор Алексеевич Видяев

Образование, культура, просвещение. В первые годы советской власти большое внимание уделялось народному образованию в мордовской среде, делу подготовки учителей. Эта работа активизировалась после I Всероссийского съезда по просвещению, проведённого в Москве в августе 1918 г. под руководством А.В. Луначарского. Повсеместно стали открываться национальные школы, готовились учебные пособия. В соответствии с решением съезда в конце 1919 г. в Казани были открыты трёхгодичные педагогические курсы во главе с первым мордовским учёным и просветителем Макаром Евсевьевичем Евсевьевым. В 1920-х гг. он организовал краткосрочные курсы подготовки мордовских учителей в Самаре, написаны первые учебные пособия, исследовались особенности различных говоров эрзянского и мокшанского языков, осуществлялись переводы книг.

Значительную роль в развитии культуры и просвещения нерусских народов Поволжья (в терминологии этого времени «инородцев») сыграла Казанская учительская инородческая семинария, которая готовила учителей для сельских народных начальных училищ. Для проведения педагогической практики и подготовки детей к поступлению в семинарию при ней были созданы национальные начальные училища. В семинарии обучались в основном мордва, татары, чуваша, башкиры, марийцы, удмурты; к началу 1920-х гг. она подготовила для работы в Самарской губернии 75 учителей из мордвы. Мордовские средние школы-интернаты существовали в г. Самаре и в с. Старая Бинарадка.

На Всероссийском совещании работников по просвещению мордвы, проведённом в Самаре в августе 1920 г., было принято решение открыть в с. Малый Толкай Бугурусланского уезда (ныне Похвистневского района) Центральные мордовские учительские курсы. Для этого в декабре 1920 г. сюда было перевезено имущество Казанских трёхгодичных педагогических курсов. Так возник

Малотолкайский мордовский педагогический техникум – одно из первых в истории мордовского народа учебных заведений для подготовки национальных учителей. Его возглавил секретарь совещания, педагог Елисей Васильевич Скобелев. Первоначальный состав курсов, учебный план для всех групп, расписание уроков были составлены М.Е. Евсевьевым и Е.В. Скобелевым. В техникуме преподавали мордовские педагоги Е.Б. Буртаев (история), В.Н. Колюжнов (математика), М.М. Кузьмин, С. Макшов и другие¹.

С 1926 по 1932 г. преподавателем родного языка в Малотолкайском техникуме работала Ксения Семёновна Петрова (ил. 2.18). До этого она заведовала школой в с. Бинарадка Старо-Буянской волости. Кроме того, она руководила драмкружком и студенческим самодеятельным театром, для которых написала свои лучшие пьесы «Кода сынъ глушасть» («Как они глушили»), «Чопода вий» («Тёмная сила») и «Ташто койсэ» («По старинке»). Печаталась в газете «Якстере теште» («Красная звезда»), в журнале «Сятко» («Искра»).

По инициативе Е.В. Скобелева в 1919 г. была создана комиссия для написания учебников на мордовских языках. Первый букварь советского периода «Тундонь чи» («Весенний день»), составленный Е.В. Скобелевым при непосредственной помощи и участии М.Е. Евсевьева, был одобрен на Всероссийском совещании по просвещению мордвы. После доработки букварь был издан в 1923 г.; в нём отразились достижения русской педагогической мысли и собственный опыт автора по составлению первых книг для чтения и письма на родном языке. В 1925 г. Е.В. Скобелев создал новый букварь «Од ки» («Новый путь»). В 1930 г. вышел третий букварь «Од эрямо» («Новая жизнь»), который отличался методическими подходами к изучению родного языка. Букварь «Од эрямо» стал образцом составления мордовских учебников. В нём было много детских стихов, созданных Е.В. Скобелевым – одним из зачинателей мордовской детской литературы. Под его руководством Малотолкайский педагогический техникум с 1920 по 1940 г. выпустил более тысячи мордовских учителей.

В начале 1920-х гг. в стране актуализировался вопрос об образовании национальных автономий народов, принявших активное участие в гражданской войне на стороне большевиков и

Ил. 2.18.
Ксения Семёновна
Петрова

¹ Малкова Н.М., Николаев С.Д. Мордва // Этносы Самарского края: историко-этнографические очерки. Самара, 2003. С. 106.

поддержавших советскую власть. Идея о создании мордовской национальной автономии была высказана 30 декабря 1920 г. на межгубернской конференции беспартийного актива Самарской, Симбирской, Пензенской, Саратовской и Тамбовской губерний.

По предложению ЦК ВКП(б) с 10 по 14 июня 1921 г. в Самаре состоялся I Всероссийский съезд коммунистов мордовской национальности (ил. 2.19), на котором решался вопрос о самоопределении мордовского народа. Работа съезда проходила в конференц-зале губкома партии, разместившегося в здании бывшего Волжско-Камского коммерческого банка (ныне Самарского областного художественного музея, ул. Куйбышева, 92) (ил. 2.20). Вся подготовка к съезду проводилась при активном участии мордовского отдела Наркомнаца и лично Д.И. Маринина, избранного в руководящий состав президиума съезда, ставшего одним из первых инициаторов создания мордовской автономии. На съезде присутствовало 112 делегатов из 8 губерний: Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Пензенской, Уфимской, Казанской и Нижегородской. Кроме делегатов, на съезде присутствовали более 200 чел. гостей, приехавших из разных уездов и губерний¹. Делегаты съезда были размещены в гостинице «Националь», школе им. Л. Толстого, Доме крестьянина.

Ил. 2.19.
Участники Первого
Всероссийского
съезда коммунистов
мордовской
национальности.
Самара, 1921

¹ Как я был репрессирован в Мордовии. Мемуары Сибириака Иллариона Сергеевича (Поздьева), директора научно-исследовательского института мордовской культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zubova-poliana.narod.ru/repression-sibiryak1-1.htm> (дата обращения: 22.10.2021).

Съезд вынес постановление о целесообразности и необходимости выделить мордву в автономную единицу с управлением, соответствующим Конституции РСФСР, и возбудил ходатайство перед ЦК РКП(б), Правительством и Наркомнацем о положительном решении этого вопроса. Было рекомендовано создать мордовские отделы в губкомах и укомах РКП(б), а также секции инструкторов при отделах народного образования, земотделах, в потребительской и других видах кооперации. В Наркомнаце была организована комиссия, в задачи которой входило исследование социально-бытовых условий жизни мордвы и сбора точных данных о количестве мордовского населения в отдельных губерниях России.

Ил. 2.20.
Мемориальная доска на здании Самарского областного художественного музея

Денис Илларионович Маринин всю свою жизнь отдал работе среди мордовского населения, его национальному возрождению (ил. 2.27). В 1920 г. Самарский губком ВКП(б) назначил Д.И. Маринина заведующим отделом нацменьшинств. В апреле 1921 г. по его инициативе в Самаре был открыт детский дом для детей-сирот из мордвы, родители которых погибли во время революции и гражданской войны. Воспитанники детдома получали семилетнее образование, им оказывалась поддержка и в последующие годы при получении образования и устройстве на работу¹.

В 1921 г. при Самарском губкоме РКП(б) были созданы национальные секции, среди них и мордовская, которой руководил Д.И. Маринин. В отчёте о работе секции за октябрь 1922 г. отмечалось, что при ней действует мордовский кружок по истории Российской революции, где история читается по М.Н. Покровскому².

Национальным секциям в Самаре было предоставлено одно общее помещение на углу Саратовской и Петроградской (ныне Фрунзе и Ленинградской) улиц, которое получило название «Дом национальных меньшинств» («Дом нацмена»).

В 1923 г. по инициативе Д.И. Маринина при губкоме ВКП(б) был открыт Клуб нацменьшинств имени И.В. Сталина. В этом учреждении под одной крышей объединялись различные народы края, работали библиотеки, кружки (музыкальные, драматические, политические). В первые годы работы Клуб возглавлял член ВКП(б) Иван Петрович Охин, уроженец Самарской губернии, мордвин. Клуб нацмена, работавший до 1931 г. в тесном сотрудничестве с национальной секцией губернского отдела народного образования, был одним из самых активных просветительских учреждений

¹ 140 лет назад родился Денис Илларионович Маринин. Новости республиканской архивной службы Республики Мордовия [Электронный ресурс]. URL: <https://bignatovo.e-mordovia.ru/news/view/2421>

² Ведерникова Т.И. Реализация советской национальной политики в Самарской губернии в 1920-х гг. // Самарский край в истории России. Вып. 4. Самара, 2012. С. 195.

Ил. 2.21.
Совещание мордовской секции Губкома ВКП(б). Самара, 22 апреля 1927 г. Второй ряд (слева направо): Ф. Петров, Ерин, Е.С. Окин, Д.И. Маринин, Д.И. Гребенцов; третий ряд: Кузнецов, И.С. Поздьяев-Сибиряк, И.П. Охин, В.З. Шишкин, В.А. Платонов

в проведении культурных преобразований среди народов Самарского края. В разные годы клуб располагался в Самаре по адресам: Ленинградская, 40; Льва Толстого, 72; Куйбышева, 89.

При мордовской секции клуба работали два мордовских художественных коллектива: музыкально-хоровой и драматический. Под руководством Григория Трофимовича Трифонова хор побывал практически во всех мордовских сёлах региона. Драматический коллектив поставил семь эрзянских спектаклей. Педагог, просветитель, преподаватель языка, литературы, музыки, композитор Г.Т. Трифонов всю свою жизнь трудился на ниве просвещения мордовского народа в Самарской губернии и за её пределами.

Публичные лекции по истории, этнографии и фольклору мордовского народа в Клубе нацменьшинств читал сотрудник Самарского губернского отдела народного образования Илларион Сергеевич Поздьяев. После работы в Томском губкоме ВКП(б) в 1924-1925 гг. И.С. Поздьяев взял псевдоним «Сибиряк». В 1930-х гг. был заведующим отделом национальной литературы, главным редактором отдела Средневолжского Крайкогиза в Куйбышеве¹.

В 1923 г. с целью сохранения этнокультурных особенностей мордвы и вотяков (удмуртов) в Самарском университете была открыта кафедра сравнительного финно-угорского языкознания и этнографии. Чтение курса было начато переехавшим из Казани в Самару профессором бывшего Казанского Археологического института, преобразованного в Восточную Академию, А.И. Емельяновым. К работе на кафедре был привлечён студент-мордвин Е.Б. Буртаев. Число слушателей из мордвы при кафедре составляло около 30 чел. Однако Наркомпрос признал излишним для Самар-

¹ Как я был репрессирован в Мордовии...

ского университета чтение наук по финно-угроведению. Мордовская секция Губкома не раз обращалась к населению соседних губерний (Пензенской, Симбирской, Тамбовской) с воззванием о помощи по сохранению созданной кафедры¹.

Делегация Самарской губернии (Д.И. Маринин, И.С. Поздьяев и др.) принимала участие в работе I Всероссийского съезда мордовских работников просвещения (Москва, 7 сентября 1924 г.). Почётным председателем съезда был М.Е. Евсевьев. Перед делегатами выступил нарком просвещения А.В. Луначарский. На съезде были рассмотрены важнейшие вопросы о языке обучения в мордовских школах, о работе мордовских педтехникумов, об издании учебников и книг на мордовских языках, о едином мордовском литературном языке и др.

Мордовское население, составлявшее в губернии в 1924 г. около 240 тыс. чел., имело 137 национальных школ, 1 педагогический техникум (с. Малый Толкай), 45 пунктов ликвидации безграмотности, 17 изб-читален, 7 народных домов, 3 клуба, 6 библиотек², где можно было реализовать свои потребности в общении, языке и т. д. В задачи органов отдела народного образования входило не только обеспечение учебных заведений необходимой литературой, кадрами специалистов в национальном языке, но и привлечение к образованию детей из этнической среды, что было довольно трудно, особенно в сельской местности (ил. 2.22).

Родной язык и литература в мордовских сёлах Куйбышевской области преподавались до середины XX в. В 1960-х гг. все школы в стране были переведены на русский язык обучения, из-за чего сузилась сфера применения родного языка. Уменьшились тиражи национальных книг, газет и журналов. Всё это оказывало негативные последствия на уровень национального сознания мордвы, на развитие родного языка и национальной культуры.

по-эрзянски	по-русски	по-мокшански
вейке	один	фкя
кавто	два	кафта
колмо	три	колма
ниле	четыре	ниле
вете	пять	вете
кото	шесть	кота
сисем	семь	сисем
кавксо	восемь	кафкса
вейксэ	девять	вейхкса
кемень	десять	кемонь

Ил. 2.22.
Счёт до десяти на
мордовских языках

С активизацией мордовского национального движения и созданием национально-культурных общественных организаций в начале 1990-х гг. в школах некоторых мордовских сёл стали проводиться уроки эрзянского языка. С 1992 по 1996 г. в Самарском педагогическом колледже № 1 было выпущено 5 курсов педагогов начальных школ. В составе сводной группы мокшанскому и эрзянскому языкам здесь в разные годы обучались от 3 до 8 студентов. Последний набор национальных кадров был проведён в 1996/97 учебном году¹.

В 1990-х – начале 2000-х гг. эрзянский язык и литература велись в школах Шенталинского, Похвистневского, Исаклинского, Челно-Вершинского районов (как предмет и факультатив). Много сил и энергии преподаванию родного языка и литературы в эрзянских сёлах области отдали педагоги Т.И. Волкова, Т.Ф. Мещанова, В.В. Белова, Н.В. Трофимова, П.Г. Ярезова, А.Я. Герасимова².

Учитель Галина Юрьевна Логинова (ил. 2.23) вела эрзянский язык и литературу в средней школе с. Старая Шентала Шенталинского района с 1999 по 2012 г. (сначала как предмет, затем – кружок «Живи, родной язык», внеурочная деятельность «Мордовский быт и фольклор»). Учащиеся не раз становились победителями и призерами областной и межрегиональной олимпиад по родному языку и литературе (Саранск). Г.Ю. Логинова – победитель конкурса «Учитель мордовского языка» (2013 г.), конкурса лучших учителей Российской Федерации (2007 г.).

Ил. 2.23.
Галина Юрьевна
Логинова
в этнографическом
музее имени
М.И. Чувашёва.
Шенталинский район,
село Старая Шентала

¹ Ведерникова Т.И. Реализация советской национальной политики... С. 197.

² Там же. С. 196.

¹ Малкова Н.М., Николаев С.Д. Мордва // Этносы Самарского края... С. 110.

² Чиндяйкин Ю.Г. Национальная пресса мордовской диаспоры [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2006. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=330>

Ил. 2.24.
Открытый урок
"Мордовские лапти"
в школе № 138
г.о. Самары, 2006
(педагог В.И. Алексеева)

В настоящее время в Самаре для всех желающих выучить эрзянский и мокшанский языки, познакомиться с обычаями и традициями мордвы работают национальные воскресные классы. Занятия по изучению родного языка и культуры проходят в школах № 23, 100, 138 г.о. Самара. В школе № 138 действует этнографический музей мордовской культуры, в котором представлены предметы быта, домашняя утварь, традиционные костюмы (ил. 2.24).

С 2019 г. в Детской школе искусств № 1 пос. Чёрновский Волжского района ведутся уроки декоративно-прикладного творчества под руководством педагога Татьяны Алексеевны Попковой, которая большое внимание уделяет изучению эрзянской народной вышивки. Многие детские работы (сувениры с национальной символикой, изделия с эрзянской вышивкой) стали победителями всероссийских и региональных творческих конкурсов.

Художественная литература на эрзянском и мокшанском языках, периодические издания, а также учебники, словари, разговорники, энциклопедии по истории и культуре мордовского народа широко представлены в офисном кабинете мордовских общественных организаций и в библиотеке Государственного казенного учреждения Самарской области «Дом дружбы народов».

Мордовская национальная печать в Средневолжском крае. Первые газеты и журналы на эрзянском и мокшанском языках в Средневолжском крае появились в начале 1920-х гг. Первой из них стала газета «Чинь стямо» («Восход солнца»), вышедшая в Симбирске в 1920 г. по инициативе эрзя-мордовских коммунистов. Организаторами газеты стали работники отдела нацменьшинств при Симбирском губернском комитете РКП(б) Д. Орхидея (Щеглов), И. Арапов, Я. Катаев.

Газета «Чинь стямо» была двухполосной, выходила один-два раза в месяц тиражом 2-5 тыс. экз., в зависимости от наличия бумаги. Основными темами были жизнь мордовского народа, события в стране, трудовые подвиги людей. Газета бесплатно распространялась среди мордовского населения Симбирской, Самарской и Пензенской губерний, рассылалась по воинским частям для красноармейцев из мордвы. По мнению исследователя П.Ф. Потапова, редакцию газеты возглавлял учитель С.С. Праксин, который работал до этого инспектором школ. Писатель П.А. Ключагин считает первым редактором «Чинь стямо» участника Гражданской войны Дмитрия Гавриловича Орхидею (Щеглова)¹. Газета просуществовала меньше года. После перевода части сотрудников газеты на работу в мордовскую секцию ЦК РКП(б) её издание в апреле 1921 г. прекратилось из-за отсутствия кадров.

Газеты имели большой успех среди эрзянского читателя, который впервые получил печатное слово на родном языке. Этот успех свидетельствовал о необходимости и дальше развивать национальную печать, что было озвучено на первом съезде коммунистов мордовской национальности, состоявшемся в Самаре 10-14 июня 1921 г.

В 1920–1930-х гг. практически во всех крупных городах Средневолжского (с 1935 г. – Куйбышевского) края издавались десятки газет на мордовских (эрзя, мокша, шокша) языках², среди них самарские издания: «Ленинэнь киява» («По ленинскому пути») в Клявлинском, «Сталинской трибуна» («Сталинская трибуна») в Шенталинском районе. Все эти издания прекратили свое существование в конце 1930-х гг., что было связано с отсутствием квалифицированных кадров, поскольку наиболее образованные работники переводились в Мордовию, в Саранск.

Мордовские газеты вели большую агитационно-пропагандистскую работу по ликвидации неграмотности среди населения, повышению культурного уровня и образования. Большинство материалов посвящались ведению хозяйства на селе, повышению плодородия полей. Мордовская печать не упускала из своего внимания голод 1921-1922 гг. Газеты выходили с призывом о помощи жителям голодающих губерний, рассказывали о сборе денег и продуктов голодающим, об открытии столовых и детских домов. После преодоления периода голода газета знакомила читателей с агротехническими и экономическими знаниями, новыми формами хозяйствования на селе.

5 апреля 1928 г. на Всероссийском совещании партийных работников по мордовской печати было принято решение об издании эрзянского журнала с сельскохозяйственным уклоном. По решению Средневолжского обкома ВКП(б) с января 1929 г. в Самаре начал

¹ Ягина А. Н. Жанрово-тематический состав мордовской печати периода её становления (по страницам эрзянской прессы 1920-х годов) [Электронный ресурс]. URL: http://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2014/01/Yagina_-statya.pdf

² Литературная газета [Электронный ресурс]. URL: <http://lgz.ru/article/1-6399-2013-01-16/ano-natsionalnyy-bibliotechnyy-resurs-obyavlyayet-o-rozyske>

издаваться ежемесячный журнал «Сятко» («Искра») на эрзянском языке (ил. 2.25). Первый номер вышел тиражом в 1 500 экз. Если в январе 1929 г. у «Сятко» было всего 224 подписчика, то в декабре этого же года журнал выписывали уже 1 750 человек. В течение 1929 г. в Самаре было напечатано 15 400 экземпляров.

Первым редактором журнала (с 1929 по 1931 г.) был Дмитрий Иванович Гребенцов. В состав первой редакции «Сятко» также входили В.А. Андрофагин (ответственный секретарь), И.С. Поздяев (Сибиряк), С.З. Платонов, И.В. Шапошников, А.В. Дуняшин. В связи с созданием Мордовской автономной области журнал был переведён из Самары и с января 1930 г. стал издаваться в Саранске.

Интересны названия рубрик первых номеров журнала – «Советской строительствась» («Советское строительство»), «Партиянь, комсомолонь ды пионерэнь тевть» («Партийные, комсомольские и пионерские дела»), «Тонавтнема тевть» («Образование»), «Омбо масторонь кулят» («Новости из-за рубежа»), «Мезень кувалт сёрмадыть велестэ» («О чём пишут сельчане»), «Эрзянь кель-валось» («Эрзянский язык»).

Во второй половине 1930-х гг. редакции многих газет и журналов мордвы оказались затронуты репрессиями. Мордовским писателям и журналистам приписывалась связь с финской разведкой, поскольку мокшанский и эрзянский языки входят в финно-угорскую языковую группу. В 1937 г. были арестованы практически все члены первой редакции «Сятко»: Д.И. Гребенцов, В.А. Андрофагин, И.С. Поздяев (Сибиряк), С.З. Платонов, И.В. Шапошников. В 1938 г. были расстреляны Д.И. Гребенцов, бывший в то время ректором Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы, И.В. Шапошников – заведующий сельхозотделом Мордовского обкома ВКП(б). И.С. Поздяев (Сибиряк) по обвинению в троцкизме был приговорён к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях. В.А. Андрофагин, сотрудник института повышения квалификации кадров народного образования, арестованный как «активист буржуазной правонационалистической повстанческой шпионско-диверсионной организации Мордовии», умер в лагере в Пермской области в 1948 г. Огромный урон был нанесён культуре, интеллектуально-нравственному потенциалу народа.

В Самаре с октября 2000 по декабрь 2018 г. издавалась газета «Валдо ойма» («Светлая душа»). Редактором газеты был кандидат исторических наук Сергей Дмитриевич Николаев. Газета выхо-

Ил. 2.25.
Первый номер
журнала "Сятко" на
эрзянском языке.
Самара, 1929

дила 4 раза в год на эрзянском, мокшанском и русском языках при финансовой поддержке администрации губернатора Самарской области.

В настоящее время среди самарской мордвы наблюдается повышение интереса к этнической истории, национальной культуре, традициям, фольклору. Стремительно развивающиеся интернет-технологии предоставляют новые возможности – в социальных сетях создаются различные группы по изучению истории и культуры мордвы, ведётся общение и обучение эрзянскому и мокшанскому языкам, размещаются аудиозаписи с национальными песнями, видеоролики с мероприятий и др. Это имеет огромное значение для развития мордовской традиционной культуры и сохранения родных языков.

Вклад самарских поэтов и писателей в мордовскую литературу. Самарская земля подарила миру имена многих поэтов, писателей, драматургов, педагогов, просветителей мордовского народа, которые внесли большой вклад в национальную литературу XX в. Начало развитию мордовской литературы в губернии положил прозаик Алексей Яковлевич Дорогойченко (Дорогойченков) (ил. 2.26). Первые сборники рассказов и стихов были опубликованы в 1919 г. в Самаре. А.Я. Дорогойченко интересовался мордовским фольклором¹, подготовил первый сборник стихов мордовских поэтов в переводе на русский язык, вышедший в Москве в 1940 г. Возглавлял Всероссийское общество крестьянских писателей, был ответственным секретарём журнала «Земля советская», председателем Литфонда РСФСР, перевел многие народные песни, собранные М.Е. Евсевьевым и опубликованные в книгах «Эрзянь морот» («Эрзянские песни») и «Мордовская свадьба».

Ил. 2.26.
Алексей Яковлевич
Дорогойченко

Видный деятель мордовской культуры, организатор первой вечерней городской газеты «Рабочая Самара» Иван Игнатьевич Куликов одним из первых обратил внимание на необходимость употребления в периодической печати единых норм и устранения языковой пестроты различных диалектов как в печати, так в целом и в мордовской литературе.

Большую известность получил уроженец с. Красные Ключи Похвистневского района, эрзянский народный поэт Артур Моро (Афанасий Матвеевич Осипов).

¹ Как я был репрессирован в Мордовии. Мемуары Сибиряка Иллариона Сергеевича (Поздяева), директора научно-исследовательского института мордовской культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zubova-poliana.narod.ru/repression-sibiryak1-1.htm>

Ил. 2.27.
Дом-музей Артура
Моро в селе
Красные Ключи
Похвистневского
района

При жизни поэта было издано 16 книг на эрзянском и русском языках. Ему принадлежит роман «Степан Эрзя» (1997) о великом сыне эрзянского народа, величайшем скульпторе XX столетия. В 1989 г. на родине поэта был открыт Дом-музей (ил. 2.27).

Уроженец с. Большой Толкай Похвистневского района Тимофей Алексеевич Раптанов стал автором первого романа на эрзянском языке «Чихан пандо ало» («Под Чихан-горой») о жизни деревни в годы, предшествующие коллективизации. Писал стихи, первое стихотворение опубликовано в 1924 г. Хрестоматийной стала повесть «Татю» («Татьяна») (1933), где освещаются события в Среднем Поволжье от революции 1905 г. до завершения гражданской войны. В очерках, напечатанных в газетах «Красная Мордовия», «Эрзянь коммуна», «Ленинэнь киява» («Дорогой Ленина»), отражался трудовой энтузиазм колхозной деревни.

В качестве селькора в 1920-е гг. начинал свою творческую деятельность Алексей Васильевич Дуняшин. Он писал очерки, фельетоны, публицистические статьи, рассказы на эрзянском и русском языках. В 1925-1929 гг. 30 его фельетонов вошли в сборник «Пици-палакст» («Крапива»). С его именем связаны одни из первых критических статей о состоянии и дальнейшем развитии эрзянской и мокшанской литературы. Написал предисловие для первого коллективного сборника мордовских писателей «Васень сяткт» («Первые искры»), в котором подведён итог развития эрзянской литературы в период её формирования. С 1927 г. он работал над романом «Кирви тол» («Пламя») о жизни мордовского народа в 1914-1930-х гг. К сожалению, начатый им роман остался незавершённым.

С Самарским краем связана вся жизнь и деятельность основоположника драматического жанра в эрзянской литературе Ксении Семёновны Петровой. В золотой литературный фонд вошла самая

первая пьеса на эрзянском языке «Ташто койсэ» («По старинке»). Её пьесы считались лучшими в драматургии 1930-х гг. Педагогическая и подвижническая деятельность К. Петровой способствовала становлению многих молодых эрзянских поэтов и писателей.

Народным поэтом Мордовии, лауреатом Государственной премии Мордовской Республики стал уроженец с. Большой Толкай Василий Кузьмич Радаев. Его поэма «Сияжар» о мордовском эпическом герое является энциклопедией родного языка для мордвы-эрзи и неотделимой частью фольклора и искусства. По фольклорным материалам написаны «Пенза и Сура» (1972), «Эрзянские легенды, предания и сказы» (1977), «Тюштя» (1991).

Эрзянский поэт, прозаик, журналист, уроженец с. Красные Ключи Похвистневского района Алексей Миронович Лукьянов широко известен как автор первого романа в стихах на эрзянском языке «Кинель» (1933). Публиковаться начал в 1927 г. в эрзянской газете «Якстере теште» («Красная звезда»). Написал семь сборников стихов. В 1932-1933 гг. был редактором журнала «Сятко» («Искра»).

В 1930-е гг. началась литературная деятельность Петра Семёновича Кириллова. Из-под его пера вышли сборник стихов «Межав-томо» («Без межи»), большая эпическая поэма «Утро на Суре», историческая драма «Кузьма Алексеев». В 1939 г. в репертуаре Мордовского национального театра появилось первое произведение, написанное П.С. Кирилловым на родном языке – историческая драма «Литова», переложённая на музыку.

Из мордовской среды вышел уроженец с. Захаркино (ныне Сергиевского района) доктор филологических наук, профессор Фёдор Иванович Сетин – известный литературовед, специалист по детской литературе, методике преподавания национальных литератур.

Мастером эрзянского слова называют поэта, писателя-юмориста и собирателя мордовского фольклора Михаила Алексеевича Втулкина. Писал стихи, басни, юморески, фельетоны, литературные сказки. Работал корреспондентом в газете «Эрзянь правда». Написал книги для детей: «Сиянь пей» («Серебряный зуб», 1977), «Сырнень шка» («Золотое время», 1981), «Ведьбайгине» («Росинка», 1992). В 1986 г. его стихи вошли в коллективный сборник «Светлячок». Совместно с народным писателем Мордовии В.К. Радаевым составил сборник эрзянских легенд, преданий и сказов (1977).

Уроженец с. Новые Сосны Павел Петрович Батаев публиковался в республиканских национальных газетах, журнале «Сятко». Выпустил несколько сборников стихов на эрзянском языке. Основу поэтического творчества составляли патриотическая тематика, любовная лирика, детские стихи. В годы войны служил военным корреспондентом в газете «Ворошиловец». Погиб в январе 1942 г. на боевом посту во время подготовки очередного номера газеты.

Поэт Иван Гурьянович Булкин (ил. 2.28), работая на заводе им. Масленникова, с 1929 г. являлся членом заводского литературного кружка, десятки его стихотворений печатались в «Волжской коммуне» и «Волжском комсомольце», профсоюзных журналах и литературных альманахах. На I Краевом съезде писателей Средней Волги был назван одним из четырёх заслуживающих внимания молодых поэтов.

Фронтowym будням и сражениям посвящены роман и повести Анатолия Ивановича Инчина, командира партизанского отряда, уроженца Шенталинского района. Писал стихи для детей, повести о друзьях-партизанах. В произведениях «Схватка с абвером», «В Хинельских лесах» показаны мужество и героизм советского человека. Издал 9 книг.

В послевоенные годы мордовское население области вместе со всей страной принимало активное участие в восстановлении народного хозяйства. Несмотря на тяжёлое время, находились энтузиасты, неравнодушные люди, которые занимались сохранением и развитием мордовской традиционной культуры и родного языка.

Далеко за пределами области известно имя эрзянской сказительницы Серафимы Марковны Люлякиной (ил. 2.29), которая своими песнями прославляла родной край, свой народ, красоту его души, обрядов и обычаев. Первая её книга «Моронь гайть» («Песенный звон», 1982) была удостоена диплома I-й степени на международной книжной выставке. Создала множество сказов, баллад, плачей, стихов, песен, частушек и юморесок, в которых отражалось прекрасное знание фольклора эрзян

Ил. 2.28.
Иван Гурьянович
Булкин

Ил. 2.29.
Серафима Марковна
Люлякина

Похвистневского района. На основе её творчества созданы многие книги о фольклоре и культуре эрзянского народа.

Большой вклад в национальную литературу XX в. внёс эрзянский поэт и писатель Вячеслав Григорьевич Журавлёв (Числав Журавлёв) (ил. 2.30) – заслуженный поэт Республики Мордовия, член Союза писателей России. На протяжении всей жизни он активно пропагандировал родной язык и литературу, вёл большую общественную работу, принимал активное участие в мероприятиях, посвящённых сохранению родного языка и культуры, издал 15 книг на русском и эрзянском языках. На многие стихи Числава Журавлёва сложены песни. Его произведения печатаются в эрзянских журналах «Чилисема» и «Сятко», в газете «Эрзянь правда».

Активно участвует в национально-культурных мероприятиях поэт Николай Герасимович Кавкаев, в настоящее время проживающий в г. Отрадный. Он пишет стихи о родном крае, о природе, издаёт книги на русском и эрзянском языках, печатается в эрзянских журналах и газетах. Вышло 17 сборников его стихов, из которых два на эрзянском языке – «Вечкемань сюлмо» («Узел любви») (2013), «Пизёлонь тол» («Огонь рябины») (2015).

Общественная жизнь самарской мордвы в конце XX – начале XXI в. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. началась активная деятельность мордовской общественности по сохранению этнической самобытности, культуры, языка. 25 ноября 1990 г. первый съезд представителей эрзянской и мокшанской общественности принял решение о создании Куйбышевского национального культурно-просветительского общества «Масторава» («Мать-земля»), которое должно было стать важным средством удовлетворения этнокультурных запросов граждан мордовской национальности.

Ил. 2.30.
Числав Журавлёв.
Самара, 2012.
Фото из личного
архива В.И. Алексеевой

Инициатором создания Самарского областного мордовского общества «Масторава» и первым его председателем стал писатель, журналист, участник Великой Отечественной войны Инчин Анатолий Иванович. У истоков областного мордовского общества стояли Татьяна Ивановна Волкова, Числав Григорьевич Журавлёв, Мария Михайловна Богачёва, Пётр Кузьмич Кулагин, Сергей Васильевич Николаев и др.

С 1990 г. на областном радио стали выходить национальные радиопередачи, их автором и ведущим на эрзянском языке был поэт Числав Журавлёв. В 1992-2002 гг. дважды в неделю выходила в эфир радиопередача на эрзянском языке «Седейшкавань кортнемат» («Поговорим по душам») на многонациональном «Радио-7 из Самары». С 1994 по 2010 г. эрзянские радиопередачи вела сотрудник Дома дружбы народов Вера Ивановна Алексеева. Кроме «Радио-7 из Самары», радиопередачи «Эрзянь кель» («Эрзянский язык») выходили на ГТРК «Самара», «Эрзянь вал» («Эрзянское слово») – на «Радио XXI век. Самара».

Областным мордовским обществом «Масторава» проводились конференции по проблемам образования и культуры, обеспечению школ необходимой литературой, организации лекционных курсов по эрзянскому языку и литературе. Активную деятельность вёл член общества, методист Самарского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования П.К. Кулагин, автор серии рассказов на эрзянском и русском языках.

В марте 1992 и 1995 гг. делегация региона принимала участие в работе I и II Всероссийских съездов мордовского народа (г. Саранск). Это способствовало установлению тесных связей между Мордовией и Самарской областью в области культуры и образования. В январе 1995 г. в эрзянских сёлах Шенталинского и Клявлинского районов впервые выступил с концертами ансамбль древней песни «Торама» (г. Саранск) под руководством В.И. Ромашкина.

С 1996 г. при национально-культурном центре «Масторава» в Самаре действует хор мордовской песни «Масторава», основателем и первым художественным руководителем которого является Виктор Михайлович Сульдин. Народный хор «Масторава» – активный участник областных и городских национальных праздников, межнациональных фестивалей, а также мероприятий, проводимых в Республике Мордовия и других регионах России (ил. 2.31).

В 1999 г. культурно-просветительское общество «Масторава» было преобразовано в Самарскую региональную общественную организацию «Мордовский национально-культурный центр «Масторава»». Основными направлениями деятельности стали сохранение родного языка и национальной культуры, образование, СМИ. С 1999 по 2003 г. председателем Правления национально-культурного центра «Масторава» являлся Виктор Михайлович Сульдин. В 2003 г. организацию возглавила Любовь Александровна Колесникова (ил. 2.32).

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. активная работа по сохранению национальной культуры и языка проводилась филиалами «Масторавы» в Шенталинском (Татьяна Ивановна Волкова), Похвистневском (Мария Михайловна Богачёва), Иса克林ском (Пётр Михайлович Кузаев), Клявлинском (Василий Иванович Павлов) и других районах.

В 1999 г. в Шенталинском районе прошёл первый областной фестиваль мордовской культуры «Масторава», посвящённый 90-летию со дня рождения собирателя эрзянского фольклора М.И. Чувашёва. С тех пор фестиваль проводится ежегодно в городах и районах области, в которых проживает мордовское население. Организатором фестиваля является СРОО «Мордовский национально-культурный центр «Масторава»» при финансовой поддержке Министерства культуры Самарской области.

С открытием государственного учреждения культуры Самарской области «Дом дружбы народов» в 2001 г. национально-культурный центр «Масторава» получил новые возможности для активной деятельности по сохранению и развитию мордовской национальной культуры и родного языка.

Начиная с 2002 г. в регионе ежегодно проводится областной детский фестиваль «Од вий» («Молодая сила»), на котором детские коллективы и отдельные исполнители выступают на эрзянском и мокшанском языках в номинациях «фольклор» и «эстрада».

Ил. 2.31.
Мордовский хор
"Масторава".
Самара, 2005

Мероприятие проходит как в Самаре, так и в муниципальных районах с компактным проживанием мордвы (ил. 2.33).

В начале 2000-х гг. стали открываться музеи мордовской культуры, в числе первых – историко-этнографический музей имени М.И. Чувашёва в эрзянском селе Старая Шентала. С 2002 г. его возглавляет заслуженный учитель РФ Татьяна Ивановна Волкова. В с. Подбельск Похвистневского района оформлена музейная комната эрзянской сказительницы С.М. Люлякиной.

С 2006 по 2012 г. в Самаре в ДК им. Литвинова проводился ежегодный праздник «Од толонь чи» («День нового огня») с участием мордовских самодеятельных коллективов Самарской и Оренбургской областей, заслуженных артистов Республики Мордовия Нины Спиркиной, Анны Атласовой, ансамбля «Торама», Мордовского национального драматического театра.

В начале 2000-х гг. в Самарской области, как и в других регионах России, стал отмечаться День финно-угорских народов.

Ил. 2.32.
Л.А. Колесникова
(слева) и
В.И. Алексеева
(справа) - ведущие
концерта "Тундонь
вастома" ("Встреча
весны"). Самара, Дом
дружбы народов, 2016.
Фото из личного
архива В.И. Алексеевой

Ил. 2.33.
Участники областного
детского мордовского
фестиваля «Од вий».
Похвистневский район,
2009.
Фото В.И. Алексеевой

В 2007 г. самарские мордовские коллективы принимали активное участие в Международном фестивале культур финно-угорских народов «Шумбрат, Финно-угрия!» (Саранск). В 2008 г. в Самаре был проведён областной конкурс «Финно-угорская красавица». Традиционным для самарцев стало участие в Международной этнокультурной экспедиции «Волга – река мира. Диалог культур волжских народов».

В октябре 2009 г. в области с большим успехом прошли Дни Республики Мордовия. Самарская общественность горячо откликнулась на проведение мероприятий, направленных на сохранение и развитие мордовской культуры и языка. Помимо областной столицы, мероприятия проходили в Шенталинском, Сергиевском, Иса克林ском, Похвистневском, Челно-Вершинском муниципальных районах.

25 марта 2012 г. на сцене самарского Дома культуры «Победа» был показан музыкальный спектакль на эрзянском языке «Велень койть» («Сельские обычаи»), подготовленный участниками хора «Масторава». В основу спектакля легли мордовские народные обычаи и обряды, традиционный фольклор Самарской области.

Делегация региона в августе 2012 г. приняла активное участие в праздновании 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства (Саранск).

Благодаря сотрудничеству с Государственным комитетом Республики Мордовия по национальной политике (с 2013 г. – министерство по национальной политике) и с Поволжским центром культур финно-угорских народов, в Самару из Саранска в начале 2000-х гг. стала поступать учебная и художественная литература на эрзянском и мокшанском языках, энциклопедии, журналы «Сятко», «Мокша», «Чилисема», номера «Финно-угорской газеты», брошюры, аудио- и видеоматериалы, наглядные пособия по истории мордовского и финно-угорских народов для библиотек и школ сельских районов с компактным проживанием мордвы.

Национально-культурные общественные объединения. Мордовские национально-культурные общественные организации работают в Похвистневском, Иса克林ском, Шенталинском, Клявлинском, Челно-Вершинском, Сергиевском, Кошкинском, Борском, Нефтегорском, Ставропольском, Кинель-Черкасском, Красноярском муниципальных районах, в городах Самара, Тольятти, Жигулёвск, Сызрань, Отрадный. При организациях созданы детские и взрослые мордовские творческие коллективы, многие из которых имеют звание «народный самодеятельный коллектив». В образовательных учреждениях и домах культуры проводятся Дни мордовской культуры и языка, национальные праздники и фестивали. В настоящее время в области работают около 30-ти взрослых и детских мордовских фольклорных коллективов. Эстрадные песни на эрзянском языке исполняют солисты Анатолий Старостин, Александр Славкин, Виктор Рауткин, Максим Трифионов, Александр Марухов, Анатолий Глухов. С 2012 г. при школе № 57 г.о. Самара

действует вокальный ансамбль мордовской песни «Вяна» (руководитель – Ирина Петровна Романова).

Большую работу проводит созданная в мае 1999 г. автономная некоммерческая организация «Мордовский культурный центр» г. Тольятти (ил. 2.34), при нём – фольклорный коллектив «Лайме порась» (художественный руководитель – Александр Фёдорович Черентаев, руководитель – Вера Викторовна Савелькина), который успешно выступает на городских и областных праздниках.

Мордовский культурный центр г. Тольятти в разные годы возглавляли Виктор Семёнович Князькин, Вячеслав Николаевич Семаев, Вячеслав Михайлович Кшнякин, с 2013 г. – Юрий Михайлович Дёмкин.

В январе 2005 г. в целях возрождения и развития национальной культуры была образована Самарская городская эрзянская общественная организация «Лисьмапря» («Родник») во главе с председателем – Алексеем Михайловичем Кузнецовым. При организации создан фольклорный ансамбль «Килейне» («Берёзка») (руководитель – Татьяна Ивановна Кудапина) (ил. 2.35), воскресный эрзяно-мокшанский национальный класс в школе № 138 Промышленного района г. Самары.

В 2011 г. в целях сохранения родного языка и национальной культуры была образована общественная организация «Мордовская национально-культурная автономия г.о. Сызрань». Организацию возглавил Почётный гражданин г. Сызрани Иван Васильевич Кистанов. При организации создан мордовский ансамбль «Нармонь морыця» («Поющая птица») (руководитель – Надежда Гавриловна Атаманова). В Сызрани ежегодно проводится городской мордовский национальный праздник «Од толонь чи» («День

Ил. 2.34.
Мордовский культурный центр Тольятти на областном мордовском фестивале "Масторава"

Ил. 2.35.
Мордовский ансамбль "Килейне".
Самара

нового огня»), который в последние годы стал межнациональным и межрегиональным (ил. 2.36).

В октябре 2011 г. была создана Самарская городская национально-культурная эрзяно-мокшанская общественная организация «Валдо оyme» («Светлая душа»); в настоящее время её возглавляет Светлана Ивановна Сидорова.

В июле 2012 г. образована общественная организация «Региональная мордовская национально-культурная автономия» Самарской области под председательством Любови Александровны Колесниковой. Учредителями автономии выступили «Местная мордовская национально-культурная автономия» г. Самары, «Местная мордовская национально-культурная автономия» г. Жигулевска, «Мордовская национально-культурная автономия» г. Сызрани.

Ил. 2.36.
На мордовском празднике "Од толонь чи".
Сызрань

В декабре 2012 г. была создана общественная организация «Местная эрзянь-мокшанская национально-культурная автономия «Тундо» («Весна») в г. Отрадный, при ней – творческий коллектив эрзянской песни «Чуди лей» («Течёт ручей»). Под руководством председателя автономии Людмилы Анатольевны Ермохиной ежегодно проводится мероприятие, посвящённое Дню эрзянского языка и культуры. При содействии мордовского благотворительного фонда «Паро» («Добро») под руководством Владимира Николаевича Муратова в 2016 г. в Отрадном открылся историко-этнографический музей имени Ф.Ф. Ушакова¹, в структуру которого включены экспозиции по истории и этнографии мордовского народа. Сегодня этот музей, используя новейшие технологии, имеет все возможности презентации мордовской культуры для массовой аудитории.

В апреле 2014 г. в Борском районе была создана мордовская общественная организация (как отделение Самарской региональной общественной организации «Мордовский национально-культурный центр «Масторава»). По инициативе председателя организации Таисы Николаевны Степановой и при поддержке администрации района 3 апреля 2015 г. в с. Коноваловка был открыт Центр национальной культуры «Мордовская изба». Совместно со школой и библиотекой здесь ведётся историко-краеведческая, поисково-исследовательская работа, проводятся интересные экскурсии. Среди множества посетителей музея особенно значимым стал приезд в село доктора исторических наук, учёного с мировым именем, заведующего отделом Института археологии РАН, директора государственного музея-заповедника «Фанатория» Владимира Дмитриевича Кузнецова, который родился и вырос в Коноваловке.

Делегация области принимает участие в работе съездов мордовского (мокшанского и эрзянского) народа, съездов финно-угорских народов Российской Федерации, Всемирных конгрессов финно-угорских народов. В октябре 2019 г. представители мордовских общественных организаций региона (18 чел.) участвовали в VII съезде мордовского (мокшанского и эрзянского) народа в Саранске.

Мордовские общественные организации области проводят районные и областные фольклорные мероприятия, направленные на сохранение и развитие традиционной культуры, активно участвуют в ежегодном областном межнациональном празднике «День дружбы народов», в работе этнокультурного комплекса «Парк дружбы народов», который торжественно открыт в жилом районе «Волгарь» Куйбышевского района г.о. Самара 12 сентября 2021 года (ил. 2.37-2.52).

Эрзяне и мокшане Самарской области передают подрастающему поколению любовь к родному языку и национальным традициям, способствуют укреплению дружбы между народами России.

Ил. 2.37. Мордовский народный ансамбль "Эрзянь вайгель" села Коноваловка Борского района

Ил. 2.38. На 9-м областном мордовском фестивале. Ансамбль "Ялгат". Похвистневский район, 2007

¹ Историко-этнографический музей имени Ф.Ф. Ушакова. Отрадный. Кн. 1. Самара, 2019.

Ил. 2.39. Мордовский фольклорный коллектив "Оймине" ("Душечка"). Село Старый Маклауш Клявлинского района, 2008

Ил. 2.40. Мордовский фольклорный ансамбль "Умарина" на областном фестивале в Тольятти, 2008

Ил. 2.41. Мордовский фольклорный ансамбль "Мазы лей". Село Сиделькино Челно-Вершинского района, 2009

Ил. 2.42. Выступление мордовского народного ансамбля "Масторава" в Доме дружбы народов, 2011

Ил. 2.43. На областном мордовском фестивале "Масторава". Клявлино, 2012

Ил. 2.44. Детский ансамбль "Вишка лейне". Село Старое Вечканово Исаклинского района, 2012

Ил. 2.45. Свадебный обряд "Благословение молодых" на областном мордовском фестивале "Масторава". Клявлино, 2012

Ил. 2.46. Мордовский народный ансамбль "Чилисема" из села Багана Шенталинского района, 2012

Ил. 2.47. Представители Шенталинского района на областном мордовском фестивале "Масторава", 2016

Ил. 2.48. Мордовский хор "Масторава". Самара, Дом дружбы народов, 2016

Ил. 2.49. Мордовские коллективы "Масторава" и "Килейне". Самара, 2016

Ил. 2.50. Мордовский народный ансамбль "Эрзяночки" Нефтегорского района, 2017

Ил. 2.51. На областном мордовском фестивале "Масторава". Село Коноваловка Борского района, 2019

Ил. 2.52. Мордовский дом в этнокультурном комплексе «Парк дружбы народов»

ГЛАВА III. ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА САМАРСКОЙ МОРДВЫ

3.1. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Земледелие, основанное на общинном крестьянском землевладении, являлось основным видом хозяйственной деятельности мордвы Самарского края в конце XIX – начале XX в. Крестьяне ежегодно устраивали передел находящейся в распоряжении общины земельных угодий по общему согласию, при участии избираемых на этот период старшин, в расчете на каждую ревизскую душу (мужского пола). При разделе учитывалось количество земли и её расположение.

В частном порядке земля делилась после смерти домохозяина или ухода рекрута в армию. Недостаток наделной земли крестьяне стремились пополнить за счет аренды помещичьих, удельных и казенных земель. Цены за аренду различались в зависимости от обилия или недостатка земельных угодий. В частности, в Бузулукском уезде наемная цена за десятину пашенной земли для целого общества или отдельных хозяйств была до 50 коп. серебром, а в Бугурусланском уезде – 8,7 копеек.

С другой стороны, во всех уездах губернии жители многих селений платили за казенную десятину пашенной земли под посев яровых от 1 до 1,1/12 руб. серебром, а под озимые – до 2,1/12 руб. серебром. Повышение или понижение наемной цены зависело от качества земли, неурожая и других случайностей. В местах, где было развито земледелие, наемная цена пашенной земли была выше (десятина не дешевле 2-3 руб. серебром)¹.

В указанный период в Поволжье повсеместно распространилась трехпольная система земледелия – под посев яровых и озимых, третья часть оставлялась «под пар». В степных же уездах при изобилии земли сохранялся «перелог» (двухполье).

¹ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 277-278.

К середине XIX в. губерния стала «зерновой житницей России». Среди зерновых культур лидирующее место занимала пшеница, посев которой начинался с первых чисел апреля, как только сошел снег. Урожай пшеницы в среднем был от 30 до 60-80 пудов с десятины.

Важное место в полеводстве составляла озимая рожь, посев которой начинался с августа, от 9 до 12 пудов на десятину. Урожай ржи были различны, в зависимости от погодных условий в зоне «рискованного земледелия», в благоприятные годы – до 100 и более пудов с десятины.

Распространенной культурой являлся овёс, высеваемый во второй половине апреля, местами в первых числах мая, нередко в смеси с полбой. Урожайность достигала до 300 пудов с хозяйственной десятины. Овсом кормили рабочий скот. Смесь овса с ржаной мукой поступала на винокуренные заводы. Значительное количество овса продавалось в города Нижний Новгород и Рыбинск.

Из прочих зерновых повсеместно выращивали ячмень, его сеяли в мае после посева пшеницы, а убирали первым из яровых. Урожай ячменя составлял от 15 до 20 четвертей с десятины. Из него изготавливали ячневую крупу, солод, пекли хлеба, а в смеси с овсом он шел на корм рабочему скоту. Полба, как и ячмень, возделывалась только для внутреннего потребления. Урожай ее составляли от 8 до 20 четвертей с хозяйственной десятины.

Просо сеяли не во всех уездах Заволжья. Самое лучшее просо, которое отличалось крупностью зерна, чистотой и вкусом, было в Бузулукском уезде. Стоимость его была высокой – от 35 до 80 и более копеек серебром за пуд. Возделывалась и гречиха, урожайность которой составляла в среднем до 10 четвертей с десятины.

Из бобовых растений выращивали горох; из овощных культур – картофель и репу; из технических растений – лён и коноплю.

Лён использовали для домашних нужд. Его обработка осуществлялась поэтапно: сначала растения выдергивали руками и связывали в снопы, которые развешивали на вешала для просушки или просто ставили в кучки; после увозили домой и обивали семена: затем расстилали на лугах по скошенной траве для улежки; после окончательной просушки в банях стебли мяли на мялках, трепали и чесали гребнем.

Трудоемким процессом было выращивание конопли; землю под неё – мягкую и рыхлую – обрабатывали несколько раз и обязательно удобряли навозом. Уборка конопли делилась на два периода: сначала, после цветения, выдергивали посконь (мужские растения), а потом в сентябре и саму коноплю. Обмолоченная от зерен конопля поступала в мочку – специально изготовленную емкость, которую нагружали почти до самого дна коноплей, прижимая сверху грузом, чтобы снопы покрылись водой. С начала октября коноплю мочили от двух до трех недель, после чего выставляли на мороз, чтобы стала белее.

Из конопляного семени с помощью ручного станка или на маслобойнях получали масло, которое шло как для собственного потребления, так и на продажу. Сбывалось оно по городам и заводам. Стоимость 1 пуда масла в 1850-е гг. составляла от 2 до 3,5 руб. серебром¹.

На различных почвах использовали разные пахотные орудия: соху с перекладной палицей; косулю с одним резцом, с лемехом и деревянным прогнутым отвалом; малороссийский плуг и татарский сабан, последний в особенности для пахоты тяжёлых почв (луговых и залежных земель) у мордвы Бугурусланского и Бугульминского уездов.

Согласно полевым исследованиям В.П. Тумайкина, в нынешних Богатовском и Борском районах землю пахали деревянным сабаном, запряженным 3-4 парами быков или 4 лошадьми. Им поднимали пар на тяжелых почвах и приготавливали землю под посев пшеницы. В Похвистневском районе пахали сохой, обычно осенью, а весной сеяли на неспаханной земле, после чего ее бороновали.

В старину бороновали ветками дуба или вершиной дерева (чувто прясо). В первом случае сухие дубовые ветки с толстыми заостренными сучками связывали в виде веника, а во втором – срезали верхушки дерева, удаляли мелкие ветки, а более толстые заостряли. Позднее для этого стали использовать деревянные бороны (чувтонь изамот). В пяти колодках сверлили по три дырки в каждой. В них вбивали дубовые зубья (тулыньсто) или железные костыли. В Бузулукском и Бугурусланском уездах мордва на подсеках употребляла как плетеные бороны, так и бороны-суковатки.

Сеяли руками. Зерно разбрасывали из сеятельной рубахи (видьме торбасто, видьме руця). Жали серпами (тарваз) (ил. 3.1). Для слишком низкого и редкого хлеба или чрезмерно травянистого – овса, гречихи, гороха, чечевицы – в начале XX в. использовали косы, к которым приделывались грабли. Нижние зубья были длиннее, чем верхние.

Ил. 3.1.
Уборка ржи.
Шентала, 1914.
Фото А.О. Вайсянена

¹ Черемшанский В.М. Указ. соч. С. 298.

Сжатый хлеб вязали в снопы и складывали в скирды, копны, крестцы, бабки, грудки и суслоны. Одну часть хлеба обмолачивали сразу же, а другую складывали для хранения в скирды (одошня, клады) круглой или длинной формы. Если снопы оставляли на второй год, то под одошнями и кладями делали настил из бревен и жердей¹.

Перед обмолотом хлеб сушили в зимних сушилках двух видов: шиш и овин. Шиш – самая примитивная сушилка, характерная для поволжских крестьян, охотно перенималась и русским населением. Он представлял собой яму с обожженными стенками или выложенную камнями. Над ямой устанавливали колья, вершины которых связывались, образуя конус. Этот конус обкладывался снопами, колосом внутрь. В яме разводился слабый огонь и теплый дым, пробиваясь сквозь снопы, просушивал зерно. В шишах в течение 13-15 часов можно было сушить от 100 до 300 снопов².

В XIX в. наибольшее распространение получили ямные овины, сооружаемые сообща несколькими домохозяйствами. Он состоял из двух ярусов: в первом из них в земле помещался источник тепла, во втором – на балках или решетчатом накате сушились снопы. Проход дыма из ямы в овин осуществлялся через продолговатые отверстия с трех сторон у стен.

Для сушки хлеба у мордвы использовалась также и рига – однокамерная сушилка без ямы; топка и снопы находились в одном помещении. В стене прорубали окно для подачи снопов, а наверху устраивали второе для выхода дыма. Сбоку от печи на переводах делались мобильные колосники, на них ставили снопы в один ряд колосьями вверх.

Ил. 3.2.
Обмолот зерна.
Село Вечканово (ныне
Исаклинского района),
1914.
Фото А.О. Вайсянена

Высушенный хлеб молотили цепями на току около овина (ил. 3.2). Пользовались в основном цепями русского типа. Высушенные снопы раскладывали в два ряда колосьями в середину. Сначала молотили снопы, не развязывая связла, затем, разрезав серпом связку, домолачивали в разбивку. По окончании молотбы убирали солому. Таким образом обмолачивали всю посадку на одном месте. Затем растирали и разметывали вымолоченное зерно с мякиною, сгребая полу граблями и метлами. Обмолоченное зерно от мякины очищали посредством веяния. Во многих местах Заволжья у мордвы, как и у русских, хлеб молотили волами и лошадьми преимущественно летом, после посева яровых хлебов.

Для размола зерна использовали ручные жернова, деревянные ступы, ветряные и водяные мельницы. О наличии мельниц, частных или общих, практически в каждом селении свидетельствуют «Списки населенных мест» Самарской губернии за разные годы.

Примитивная культура земледелия, а также природно-климатические условия приводили к низким и неустойчивым урожаям. По данным отчетов за 1916-1917 гг., средняя урожайность зерновых не превышала 2-3-х центнеров с гектара. За 65 предреволюционных лет в губернии 25 раз случались засухи и суховеи. Особенно страшными были 1891, 1901, 1911 годы.

Животноводство у самарской мордвы по значимости было второй после земледелия отраслью хозяйства. Развитое скотоводство объяснялось наличием больших пастбищных территорий, обширных лугов, изобилием трав. В Самарской губернии в среднем на двор приходилось от двух до шести лошадей, от двух до четырех голов рогатого скота¹.

После посещения мордовских сёл Малый Толкай Похвистневского района и Ерзовки Кинель-Черкасского района Н.М. Малиев в своих заметках писал: «Мои личные наблюдения подтверждают мнение, что по степени материального благосостояния мордва значительно превышает русское население. Встречаются между ними, как и везде, и богатые, и бедные, но общий уровень экономического довольства выше окружающего населения. Мордва – народ зажиточный: и пища у него лучше, и одет он лучше. Скотоводство сильно развито: лошади, коровы, овцы встречаются у каждого мордвина. Правда, мясная пища появляется на столе тоже не всегда, но все же значительно чаще, чем у русских; примесь рыбы – обыкновенна»².

Господствующей породой лошадей в Заволжье была башкирская – мелкорослая, но мускулистая, крепкая и быстрая. У мордвы использовались также лошади русской и киргизской пород. Стоимость лошадей в зависимости от породы колебалась от 5 до 50 руб. серебром. Центрами продажи лошадей были Бугульминская и Мензелинская ярмарки.

¹ Тумайкин В.П. Сведения по материальной культуре мордвы Куйбышевской области // Этнокультурные процессы в Мордовии. Саранск, 1982. С. 148-157.

² Бусыгин Е.П. Техника ведения сельского хозяйства у русского населения Поволжья // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1959. № 32. С. 32, 69.

¹ Соловьев Я.А. Очерк хозяйства и промышленности Самарской губернии // Журнал министерства государственного имущества. СПб., 1857. С. 221.

² Малиев Н. Указ. соч. С. 4-5.

Ил. 3.3.
Орловский рысак.
Село Березняки
Кинель-Черкасского
района

Для улучшения местной породы было создано несколько конных заводов. По официальным сведениям, в 1850 г. в Оренбургской губернии их было 23, в том числе в Бузулукском уезде – 4, Бугурусланском – 6¹.

В дворянском имении с. Березняки Бузулукского уезда (ныне Кинель-Черкасского района) в начале XX в. занимались разведением лошадей – рысаков Орловской породы² (ил. 3.3).

Лошадь в основном использовалась как тягловая сила. Мордовские общины были обеспечены рабочим скотом намного выше, чем в среднем по губернии. Разведение лошадей, как прежде (ил. 3.4) так и в настоящее время, остаётся важной отраслью сельского хозяйства самарской мордвы.

Ил. 3.4.
Езда верхом на
лошадях. Дети села
Новая Кармала
Кошкинского района.
Конец 1950-х гг.

Крупный рогатый скот, разводимый в Заволжье, представлял собой мелкую русскую породу. В Бузулукском и Бугурусланском уездах встречался более крупный скот, известный под названием черкасской породы, а также холмогорской и киргизской породы.

Овцеводству благоприятствовали обширные пастбища, особенно в степном Бузулукском уезде. Разнообразными были породы разводимых овец: простая разношерстная – с грубой, толстой шерстью; черкасская – крупная, белошерстная (курдючная) с длинной кудрявой и мягкой шерстью. В Бузулукском и Бугурусланском уездах встречалась испанская тонкорунная порода.

Мордва в большом количестве разводила свиней для получения мяса и щетины. Кроме домашнего потребления, незначительная её часть шла на продажу. Особенно много свинины закупали судопромышленники, которые заготавливали её для бурлаков. М. Бурундуков отмечал: «На деревенских рынках лучшие свиные тушки – мордовские»¹. Разводили и коз. От них получали молоко, мясо, кожу и пух. От казачек Оренбургского войска некоторые мордовки учились мастерству вязания из козьего пуха платков и шалей.

С ранней весны и до поздней осени весь скот пасся на обширных выгонах вокруг селения. Этот обычай усвоили русские, мордва, чуваша у кочевых степняков. Скот выпускали без присмотра в лес и на выкошенные луга.

К концу XIX в. в связи с ростом населения, дроблением наделов, изъятием части земель в фонд казны стала ощущаться нехватка выгонов. В условиях трехпольной системы земледелия мордва применяла попеременный вольный выпас на участках, находившихся «под паром», огораживая места выгона от усадебных земель, посевов и сенокосов. Скот пасли по убранному сенокосу, а после уборки хлебов – по отаве. Постепенно вольный выпас скота стал заменяться пастьбой с помощью наемных пастухов. Их нанимали весной на сельском сходе, здесь же определялась и оплата: за лошадь пастуху платили по 30 коп., корову – от 30 до 40 коп., овцу – от 10 до 15 коп., теленка – от 10 до 20 коп., свинью – от 50 коп. до 1 руб.²

В рукописи Н.Е. Симакова «Опыт описания экономического быта крестьян села Титовки Самарского уезда» 1878 г., хранящейся в архиве РГО, содержатся этнографические сведения о местном мордовском населении. Автор считал мордву лучшими знатоками сельского хозяйства, находил у них больше «удобств и приспособлений для помещений скота и других продуктов», а устройство усадьбы полагал очень практичным благодаря тому, что скот никогда не ходил по ней «чистым двором»³.

¹ Черемшанский В.М. Указ. соч. С. 348, 352.

² Ведерникова Т.И., Семочкина Г.В., Столяров П.Д., Черных Л.А. Указ. соч. С. 47.

¹ Бурундуков М. Мордва // Уфимские губ. ведомости. 1906. № 17. С. 2.

² Тумайкин В.П. Соседская община Заволжской мордвы... С. 101.

³ Смирнов Ю.Н. Материалы о самарском крестьянстве дореформенной эпохи в Русском Географическом обществе и их авторы // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8/2 (109). С. 69-72.

Охота относится к числу древнейших занятий мордвы. Одним из видов оброка (ясака) мордвы была пушнина. Многие исследователи отмечали страсть мордвина к охоте: «Леса породили в них охоту к звероловству: куда бы мордвин ни ехал, в поле за сеном или в лес, всегда окружает его стая гончих собак. Зимой он нарочно отправляется на охоту травить зайцев, лисиц, волков, и часто хорошая добыча вознаграждает труды его»¹.

Автор рукописи «Краткий очерк быта и состояния крестьян Самарского удельного ведомства», хранящейся в архиве РГО, чиновник А. Каминский в 1854 г. писал, что мордва Заволжья любит и усердно занимается хлебопашеством, а их женщины «превосходно пекут ржаной хлеб». Из занятий, которые в целом отличаются местную мордву от хлебопашцев – представителей других этнических групп, автор выделяет пристрастие к охоте, для чего «они держат много борзых и дворовых собак, с которыми по первовыпавшему снегу, или пороше, ездят... травить зайцев и волков». Чиновник не очень доволен таким увлечением своих подопечных, из-за которого теряется «много времени» и крестьяне, «преследуя этих зверей, нередко портят своих лошадей»².

В XVIII – начале XIX в. Заволжье славилось обилием зверя и птицы. В Жигулевских лесах водились черные и бурые медведи, попадалась и рысь. Много медведей было на левобережье Волги. Лучшие виды самарской белки водились в Самарском и Ставропольском уездах. Некоторые виды зверей (заяц, лисица, белка, горностай, волк и др.) вплоть до начала XX в. имели промысловое значение. В конце XIX – начале XX в. в связи с сокращением охотничьих угодий значение охоты постепенно падало.

В реках водились выхухоль, выдры и бобры. Из лесов выбегали в степь лоси, кабаны. По степям разгуливали стада диких коз – сайгаков. Заволжский край изобилует всякого рода птицей, ее насчитывалось 248 видов³.

Приемы и орудия охоты были самыми разнообразными; наиболее древними из них являются стрелы, копья, ножи, кинжалы, ловушки, капканы, ловчие ямы. В конце XIX – начале XX в. основная масса охотников пользовалась ружьями.

Главным объектом охоты были зайцы, дикие утки, перелетные птицы. При этом мордва воздерживалась от охоты и употребления в пищу некоторых птиц, в частности лебедей, голубей, журавлей, как сакральных и неприкосновенных.

Широко распространенными у мордвы были различные ловушки зверей. Так, по описанию И.И. Лепёхина, для поимки волка зимой рыли в поле обширную глубокую треугольной формы яму, по ее центру врывали столб так, чтобы он аршина на два возвышался над дном. На конце прилаживали колесо, на него при-

вязывали живого поросенка. Отверстие ямы покрывали тонким хворостом и соломой и посыпали снегом. На голос поросенка прибегали волки и падали в яму.

Медведя ловили капканом с привязанной к нему на веревке массивной колодой. Тяжелая колода мешала зверю быстро освободиться от нее и далеко уйти. Обессилевший, он становился добычей охотника.

Для медведя устраивались также ловушки в виде ямы с боковыми входами. Над центром ямы на подпорках укреплялся большой груз. Как только медведь дотрагивался до приманки, груз обрушивался и придавливал зверя¹. Широко бытовала охота на залегшего в зимнюю спячку медведя. Охотники сначала будили зверя, а затем брали его на копыя-рогатины.

Для ловли мелких зверей – зайцев, лисиц применяли сети длиной от 25 до 35 метров, сплетенные из прочных домашних ниток. С боков продевали веревки. При употреблении сети для охоты веревочные концы привязывали к деревьям, а верхняя часть развешивалась на кольях. Группа охотников с шумом загоняла в сеть зайцев, лисиц и т. д. Напуганные звери кидались на сеть, сваливая колья, опрокидывали сети и запутывались.

Рыболовству у мордвы способствовали благоприятные природные условия. Бассейн Волги с ее притоками изобилует рыбой – стерлядью, осетрами, белорыбицей. В старину мерною рыбою (от глаза до заднего плавника) считались осетры и белуги в 10 четвертей, стерлядь в 10 вершков, если в осетре или белуге не хватало хотя бы одной четверти, при сдаче две рыбы шли за одну².

С давних пор у мордвы была широко распространена ловля рыбы с помощью загородки (закола); этот способ широко применялся и в более позднее время. По описанию И.И. Лепехина, «ловят рыбу мериожками и городьбой. Городьба делается таким образом: через всю реку поперек вколачивают колья, которые укрепляют поперешными шестами и для большей крепости к сопротивлению водяного стремления ставят через четыре или пять колея упорки, то есть вкось противу стремления воды вбитые колья. С самого дна реки почти до поверхности воды вбитые колья переплетаются широкими лыками, или привязывают нарочно сделанные решетчатые рогожи, оставляя одно место посередине городьбы порошне наподобие ворот. В воротах опускается сеть, сделанная рукавом, в которую попадает идущая сверху с убывающей воды, рыба. ...Солить сию рыбу у них не в потреблении, но они ее вялят, выдержав прежде сутки в крепком росоле, или, как они говорят, тузлуке»³.

¹ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1939. Т. 3, ч. 1. С. 232.

² Смирнов Ю.Н. Материалы о самарском крестьянстве...С. 70.

³ Преображенский П.А. Физическая география Самарской губернии. Самара, 1928. С. 76.

¹ Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб., 1771. С. 31-32.

² Преображенский П.А. Указ. соч. С. 76.

³ Дневные записки... С. 32.

Рыбу в основном использовали для собственных нужд. Однако среди жителей селений, расположенных вдоль рек Черемшан, Самара, Кинель, Сок, создавались рыболовецкие артели, которые продавали рыбу как на местных рынках, так и в Москве, Петербурге¹.

Огородничество у мордвы не имело больших различий с другими народами края. В лесных и лесостепных районах выращивали, как и сегодня, традиционные огородные культуры – картофель, капусту, свеклу, лук, редьку, огурцы и помидоры. В степях хорошо росли дыни, арбузы, тыква, подсолнечник.

Садоводство, в отличие от огородничества, было развито слабо. Во многих мордовских селениях им по существу не занимались. В частности, в конце XIX в. И. Тресвятский отмечал, что в Бугульминском уезде «садоводства вовсе нет. Лишь часть домовладельцев сажают яблони»². В XX в. широкое распространение имела вишня. На усадьбах мордовских крестьян росли черемуха и рябина, плоды которых часто использовались как лекарство.

Упомянутый выше А. Каминский характеризовал еще одну особенность этого народа: «Мордва знают действия многих полезных и вредных трав». Это знание использовалось и в домашних промыслах (например, «на залогах вырывают они корни травы марены и ими отлично красят в красный цвет шерстяные и льняные нитки для вышивания своих нарядов»), и в народной медицине, и в ворожбе, которой их «женский пол... славился», что признавали даже русские соседи³.

Пчеловодство было одним из древнейших занятий мордвы, чему способствовало изобилие диких пчел в лиственных лесах. Первоначальной, наиболее архаичной формой пчеловодства было бортничество. И.Г. Георги отмечал: «Мокшане живут в привольных к лесному пчеловодству местах, есть между ними и такие пчеляки, кои имеют у себя по 100 и 200 ульев»⁴.

Промысел играл важную роль в жизни мордвы: «Молодой человек в прежние времена не имел права жениться до того времени, пока не выучится делать “бортни” (цилиндрической формы колода, выдолбленная внутри дерева. – *Авт.*). По изучению же этого мастерства, ему выбирали невесту...»⁵.

Мордва унаследовала традиционное занятие бортничеством. Переселенцы часто прибывали со своими пчелами и выбирали место поселения среди лесов и обширных луговых пространств, удобных для занятий пчеловодством.

Вслед за бортничеством в развитии этой отрасли хозяйства появилось колодное пчеловодство. Колодные ульи делались из

дуба, вяза, липы с дуплом, длиной до 1,5 м и диаметром от 0,5 до 1 м. Сверху их покрывали досками и берестой. Внутри устанавливалось несколько тонких крестовин из палочек. В средней части просверливалось отверстие для пчел. Чтобы улей сохранить от сырости, под него подкладывали бересту, камни, доски. Долбленный колодный улей цилиндрической формы напоминал кадушку (нешке парь).

Мёд широко использовался в культуре повседневности мордвы, из него готовили национальные блюда, применяли в медицине как народное лекарственное средство, продавали в Самаре, отправляли в Казань, Москву, в Сибирь. В середине XIX в. средняя цена на мёд составляла от 5 до 7 руб., вощина стоила 25-30 коп. за фунт¹.

У мордвы существовал ряд обрядов, поверий, преданий, связанных с пчеловодством. В пантеоне мордовских богов было и божество, покровительствующее пчёлам (Нишке-паз – э., Нешке-перь-азыр-ава – м.), и жило оно в самом большом улье. Первое моление на пчельниках приходилось на время роения пчёл. В жертву Нишке-пазу приносили первый вылетевший рой. Хозяин пчельника ссыпал рой в снятую с себя рубаху и топил его в болоте, при этом приговаривал: «Вот тебе, Нишке-перь-азыр-ава, первый рой, не упускай моих пчёл». Считалось, что после такого дара не только свои рои не улетят с пчельника, но даже чужие прилетят на него².

На Петров день в мордовских селениях качали мёд, собирали огурцы, приглашали гостей, устраивали застолье, где главным угощением были огурцы, обмакиваемые в свежий мед.

Накануне Ильина дня мордва массово отправлялась в лес на пчельники, переходя от одного к другому. После благодарственного моления все участники пили дрожжевой квас (пуре) из большого деревянного ковша. Так продолжалось в течение двух дней³. По информации старожилов, у мордвы Заволжья на Ильин день хозяин около пеньков ставил соты для Нишке-паза. В настоящее время в этот день принято угощать друг друга мёдом. Продавать мед в Ильин день считалось недостойным делом и осуждалось.

В конце XIX в. занятие пчеловодством в хозяйстве мордвы постепенно стало уменьшаться. Это отмечал И. Красноперов: «Пчеловодство, которым до сих пор занимается мордва по традиции от старых времен, составляет в настоящее время незначительную часть»⁴. До начала XX в. просуществовали колодные ульи, называемые также пеньковыми. Постепенно колодные ульи стали заменяться рамочными ульями, которые применяются и теперь.

¹ Преображенский П.А. Указ. соч. С. 41.

² Тресвятский И. Село Черемшанская крепость Бугульминского уезда Самарской губернии // СГВ. 1885. № 17. С. 394.

³ Смирнов Ю.Н. Материалы о самарском крестьянстве... С.70.

⁴ Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей. СПб., 1799. Ч. 1. С. 43.

⁵ Георги И. Указ. соч. С. 83.

¹ Тресвятский И. Указ. соч. С. 394.

² Мордва Заволжья... С. 38.

³ Смирнов И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895. С. 242.

⁴ Красноперов И. Мордовская община... С. 71.

3.2. МЕСТНЫЕ И ОТХОЖИЕ ПРОМЫСЛЫ

Самарская губерния в XIX в. – один из крупнейших центров хлеботорговли – поставляла во все регионы России и за рубеж пшеницу-белотурку высшего качества. В связи с этим можно утверждать, что крестьянство не нуждалось в подсобных промыслах, так как земельный простор и большие урожаи вполне обеспечивали безбедное существование населения. Этим можно объяснить и отсутствие в крае крупных центров художественных промыслов, характерных для центральной России. Беспомощность населения губернии в неурожайные годы является ярким свидетельством того, что кроме земледелия оно почти никаких промыслов не знало.

Позднее заселение Самарского Заволжья, разноэтничность переселенцев из «внутренней» России создавали характерную для региона пестроту населения и систему культурного взаимодействия народов, что затрудняет изучение кустарных промыслов с точки зрения их этнической специфики.

Народные ремесла и немногочисленные кустарные художественные промыслы, за некоторым исключением, существовали главным образом для удовлетворения бытовых и хозяйственных потребностей населения. Многие работы выполнялись в свободное от основных сельскохозяйственных забот время, чаще всего зимой. Одежда, большинство сельскохозяйственного инвентаря, утварь и др. изготовлялись самими крестьянами. В «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию по Бугурусланскому уезду отмечалось, что «женщины сверх полевой работы упражняются в рукоделии: прядут лён, посконь и шерсть, ткнут холсты и сукна для себя и на продажу»¹ (ил. 3.5, 3.6).

Ил. 3.5.
Женщины за
прядением.
Шентала, 1914.
Фото А.О. Вайсянена

¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1876. Л. 45.

Ил. 3.6.
Женщина шьет
рубашку.
Шентала, 1914.
Фото А.О. Вайсянена

Изготовленные на дому ткани отдавались затем на обработку специальным ремесленникам-набойщикам. По набивке сукна и крашению холста специализировались целые селения. Так, например, этим ремеслом славилось мордовское село Старые Сосны Бугурусланского уезда (ныне Клявлинского района), куда доставляли холст и сукно со всех окрестных деревень¹. Из сукна портные шили верхнюю одежду. Л.Ф. Змеев отмечал, что «лучший скорняк – мордвин, хотя есть они и у других племен»².

Одним из характерных для Самарского края и широко известных в России промыслов являлось производство кушаков, носимых как в качестве поясов, так и шарфов. Центром кушачного промысла было русско-мордовское село Максимовка (Коржевка) Бузулукского уезда (ныне Богатовского района). Священник Михайло-Архангельской церкви этого села Феодор Соколов в 1852 г. писал: «Сельцо Максимовка Коржевка тож Самарской губернии Бузулукского уезда находится в 80 верстах от уездного города и в стольких же верстах от губернского. Жителей в нем – удельных крестьян 734 души, казенных – 190 и молокан Казенного же ведомства 280 душ (муж. пола). Женщины из молокан выделывают кушаки отличной доброты из шленской шерсти и шелка, продают хорошие кушаки по 3 руб. серебром, по 2 и 1 руб. Кушаки, называемые молоканскими, почитаются самыми лучшими»³.

Авторы «Сборника статистических сведений» в конце XIX в. отмечали, что в Максимовке (Коржевке) кушачным промыслом занимались 449 женщин в 360 дворах жителей села – молокан, по этнической принадлежности, как русских, так и мордвы: «Промысел имел кустарный характер и был организован на манер крупной и средней промышленности, привлекая к себе все взрослое женское население молоканского общества. Время его существования отодвигается к моменту возникновения самого села. Лучшие кушаки ткнутся из смеси шленки с бумагой с простеганными по всему полю кушака нитками. Похуже – из одной овечьей шерсти с бумагой, причем первые мягки на ощупь и ткнутся из самых тонких ниток, последние – из более толстых и грубых. Каждый кушак имеет 3 аршина длины и 4,1-4,2 вершка ширины»⁴.

¹ Сборник стат. свед. ... Т. 4. Бугурусланский уезд. С. 86-87.

² Змеев Л.Ф. Медико-топографическое описание и статистический очерк народонаселения Бугульминского уезда Самарской губернии. М., 1883. С. 36.

³ Соколов Ф. (свящ.) Ответы на вопросы по разным частям сельского хозяйства, требуемые Императорским Географическим обществом // Архив РГО. Р. 34. Оп. 1. Ед. хр. № 25. Л. 1, 6-6 об.

⁴ Сборник статистических сведений... Т. 3. Бузулукский уезд. С. 122, 142.

По другим сведениям, в Максимовке из 1 500 жителей 700 женщин занимались выделыванием кушаков. Это занятие было перенесено ими с родины – Тамбовского уезда. «Работа производится большей частью в зимнее время. Кушаки бывают трех сортов. Высшего достоинства – 3,15 аршина длины и 8 вершков ширины. Он представляет собой чрезвычайно пеструю смесь 7 различных цветов: красного, черного, желтого, лилового, белого, зеленого и малинового, – расположенных в ряд узкими полосками по длине кушака (всего 72 разноцветных полоски) и оканчивается 3-вершковой бахромой из того же материала. Овечья шерсть для кушаков употребляется часто из своих овец. Один такой кушак изготавливается женщиной целую неделю, а в год до 30 и до 40 штук. Среднего сорта вырабатываются в год одной работницей до 50–60 штук; низшего сорта (шерсть для этого сорта кушаков окрашивается обыкновенно растущей на полях деревни дикой мареной) – от 70 до 100 штук. Сбывают на базарах сел Леонтьевка, Алексеевка, Утёвка». Сбытом кушаков занимались хозяйки-предпринимательницы, торговцы в местных лавках, изредка вывозили товар на окрестные базары. Хозяйки-предпринимательницы, накапливая в своих руках массу кушаков, сбывали их купцам-скупщикам, приезжавшим в Максимовку 2–3 раза в год, – в Великий пост и осенью из Самары и Симбирска. В самом селе существовало 7 лавок, специально торговавших одними материалами и орудиями производства, которые продавались производительницам за деньги или выменивались на кушаки¹.

В 1882 г. на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Москве самарские кушаки были удостоены бронзовых медалей.

Ил. 3.7.
Домовая резьба.
Село Захаровка
Борского района, 1996

Ил. 3.8.
Парь. Борискино
Самарской губернии
(ныне Матвеевского
района Оренбургской
области). 1914.
Фото А.О. Вайсянена

У мордовских крестьян особое место занимала художественная обработка дерева, в том числе домовая резьба для украшения фасада дома (кудо) (ил. 3.7).

Художественной резьбой по дереву украшались и сундуки (парья, шувамня – м.; парь, авань парь, эрямо парь, мирденень лисеме парь – э.) – неотъемлемая часть интерьера крестьянского жилища. Парь – сундук мордовской невесты, делали из липы с хорошо подогнанным днищем или цельнодолблёным, с плотной крышкой. Пари были различных размеров, средняя их высота достигала 80–90 см, к ним навешивали массивные чугунные скобы для замков. В этих сундуках хранили холст, полотенца, самую ценную одежду и украшения, поэтому при пожарах их выкатывали из дома в первую очередь. По внешней боковой стороне изделия располагался геометрический орнамент – символ плодородия (ил. 3.8).

Произведением народного искусства можно считать вырезанную из дерева ступу для растирания зерна, без которой не обходилось ни одно мордовское домашнее хозяйство.

Ил. 3.9.
Квашня и кринка.
Село Старые Сосны.
Этномузей Самарского
государственного
института культуры

Мордва Самарской губернии занималась и гончарным производством. Как отмечал Л.Ф. Змеев, «мордовская посуда была довольно изящной, постоянно совершенствовалась и вытесняла из домашнего употребления даже привозную фабричную чайную чашку»². Широко известными центрами гончарного производства вплоть до середины XX в. были мордовско-русские сёла Тёпловка и Мосты Бузулукского уезда (ныне Пестравского района), Старые Сосны (ныне Клявлинского района) (ил. 3.9).

¹ Мещерский А.А., Модзалевский К.Н. Свод материалов по кустарной промышленности в России. Составлен по поручению РГО. СПб., 1874. С. 130, 131, 138.

¹ Сборник статистических сведений... Т. 3. Бузулукский уезд. С. 143.

² Змеев Л.Ф. Указ. соч. С. 37–38.

В Бузулукском уезде многие мордовские крестьяне занимались производством кирпича. Только в одном с. Каменка из 115 чел., занимающихся промыслом, 100 выделывали воздушный кирпич¹. В эрзянском селе Степная Шентала (ныне Кошкинского района) кирпичным заводом владела семья Гришовых.

В Ставропольском уезде крестьяне некоторых мордовских сел занимались смолокурением и приготовлением древесного угля. К примеру, в сёлах Курумоч (ныне Волжского района) и Старая Бинарадка (ныне Красноярского района) в XIX в. в этот промысел были вовлечены соответственно 66 и 50 дворов. Мордовские сёла, расположенные близ городов, в зимнее время заготавливали дрова. В с. Старая Бинарадка этим промыслом занимались 227 чел.²

Наряду с местными (домашними) промыслами особое значение в экономической жизни самарской мордвы имели и отхожие промыслы, хотя они не были сильно развиты. Отхожие промыслы разделялись на связанные с земледелием и неземледельческие. К первой группе относились разнообразные сельскохозяйственные работы в зажиточных крестьянских и дворянских хозяйствах. Так, по сведениям М. Гребнева, крестьяне с. Ерзовка Бугурусланского уезда (ныне Кинель-Черкасского района) нанимались, как правило, к помещикам, жившим недалеко от их деревни, в пахари, иногда со своими плугами и быками, в жнецы, по большей части на все лето³.

Важным дополнительным источником существования служил извозный промысел со своей специализацией: перевоз хлеба в пределах одного уезда и губернии, доставка рыбы и других товаров за пределы губернии. Так, крестьяне сёл Титовка, Малая Томыловка (ныне район Новокуйбышевска), Губашева и Глушицы Самарского уезда «нанимались ездить из города Самары в город Уральск, а там – в разные российские города. Нанимались к купцам в работники на судах, для перевозки разных товаров в разные города вниз и вверх по реке Волге»⁴.

Крестьяне д. Дубовый Умёт Самарского уезда (ныне Волжского района) направлялись для продажи хлеба в г. Уральск, там «закупали разную рыбу, икру и продавали на базарах города Самары и в окрестных деревнях». Жители д. Мордовские Липяги Самарского уезда (ныне район Новокуйбышевска) с купеческими товарами доходили до г. Сызрани⁵. Кроме хлеба и рыбы мордва деревень Фролкино (Ерзовка), Семёновка и Солянка Бугурусланского уезда (ныне Кинель-Черкасского района) на своих волах доставляли в разные места соль из «Елецкой» (ныне Соль-Илецк Оренбургской области) защиты⁶.

Во второй половине XIX в. с развитием капиталистических отношений зажиточные крестьяне стали производить зерно для продажи. В связи с этим появился особый промысел скупки зерна у односельчан и его перепродажи на ближних и дальних рынках.

Мордовские крестьяне отдельных сёл после уборки урожая отправлялись в другие населенные пункты для стрижки овечьей шерсти, изготовления валенок и др.

В целом, для самарской мордвы было характерно слабое развитие таких промыслов, как обработка дерева и металла, превосходство местных (домашних) промыслов над отхожими.

3.3. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩЕ

Одной из составляющих материальной культуры этноса являются поселения, при характеристике которых, по классификации В.Ф. Вавилина¹, следует учитывать несколько аспектов – размещение поселений на местности (тип заселения), расположение поселений относительно друг друга (тип расселения), тип поселения, определяемый структурой занятого трудоспособного населения; формы поселений (их планировка).

Тип заселения и планировочная структура поселений самарской мордвы определялись как привязкой к местности (ландшафту) в зависимости от хозяйственной деятельности и системы землепользования, так и национальными традициями населения.

Ил. 3.10.
Панорама села Старые
Сосны Клявлинского
района, 1953

¹ Вавилин В.Ф. Некоторые вопросы типологической классификации и методики исследования сельских поселений // Материалы по истории, археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1977. С. 33-58.

¹ Сборник статистических сведений... Т. 3. Бузулукский уезд. С. 186-187.

² Сборник статистических сведений... Т. 2. Ставропольский уезд. С. 171.

³ Гребнев М. Село Фролкино или Ерзовка Бугурусланского уезда // СЕВ. 1885. № 22-24. С. 54.

⁴ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1422. Л. 75.

⁵ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1422. Л. 51, 61 об.

⁶ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1876. Л. 208.

По данным «Списков населенных мест» 1900 г., для мордвы Самарского Заволжья был характерен речной и приречный тип заселения. Тяготение мордовского населения, основой хозяйства которого с давних пор являлось земледелие, к рекам объясняется тем, что речные долины были более удобны для распашки. По названию рек часто называли и селения.

В конце XIX – начале XX в. получил распространение водораздельный тип заселения. Он характеризовался расположением на овражных склонах, лесных полянах и возвышенных местах. В степных районах края отмечают поселения у озер, прудов и колодцев.

Традиционной формой поселений была рядовая, при которой селение вытягивалось цепочкой в один сплошной ряд домов, ориентированных в одну сторону, чаще на реку, речку, озеро, а позднее – на тракт. Перед окнами домов часто располагались хозяйственные постройки – мазанки, амбары и бани. Смешанные селения состояли, как правило, из нескольких концов, называемых по этничности жителей – «мордовский», «русский» и т. д.

Наиболее распространенной в конце XIX в. формой поселения самарской мордвы стала уличная (ил. 3.10). При этом дома располагались по обе стороны формообразующего элемента (чаще дороги) и были обращены фасадами друг к другу. С ростом селений создавались новые улицы, переулки, и селение приобретало квартально-уличную планировку. Таких примеров множество в Самарской области. Так, Коноваловка Борского района создавалась как мордовско-русское село вдоль Большой дороги и до сего дня делится на мордовский и русский концы. Концы с. Чёрновка Кинель-Черкасского района, как и многих других эрзянских сёл, называются Верепе и Алопе (верхний и нижний конец). Аналогично устроено с. Виловатое Богатовского района, где в отдалении от Большой улицы с русским и мордовским концами располагаются мордовские выселки, в народе называемые «Финляндией»¹.

Были и такие селения, которые сочетали в себе как беспорядочную, так и уличную планировку. Беспорядочная часть, как правило, была в виде удаленного конца селения. Например, с. Старый Байтермиш Клявлинского района состоит из трех основных улиц с двурядной застройкой и беспорядочно разбросанных на склонах групп домов с отдельно стоящими хозяйственными постройками.

В отличие от русской традиции называть селения при отсутствии храма деревней, с появлением храма – селом, в мордовской терминологии не было различий – и деревня, и село назывались одинаково – веле. Церковь становилась визуальной доминантой селения (ил. 3.11), центром общественной жизни сельчан, около храма обустраивалось и кладбище.

На примере мокшанских селений Торновое, Бахилово и Шелехметь, расположенных на Самарской Луке и правобережье Волги,

рассмотрим устройство крестьянской усадьбы. Планировка мордовской усадьбы включала в себя двух- или трёхкамерное жилище и отдельно стоящие от дома хозяйственные постройки. Трёхкамерное жилище состояло из жилого помещения (куд), сеней (кудонголь) и горницы (горньча). Жилище самаролукской мордвы-мокши вплоть до 1950-х гг. по своей конструкции, планировке, строительному материалу сохраняло дореволюционные традиции. В условиях строительства Куйбышевской ГЭС сельчане переносили свои жилища на дальнейшее расстояние от берега Волги и перестраивали; соломенные крыши повсеместно заменялись на шиферные.

Мокшанский дом ставили без фундамента, на так называемых «стульях» – врытых вровень с землёй дубовых столбах, на них клали первый венец строения. Строили из сосновых брёвен; на Самарской Луке саманные и глинобитные дома, в отличие от степных заволжских районов, практически не встречаются.

Дома в массе своей крыты двухскатной кровлей; встречаемые и сегодня четырёхскатные (шатровые) крыши рассматриваются как более архаичные. Четырёхскатное жилище при свободных типах застройки усадьбы располагалось параллельно улице. Подобные «шатры» отличают сегодня мордовское традиционное жилище в с. Бахилово от новых коттеджей, построенных АвтоВАЗом; в с. Торновое они представляют самые древние постройки.

Этническое своеобразие интерьеру мокшанского дома придавал дощатый настил (кершпель) в виде нар на высоте 30-35 см от пола, шириной 1-1,5 м, располагавшийся в пространстве между печью и задней стеной. На нём спали, под ним хранили картофель.

Ил. 3.11.
Дорога из храма
на Первую мировую
войну. Вечканово, 1914.
Фото А.О. Вайсянена

¹ МЭЭ. 2000 г. Богатовский р-н // Личный архив Т.И. Ведерниковой.

В XVIII-XIX вв. жилищем мордвы являлась курная изба. По описанию С. Архангельского, «...изба (куд) – черная с сеньями, всегда на двор и непременно боком к одной стороне двора или глухим боком на улицу, окошками на двор, в ней к стене на улицу делается печь. Окна волоковые, у редких в середине одно. У многих в избах делается по две двери: одна внутренняя, отворяется внутрь избы, чтобы во время топки печки стужа не входила в избу, а дым свободно выходил. Другая дверь наружная, предохраняющая от стужи. Для свободного выхода дыма делалось два продолговатых волоковых окна. Печь в том углу, где у русских делается чулан. К печке приделывается козенка, из досок сделанная кровать, далее полати, под ними широкая кровать, а подле ее гнездо для свиньи с поросятами. Дворы огорожены плетнями и над ними сараи крепкие, от зверя и вора безопасные»¹.

Традиционное жилище мордвы также было трех- и двухраздельным. В отличие от мордвы, проживающей на коренной территории, в Заволжье трехраздельных домов было гораздо меньше, чем двухраздельных. Не последнюю роль в этом, видимо, играли трудности с приобретением строевого леса.

Трехраздельные дома чаще всего стояли перпендикулярно к улице, и горница находилась через сени за избой, значительно реже она стояла впереди или в одну линию с избой. Трехраздельное жилище, по мнению некоторых исследователей, исторически связано с большой семьей.

Двухраздельный дом по отношению к улице располагался перпендикулярно. Сени находились за избой, а вход в них вел чаще всего со двора. Если изба стояла параллельно улице, то сени располагались в одну линию с домом.

Изба была постоянным жилищем для всей семьи. Горница использовалась по-разному. Иногда в ней жила семья женатого сына или брата главы семьи, в других случаях она считалась «чистой», парадной комнатой. В зимнее время чаще всего служила местом хранения утвари, мелких хозяйственных вещей и продуктов. И только в летнее время была спальней.

Традиционные деревянные избы рубились топором самым простым и наиболее распространённым способом – «в угол». Возводили дома обычно сами хозяева, крыть крышу звали «на помочи» соседей или родственников. Кроме срубных построек, было много жилых домов, построенных из самана – кирпича, изготовленного из глины, перемешанной с нарезанной соломой, и высушенного на солнце. Встречались глинобитные и глинолитые дома. По способу возведения они были почти одинаковы. Для возведения стен дома сооружались дощатые стенки (опалубки), поставленные на 50-100 см друг от друга. Пространство между стенками заливали раствором глины, смешанной с соломой, и тщательно утрамбовывали. В раствор для прочности клали жерди. Заполнив

все пространство и дав раствору основательно высохнуть, опалубку разбирали¹.

В с. Коноваловка Борского района зафиксирован прием строительства глинолитого жилья. Для возведения стен по углам и в середине ставили высокие (до 3-3,5 м) толстые слепи и по ним поднимали опалубку, а в глиняный раствор для прочности стен добавляли прутья. Жилища, возведенные подобным способом, назывались «столбёнки»².

Дома были невысокие, число венцов в срубе колебалось от тринадцати до семнадцати. У эрзян они были несколько выше, чем у мокшан. Сруб конопатили мхом, паклей, а иногда и соломой. Практически повсеместно пазы между бревнами внутри и снаружи промазывались глиной. Были жилые постройки со сплошной наружной глиняной обмазкой.

Как двускатную, так и шатровую крышу повсеместно, вплоть до конца 1960-х гг., крыли соломой внакладку, иногда её обмазывали глиной от раздувания ветром, от дождя и от огня при пожарах (ил. 3.12, 3.13).

Ил. 3.12.
Мордовский дом.
Село Немчанка
Борского района, 1996

Ил. 3.13.
Дом с соломенной
крышей.
Село Петровка
Клявлинского
района, 2004

¹ Архангельский С. Строения и занятия мордвов // Саратовские губ. ведомости. 1844. № 50.

¹ Бусыгин Е.П. Русское сельское население Среднего Поволжья. Казань, 1966. С. 154.

² Мордва Заволжья... С. 48.

Потолки в избах делали бревенчатые, полы дощатые, встречались и земляные полы. Для мордовских изб конца XIX – начала XX в. была характерна среднерусская планировка, при которой русская печь стояла в одном из углов при входе, над дверью располагались полаты. Вдоль стен шли неподвижные широкие лавки (эзем – э.), а над ними пристраивались полки (лавця – э.). Рядом с печью находился самодельный шкаф (ларь – потмар – э.), в котором хранили мелкую посуду, небольшие запасы хлеба и других продуктов. В переднем углу висели иконы, стоял стол.

К каждому жилому помещению пристраивались сени. Они примыкали непосредственно к жилой избе, а в трехраздельном доме служили связью между избой и горницей. Сени у мордвы в основном были тесовые, реже рубленые; зафиксированы и плетневые сени с земляным полом.

Усадьба мордовского крестьянина делилась на три части: одна из них была занята избой, вторая – двором и третья – огородом. Двор (кардаз – э., пирьф – м.) примыкал непосредственно к дому и имел форму прямоугольника или квадрата. Широко бытовали открытые дворы. К числу хозяйственных строений относились бани, подвалы и погреба на берегу реки, у ручья, родника. Баня в прошлом была не только местом для мытья, но и для лечения больных и гаданий молодежи.

На улице против окон устраивали подвалы полуземляночного типа. Крыша на них была двускатная из дерна. Передняя наружная стена выкладывалась камнем, реже – дубовыми плахами. В подвале хранили на случай пожара ценное имущество, главным образом одежду; эти сооружения служили и амбарами для хранения зерна.

В комплекс крестьянского двора помимо хозяйственных помещений для скота, хранения инвентаря и домашнего имущества входили постройки для сушки, обмолота и складирования хлеба.

В настоящее время традиционное мордовское жилище и хозяйственные постройки претерпели значительные изменения. С 1960-х гг. сельские жители активно перестраивали свои дома (ил. 3.14). К 1970-м гг. мордовский дом мало чем отличался от русского.

Постройка нового дома у мордвы сопровождалась рядом обычаев и обрядов. При выборе материала для строительства соблюдали определенные запреты в отношении деревьев из священных рощ, одиноко растущих на открытой местности. В народе они назывались «прощёнными» из-за их сверхъестественных свойств. К ним обращались за помощью больные дети и взрослые, бесплодные женщины. Непригодными для постройки считались также деревья, поражённые молнией, как и растущие на перекрестке дорог.

Выбор места для строительства нового жилища был связан с рядом поверий. Счастливым считалось обжитое место, где стоял дом предков. Мордва никогда не строила дом на пепелище, на

перекрёстке дорог, на бывшем кладбище, там, где произошел несчастный случай, совершено убийство, ударила молния и т. д.

Большое внимание уделялось укладке первого венца. В этот день устраивалось моление. Настилали несколько досок пола, на них ставили стол, приглашали родных, соседей и начинали молиться о здоровье всех родных, о благополучии дома, чтобы рождались дети, плодился скот.

У мордвы Клявлинского района, как и на коренной территории обитания этноса, зафиксирован обычай «осыпания» матицы зерном при её установке.

Переходу людей в новый дом предшествовали определенные действия, связанные с «переселением» и перенесением прежнего очага. Ритуал приглашения хранительницы дома Юртавы сводился к следующему: хозяин дома кланяется на все четыре стороны со словами: «Держатель дома, хранитель дома, оставь старый дом, пойдём жить в новый, займи там свое место, будь его хозяином, держателем и охранителем». Неприглашенная Юртава, по поверьям, может мстить хозяину.

При переходе в новый дом первой пускали кошку или петуха и наблюдали за их поведением. Если они вели себя спокойно, это означало возможность войти в дом. Сначала вносили иконы, на стол клали хлеб и соль, углы окропляли святой водой. На новое место жительства со старого переносили раскалённые угли, от них впервые разжигали огонь в новой печи. В некоторых районах области хозяйка затевала тесто и пекла хлеб в новой печи, при этом замечали, если хлеб выпекается удачно, значит, домашний очаг пришелся ко двору. Дом считался полностью освоенным после совершения обряда «моление нового дома» (од кудонь озкс), который приурочивался к ближайшему празднику.

Ил. 3.14.
Строительство нового
дома Самаркиных
(в центре их старый
дом). Новая Кармала
Кошкинского района,
1966

3.4. ПИЩЕВАЯ КУЛЬТУРА

Как и у всех земледельческих народов, основу питания мордвы Заволжья составляли зерновые культуры. Хлеб выпекался преимущественно из ржаной, пшеничной, реже ячменной и овсяной муки. В весеннее время и в неурожайные годы в него добавляли различные примеси: сосновую кору, траву. Его пекли в каждом доме через каждые 3-5 дней. Месили в специальном корыте (кши очко) (ил. 3.15). Тесто раскладывали по формам и сажали в печь с помощью деревянной лопаты на разбросанные угли. Эта обязанность лежала на хозяйке дома.

Хлеб и мучные изделия широко представлены в праздничной и обрядовой пище мордвы. С хлебом издавна связывалось представление о богатстве, благополучии и счастье. Он фигурирует во всех обрядах и молениях.

По большим праздникам, особенно на свадьбу, самарская мордва готовила сдобное тесто на сметане, масле, яйцах (кокоркат, сдобнайхть). Кроме хлеба выпекали пироги с различной начинкой: овощной, мясной, ягодной, грибной, из каш и картошки.

Мордовские блины (пачалксетъ, пачат, пацъ, блинат, блинцят) делались довольно толстыми из пшеничной, пшенной, гречневой, гороховой муки. Для того чтобы они получались более мягкими и пышными, в тесто добавляли крахмал. Ели их с молоком и маслом, а в праздники с медом. В начале XX в. толстые блины были вытеснены тонкими, их готовили из пресного теста.

Распространенным блюдом из пресного теста была салма (коваряшт). Крутое тесто раскатывали полосками, из которых отрезали или отрывали кусочки и запускали в кипящий бульон. Готовое кушанье заправляли маслом, яйцами, сметаной. Из такого же теста готовили пельмени (покольхть, цюмарат). В качестве начинки употребляли внутреннее сало или рыбу. В более позднее время сало мешали с рубленным мясом.

Ил. 3.15.
Деревянные корыта
(чувтонь очкот)

Повседневным и обрядовым блюдом была каша. В прошлом ее готовили из полбы, чечевицы, гороха. Широко использовались пшеница и пшено. Каши варили крутыми, ели их с маслом или молоком. Каша была неотъемлемой пищей маленьких детей. Варили её в специальном горшочке (идень эйкакшонь сякане). Из ржаной муки готовили похлёбку «кулага», в некоторых местах она называлась «бламок». Муку разводили водой, потом ставили в печь томиться. Для улучшения вкуса в нее добавляли ягоды, калину. Ели кулагу с маслом, молоком.

Продукты животноводства занимали ведущее место в пище мордовского населения. Молоко пили в сыром виде, использовали для приготовления первых блюд, мучных изделий, каш, как лекарство от многих заболеваний. Девушки пользовались им как косметическим отбеливающим средством. Особенно много употребляли кислого молока (чапамо ловсо – э.), которое имело несколько разновидностей.

Ряженку готовили из топленого молока, предварительно сняв с него сливки, охлаждали и заквашивали. В качестве закваски использовали сметану, простоквашу. Выдержав в тепле до загустения, ее выносили в погреб.

Во время постов молоко собирали в специальную кадущку. Чтобы оно не испортилось, туда пускали соль. Широко известным в мордовской среде был молочный напиток, называемый ирьян. О нём указывал и Н. Малиев: «Летом в большом ходу у мордвы молочные блюда. Любимая пища, пользующаяся у мордвы Самарской губернии большею известностью, есть “ирьян”, кислое молоко, особым образом приготовляемое из сушеного творога. В жаркое время года, во время полевых работ, ирьян составляет существенное подспорье к растительной пище»¹.

В среде мордовских крестьян губернии практиковалось приготовление домашнего сыра. Делали его следующим образом: вначале творожную массу выжимали руками, затем клали в холщовый рукав и давили между двумя досками для стекания сыворотки. Под гнётом его оставляли на несколько суток, а после солили, скатывали в небольшие шарики, их сушили. Так получался «курут», традиционное блюдо кочевых народов.

Повсеместно из молока изготавливали масло. Определенная его часть доставлялась на местные рынки или же продавалась скупщикам. Помимо сливочного масла, широко использовали растительные – конопляное и подсолнечное.

Поскольку у самарской мордвы широко развитым было скотоводство, заметную роль в питании занимали мясные блюда. Мясо употреблялось в щах, его тушили с картошкой, капустой, а также заготавливали впрок. Солили мясо в кадущках, где его выдерживали в течение нескольких дней. Весной куски сушили на открытом воздухе или подвешивали в амбаре, клетки. В некоторых уездах

¹ Малиев Н. Общие сведения о мордве Самарской губернии... С. 4-5.

распространено копчение мяса. Соленая и вяленая свинина считалась любимым кушаньем, она была незаменимой в дальней дороге, во время тяжелых работ.

Довольно часто употреблялись продукты птицеводства – мясо птицы и яйца, используемые у мордвы в качестве повседневных и обрядовых кушаний. Важную роль в рационе питания занимали огородные культуры – капуста, свекла, тыква, репа, огурцы, лук и др. Картофель употреблялся как самостоятельное блюдо и как основная часть других кушаний. Из картошки делали «картовник». Для этого ее варили, очищали от кожуры, мяли, добавляли молоко, яйца и ставили в печь, корочку мазали маслом.

В Бузулукском и Ставропольском уездах возделывали бахчевые культуры – арбузы, дыни. В основном они употреблялись в свежем виде, но в некоторых сёлах арбузы солили, а дыни сушили.

Садоводство у заволжской мордвы было развито главным образом в приволжских районах. В Самарской губернии широкое распространение имела вишня. Сушеную вишню часто продавали на базарах. Из дикорастущих растений собирали калину, черемуху, ягоды, грибы, щавель, которые употребляли в свежем и сушеном виде. Из них также делали начинку для пирогов.

В рационе питания мордвы определенное место занимали продукты охоты. В Бугурусланском уезде охотились на рябчика и тетерева¹. Л.Ф. Змеев отмечал, что «мордвин и чувашин употребляют много дичи. Пирожки с заячьим мясом – их любимое лакомство»².

Жители приволжских районов издавна употребляли в пищу рыбу, её ели в варёном виде в ухе, а также заготавливали впрок – солили, сушили или вялили, жарили в масле, тушили в сметане с яйцами, в молоке. Славилась и рыба, завернутая в листы конского щавеля в несколько слоев, запеченная в золе.

Из продуктов пчеловодства и садоводства готовили различные напитки. В некоторых семьях делали медовуху. Крепким хмельным напитком было «пуре», варёное на основе пива с добавлением сотового меда, хранимое в глиняной посуде, которую замазывали тестом и закапывали в землю на несколько дней. Пуре использовалось и как ритуальный напиток.

Распространённым напитком являлся квас, заимствованный от русских, как напиток для утоления жажды и приготовления окрошки. Но мордва готовила его своеобразным способом, что было подмечено многими исследователями. Ржаную муку или солод разводили горячей водой, ставили в протопленную печь, а затем квасили.

Обрядовым напитком являлся кисель – ржаной, гороховый, чечевичный. На поминках подавали овсяный кисель, для чего овес замачивали, затем сливали в холст и выжимали. Его варили с добавлением муки.

В губернии практиковалось приготовление вишневого морса. Определенную часть продавали на базарах или выдерживали в ледниках в течение двух лет, а затем отправляли в Москву¹. Под влиянием русских распространился травяной чай со зверобоем, душицей, мятой, листьями ягод.

Праздничные и обрядовые блюда мордвы отличались большим разнообразием. В частности. В.Н. Майнов отмечал: «Еще роскошнее питается мокшанин по праздникам... К числу праздничных блюд приходится отнести бесчисленное количество всевозможных пирогов ситных, ячменных, ржаных, гречневых и иных, гречневые и гороховые блины с разными подливками, овсяные, полбяные, ячменные и гречневые оладьи. Сюда же относятся цюкоры, щи мясные, каша молочная и пшенная. Сыр из кислого молока, яичница с воблюю или ветчиною на сковородке и другие блюда»².

В состав праздничной и обрядовой пищи входила лапша. В отличие от первой, обрядовую лапшу готовили на месте моления. Варили ее в бульоне, оставшемся от варки жертвенного мяса.

На Рождество повсеместно варили свиную голову; обычай был так широко распространен, что отразился в зимних величально-поздравительных песнях при обходе дворов – колядках. Непременным праздничным кушаньем был студень, сваренный из свиных и говяжьих ног.

Характеризуя культуру повседневности мордвы с. Шенталы (ныне Шенталинского района), Н. Фёдоров писал: «Мордвин, во всякую другую пору, не зная ни днем, ни ночью покоя, в праздник любит попить да погулять. И для этого варит много пива от 20 до 100 и более ведер, смотря по состоянию. Гости во время праздника весь день входят и выходят из дома. Каждый член семьи подносит гостю стакан пива». Автор отмечал, что в праздничную пищу шенталинцев входила зайчатина: «Любимую пищу мордвы составляют заячьи щи и заячьи пирожки, которые в воде с маслом обваривались. Праздничная пища состоит из жареных зайца и поросенка. Она считается самою лучшею и в особенном употреблении»³.

Широко употреблялись также говядина, мясо других животных и птиц. На общественные моления на мирские деньги покупали жертвенное животное, которое варили в больших котлах с добавлением различных круп. На поминках ели варёную курицу.

Чтобы благополучно обмолотить собранный урожай, не сжечь его при сушке в овине, считалось необходимым задобрить покровительницу овина. В качестве жертвы ей приносили пиво и красного петуха, мясо которого съедали, а кости бросали под овин.

¹ Преображенский П.А. Указ. соч. С. 75.

² Змеев Л.Ф. Указ. соч. С. 31, 54, 55.

¹ Майнов В.Н. Один день среди мокши // Древняя и новая Россия. СПб., 1878. Т. 3, № 10. С. 41.

² Мордва: Историко-этнографические очерки. Саранск, 1981. С. 130.

³ Федоров Н. Заметки о мордве с. Шенталы // Самарские губ. ведомости. 1863. № 48.

3.5. УТВАРЬ

Утварь мордвы была несложной и делалась в основном из глины, дерева, лыка. Для приготовления жидких горячих блюд использовали чугунную посуду различных размеров. Вторые блюда готовились в небольших чугунах или в глиняных горшках. Пищу подавали на стол в деревянной и глиняной чашках. Поварешка и ложки были деревянными. Хранили их в специальных ложкарницах – долблёных из дерева, сбитых из дощечек, изготовленных из луба или ивовых прутьев.

Зерно, муку и крупы хранили в деревянных ларях – сусеках. Для просеивания муки применялось сито, которое делалось из лубяного обруча, и у основания натягивалась мочальная сетка.

Воду держали в кадках и реже – в ведрах. Молочные продукты хранили в глиняных крынках и горшках. Масло сбивали в деревянных маслобойках цилиндрической формы. Пахтали в ней с помощью специальной палки с насаженным на конце кружком или крестовиной. Широкое распространение имели пахтальницы (пахталки) в виде ящика. Масло в ней сбивалось при помощи деревянных лопастей, укрепленных на оси. Лопастей приводились в движение ручкой.

Замешанное тесто клали в квашню; помимо деревянных, использовали и керамические. Для сажания хлебов в печь использовалась деревянная лопата (кши койме – э.). В хозяйстве мордвы значительное место занимали ступы и ручные жернова. Для обдирки крупы использовалась большая ступа, высотой от 70 до 125 см. Она выдалбливалась из цилиндрического куска дерева с расширением вверху и массивной подножкой внизу.

У самарской мордвы большим разнообразием отличались солонки – точеные деревянные чашки на низкой ножке, а также плетёные из бересты.

Большое количество разнообразной утвари изготовлялось из луба, лыка, прутьев. Для сбора грибов и ягод делали всевозможной формы корзинки, лукошки и короба. В лубяных и лыковых коробах хранили домашние вещи, одежду. В «плетёнках» могли хранить нитки для пряжи. Плетёным из бересты был «кошель» – сумка, ранец пастуха (ил. 3.16).

Ил. 3.16.
Плетёные короба.
Кошель (сумка
пастуха). Старые
Сосны. Этномузей
Самарского
государственного
института культуры

Праздничная и обрядовая утварь отличалась нарядностью. Так, ковши, братины для браги и пуре украшались резьбой или узором.

В конце XIX – начале XX в. домашняя утварь начинает изменяться. В крестьянскую среду проникает фабричная посуда: железные ведра, стеклянная и фаянсовая посуда. Основным очагом для приготовления пищи оставалась печь, топившаяся по-белому. Довольно широко использовался шесток, на котором готовили ужин. В летнее время пищу готовили на открытых очагах с использованием таганов и других приспособлений.

Таким образом, хозяйственная деятельность, материальная и пищевая культура самарской мордвы в большей степени демонстрируют земледельческие традиции народа, в этом достаточно много сходства с соседями – русскими и чувашами. Вместе с тем в целом ряде культурных явлений и артефактов проявлялась этническая специфика мордвы.

3.6. ТРАДИЦИОННЫЙ НАРОДНЫЙ КОСТЮМ

Формировавшийся на протяжении многих столетий традиционный народный костюм, кроме основного практического назначения, выполнял много разнообразных функций; в нём ярко выражена знаковая система, где отмечена этническая, территориальная, социальная, половозрастная принадлежность людей. Особый интерес представляет женский костюм, именно в одежде девушек и женщин сохранилось множество архаичных деталей, связанных с мировоззрением народа. На формирование мордовского костюма заволжской территории особое влияние оказывали процессы заселения края и внутренние, в основном, брачные связи населения в дисперсной системе сел.

Комплекс женского мордовского народного костюма, бытовавшего на территории левобережья Волги, принято выделять как самостоятельную локальную заволжскую группу эрзянского костюма, сформировавшуюся на основе народной одежды переселенцев в Самарский край, покинувших в XVII – начале XVIII в. коренные мордовские земли.

Для этого комплекса были характерными белая холщовая рубаха (панар или паля), по покрою аналогичная мокшанской, а по вышивке и ряду деталей (в частности, разрезу спереди на подоле) – эрзянской рубахе; поясное украшение (пулокаркс, пулай, пулагай) без валика, нагрудное украшение (сюлгاما) эрзянского типа, нагрудник (колодка) из красных бус и белого стекляруса с бубенчиками и жетонами по краям, головной убор девушек – лента, замужних женщин – сорока¹.

Основой костюма является белая туникообразная, без плечевых швов, украшенная вышивкой, рубаха из неокрашенного, самотканого льняного холста, поскони или покупных хлопчатобумажных нитей. Стан одежды составлялся из четырех точек

¹ Белицер В.Н. Народная одежда мордвы // Труды мордовской этнографической экспедиции. Вып. 3. М., 1973. С. 183-184.

холста небольшой (32–35 см) ширины. В зависимости от того, как располагались швы при сборке одежды, у мордвы выделяется два варианта покроя рубах, условно поименованные эрзянским и мокшанским типом.

Для эрзянского типа характерна рубаха (панар), которая кроилась из двух длинных (240–250 см) полотнищ. Оба куска соединялись продольным швом по центру переда и спинки. Не зашивалась нагрудная часть для ворота (30–35 см), а также небольшой (20 см) отрезок спереди на подоле для шага. Сшитое полотнище складывали по линии плеча пополам и зашивали бока, оставляя сверху прореху для рукава, представляющего прямоугольный кусок холста, такой длины, чтобы можно было им свободно обернуть предплечье. Долевые нити у всех деталей (рукава и стана) при сборке располагались параллельно. Рукав пришивался под прямым углом кромкой к незашитому краю предплечья стана. В подмышки вставлялись небольшие квадратные ластовицы, отрезные стороны рукава сшивались вместе. Рукав получался недлинным, чуть ниже локтя.

Стан мокшанской рубахи (панар) выполнялся из трех отрезков: длинное (около 250 см) центральное полотнище перегибалось пополам, в середине на месте сгиба вырезалась горловина; два боковых куска (около 108 см) складывались вдвое по долевой нити и пришивались кромками к центральному полотнищу так, чтобы в области плеча оставалась квадратная пройма для рукава. Рукав шился из прямоугольного лоскута длиной до запястья, вставлялся в пройму под прямым углом так, что его долевые нити располагались перпендикулярно к центральному полотнищу. В подмышки вшивались квадратные или клиновидные ластовицы. Данный покрой рубашки имел распространение в большинстве эрзянских сел.

Будничные и праздничные рубахи отличались качеством холста и вышивкой. Повседневные рубахи шили из более грубого посконного холста, имели небольшую отделку традиционной вышивкой по подолу, краю рукавов и вороту. Статус рубахи определяло количество вышитых продольных полос на спине и по рукавам. Венчальная рубаха (котува (кавказува) таргавкс панар) украшалась вышивкой в шесть-восемь полос по спине, в технике роспись (сермов арт) или косой стежкой (гурзьте). До XX в. бытовала верхняя ритуальная рубаха (покай), её хранили как особую реликвию, передавали по наследству. Она богато оформлялась ковровой вышивкой по рукавам, плечью, подолу, переднему полотнищу; по стану со спины и по боковинам вышивалось десять полос.

Типичной для женского костюма эрзян была белая вышитая распашная одежда (руця) – торжественная и праздничная, надеваемая женщинами на свадьбу, поминки, похороны, общинное моление. Она включалась в костюм умершей женщины вместе с белой рубахой, приготовленной «на смерть», хранимой нестираной¹. Руця

кроилась с прямым станом, подобно рубахе, с квадратной проймой, неширокими полами, так как из передней половины центрального полотнища вырезалась полоса шириной около 10 см. Для пошива этой праздничной одежды применялся хорошо отбеленный, тонкий посконный или льняной холст, а позднее холсты, сотканые на посконной основе с применением хлопчатобумажного утка или полностью хлопчатобумажные. Руцю вышивали тонко спряденными шерстяными нитями, с добавлением в некоторых мотивах золотой нити – мишуры и бисера. Вышивка имела местные отличия, в восточных районах Заволжья по вышивке часто нашивали ряды медных блёсток.

Неотъемлемой деталью женского эрзянского костюма был передник. В левобережье в середине XIX – начале XX в. использовались два типа передников: старинный без грудки (икельга паця, покрывка), в форме прямоугольного полотнища с поясными завязками, и сравнительно поздний, с небольшим нагрудником (запон), мелко собранный под грудкой.

Передник без грудки украшался плотными продольными полосами вышивки, отделку дополняли нашивкой бисера, цепочек, жетонов, понизу пришивалась небольшая бахрома. В комплекте с набедренными украшениями передник создавал своеобразную несшитую поясную одежду, все детали которой по цвету и оформлению были едиными. Такой передник как элемент ритуального костюма надевали с верхней глухой одеждой (покай). Передник с небольшой грудкой был характерен только для заволжского комплекса эрзянской одежды.

Старинные эрзянские женские головные уборы обычно выполнялись на твердой лубяной основе; их форма и декор строго соответствовали локальному типу костюма. Головной убор, обнаруженный в Коноваловском могильнике (Борского района), представлял собой шапочку на лубяной основе, цилиндрической, чуть расширяющейся кверху формы, к нему крепилось полотно, покрытое плотной ковровой вышивкой шерстяными нитками. К затылочной части убора прикреплялся «хвост» (пуло – э.) прямоугольной формы, украшенный геометрическим орнаментом красно-коричневыми, черными и зелеными нитками, а также бисером и круглыми пластинками из латуни. К нижнему его краю пришита дощечка размерами 20x5 см, обернутая холщовой тканью красного цвета. На ткань нашиты две полоски бронзовой тесьмы. Скорее всего, пуло появляется примерно в середине XVIII в. взамен накосника пулокерь.

Особый интерес представляют строго дифференцированные по возрасту и социальному положению девичьи и женские головные уборы.

Переход от подросткового возраста отмечался появлением нарядных элементов в девичьем костюме. Коса украшалась накосником (кистючка, коса пе, коса ялав), волосы убирались под венок из искусственных цветов, налобную ленту (пря суре,

¹ Белицер В.Н. Указ. соч. С. 82.

пряс паця, коня лента) или специально украшенную косынку. На территории левобережья длительное время сохранялись варианты девичьего праздничного костюма с головным убором (кокол паця), надеваемым на осенний праздник Девичий пивной дом (Тейтерень пиянь кудо).

Большим разнообразием отличаются старинные вышитые женские головные уборы – сорока (сорука), шлыган (шелыган). По форме выделяются уборы с прямоугольным и округлым очельем, которые носили или непосредственно на волосах, либо поверх холщового волосника с простеганным гребнем. Сороку (соруку) шили с удлиненной до лопаток наспинной лопастью. Данный тип головных уборов имеет параллели с головными уборами мордвы Пензенской и Саратовской губерний. Особое место занимает убор (шлыган) с лубяным каркасом, выгнутым в виде полуцилиндра, который отличает более короткий позатылень.

Своеобразным маркером эрзянского костюма является набедренник (пулай, пулагай, пулакш, пулокаркс). Название указывает на наличие в нём хвоста (пуло), который вынуждался из шерстяных крученых ниток и был главным признаком набедренника. По форме набедренники представляют две группы: более древнюю – без валика и с валиком¹. Первый делали из прямоугольного отреза холста, украшенного плотной вышивкой, к нижней части пришивалась бахрома из шерстяных нитей. Он крепился на талии при помощи завязок, покрывал только поясницу.

Иная конструкция отличает пулай с валиком: 3–5 рядов густой бахромы из черных шерстяных ниток низались на скрученную суровую нить и сшивались через плетеную тесьму послойно; сверху нашивался расшитый бисером широкий пояс, для увеличения объема с изнанки иногда подшивался холщовый валик. Пулай с валиком плотно охватывал фигуру женщины на 3/4, покрывая поясницу и бедра.

В Самарском Заволжье имели распространение оба типа набедренников, но большим разнообразием подвидов отличался пулагай без валика, имевший характерные и заметные местные отличия в разных ареалах. Для мокшанского костюма Заволжья также было свойственно ношение набедренников, заимствованных у эрзи.

Ансамбль женского костюма дополнялся комплексом нагрудных украшений, среди которых выделяется массивная фибула (сюлгана). Нагрудные застежки у эрзи и мокши существенно отличались. Эрзянская сюлгана состояла из толстой латунной проволоки, изогнутой в форме овала с незамкнутыми расплюснутыми концами со вставками из черных или красных стеклянных бус, к ней крепилась подвижная игла для скалывания ворота рубахи, ряд подвесок из бисера и стекляруса, цепочки с шумящими жетонами или монетами. Наряду с такими нагрудниками в Заволжье была распространена закрытая конструкция декоративной подвески,

завершающаяся щитком из луба (керь) или картона, обтянутым кумачом, украшенным бисером, блестками и нашитыми по нижнему краю жетонами.

Мокшанский тип сюлганы в своей основе имел отлитую из латуни трапециевидную пряжку с закрытым кольцом. Такие пряжки в Заволжье применялись в девичьих накосниках.

В комплекс шейных украшений костюма самарской мордвы входили нагрудники, гривны, гайтаны, которые на территории края имели местные отличия.

Вместе с этническими комплексами одежды и украшений в Заволжье была перенесена и традиционная обувь – лапти (карть – э.) мордовского типа косога плетения из 5–7 лычек. Лапти имели спереди на головке треугольники-петушки (атякш авакаш – э.) из перевернутого лыка. На ноги обычно накручивали белые портянки (практат – э.) из толстого небеленого холста. Сверху их обматывали узкими полосами белой тонкой ткани (пильге петъкс).

Оборы для лаптей плели белые, узкие. В некоторых восточных районах оборы делали черные, широкие, более характерные для костюма мокшан юга Мордовии. Техника плетения обор указывала на их назначение. Наиболее красивыми считались сплетенные в технике дерганья на шести пальцах из пяти двойных льняных нитей. Будничные оборы и для мужских лаптей либо заплетали из трех концов косичкой, либо из двух – веревочкой.

В конце XIX – начале XX в. молодые женщины и девушки с традиционным мордовским костюмом обували на праздники кожаную обувь: покупные сапоги с прямым голенищем или невысокие башмаки, полусапожки. На ноги надевали белые чулки без пятки, вязанные иглой. На территории Заволжья мордовский тип сапог со сборами в нижней части голенища был утрачен во второй половине XIX в.¹

Зимой носили валенки. Предпочтением пользовались нарядные «романовские» «писанные» валенки, белые с красной шерстяной строчкой на голенище, широко распространённые в восточных областях Заволжья.

В Самарском Заволжье локальный комплекс не был единым. В нём выделяются варианты составляющих элементов, отличающихся по форме и отделке, характеру конструирования, в приемах декорирования, технике вышивки, аналогичных с другими ареалами коренной территории, что объясняется неоднородностью состава переселенцев в Заволжье. Среди них были выходцы из Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Саратовской, Казанской губерний, пришедшие в разное время и включавшие не только эрзян, но и мокшан. Поэтому в костюме самарской мордвы отмечается наложение или соединение разнолокальных элементов, что позволяет выделить на территории края 3 костюмных комплекса.

¹ Белицер В.Н. Указ. соч. С. 93.

¹ Белицер В.Н. Указ. соч. С. 36.

Северо-западный или *ставропольский комплекс* сформировался в границах бывшего Ставропольского уезда Самарской губернии (ныне Ново-Малыклинский район Ульяновской области и Ставропольский район Самарской области), в котором ярко демонстрируется смешение элементов, типичных для одежды и украшений эрзянского населения Нижегородской губернии и мокшан правобережного Тетюшского района Татарстана¹.

Центральный комплекс сформировался в верховьях Большого Черемшана, на территории современных селений Челно-Вершинского, Шенталинского, Исаклинского, Похвистневского и Клявлинского районов. Здесь элементы костюма, характерные для Нижегородской губернии, сочетались с деталями, типичными для Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний. Этот комплекс обозначим как *центральный*. Внутри него выделим ряд типов: *северный, северо-восточный, юго-восточный*.

Восточный комплекс костюма, имеющий параллели с одеждой эрзян Симбирской и Саратовской губерний, был распространён на территории Бугульминского и Бугурусланского уездов Самарской губернии (ныне Клявлинский район), а также соседних районов Республики Татарстан и Оренбургской области.

Северо-западный комплекс одежды, вышедший из обихода в 1920-е гг., по художественному уровню, разнообразию вариантов, был уникальным (ил. 3.17). В его состав входили: нижняя вышитая рубаха (алга панар), ритуальная верхняя рубаха (покай),

Ил. 3.17.
Эрзянки
села Старая Бесовка
Самарской губернии
(ныне Ново-
Малыклинского
района Ульяновской
области), 1914.
Фото М.Е. Евсевьева

пояс (каркс), набедренник (парокаркс), боковые полотенца (бока пацят), передник без грудки (покрышка), кушак, головной убор в виде косынки (кокол паця), наушные подвески (пилёкшт), нагрудные украшения: овальная фибула с бисерной поднизью (сюлгاما), нагрудник (колодка), серповидное украшение на войлочной или проволочной основе (борок), гайтан (сият), бусы (эрьгть).

Основой женского и девичьего костюма являлась белая туникообразная, прямая рубаха (панар) мокшанского покроя из белого холста, украшенная тонкими дорожками вышивки бордовой с небольшим включением черной либо темно-синей шерсти (ил. 3.18, 3.19). В отделке деталей рубахи основное внимание уделялось центральному полотнищу. По спине от подола до плеча вдоль краев вышивались продольные полосы (таргавкс) через 5 см друг от друга, своим расположением делившие ширину полотнища на три равные части, его середина не вышивалась. Количество вышитых дорожек (1–4 с каждой стороны) определяло достоинство рубахи: повседневная, выходная, для престольных праздников, венчальная и др. Спереди на подоле оформлялся небольшой (10–12 см) разрез (эльзире) для шага. Его отделка в северо-западном комплексе имела свои особенности: по краям вышивались ковровые кромки, которые сходились треугольником к тонкой продольной дорожке центральной вышивки (икельга). Плотно вышитый край подола и разрез обшивались плетеным шнуром (сюкс) или тканой тесьмой (каркске). Нарядную рубаху отличала узкая полоса вышивки вдоль рукава (ожа ланго).

Ил. 3.18.
Эрзянка (вид
спереди). Село Старая
Бесовка. Мордовский
республиканский
объединенный
краеведческий музей
им. И.Д. Воронина
(Саранск)

Ил. 3.19.
Эрзянка (вид
сзади). Село Старая
Бесовка. Мордовский
республиканский
объединенный
краеведческий музей
им. И.Д. Воронина
(Саранск)

¹ Евсевьев М.Е. Мордва Татареспублики // Материалы по изучению истории Татарстана. Вып. 2. Казань, 1925. С. 182–185.

Рубаху подпоясывали сплетенным на дощечках поясом (каркс), тесьма которого складывалась вдвое, к концам пришивалась декоративная кисть (перть ялав).

В ставропольский костюмный комплекс в XIX в. органично вписывался передник без грудки (покрышка, икельга паця). Иллюстрируемый передник (икельга паця) (ил. 3.20) изготовлен из тканевой основы красного цвета, поверх которой нашиты несколько рядов ленты галуна и бисера, а также подвески из раковин каури, бус, жетонов и металлических цепочек. Полоса геометрического орнамента на талии вышита черными, бордовыми и зелеными нитями. Между поперечных лент серебряного и золотистого галуна подвешены бусы и медные цепи, между ними – кисточки из бисера. Понизу – бахрома из красной шерстяной пряжи.

Ил. 3.20.
Передник (икельга паця).
Село Александровка
Ставропольского
района Самарской
области. Музей
культур Финляндии
(Хельсинки)

В XX в. появился передник (запон) из цветастого ситца с невысокой грудкой из однотонных, контрастно подобранных материалов. Подол передника оформлялся широкой оборкой, над ней шивалась полоса ткани, из которой выкраивалась грудка. Передник украшался кружевом, тесьмой и бейками. Девушки носили фартуки из ткани светлых тонов, молодые женщины надевали передники из кубового синего ситца с красными цветами.

Для выхода на праздники женщины украшали себя несколькими нитками бус, надевали гайтан с крестом, который вынизывался из бус и монет на проволочную основу, либо выплетался из бисера. Гайтан завершался латунным или оловянным крестом. Ворот рубахи скалывался декоративной фибулой (сцолгама, колодка) (ил. 3.21, 3.22). На обе руки непременно надевали латунные или серебряные браслеты, кольца и перстни.

Ил. 3.21.
Нагрудная застёжка
(сцолгама). Село Старая
Бесовка. Мордовский
республиканский
объединенный
краеведческий музей
им. И.Д. Воронина
(Саранск)

Ил. 3.22.
Нагрудная застёжка
(колодка). Село Старая
Бесовка. Мордовский
республиканский
объединенный
краеведческий музей
им. И.Д. Воронина
(Саранск)

Ил. 3.23.
Девичий накосник
(чербе ялав).
Село Александровка
Ставропольского
района. Музей
культур Финляндии
(Хельсинки)

Ил. 3.24.
Девичьи ушные
подвески (пиле бока).
Село Александровка.
Музей культур
Финляндии
(Хельсинки)

Ил. 3.25.
Девушка в косынке
(кокол паця).
Село Старая Бесовка.
Мордовский
республиканский
объединенный
краеведческий музей
им. И.Д. Воронина
(Саранск)

Главным отличием девичьего и женского костюма был головной убор. Девичьи могли быть открытыми и закрытыми. Девушки заплетали волосы в одну косу, украшая её накосником (чербе ялав, коса пе) – бисерной кистью с лентами (ил. 3.23). Накосник носили девушки на выданье. На свадьбе невеста снимала украшение и передавала его сестре или лучшей подруге. Традиция исчезла в конце XIX в. Под ситцевым или сатиновым платком надо лбом могли виднеться волосы, аккуратно разделенные на прямой пробор. Голову украшали и ушные подвески (пиле бока) (ил. 3.24). В костюм девушки включался открытый головной убор – венок (пря суре), носимый по праздникам, а также закрытый – косынка (кокол паця) из кумача или шелкового платка, которую носила невеста и молодуха в первый год после свадьбы (ил. 3.25). На косой срез в налобной части нашивалась широкая бисерная узорная полоса. Очелье поддерживалось высоким твердым каркасом из луба. Прямые стороны сшивались вместе, образуя треугольную лопасть, под которой завязывалась косынка.

С рождением ребенка происходила смена девичьего убора на женскую праздничную сороку – высокий головной убор из посконного холста с прямоугольным очельем и длинной наспинной лопастью, с широкими завязками, идущими от висков поверх позатыльня. Волосы женщины заплетались в две косы и собирались на темени в узел-кокол, убирались под волосник. Прическа поддерживала очелье головного убора в вертикальном положении. Сороку сплошь вышивали красной и черной шерстью, декор дополняли нашивками из галуна, рядов блесток, бисера, стекляруса. Крылья-завязки обшивались кумачом, по краям украшались бисером.

Свадебный обряд сопровождался переменами одежды – от печальной с минимумом украшений, когда невеста оплакивала девичество, до сложного костюма с плотно расшитой ритуальной верхней рубахой (покай), в котором молодуха появлялась на второй день свадьбы. Последний изобиловал оттенками красного цвета, сиял серебром и золотом, символизируя жизнь, молодость, плодородие, богатство.

Венчальный костюм при простоте убранства отличало лучшее качество холста; он дополнялся женской распашной одеждой (руця), которую подпоясывали тонким плетеным поясом с кистью (перть ялав).

К свадьбе для поездки к венцу готовилось особое покрывало невесты (вешка чарчав); после оно служило пологом для люльки младенца. С принятием православия венчальный костюм дополнился гайтаном с круглым образком на шелковой ленте (лыинимка крест) или бисерным с латунным крестом (крест ведьме). Практическое назначение имел подвешенный к поясу карман-лакомка из лоскутков, в котором невеста прятала мелкие дары для подруг и орешки, конфеты. Головным убором был белый платок, завязанный концами назад.

Костюмный комплекс мордвы-мокши с. Бинарадка (ныне Старая Бинарадка Красноярского района), изображенный А.О. Рейнхольмом в книге А.О. Хейкеля «Костюм и орнамент мордвы»¹ (ил. 3.26), включает туникообразную рубаху мокшанского покроя, украшенную нашивками лент терракотового цвета вдоль по спинке, рукавам, по подолу и полосками вышивки или шнуров темно-синего цвета. Рубаха подпоясана зеленым поясом и дополнена набедренником архаичного типа конструкции, форма и декор которого аналогичны набедренникам северо-западных сел Ставропольского уезда, а также передником из буро-красной ткани с небольшой грудкой и воланом на подоле. Комплекс украшений включает ожерелье из бисера, бус и раковин каури; нательный крест поверх рубахи, бисерный гайтан. Высоким художественным достоинством отличается головной убор на выгнутом лубяном каркасе (ил. 3.27), покрытом красной тканью и сплошь расшитым бисером, цепочками, золотным позументом, пуговками и жетонами. Налобная часть представляет полосу, снизанную в сетку из разноцветного бисера.

¹ Heikel A.O. Указ. соч. Ил. Т. CXIV.

Ил. 3.26.
Мордовский костюм.
Село Новая Бинарадка
Ставропольского
района

Художником подмечены характерные особенности ношения головного убора с наклоном назад, что было более типичным для мокшанского костюма из-за укладки волос замужней женщины-мокшанки на прямой пробор и две заплетённые косы, закрученные на висках (или макушке) в два узла с названием рога (сюрот), как и сама причёска. Она отличалась от конуса из кос надо лбом у эрзянки¹.

Ил. 3.27.
Головной убор.
Село Новая Бинарадка
Ставропольского
района. Коллекция
А.О. Хейкеля, 1884.
Музей культур
Финляндии (Хельсинки)

Ил. 3.28.
Набедренник
(цёка каркс).
Село Новая Бинарадка.
Коллекция
А.О. Хейкеля, 1884.
Музей культур
Финляндии (Хельсинки)

¹ Белицер В.Н. Указ. соч. С. 140.

Типичным для мокшанского костюма северо-западной группы было включение эрзянского набедренника древней прямоугольной формы (цёка каркс) (ил. 3.28). В структуру кистей включён конский волос, самобытен прием подвески кистей нижнего яруса на плетеных шнурах, соединение компонентов украшения через лубяные планки или металлическую спицу.

Таким образом, сохранившиеся образцы северо-западного комплекса костюма демонстрируют устойчивую преемственность традиционным образцам, которые были перенесены выходцами из коренных территорий обитания мордвы.

Комплекс центральной группы – нынешних Челно-Вершинского, Шенталинского, Иса克林ского, Клявлинского, Похвистневского районов области на протяжении всего XX в. был в фокусе внимания исследователей, которые собирали для музеев России и зарубежья уникальные экземпляры одежды и украшений локальных вариантов.

Женский традиционный костюм центральной группы сохранял бытование до 1930-х гг., а в отдельных сёлах Клявлинского, Иса克林ского, Челно-Вершинского и Шенталинского районов – и в более позднее время.

Широкое распространение имел эрзянский тип костюма, который состоял из туникообразной белой рубахи (панар) мокшанского покроя, прямой холщовой распашной одежды (руця), верхней глухой одежды (покай), плоского набедренника (пулагай, пулокаркс), который в восточной части зоны использовался параллельно с пышным набедренником (пулакш).

Женский головной убор (сорока) здесь отличался округлой формой чепца, имел длинную наспинную лопасть. Передник (запон) шился с грудкой из контрастно подобранных по отношению к подолу тканей; наряду с ним в ритуальном костюме имел место старинный вариант передника без грудки (икельга паця) из домотканого холста, украшавшийся продольными полосами эрзянской вышивки.

В своей праоснове костюм центральной группы восходит к нижегородскому комплексу одежды, но соседство с выходцами из других областей, брачные контакты стали фактором некоторых перемен. Поэтому в центральной группе при внешнем сходстве костюма можно выделить его подвиды: *северный, северо-восточный и южный*.

Для *северных сел центральной группы* (Челно-Вершинский, Шенталинский районы) был характерен устойчивый набор деталей одежды, головных уборов и набедренников, по отделке которых можно было видеть перемены в возрастном статусе женщины. Костюм девушек, достигших брачного возраста, отличало наличие праздничной одежды: рубах, передников из фабричных материалов, набедренников, комплекса головных, наушных и нагрудных украшений, браслетов и перстней. Замужняя женщина должна была иметь три смены головных уборов, три смены набедренников, несколько рубах и распашной одежды для всех жизненных ситуаций от свадьбы до старости.

Ил. 3.29.

Костюм невесты
(вид спереди).
Село Шентала, 1914.
Фото А.О. Вайсянена

Ил. 3.30.

Костюм невесты
(вид сзади).
Село Шентала, 1914.
Фото А.О. Вайсянена

Рубаха (панар) (ил. 3.29, 3.30) более стойко сохраняла этнические черты в вышивке, выполняемой исключительно шерстяными нитями домашнего изготовления, окрашенными растительными красителями, преимущественно бордового цвета, который получали из корня подмаренника, с вкраплениями черных, зеленых нитей.

В нарядных рубахах (покай) узор орнамента строился контурным выделением геометрических фигур или ритмическим чередованием контрастно решенных мотивов. Соблюдался традиционный колорит, сочетавший бордовый и темно-синий тона с вкраплениями желтого

или зеленого. Вышивка выполнялась разнонаправленными стежками, типа «эрзянской звездочки», «фонарика», плотно закрывала холст, дополнялась шитьём золотными нитями и нашивкой латунных блесток (ил. 3.31). Рельефная вышивка располагалась продольными полосами (таргавкс) от подола до плеча в 2-4 ряда вдоль швов центрального полотнища. Необычно для эрзянской рубахи оформлялся разрез (эльзире) на подоле спереди ковровой вышивкой в форме треугольника. По краю подола выполнялась более широкая плотная вышивка (алга арт).

Ил. 3.31.

Ритуальная рубаха
(покай). Село
Шентала. Российский
этнографический
музей

Ил. 3.32.
Девушки в
праздничной одежде.
Село Шентала, 1914.
Фото А.О. Вайсянена.
Фотоархив Музейного
ведомства Финляндии

Наряду с подобной отделкой рубах бытовал упрощенный тип вышивки косыми стежками и мелкой росписью по краям рукавов, подола, вокруг переднего разреза, вдоль швов по спине и по рукавам (ил. 3.32).

На рубаху надевали составной передник (запон) с грудкой. Девушки и молодые женщины носили красные передники (ил. 3.33) из ситца, сатина, кашемира с отделкой лентами, кружевом, мелкими пуговками и блестками. Передник женщин старшего возраста мог быть составным из красной ткани на грудке и белой холщовой на подоле из темно-синего сатина и белого холста; пожилые женщины носили однотонные темные или белые холщовые передники.

Ил. 3.33.
Молодая женщина
в рубахе (панар),
переднике (запон)
с грудкой. Село Багана
Шенталинского района.
Фото С.А. Осьмачкиной

Ил. 3.34.
Женщина в распашной
одежде (руця).
Село Шентала, 1914.
Фото А.О. Вайсянена

Ил. 3.35.
Рубаха (руця).
Большеберезниковский
район Республики
Мордовии.
Самарского
областного историко-
краеведческого музея
им. П.В. Алабина

Ил. 3.36.
Набедренник
(пулокаркс).
Село Багана
Шенталинского
района.
Фото С.А. Осьмачкиной

В женской распашной одежде (руця) (ил. 3.34) локальное отличие обнаруживается в покрое боковых полотнищ. За счет среза клиньев с основанием 5-8 см с боковин переднего шва верхняя часть стана делалась уже, что было связано со спецификой ношения рубахи и руци без большого напуска, плотно обхватывая талию поясом и кушаком.

На руце сохранились старинные эрзянские приемы отделки. Широкая нагрудная вышивка (меште ланго) плотно покрывала зеркально повторенную L-образную фигуру (ил. 3.35). Орнамент составляли чередующиеся квадраты или прямоугольники, мелкие кресты. Узор выполнялся черными и зелеными нитями на краснокирпичном фоне. Вдоль швов на спине, по плечам, на рукавах вышивались продольные полосы шириной в 1 см. Количество дорожек определяло назначение руци. Венчальная (удалга руця) украшалась двумя полосками вышивки вдоль швов на спине, снизу на рукавах отделкой (ожа ланго) из продольных полос, обрамлённых поперечными полосками (ожа пе), имитировавшими одетую вниз вторую руцю.

В анализируемом ареале долго сохранялись трапециевидные набедренники, отличавшиеся друг от друга по предназначению: повседневный (пулокаркс), праздничный (рисьме вельде каркс), особо нарядный (парокаркс), входивший в комплекс ритуального костюма.

Ил. 3.37.
Девушка в
набедреннике (рисьме
вельде каркс).
Село Шентала, 1914.
Фото А.О. Вайсянена

Повседневный (пулокаркс) (ил. 3.36) – это основа конструкции всех набедренников данной группы. Верхнюю часть (каркс арт) выполняли на холсте, украшая вышивкой, блестками, рядами пуговиц, галуном и натягивали на лубяной или позже картонный щиток, с изнаночной стороны подшивали холстом. К нижней стороне щитка прикрепляли густую бахрому из черных шерстяных нитей. По боковым сторонам украшали набедренник красными и зелеными кисточками.

Праздничный (рисьме вельде каркс) (ил. 3.37, 3.38) дополнялся лубяной подвеской на латунных цепочках, которую покрывали холстом с нашивками галуна и рядов пуговиц, нижнюю сторону украшали черными и зелеными кисточками, которые дублировались на холсте и металлической спице.

Ил. 3.38.
Праздничный
набедренник (рисьме
вельде каркс).
Село Старая Шентала.
Мордовский
республиканский
музей
изобразительных
искусств им. С.Д. Эрзи

Ил. 3.39.
Девушка
в праздничном
костюме.
Село Вечканово (ныне
Исаклинского района),
1914.
Фото А.О. Вайсянена

крепящимися дорожками, напоминающими тесьму.

Костюму *северо-восточных районов центральной группы* (северная часть Исаклинского, Клявлинский районы) также были присущи местные отличия. Здесь рубаху носили с напуском, ее шили в полную ширину полотнищ холста, как из поскони (коцтонь панар), так и полубумажного и бумажного полотна (гумажной панар, крученька панар). Последние появились в конце XIX – начале XX в., их покрывали мелкой вышивкой гарусом бордового и черного цветов с сохранением приемов зашивки косыми стежками, росписью, счетной гладью.

Ритуальный набедренник (парокаркс) содержит в своей конструкции элементы предыдущих форм. Его отделку дополняет обилие цепочек, жетонов, золотной нити, которые покрывают вышивку и черный хвост (пуло).

Головные уборы в costume центральной группы также имели местные отличия в покрое. Женская сорока представляла род мягкого чепца с округлым очельем и длинной наспинной лопастью. К височной части убора пришивались завязки, которые туго фиксировались на голове поверх позатыльня. Сороку надевали на волосник (чеклик), сшитый по форме сороки, в его верхнюю часть вшивали прутья или веревки, отчего основа гребня была твердой и хорошо удерживала тяжелый головной убор. Сороку шили из грубого холста, плотно без просветов вышивали шерстяными нитями, окрашенными растительными красителями подмаренником и индиго. Вышивка выделяла налобную часть: геометрический орнамент в технике гладь кирпичиком или узор, вышитый «мордовским крестом»; затылочную часть: точечный узор, выполненный в технике разнонаправленных стежков («эрзянская звездочка» или ковровая роспись); наспинную часть: фрагментированные красно-синие полосы в технике «эрзянской звездочки». По вышитой поверхности нашивали бисер, блестки, галун и позумент. Такой тип сороки соответствовал репродуктивному возрасту носителей. В головном уборе молодухи (паро сорока) обычно вышивка скрывалась под отделкой густо нашитых цепочек и жетонов. А в головном уборе пожилой женщины (бабань сорока), наоборот, оставались открытыми участки холста, на затылочной части ковровая вышивка заменялась пере-

Повседневные рубахи (сермов арт панар) вышивались в технике роспись (полукрест). Праздничные рубахи украшали приемом «с изнанки» (гурьзьте). В зависимости от количества полос, вышитых на спинке, выделялись: рубаха, вышитая в четыре (нилева гурьзе панар), в шесть (котава гурьзе панар), в восемь полос (кавксосо гурьзе панар). Вышивание с изнаночной стороны по счету нитей холста было более характерно для мокши.

Поверх рубахи носили передник с грудкой (запон) (ил. 3.39). В конце XIX в. он шился из холста, грудку покрывали ситцем или сатином, украшали строчкой, нашитыми рядами блесток и мелких пуговиц. По низу подола пришивалась кружевная лента (запон алгакс). В XX в. передники делали из фабричных тканей, отличая по цвету грудку и подол. В отделке использовалась машинная строчка и кружево.

В XX в. повсеместно женским головным убором центральной группы служил чехлик (тип повойника) в виде круглой шапочки, под которую укладывались косы, очелье оформлялось полосками разноцветного ситца. Чехлик носили с платком, концы которого повязывались на затылке (ил. 3.40).

Обрядовую одежду (покай и руцю) надевали с передником без грудки (икельга паця) (ил. 3.41), представлявшем прямоугольный отрез холста длиной 65–75 см, вышитый вдоль полосками шириной 1 см, напоминающими плетеную на дощечках тесьму, по центру проходила

Ил. 3.40.
Костюм молодой женщины.
Передник (запон) и головной убор (чехлик).
Село Клявлино.
Мордовский республиканский музей изобразительных искусств им. С.Д. Эрьзи

Ил. 3.41.
Передник икельга паця.
Село Старые Сосны.
Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей им. И.Д. Воронина (Саранск)

Ил. 3.42.
Пышный набедренник с валиком (пулакш).
Большеберезниковский район Республики Мордовии.
Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина

широкая (3-4 см) полоса. В колорите вышивки преобладал краснокирпичный цвет, который дополнялся черным и зеленым. Низ подола завершался бисерным шитьем, нашивкой галуна, бисерными и шерстяными кисточками или подвесками жетонов на цепочках.

Руця имела прямой покрой в полную ширину полотнищ холста. Нагрудная часть украшалась ковровой вышивкой (меште пель) двумя способами: с прямым или зубчатым контуром. Первый имел широкое распространение в коренных территориях, второй – в Пензенской и Саратовской губерниях. Полоски продольной вышивки на спине вдоль швов (таргавкс) выполнялись косой стежкой, между ними плотно нашивался ряд медных блесток. Аналогично оформлялись рукава. По подолу пришивали ленту галуна, черного и белого бисера, короткую красную бахрому или ряд небольших жетонов.

Особенностью костюма ряда сёл (Старые Сосны, Старый Байтермиш Клявлинского района; Новый Байтермиш, Старое Вечканово Исаклинского района) было использование двух типов набедренных украшений: девушки и молодые женщины носили пышный набедренник с валиком (пулакш) (ил. 3.42), пожилые женщины использовали набедренник без валика (пулагай или каркс), родственник набедренникам костюма эрзянского населения, проживающего западнее.

Праздничной альтернативой пулагаю был парокаркс (ил. 3.43), основу которого покрывали кумачом, обшивали подвесками из латунных цепочек с жетонами, украшали галуном, пуговицами, стеклярусом, раковинами каури.

Ил. 3.43.
Набедренное украшение (парокаркс). Село Новый Байтермиш.
Мордовский республиканский музей изобразительных искусств им. С.Д. Эрьзи

Ил. 3.44.
Женский головной убор (сорока). Село Старые Сосны Клявлинского района.
Мордовский республиканский музей изобразительных искусств им. С.Д. Эрьзи

Старинный головной убор (сорока) (ил. 3.44) в северо-восточном ареале центральной группы был аналогичен головным уборам северо-западных соседей по форме и декору. Для невесты на гребень сороки прикреплялась фата, которую выкраивали из точки шерстяной или шелковой ткани размером 80x175 см. Такой убор молодая после свадьбы носила около месяца.

Наряду с сорокой молодые женщины носили белую косынку (косинка коня) из тонкого холста или коленкора, надеваемую на холщовый волосник, в верхней части которого вставлялся каркас из жгута конских волос или пакли. Налобник украшался широкой полосой кружева мережкой, а выше неё повязывалась лента из позумента и красной ткани.

Для южной территории центральной группы (южная часть Исаклинского, Похвистневский районы) в XIX в. было характерно соединение черт костюма северной части ареала с добавлением компонентов одежды и головных уборов, принадлежащих мордве Симбирской и Пензенской губерний.

Представление о полном костюме данного ареала дает художественная фотография конца XIX в., где запечатлено большое семейство из с. Мордово-Аделяково Исаклинского района (ил. 3.45). Их выходной наряд отличает опрятность и чистота форм. Девушки одеты в белые рубахи, вышитые по продольным швам по спинке и вдоль рукавов в 3-4 полоски. Особой чертой девичьих рубах

Ил. 3.45.
Семья. Село Мордово-Аделяково (ныне Исаклинского района). Фото конца XIX в. Саратовский областной музей краеведения

Ил. 3.46.
Головной убор (шлыган). Село Большой Толкай Похвистневского района. Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей им. И.Д. Воронина (Саранск)

является новый элемент – воротник-стойка с вышивкой крестом. На белых передниках без грудки по низу подола пришита широкая кайма ткачества и тесьмы (алга арт). Плоский прямоугольный набедренник (парокаркс) украшен двумя рядами пышных кисточек. Головным убором двух девушек является венчик (пря суре) из разноцветных бус, шерстяных ниток и черных перьев. К косе одной девушки прикреплена кисть из бисера (цёко). Костюм замужних женщин дополнен вышитой руцей, которую по правилам носили поверх набедренника. Молодые женщины покрывали полы руци передником без грудки (икельга паця), так как нагрудный разрез скрыт под богатым комплексом украшений. На пожилой женщине и девочках надеты фартуки с грудкой (запон).

Главным отличием в костюме этой группы является традиционный головной убор (шлыган) (ил. 3.46) полуцилиндрической формы на лубяной основе, украшенный плотной терракотовой вышивкой, передняя сторона – латунными блестками и золотистым сутажом. Молодые женщины носили с шлыганом венчик (пря суре), пожилые – не нашивали блестки и мишуру.

Нагрудные украшения дифференцировались по возрастному признаку: девочки и пожилые женщины имели нагрудную фибулу (сюлгана) и 1-2 нитки бус, гайтан; девушки на выданье носили сюлгаму – массивную застежку с подвесками из цепочек и бисера, дополненную шейными трапециевидными украшениями на твердой основе, из бус, раковин каури, жетонов и латунных пуговиц. В наряде молодых женщин таких украшений могло быть два, вместе с поднизью сюлгамы они покрывали глубокий нагрудный вырез. Завершался ансамбль гайтанами из стекляруса и бус с крестом и образками, подвешенными на разноцветные ленты.

Комплекс костюма на фотографии М.Е. Евсевьева 1913 г. из с. Большой Толкай Похвистневского района вышел из бытования в конце XIX в. (ил. 3.47). В его состав входили нижняя рубаха (алга панар), верхняя ритуальная рубаха (покай), полуцилиндрический головной убор на лубяной основе (шлыган), распашная одежда

Ил. 3.47.
Невеста.
Село Большой
Толкай (ныне
Похвистневского
района), 1913.
Фото М.Е. Евсевьева

Ил. 3.48.
Невеста.
Село Борискино
Самарской губернии
(ныне Матвеевского
района Оренбургской
области), 1914.
Фото А.О. Вайсянена

покроя рубах, их декору, типу головных уборов, набедренников. Компоненты костюма восточной группы проникали в костюм соседнего ареала без взаимного обмена. Комплекс одежды имел наибольшее сходство с костюмом мордвы Городищенского уезда Пензенской губернии, Хвалынского уезда Саратовской губернии и Ардамовского уезда Симбирской губернии.

Очень скромный по оформлению ансамбль одежды включал простую по отделке белую рубаху из холста (панар) и распашную одежду (викшнезь руця или оршнимка), пышный с черной бахромой набедренник (пулакш), головной убор (косинка) (ил. 3.48).

(руця), передник без грудки (таргань), пышный набедренник (пулакш), широкий кушак, плотно зашитый латунными блестками; пояс с гребешком на латунной цепочке (сюрцецо каркс); фибула (сюлгاما), гайтаны с крестом и образком на шелковых лентах; бусы, накосная кисть с разноцветными лентами (цёк) и медные браслеты.

Аналогичный костюм бытовал в южных сёлах Иса克林ского района. В XX в. здесь дольше сохранялись его отдельные элементы, такие как рубаха (панар или паля), набедренник (грушань пулогай), гайтан (крёст ведьме), сочетавшиеся с обновленными передниками с грудкой (запунка), головными уборами (чеслик) типа повойника, венок из бумажных цветов (пря суре), пояс (потмо каркс), на который подвешивался карман-лакомка.

Следует отметить, что население, сравнивая костюм своего села с костюмами соседей, как правило, подмечают черты несходства в мельчайших деталях. Это подчёркивал М.Е. Евсевьев: «... Костюм мордовской женщины имеет весьма важное значение для этнографии мордвы... находится в связи с говором мордвы, малейшая перемена в костюме всегда указывает на перемену в говоре, а также разницу в обычаях и обрядах»¹.

Восточный комплекс заволжской группы мордовского костюма заметно отличался как по внешнему виду, так и по особенности

Рубаху эрзянского покроя шили длинной, из двух холстин. Центральный шов спереди оформлялся тонкими дорожками красно-зеленой вышивки косой стежкой или в технике счетной глади кирпичиком. На подоле оставляли незашитой прореху 12-15 см для шага. Рукава длиной чуть ниже локтя кроили из прямоугольного отреза холстины, поделенного по продольной нити пополам, оформляли дорожками вышивки. Вдоль плеча и по продольной линии сгиба рукавов, по низу подола также выполнялись строчки вышивки. Типичной для эрзянской рубахи были полосы продольной вышивки на груди (меште ланго) и на спине (копорьга таргавкс). Ворот рубахи скалывался фибулой (сюлгاما), которую дополняло украшение из бус с монетами на проволоочной основе (сият) и ожерелье из дутых стеклянных бус (пустячки).

Рубаху подпоясывали с небольшим напуском, покрывая бедра набедренным украшением (пулакш) (ил. 3.49). Для него готовили очень тонко спряденную и круто скрученную черную шерсть, которую выдерживали в конопляном масле и, намотав на доску, высушивали в печах, отчего бахрому пулакша становилась жесткой, похожей на конский волос. Несколько рядов бахромы, сшитые вместе, составляли хвост (пуло). Сверху нашивался пояс из 3-4 слоев холста, плотно расшитый латунными блестками или желтым бисером, через который прокладывались бордовые и зеленые низки. По боковым сторонам пришивалась бисерная поднизь (цёкт) и разноцветные пуговицы из шерстяных нитей (цветкат).

¹ Евсевьев М.Е. Избранные труды. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1966. Т. 5. С. 484.

Ил. 3.49.
Танцующие девушки.
Село Борискино
Самарской губернии
(ныне Матвеевского
района Оренбургской
области).
Фото А.О. Вяйсянена

Передник (запон, запунка) шили из белого холста и пестряди, нередко грудка и подол контрастно отличались. Украшением передника были тонкие узорные строчки на грудке и полоса черного кружева на подоле. В поздних вариантах передника самоканые материалы заменены фабричными.

Распашная вышитая одежда туникообразного покроя (викшесь рущя) в мокшанских сёлах известна под названием оршамка, оршнимка. Её отличительной особенностью в восточном ареале являлась тонкая вышивка косой стежкой и блестками, мелкая проработка узора нагрудной вышивки, который по сторонам завершался зубчатым контуром.

Комплекс костюма довершался типичным для эрзян высоким головным убором на лубяном каркасе (шлыган, шельган), который имел форму полуцилиндра. Но, судя по сохранившимся в музее культуры Финляндии образцам вышивки на мешочках для рукоделия, сшитых из фрагментов вышитых мокшанских головных уборов (ил. 3.50), в первой половине XIX в. эрзянки носили мокшанский панго.

Поздним вариантом головного убора женщин является белая косинка с нашивкой белой мережки в налобной части. Такой убор надевали на молодуху (ил. 3.51). Его носили на волоснике (рога), представлявшем тип повойника из холста со вставленной в теменной части распорки из жгута конских волос, расширяющей чепец. На косинку повязывалась декоративная полоса (коня ленточка или конякс) с завязками из цветных лент. Лента конякс была также головным убором девушек.

Ил. 3.50.
Мешочек для
рукоделия
с мокшанской
вышивкой для панго.
Бугурусланский уезд

Ил. 3.51.
Костюм молодой
женщины.
Село Вертима
Северного района
Оренбургской
области. Мордовский
республиканский
музей
изобразительных
искусств им. С.Д. Эрзи

Нагрудные украшения включали небольшую проволочную фибулу (сюлгана) в виде незамкнутого кольца с подвижной иглой, которой скалывался ворот в области ключицы, и бусы в 1-3 ряда вокруг шеи. Обязательным элементом представительниц всех возрастов был гайтан с небольшим латунным крестом.

На ногах носили чулки без пятки, вязанные иглой из шерстяных или посконных нитей. Верх чулка вязали в черную и белую полоску, иногда пропускали цветную бровку. Из обуви были распространены мордовского типа лапти (каръть) с белыми портянками (пакстат), подвязанными черными оборами (каръкст). Зажиточные семьи заказывали гладкие кожаные сапоги с прямым голенищем.

В начале XX в. данный комплекс был усвоен как эрзянским, так и мокшанским

населением восточного ареала Самарской губернии. Он оказал значительное влияние на костюм соседей, куда попадал в результате браков с приданым невест. В начале XX в. происходила смена этой одежды на комплекс городского костюма: сверху на рубаху стали надевать сатиновую кофту и передник с грудкой. Тем не менее, в музейных коллекциях можно обнаружить редкие образцы вышивки, свидетельствующие о самобытных художественных традициях эрзи и мокши данной группы, которые сосуществовали на протяжении столетий.

Подводя итог, следует отметить, что традиционный костюм мордвы представляет уникальный вид народного творчества и материальной культуры, в котором можно видеть не только архаичный пласт сохраненных форм народной одежды, украшений, но и особенности перемен, которые были неизбежны в условиях смешения разнолокальных традиций.

ГЛАВА IV. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА МОРДВЫ САМАРСКОГО КРАЯ

4.1. КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА САМАРСКОЙ МОРДВЫ

В религиозном отношении мордва Самарского края к концу XIX – началу XX в. представляла поликонфессиональную общность. На раннем этапе аграрного освоения края в правобережных селениях на Самарской Луке и далее – на левом берегу Волги возникали старообрядческие общины; здесь раскольники могли скрываться от преследований за веру. Яркой иллюстрацией подобных процессов является возникновение мордовского с. Кануевка (ныне Безенчукского района). Согласно легенде, преследователи староверов, бежавших в леса Самарского Заволжья, добрались до места их поселения. Не обнаружив землянок, построенных беглецами, один из стражников высказался: «Как в воду канули». Эта фраза и легла в основу топонима – названия с. Кануевка¹. В церковном приходе села с 1829 г. состояли мордовские крестьяне как православные, так и старообрядцы². В «Списках населённых мест» Самарского уезда за 1910 г. в селе значились только русские жители, православные и раскольники.

Мордовские переселенцы из Нижегородского края основали ряд селений в Ставропольском и Самарском уездах губернии. Среди них было значительное число старообрядцев как поповцев (Белокриницкого/Австрийского согласия), так и беспоповцев (Спасова, Поморского согласия), проживавших в современных селениях Нижнее Санчелеево, Узюково, Кирилловка (Ставропольского района), Кобельма (ныне Калиновка Красноярского района), Воскресенка, Преображенка (Волжского района). В Подъём-Михайловке (Волжского района) сформировалась крепкая мордовская община старообрядцев поморского согласия, имевшая свою моленную; рядом с селом располагался женский скит.

¹ Казарин В. Кануевка и ее храм. Самара: ООО «Медиа-Книга», 2014. С. 6.

² Ведерникова Т.И., Кокарев М.С., Курмаев М.В., Радченко О.И. Православные святыни... С. 16-18.

Ил. 4.1.
Храм во имя
Михаила Архангела.
Село Иваново-
Подбельское
Клявлинского района,
2005.
Фото из архива
краеведческого музея
села Клявлино

Священник Григорий Духовников в 1868 г. отмечал, что в с. Елховка «...с водворением помещичьих крестьян, принадлежащих помещице Акутиной, начал усиливаться раскол» беглопоповщинского толка¹. По данным на 1908 г., в приходе Троицкой церкви с. Елховка и деревень Горностаевка и Низовка, среди русских и мордвы числились старообрядцы поповцы (242 чел.), австрийского согласия (62), поморского толка (150) и молокане (19)².

Староверы – русские и мордва, жили и в самых восточных районах области, к примеру, в приходе церкви с. Иваново-Подбельское (ныне Клявлинского района) (ил. 4.1) в начале XIX в. было зафиксировано 354 чел. старообрядцев-беспоповцев³.

Переход к христианству был длительным процессом. Православные традиции мордвы органично сочетались с дохристианскими верованиями. М. Гребнев о жителях с. Ерзовки (ныне Кинель-Черкасского района) писал: «Мордва смешивает свои языческие представления с понятиями чисто христианскими. Узнав из проповеди христианских учителей о триединном Боге, мордва приурочила каждое лицо Святой Троицы к какому-либо из своих, трёх главных языческих божеств. Так, Бог-Отец у ней в понятиях сопоставляется с “Чи-пазом”, или богом солнца, богом света вообще, сын Божий – с “Нишке-пазом”, или богомъ земли, нижним богом, Святой Дух – с “Вере-пазом”, верхним богом, богом воздуха и теплоты. Особенным почитанием мордвы пользуются Пресвятая Богородица и Святой Николай Чудотворец, а также Михаил Архангел»⁴.

¹ Духовников Г., свящ. Краткие сведения о расколе в с. Елховке // СЕВ. 1868. № 12. Ч. неофиц. С. 313-316.

² ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 18. Д. 238. Л. 34 об., 40 об.

³ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 20. Д. 145. Л. 178.

⁴ Гребнев М. Село Фролкино или Ерзовка Бугурусланского уезда // СЕВ. 1885. № 23. С. 544.

Ил. 4.2.
Икона-складень
Одигитрия. Медь.
Коноваловский I
грунтовой могильник.
Фото Н.М. Малковой.
Музей археологии
и этнографии
Самарского
национального
исследовательского
университета
им. академика
С.П. Королёва

Ил. 4.3.
Икона Рождество
Богородицы. Медь.
Коноваловский I
грунтовой могильник.
Фото Н.М. Малковой.
Музей археологии
и этнографии
Самарского
национального
исследовательского
университета
им. академика
С.П. Королёва

Мордовские божества грома Пурьгине-паз и молнии Ёндол-паз постепенно отождествлялись с Ильей-пророком, покровителем грома и дождя.

Археологические материалы Н.М. Малковой позволяют утверждать, что «с середины XVIII в. в погребальную обрядность (язычников) эрзи и мокши начали проникать элементы христианской веры, которые сосуществовали с традиционными языческими ритуалами»¹ (ил. 4.2, 4.3).

Выше указывалось, что изначально христианизация мордвы Самарского края происходила добровольно. Чиновник А. Каминский в 1854 г. отмечал, что, несмотря на приверженность суевериям, самарские удельные крестьяне из мордвы – поголовно православные, высоко нравственные и очень набожные люди, не начинающие никакого дела без молитвы: «Молитвы их просты, относятся к одному Вседержителю, всегда с твердым упованием на его милосердие и помощь. Они молятся не об одних самих себе, но о целом мире. Душа их проникнута чистою верою»².

Обустройство православной жизни в возникших мордовских селениях начиналось с воздвижения храма. К сожалению, революционные события привели к тому, что большинство церквей были разрушены, переоборудованы под школы и клубные учреждения,

¹ Малкова Н.М. Погребальный обряд и инвентарь могильников эрзи и мокши XVI – начала XIX вв. [Электронный ресурс]: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. С. 182. URL: <https://www.dissercat.com/content/pogrebalnyi-obryad-i-inventar-mogilnikov-erzi-i-mokshi-xvi-nachala-xix-ww> (дата обращения: 09.10.2021).

² Смирнов Ю.Н. Материалы о самарском крестьянстве...

склады для зерна или машинно-тракторные станции. Лишь в некоторых древнейших мордовских сёлах: Кануевка Безенчукского района, Вилатовое, Съезжее Богатовского района, Воскресенка, Новинки, Подъём-Михайловка Волжского района, Елховка, Красные Дома (Никольское) Елховского района, Иваново-Подбельское, Клявлино, Старый Маклауш, Старые Сосны, Сходнево Клявлинского района, Новая Кармала, Степная Шентала Кошкинского района, Дергачи Красноармейского района, Калиновка Красноярского района, Верхнее Санчелеево Ставропольского района, Шентала, Новый Кувак Шенталинского района, Кяхта, Маза, Старый Тукшум Шигонского района, сохранились и сегодня возрождаются православные святыни дореволюционной постройки¹. Можно утверждать, что к началу XX в. численное большинство мордвы Самарского края придерживалось православной («никонианской») веры.

Синкретизм религиозных верований мордвы в полной мере демонстрировали народный обрядовый календарь и семейная обрядность. В середине и даже в конце XX в. самарская мордва придерживалась наработанных веками традиций, в которых обозначалась неразрывная связь человека с природой. Языческие обряды, как правило, были приурочены к православным праздникам и трудовому процессу.

Начиная с 1730-х гг. в Самарский край хлынула волна мордовских переселенцев из-под Пензы и Тамбова, где возникла религиозная община духовных христиан – молокан, созданная тамбовским портным Семёном Уклеиным. Главными установками вероучения молокан являются отрицание символов веры – храмов, икон, богослужения, поста, креста и крестного знамения; идея о воскресении «в новом теле». С православными молокан роднило представление о Святой Троице, молитвы за умерших и др.

Идеология молоканства разных направлений (воскресники, донского и ортодоксального уклеинского толка) в XVIII–XIX вв. быстро распространилась её носителями в Поволжье. Территория Самарского края оказалась включенной в этот процесс. Мордва-молокане в XIX в. компактно (часто вместе с русскими, отдельными «концами») проживали во всех уездах губернии, в том числе в современных сёлах области: Патровка, Гавриловка Алексеевского района, Пестровка, Тёпловка Пестравского района, Константиновка (Барсуковка) Большеглушицкого района, Трофимовка (Дергуновка), Богдановка Нефтегорского района, Ерзовка Кинель-Черкасского района, Максимовка (Коржевка), Съезжее Богатовского района, Елховка, Красные Дома (Никольское) Елховского района, Благодаровка Борского района, Большой и Малый Толкай, Алёшкино Похвистневского района, Багана Шенталинского района. По данным на 1906 г. в русско-эрзянском с. Дергачи Красноармейского района числилось 6 дворов «хлы-

стов, именующих себя молоканами»¹. По данным на 1908 г., численность жителей в с. Никольском (ныне Елховского района) и деревнях церковного прихода составляла 3 941 человек. Кроме православных, здесь жили раскольники (старообрядцы. – Т.В.) беглопоповцы (20 чел.) и молокане-воскресники (59 чел.)².

В соответствии с правительственным указом от 28 октября 1850 г. 1 042 чел. молокан из крестьян Самарского удельного имения были высланы в Закавказье с целью «искоренения сей вредной секты».

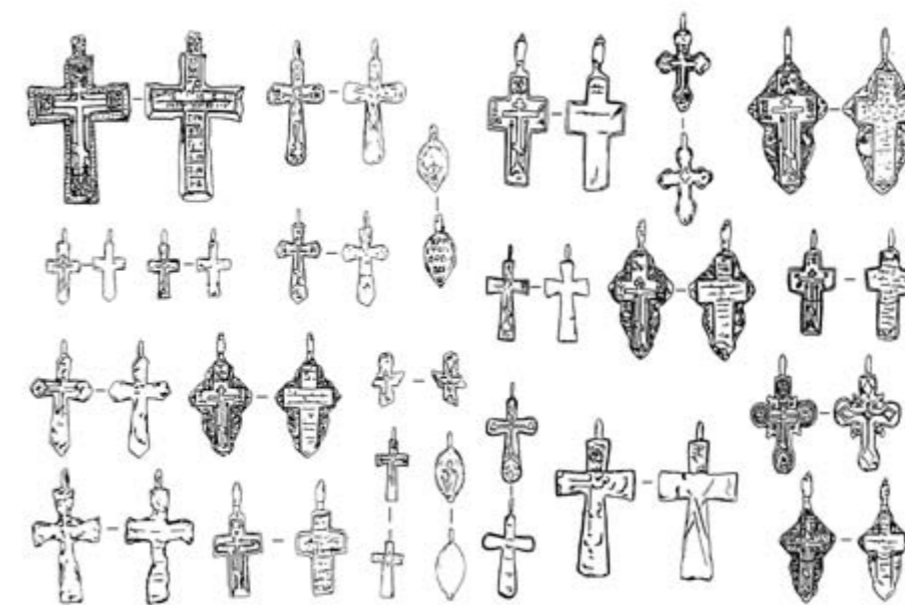
Авторами «Сборников статистических сведений по Самарской губернии» в 1885 г. в Бузулукском уезде отмечено, что «в Вилатовской, Павловской и Максимовской волостях молоканства и субботничества придерживаются преимущественно крестьяне бывшие государственные – переселенцы из Тамбовской

и Пензенской губерний. К ним принадлежит немало и мордвы, но ни один мордвин не придерживается староверства»³, хотя в XVIII в. местные жители в значительной массе придерживались старой веры. Об этом свидетельствуют захоронения со старообрядческими нательными крестами жителей с. Коноваловка Борского района в изученном Н.М. Малковой могильнике⁴ (ил. 4.4, 4.5).

Ил. 4.4.
Кресты.
Коноваловский I
грунтовой могильник.
Фото Н.М. Малковой.
Музей археологии и
этнографии Самарского
национального
исследовательского
университета
им. академика
С.П. Королёва

Ил. 4.5.
Кресты.
Коноваловский I
грунтовой могильник

¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 17. Д. 353. Л. 66-66 об.

² ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 18. Д. 234. Л. 99.

³ Сборник статистических сведений... Т. 3. Бузулукский уезд. С. 27-28.

⁴ Малкова Н.М., Орлова М.О. Медная пластика Коноваловского I грунтового могильника // Материалы XXX Урало-Поволжской археологической конференции молодых ученых. Самара, 1998. С. 148-150.

¹ Ведерникова Т.И., Кокарев М.С., Курмаев М.В., Радченко О.И. Указ. соч.

Ил. 4.6.
На молоканском
кладбище.
Село Тяглое озеро
Пестравского района,
1997.
Фото С.А. Осьмачкиной

В смешанных в религиозном отношении селениях существовали отдельные кладбища: православные огораживались, здесь надгробные холмы и кресты обозначали принадлежность умерших к вере. Молоканские кладбища располагаются и сегодня среди степной равнины, захоронения определяются по вертикально стоящим простым деревянным столбикам (ил. 4.6). Они, как правило, не посещались родственниками.

Ярким примером сосуществования носителей разных религиозных традиций являлось в XIX в. с. Максимовка (Коржевка) Бузулукского уезда (ныне Богатовского района), где отдельными «концами» улицы проживали православные и молокане. Путешественником М. Семевским, заезжавшим в это село в 1862 г., оставлено описание образа жизни молокан: «Избы у них и снаружи, и внутри обыкновенно крестьянские, но только отличаются необыкновенной чистотой. За печкой в избе у богатого молокана вы непременно заметите узенькую, чуть не потаенную дверь в большую сборную избу, это – молельня молоканская. В ней, кроме лавок и ложа вроде наоя, да книг священного Писания, нет ничего. Какой-нибудь старец внятно, громко читает по книгам, и старые, и малые, мужчины и женщины, преимущественно сидя, слушают чтеца с напряженным вниманием. Чтение сопровождается объяснением со стороны того же чтеца; эти разъяснения прерываются иногда общим чтением псалмов. Знание молоканами книг священного писания поразительно»¹.

По сведениям на 1868 г, молокан в селе насчитывалось 430 чел. муж. пола и 446 – жен. пола². По данным на 1885 г., село состояло

из двух обществ: «из крестьян бывших удельных (828 ревизских душ) и бывших государственных (572 души). Первые – православные, последние – молокане, переселившиеся сюда в 1780 г. из с. Бойкина Козловского уезда Тамбовской губернии. Оба общества живут между собой в антагонизме. Православные по характеру своему слишком смиренны и непредприимчивы, тогда как молокане – народ бойкий, предприимчивый, «пронеры». ...Школа – только в молоканском конце, где учатся только молоканские дети и два православных мальчика. ...Процент грамотных в обществе молокан достигает 19,4, тогда как у православных он равен 6,7, то есть почти вдвое ниже среднего по волости»¹ (ил. 4.7). В селе существовало отдельное здание молоканской молельни (ил. 4.8), в советское время оно являлось жилым домом. Сегодня лишь единичные жители села идентифицируют себя с молоканами (ил. 4.9).

Ил. 4.7.
Молоканская школа.
Село Максимовка
Богатовского района,
2013.
Фото из личного архива
Т.И. Ведерниковой

Ил. 4.8.
Молельный дом
молокан.
Село Максимовка
Богатовского района,
2013.
Фото из личного архива
Т.И. Ведерниковой

¹ Семевский М.И. От Твери до Астрахани. Волжские заметки // Отечественные записки. 1862. № 12. С. 498-556.

² Пономарев М. Об учении молокан с. Коржевки (Максимовки) // СЕВ. 1868. № 1. Ч. неофиц. С. 15-17; № 2. Ч. неофиц. С. 32-35.

¹ Сборник статистических сведений... Т. 3. Бузулукский уезд... С. 142-145.

Ил. 4.9.
Молоканка,
жительница села
Максимовка
Богатовского района,
2013.
Фото из личного архива
Т.И. Ведерниковой

Численность самарских молокан и в начале XX в. оставалась значительной. В сентябре 1924 г. в Самаре проходил II Всесоюзный съезд духовных христиан-молокан (ил. 4.10).

Современные полевые исследования позволяют реконструировать историю молоканской общины в с. Трофимовка (Дергуновка, Росташа) Нефтегорского района. Это село возникло примерно в 1833 г. в Бузулукском уезде. Первой туда прибыла мордва Пензенской губернии, которая поселилась по одной стороне оврага. Позже сформировались три «конца»: молоканский мордовский и мордовский православный, за оврагом поселились русские православные отдельным «концом». До наших дней традиции молокан почти не дошли, а кладбище оказалось заброшенным. Как прежде, так и в наше время туда никто не ходит.

Ил. 4.10.
Съезд молокан
в Самаре. 1924

Ил. 4.11.
Молоканская община
села Трофимовка
Нефтегорского района,
1950-е гг.
Фото из личного архива
Т.И. Ведерниковой

По информации В.В. Бабиной (1939 г.р.), в 16 лет она вышла замуж за мордвина из семьи молокан. Верующей молоканкой до конца жизни была свекровь. Она принимала активное участие в жизни религиозной молоканской общины села в 1950–60-е гг. (ил. 4.11).

В Самарском крае в XIX в. были отмечены протестанты-субботники, имевшие много общего как с молоканами, так и с иудеями. В трёх волостях – Максимовской, Вилатовской и Павловской Бузулукского уезда (ныне Богатовского района) протестанты жили чересполосно с православными, иногда отдельными «концами» в селении. Согласно «Списку населённых мест» по Самарской губернии за 1889 г., в с. Максимовка, помимо молокан, числились «иудействующие».

Одновременно с молоканами в губернии появились общины мистического направления неортодоксального христианства – хлысты. Они существовали в мордовской среде Ставропольского, Самарского, Николаевского и Бузулукского уездов, в современных сёлах: Кирилловка, Сухие Аврали Ставропольского района, Воскресенка Волжского района, Каменка Красноярского района, Колывань Нефтегорского района, Вязовый Гай, Дергачи Красноярского района.

Среди мордвы Бугурусланского и Бузулукского уездов с середины XIX в. были распространены несколько хлыстовских течений – кирилловцы, блаженные, беседники и др. С беседниками (келейниками) связана история с. Большая Раковка (ныне Красноярского района). Село в XVIII в. заселяли выходцы из Симбирской губернии – русские Карсунского уезда и мордва Алатырского уезда. Позднее сюда прибыли мордовские переселенцы из с. Маклауш, а также из с. Сухие Аврали и Помрякино (Ставропольского уезда). Удельные крестьяне села в религиозном отношении делились

на православных и келейников (беседников)¹. Последние, помимо обязательного посещения церкви, собирались на внецерковные собрания, именовавшиеся «беседками». В 1835 г. в с. Красный Яр прибыл основатель общины беседников В.Н. Щеглов. При его участии в с. Большая Раковка возникла община, её возглавляла крестьянка А.К. Керова. Официальная православная церковь изначально рассматривала беседников как направление в православии, мирское старческое учение. Позднее оно было отнесено к направлению хлыстовского толка. А.К. Керова, объединившая несколько десятков келейниц, в 1850 г. обратилась в Самарское епархиальное управление с просьбой о разрешении на строительство большого корпуса для девиц и вдовиц (ил. 4.12), пожелавших жить в безбрачии по монастырским правилам. Раковская женская монастырская община была официально утверждена указом Святейшего Синода 8 октября 1862 г. «для ослабления и уничтожения раскола, распространяемого лжеучителями из иргизских раскольнических монастырей». Настоятельницей общины стала А.И. Кадышева². В 1886 г. Свято-Троицкая женская община Самарского уезда была официально переведена в Свято-Троицкий Раковский женский общежительный монастырь³.

В 1920-е гг. в сёлах Красные Ключи, Подбельск, Большой и Малый Толкай, Большая Ёга и др. современного Похвистневского района появились общины хлыстов – «тилебухов». Название происходит из искажённого текста молоканских духовных стихов «ты, любовь, ты, любовь...» Их основателем был русский крестьянин (отец Серафим) из д. Удельной, где и возникла первая община⁴.

Ил. 4.12.
Здание женского
монастыря.
Село Большая Раковка
Красноярского района

Неортодоксальные течения христианства в Самарском крае стали основой для внедрения западноевропейского протестантизма, в частности немецкого штунд-баптизма, который изначально опирался на молоканские общины. Миссионерская деятельность баптистов – немецких колонистов, распространялась среди сельского населения, в том числе мордвы, изначально – в двух южных (Новоузенском и Николаевском), а затем – в Бугурусланском, Бузулукском и Самарском уездах.

К началу XX в. в губернии проживали 3 273 чел., состоявших в баптистских общинах. Клировыми ведомостями православных храмов баптисты зафиксированы среди мордовских жителей в современных селениях области: Малая Глушица, Константиновка Большеглушицкого района, Мартыновка Похвистневского района и др. К примеру, в приходе православной церкви с. Сухая Вязовка Волжского района среди русских и мордвы одновременно проживали молокане донского толка, штунд-евангелисты и баптисты – всего 70 дворов из 616¹.

Таким образом, этнотерриториальная группа мордвы Самарского края на протяжении веков, вплоть до 1960-х гг., включала в себя отдельные конфессиональные общины язычников, православных христиан («никонианцев» и старообрядцев), а также неортодоксальных течений христианства (хлыстов, молокан, субботников, баптистов и др.).

4.2. КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВЫЕ ТРАДИЦИИ

Обрядовая культура мордвы является отражением общественно-бытового уклада народа, его трудовой деятельности, знаний о жизни и природе, эстетических, нравственных представлений, а также – фактором сохранения и развития этнического самосознания. Все это важно для современной жизнедеятельности мордвы, в среде которой довольно быстрыми темпами идут ассимиляционные процессы.

Длительный процесс формирования этнотерриториальной группы и дисперсность расселения мордвы Самарского края, культурно-бытовые контакты с другими народами (русскими, чувашами, татарами и др.) повлекли за собой появление определенных локальных особенностей мордовской культуры. Значительное влияние оказала и удаленность данного региона от коренной территории расселения, что предопределило сохранение многих архаичных черт обрядности мордвы.

В данной работе представлены две группы обрядов: календарные, связанные с хозяйственной деятельностью народа – земледелием и скотоводством; и семейные обряды жизненного цикла, обряды «перехода», сопровождающие человека «от колыбели до тризны»: рождение, совершеннолетие, заключение брака и смерть.

¹ Знаменский М. (свящ.). С. Раковка Самарского уезда // СЕВ. 1872. № 13. Ч. неофиц. С. 291-294.

² Монастыри Самарского края. Самара, 2002. С. 65-67.

³ Ливанов И. Преобразование Свято-Троицкой Раковской женской общины в монастырь // СЕВ. 1887. № 4. Ч. неофиц. С. 65-76.

⁴ Корнишина Г.А. Этнокультурная самоидентификация последователей неортодоксальных христианских вероучений (на примере мордовской религиозной общины) // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 63-72.

¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 17. Д. 353. Л. 156.

Земледельческая обрядность. Основным занятием мордвы издревле являлось земледелие, поэтому обряды земледельческого цикла занимали ведущее место в ее культуре. Главной их целью было достижение плодородия в самом широком понимании этого слова. Культ плодородия зародился в глубокой древности и прошел длительный и сложный путь развития. Различным историческим периодам соответствовали свои проявления этого культа от простейших магических заклинаний и действий до почитания божеств плодородия (Норов авы, Пакся авы, Мاستор авы), которых постепенно сменили христианские святые.

Особую тему в календарно-обрядовой культуре мордвы составлял древнейший культ предков, коммуникация «этого» мира крестьянской общины с «тем» – миром предков, к которому люди обращались за помощью перед началом или завершением сельскохозяйственных работ: пахоты, сева, сбора урожая, а также перед выгоном скота в поле и т. д. Эти дни были особенно насыщены религиозными магическими обрядами-молениями с жертвоприношениями, дарами в честь богов и духов.

Землемер К.С. Милькович представил наиболее древнее описание молений XVIII в., относящихся к конкретным локальным мордовским общинам (предположительно, бытовавшим на Самарской Луке): «Жертвоприношение и празднование отправляется у них двоякое: во-первых, собранием (жителей. – Г.К.) всей деревни и по большей части летом на поле или загородке; загородка есть мольбище, или место жертвоприношения, имеющее длины до 20 или 30 сажень и столько же ширины, где в огороженном лесу варят жертвоприносимых животных мясо; во-вторых, в дому частного жителя во всё годовое время одною только семьёю».

В первом случае это происходило следующим образом: «Приведя в жертву коров на поле, в собрании народа, одетые в чистую одежду, старые люди закалывают (животное) и становятся впереди, произносят несколько молитвенных слов и разных прошений о себе, о благоденствии народа и об изобилии, а женщины и молодые люди, стоя за ними, кланяются. Сваря же жертвоприносимое, повторяют свои молитвы, а потом оно едят и пьют принесённые из домов своих мёд и пиво; кровь тех заколаемых животных опускают они в ямочку и засыпают землёю, да и от самой жертвы несколько частиц кладут туда же, кости бросают в реки, а шкуры берут себе, то же самое бывает при жертвоприношении и прочим почитаемым ими божествам»¹.

Под влиянием христианства многие традиционные сезонные обряды подверглись значительной адаптации к церковному календарю, получив новые христианские названия. «Мордовские праздники, большие моляны, – писал В.О. Ключевский, – приурочи-

вались к русским народным или церковным празднествам: Семику, Троицыну дню, Рождеству, Новому году»¹. К примеру, основное содержание Пасхи – праздника воскресения Христа, мордва свела к поминовению предков, просьбам к ним о содействии хорошему урожаю, размножению скота, покровительству. Таким образом, на празднование Пасхи перенеслось проводимое мордвой ранее в эти же сроки весеннее поминовение предков.

Цикл годовых праздников в мордовских сёлах Самарского края полностью отмечался примерно до конца XIX – начала XX в., частично традиции сохранились и до настоящего времени.

Зимние праздники и обряды приурочивались к декабрьскому солнцевороту и следующим за ним дням. Кульминационные его точки – 25 декабря, 1 и 6 января, определяются христианскими праздниками и гражданским календарем. Основной темой этих обрядов было предугадывание и обеспечение нового урожая. В этих целях практиковали различные способы колдовства, игры, гадания об урожае, о предстоящей судьбе людей на будущий год. Гадания переплетались с обрядами, имевшими значение почина, так называемая магия первого дня. В первый день Нового года совершали то, что должно было иметь воздействие на весь последующий период: сытная еда с набором ритуальных блюд (каша, хлеб, пироги). Вера в магию первого дня проявлялась и в представлениях о том, что первый посетитель или первый встреченный в этот день человек приносит счастье или несчастье. Сходен с функциями первого встречного ритуал колядования. Он проводился накануне Рождества. Этот день у мордвы так и назывался день каляды (калядань чи). Он олицетворял рождение солнца, сулил изобилие в предстоящем году. Днём дети, а вечером молодежь ходили по домам и исполняли песни, в которых желали хозяевам благополучия, хорошего урожая:

Каляда! Чачи суро чачозо! Каляда!	Рождающийся хлеб, рождайся!
Каляда! Ажияшка олгозо! Каляда!	С оглоблю солома!
Каляда! Заверкашка колоссо! Каляда!	С завертку колос!
Каляда! Ал туюжашка зерназо! Каляда!	С яичный желток зерно! ²

Молодые люди также славили и самих хозяев:

Тия кудонь атятне	Этого дома мужчины
Мазы карень кодытне.	Красивые лапти плетут.
Те кудосонь цератне	Этого дома парни
Мазы чирькень менитне,	Красивые дуги гнут,
Сядо лишмень кильдитне.	Сто лошадей запрячь смогут.
Те кудосонь аватне	Этого дома старушки
Мазы какань тритне,	Красивых детей растят,

¹ Милькович К.С. Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия / Из записок уездного землемера Мильковича, доставленных в 1783 г. Масленицкому, составляющему в это время топографическое описание Синбирского наместничества / Публ. Н.В. Никольского // Тамбовские епархиальные ведомости: часть неофиц. 1905. № 18. С. 826-827.

¹ Ключевский В.О. Сочинения. Т. 1. М., 1956. С. 305.

² МЭЭ. 1998. Клявлинский район, с. Старый Маклауш (информант: Груздева Е.Е. 1929 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

Ош калацянь панитне.
Те кудосонь бабатне
Ламо коцтонь штердитне.
Те кудосонь тейтертне
Конев котонь кодытне,
Мазы артумс викшнетне,
Мазы моронь морытне,
Пек мазысте якитне.

Городские калачи пекут.
Этого дома женщины
Много холста прядут.
Этого дома девушки
Хорошие чулки вяжут,
Красиво вышивают,
Красивые песни поют,
Очень нарядно одеваются¹.

Одним из важнейших моментов колядования было одаривание. Для этого пекли специальные пирожки (калядань прякат) с различной начинкой: картошкой, горохом, капустой, калиной, свеклой и др.

С вхождением в мордовскую обрядовую культуру христианства обход дворов детьми стал проводиться и во время Рождества. Здесь уже пелись по-русски рождественские песни, в которых славили рождение Христа. Причем, если колядки исполняли, как правило, в сенях или под окном, то рождественские песни – обязательно дома. Славильщикам – «христославщикам», давали деньги и конфеты.

Участники предрождественского и рождественского обхода домов совершали так называемый обряд посева, то есть обсыпание хозяев и скотины зерном или рассыпание его по дому. Этим имитировались действия, совершаемые во время сева, что должно было вызвать плодородность людей и животных, довольство в доме. Это зерно затем отдавали курам, чтобы они лучше неслись.

Следы культа плодородия усматриваются и в приемах ряжения молодежи во время рождественских праздников. В одних сёлах рядились и юноши, и девушки (с. Старая Бинарадка Красноярского района) в других – только молодые мужики и парни (с. Грачёвка Кошкинского района). Ряженные мазали лицо сажей или делали личины (чамакс) из бумаги, крашенные в черный цвет. На голову приделывали рога, на лицо – большой нос. Парни и мужчины надевали вывернутые мехом наружу шубы. Иногда вместо маски на голову одевали выдолбленную внутри тыкву с прорезями для глаз и рта, как это делали, например, в с. Старая Бинарадка. Такую тыкву с зажженной внутри свечой могли нести и в руках. Здесь же делали маски в виде лошадиной головы. В сёлах Клявлинского, Богатовского и Борского районов были распространены медвежьи маски².

Ряженные (карть, хорю, харятке) вели себя озорно, напористо, даже развязно. Они пугали детей, обнимали девушек и женщин.

Человек в костюме ряженого как бы выводился за рамки обычных норм поведения, исполняя особую ритуальную функцию. Ряженные были и своеобразными общественными контролёрами: при входе в избу требовали у хозяев показать, что они сделали за зиму – у хозяина и его взрослых сыновей лапти, дуги и др., у женщин и девушек – пряжу. Если ряженные считали, что хозяева трудились достаточно, их хвалили. В противном случае – пели позорящие песни (парявтнимат), а взрослых девушек в наказание за лень валяли в снегу.

На Рождество молодежь устраивала гулянья. В некоторых местах с Рождества до Крещения собирались в специальные рождественские дома (роштувань кудо) или дома плясок (кштимань кудо), которые были на каждой улице. Кроме молодых людей сюда приходили их родители и женатые молодые пары, последние также принимали участие в веселье.

Много обрядов проходило и накануне Нового года. В это время проводились всевозможные гадания. Одной из их целей было предугадывание урожая хлеба, овощей, конопли и других культур. Один из способов такого «предсказания» у мордвы состоял в том, что пожилые люди отправлялись на перекресток дорог (ки улос), где ложились на землю и слушали. Если они слышали скрип тяжело навьюченных телег, то считали, что год будет плодородный, а если – веселую и скорую скачку лошадей с порожними телегами – к неурожаю.

В начале года гадали и об общем благополучии семьи, о судьбе каждого из её членов. Например, перед Новым годом делали отпечатки тела на снегу (сулият), если они до утра оставались нетронутыми – это считалось добрым знаком. В случае же повреждения следа полагали, что человек может заболеть или с ним случится какое-то другое несчастье. Старики, как и в случае гадания об урожае, ходили в полночь на перекресток дорог или на полевую межу слушать «голоса», которые должны были «сообщить» им – будут ли они живы в наступающем году или умрут¹.

Самой частой темой зимних и летних святочных гаданий девушек были предсказания о замужестве. Они характерны практически для всех народов, сохраняясь и до настоящего времени, хотя и несколько в измененном виде. Участницы гаданий старались узнать о сроках замужества, внешности суженого, его профессии, материальном положении. Для этого они клали на пол хлеб, кнут, военную фуражку, тарелку с водой. Затем девушки по очереди выпускали принесенных с собой кур и смотрели, к какому предмету она подойдет: к хлебу – муж будет богатый, к кнуту – будет пастух, к фуражке – военный, к воде – пьяница и др. О цвете волос суженого судили, выдергивая в темноте у овец клок шерсти.

¹ Черновые записи М.Е. Евсеева. Мордовские песни, обряды, обычаи записаны в с. Александровка и Бесовка Ставропольского у. и с. Подлесная Шентала Бугульминского у. Самарской губ. (1914–1915 гг.) // Центральный гос. архив Республики Мордовия (далее ЦГА РМ). Д. 46. Л. 37 об.-38.

² Корнишина Г.А. Традиционные формы коллективного общения мордвы Самарского края // Самарская область. Этнос и культура. 1997. № 1. С. 8-9.

¹ МЭЭ. 1997. Клявлинский район, с. Новые Сосны и Клявлино (информанты: Спиридонова Е.Я. 1912 г. р., Нарушева Т.В. 1917 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

Бросали через ворота обувь, в какую сторону она упадет носом, в ту и замуж выходить.

Среди предновогодних гаданий было распространено так называемое воровство воды (ведень саламо). Девушки ночью ходили на родник, набирали там в рот воды, и несли её домой, где выливали в кружку. Эту кружку ставили рядом с кроватью и просили: «Суженый, ряженный, приходи ко мне за водой». Таким образом старались увидеть во сне своего нареченного. Иногда в кружку опускали венчалное колечко (его брали у замужней сестры или жены брата), ставили её перед зеркалом, зажигали свечи и говорили: «суженый, не венчаный, подойди близко». Предполагалось, что в этом случае девушка увидит суженого в зеркале¹.

Такое обилие девичьих гаданий можно объяснить существовавшими ранее социальными условиями. Патриархальный семейный строй ограничивал женщину в вопросах заключения брака и создания семьи. Если девушка была богата, красива, то ей не приходилось долго ждать женихов. А если этих преимуществ у неё не было, ей не оставалось ничего другого, как ждать жениха, мечтать о нём и гадать.

Наряду с гаданиями девушек о замужестве практиковались и гадания парней о невесте. Но обычай мужских гаданий был распространён гораздо меньше. Это было вызвано тем, что парни, в отличие от девушек, намного легче могли подыскать себе пару, или же за них это делали родители. Поэтому гадать о невестах им не было никакой надобности, хотя изредка это и имело место. Например, в с. Степная Шентала Кошкинского района парни во время святок шли в баню, где плескали воду на разогретые камни банной печи: если они шипели, то юноша должен был вскоре жениться, в противном случае он оставался весь год холостым².

Последним большим зимним праздником была Масленица, на которой жители села от мала до велика катались на лошадях, пели, плясали. Основное гулянье происходило на масленичной горе (масленицань пандо). Здесь катались с гор, играли. Молодые женщины (одирьват), вышедшие замуж за последний год, приносили сюда ячменные и пшеничные блины, которыми угощали молодых парней. За это последние катали их на салазках. Молодожены на Масленицу обязательно ходили или ездили в гости к родственникам, то есть этот праздник был своеобразным этапом приобщения вновь созданной семьи к родственному коллективу.

По информации старожилов отдельных селений области (Подлесной Андреевке Шенталинского, Чувашском Урметьеве Челно-Вершинского районов), во время Масленицы крестные отец с матерью ходили с подарками к своим крестникам, даже если они уже стали взрослыми.

К Масленице обычно заканчивался и срок пребывания девушек у родственников, которое называлось «аштеме». Начиная с 14-15 лет, их отправляли в гости на некоторое время (обычно с Крещения до Масленицы) к родственникам в свое или в соседние сёла. Девушка ехала с пряхой (прялкой), так как за время своего пребывания у родственников она должна была не только ходить на молодежные вечерки, но и напрясть определенное количество пряжи. По возвращении домой мать проверяла её работу, чтобы выяснить, не ленилась ли она в гостях. Девушка после окончания «гощения» должна была прокатить своих подруг, с которыми она проводила это время, на лошадях. Обычно делали это ее отец или брат, приезжавшие за ней. При этом девушки пели масленичные песни, такие как «Эй, войну», «Гуляй, братец, до полуночи» и др.¹

На Масленицу проводили молодежные собрания, которые устраивали девушки определенной части села. В с. Новая Кармала Кошкинского района подобные собрания, на которые приходили обязательно и юноши, называли девичий праздник (тейтерень праздник). Старшее поколение жителей села – примерно 1910 г. р. – девичьи посиделки называли словом «супрядки». Здесь же сохранились воспоминания и о чисто женских масленичных собраниях-праздниках (авань праздник). Участницы его вначале обходили с визитами дома своего конца села, а затем в одном из них устраивали трапезу².

В последний день Масленицы обычно зажигали костры. Главной чертой был их общественный характер. Вокруг них собирался определенный коллектив: население округа, села или части его. Кроме того, эти костры наделялись очистительными функциями. В них жгли солому, а также старые вещи, собранные детьми по всему селу. В огонь кидали и соломенное чучело Масленицы. Часто остатки чучела, или оставшийся от него пепел разбрасывали по полям. Многие исследователи считают, что эти действия были направлены на увеличение плодородия земли³.

Весенне-летний цикл обрядов и праздников неразрывно связан с трудом земледельца, а весна и лето – самый важный период для сельских жителей. Именно в это время совершаются главные работы на земле – вспашка поля, посев, высадка рассады; от них зависело благополучие всей жизни общины в течение года. Поэтому в весенне-летний период люди еще более тщательно, чем зимой, наблюдали за явлениями окружающей их природы, старались приспособиться к ним, чтобы сделать свой труд более успешным. Чувствуя свою зависимость от природной среды, земледельцы стремились всеми доступными средствами обезопасить себя и свой труд от неожиданных стихийных явлений, полагаясь и на магические действия.

¹ МЭЭ. 1997. Клявлинский район, с. Клявлино (информант: Нарушева Т.В. 1917 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

² МЭЭ, 1996. Кошкинский район, с. Степная Шентала (информант Мочалова В.В. 1936 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

¹ МЭЭ. 1997. Клявлинский район, с. Клявлино (информант: Нарушева Т.В. 1917 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

² МЭЭ. 1996. Кошкинский район, с. Новая Кармала (информант: Аркаева А.А. 1921 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

³ Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. С. 73-75, 77, 86, 91.

В весенне-летних праздниках особенно отчетливо прослеживаются два пласта: дохристианский и православный. Языческие моления мордвы, сохранявшиеся вплоть до начала XX в., постепенно сгруппировались вокруг крупных христианских праздников.

Накануне Вербного воскресения молодежь ходила по домам, ударяя спящих людей веточками вербы. Это делалось с целью передачи силы растения человеку. Об этом пели сами исполнители обряда:

О, удодо, удодо!	О, спите, спите!
Илядо пель стямдо!	Не бойтесь проснуться!
Вербинесэ чавдадызь,	Вербой мы вас побьем,
Омбоньте шкас прафтадызь!	До другого года здоровья дадим! ¹

Обойдя все дома, участники обряда направлялись на берег речки, становились группами на разных её берегах и, попеременно перекликаясь, пели песни, обращенные к богине теплого ветра Варма аве и содержащие призывы весны:

Ой, Вармава, Вармава!	Ой, Вармава, Вармава!
Сась, сась тундонь чись.	Пришел, пришел весенний день.
Латкне пешкедить веднеде.	Овраги наполняются водой.
Пандо прятне штатить ловноде.	Вершины гор освобождаются от снега ² .

Большая группа обрядов сосредотачивалась вокруг Пасхи – одного из главных христианских праздников. В этот день («Великий день», Ине чи – э., Оцю ши – м.) мордва устраивала поминовение предков. У них просили содействия в получении хорошего урожая, размножении скота, молили беречь людей от болезней и всякого зла. Для этого ходили всей семьей на кладбище. Затем приглашали умерших родичей домой, «помыться» в бане (покштянь-бабань баня), которую топили специально для них, и поесть.

В субботу перед Пасхой в одном из родственных домов готовили пиво предков (атянь пуре). Мёд для него покупался на общие деньги, собранные по 10-15 коп. с человека. От этого взноса освобождались молодухи, девушки и девочки. За мальчиков же, даже младенцев, надо было вносить деньги. Накрывали два стола: в красном углу для Пасхи и прадедов, другой в противоположном углу – для прабабушек. Зажигали свечу предков (атянь штатол), которая имела в каждом роду. Возле свечи клали шапку предков (атянь шапку), в которую клали в дар покойным деньги и яйца. Пасху и предков просили благословить присутствующих на хорошее житьё. После моления в одном доме обходили по порядку все родственные дома. Молодушки в каждом из них повязывали в дар покойным белые платочки на штатол. После окончания помино-

вения, перед закатом солнца выходили за околицу «проводить» предков. Вслед им стреляли из ружей, чтобы очистить их «путь» от чертей. Для умерших детей в сторону кладбища катили яйца¹.

В некоторых местах мужчины на Пасху собирались по родам и варили сообща пасхальное пиво (ине чинь пуре). На место празднования они приезжали обязательно на лошадях, пили пиво, обливали им лошадей, чтобы те были здоровыми и хорошо работали во время пахоты².

Есть сведения и о том, что мордва устраивала «встречи» и «проводы» Пасхи. В её роли выступала нарядно одетая девушка, которая появлялась с восточного края деревни. Девушки встречали её с ведром пуре, кланялись, называли посланницей Нишке паза. Вместе с ней они всю пасхальную неделю обходили дома, совершая обряд, напоминающий колядование. Девушки желали хозяевам здоровья, благополучия, большого урожая:

Паз максозо шумбра чи, чачозо сюрось	Дай вам бог здоровья, да уродится хлеб.
---	--

Хозяева угощали их, давали с собой яйца, иногда по 3-5 коп. денег. Родственницам давали копеек по 20, а самой близкой из них хозяйка дарила сюлгаму с лентой³.

В пасхальную неделю молодежь устраивала гулянья с песнями и подвижными играми. В с. Новый Казбулат Клявлинского района эти гулянья проходили на горе. А.Д. Рябова вспоминает, что одной из любимых пасхальных игр были догонялки (одинсе). Вначале выбирали водящего, который должен был во время игры поймать кого-то из игроков. Затем молодые люди брались за руки и по команде разбежались в разные стороны. Водящий бежал за одним из игроков, если ему удавалось поймать бегущего, то тот становился водящим⁴.

С праздником Пасхи у мордвы, как и у всех православных жителей губернии, был связан магический обряд, в советское время рассматриваемый в качестве забавы для людей всех возрастов – катание яиц. Оно начиналось в первый день Пасхи, после обеда, и продолжалось иногда всю неделю. Участники игр объединялись по полу, возрасту. Смотреть, как катают яйца, собирались практически все жители селения.

Так, в мокшанском селе Бахилово Ставропольского района на Пасху был крестный ход; вечером все жители села выходили на улицу, там компаниями катали яйца, гуляли. В катании яиц участвовала вся молодежь села. Играли по двое – каждый игрок ставил своё яйцо, пару яиц клали на землю близко друг к другу. Играющий выбивал яйца плоским мячом (топа – м.), сшитым из

¹ Евсевьев М.Е. Историко-этнографические исследования... Т. 5. С. 371.

² Harva U. Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952. S. 339.

³ Черновые записи М.Е. Евсевьева. Мордовские песни, обряды, обычаи записаны в с. Александровка и Бесовка Ставропольского у. Самарской губ. (1914–1915 гг.) // ЦГА РМ. Д. 46. Л. 36 об.

⁴ МЭЭ. 1997. Клявлинский район, с. Новый Казбулат (информант: Рябова А.Д. 1913 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

¹ Евсевьев М.Е. Историко-этнографические исследования // Избр. труды. Т. 5. Саранск, 1966. С. 366.

² Памятники мордовского народного музыкального искусства. Т. 3. Эрзянские приуроченные песни и плачи Заволжья. Саранск, 1988. С. 91.

ткани. В случае, если мяч не попадал в яйца, их забирал второй участник игры¹.

Способы игры были различными. В одних случаях её участники раскладывали яйца на земле под каким-нибудь бугорчком или с одной стороны специального лоточка. Затем они по очереди катили свое яйцо. Если катившееся яйцо ударялось о чье-нибудь из лежащих на земле, играющий брал это яйцо себе. Для игры пользовались тряпичным или скатанным из шерсти мячом (оска – э., топа – м.) (ил. 4.13), которым с определенного расстояния сбивали яйца, установленные в неглубокие лунки. Победителем становился тот, кому удавалось сбить больше яиц (их он забирал себе).

Ил. 4.13.
Мяч (оска) для катания яиц. Село Коноваловка Борского района, 1996. Фото С.А. Осьмачкиной

Исследователи единодушны в том, что катание яиц, несомненно, возникло не как забава, а как магический акт. Яйцо, символизовавшее зарождение новой жизни, соприкосновением с землей должно было пробудить её от зимнего сна, оплодотворить. Постепенно этот магический смысл обычая утрачивался, и уже к концу XIX в. катание яиц стало пасхальным развлечением преимущественно молодёжи, хотя иногда этим занимались и взрослые люди. Так, в с. Ерзовка Кинель-Черкасского района яйца катали дети и взрослые и в 1970-е гг.² (ил. 4.14).

«Провожали» Пасху всем селом. Она «уходила» на запад, то есть в противоположную сторону от своего появления. К этому событию варили много пива, которое распивали прямо на улице. При этом подбрасывали в воздух молодых парней. В Бугульминском уезде Самарской губернии Пасха «уходила» по полевой меже³. В с. Мордово-Аделяково Иса克林ского района во время проводов Пасхи ходили в лес на место бывших пчельников. Здесь существовал обычай на каждом конце села наряжать к этому событию ленточками, разноцветными лоскутками, бумажными цветами ветку дерева (андямо). С собой несли еду: пироги, лепешки, яйца. В лесу устраивали трапезу и веселились. Наряженные ветки оставляли на месте гулянья⁴.

¹ Ведерникова Т.И., Фокин П.П., Ягафова Е.А. Этнография Самарской Луки. Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Топонимика Самарской Луки. Самара, 1996. С.

² Ведерникова Т.И., Семочкина Г.В., Столяров П.Д., Черных Л.А. Край Кинель-Черкасский. Самара, 2019. С. 183.

³ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 3. Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981. С. 146-147.

⁴ МЭЭ. 1997. Иса克林ский район, с. Мордово-Аделяково (информанты: Бажутова В.Ф. 1923 г. р., Потапов И.И. 1911 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

Ил. 4.14.
Катание яиц на Пасху. Село Ерзовка Кинель-Черкасского района, 1970-е гг. Фото из школьного музея села Ерзовка

В с. Шелехметь Волжского района также устраивали обряд проводов Пасхи – в последний день Пасхальной недели шли до околицы, бросали монеты, после чего начиналось гулянье – гармонисты играли на саратовских гармошках, им за игру давали яйца, все участники шли по улице, пели песни¹.

Во время проводов Пасхи часто выполнялись обряды, связанные с огнём. Так, в с. Новые Сосны Клявлинского района молодежь спускала с гор горящие колеса. В с. Новый Казбулат этого же района изготавливали факелы – накручивали на палки паклю или вату, привязывали веники, поджигали их и бегали с ними вокруг села². Многие исследователи связывают эти ритуальные огни с солярным культом, они являлись олицетворением света, тепла и солнца, поэтому и зажигались в даты солнечного календаря: зимнего и летнего солнцеворота, весеннего и осеннего равноденствия, а также в начале Нового года. Возможно, что до христианизации мордва отмечала Великий день именно в день весеннего равноденствия, который у многих народов считался и наступлением Нового года. В это время начинало сильнее греть солнце, несшее благодатное тепло, расцветала природа, начинался сев. Недаром же мордва раньше молилась в этот праздник своему верховному богу Шкаю или Вере пазу, которого нижегородская мордва называла еще Чи пазом, то есть солнечным богом. Ведь и Пасху в песнях и молитвах величали дочерью и посланницей Вере пазу. Как и солнце, она «приходила» с востока и «уходила» на запад. Огню приписывалась и продуцирующая сила, влияющая, в частности, на урожай. Огонь также был и очищающей силой. Предполагалось, что он может уничтожить всякое зло, поэтому его зажигали перед

¹ МЭЭ. 1995. Волжский район, с. Шелехметь (информант: Некрасова К.П. 1924 г. р.) // Личный архив Т.И. Ведерниковой.

² МЭЭ. 1996. Клявлинский район, с. Новые Сосны (информант: Паркаева А.В. 1937 г. р.); МЭЭ. 1997. Клявлинский район, с. Новый Казбулат (информант: Рябова А.Д. 1913 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

началом каких-то важных событий. А так как Пасху обычно праздновали перед началом посевных работ, то естественно, что люди стремились обезопасить себя, скот, поля от всяких несчастий.

И сейчас в мордовских селениях продолжают праздновать Пасху. Обязательно красят яйца, их ходят собирать в основном дети. В этот день крестники по обычаю ходят навещать своих крестных родителей, дарят им подарки. А крестные, в свою очередь, одаривают пришедших. Раньше подобные посещения совершали женщины, которые приносили подарки повитухе, принимавшей у них роды. Во время пасхальных праздников также обязательно ходят семьями на кладбище, поминать умерших.

Особенно насыщены обрядами были дни перед началом сева, когда устраивали «кереть озкс» – моление плуга. Готовились к нему обстоятельно: на общественные деньги покупали быка, выбранные женщины варили пиво. В назначенный день празднично одетые жители собирались на околицу села. В чашках несли хлеб, пироги, яйца. Старики резали быка и варили в большом котле мясо. Жертвенных животных в большинстве случаев приобретали на общинные средства, но иногда крестьяне по очереди выделяли их из своего хозяйства. Жертва должна была быть определенного цвета. По сведениям М. Гребнева, мордва Самарской губернии жертвовала покровителям земли Мастор аве и Мастор пазу белого быка¹.

Каждый хозяин подходил с чашкой к котлу и получал свою долю. Перед началом трапезы один из стариков обращался к богу с просьбой дать хороший урожай, благодатную погоду, сохранить посевы от зноя и слякоти. После этого все приступали к угощению. После обеда назначали день сева и выбирали трудолюбивого, доброго, честного, с «легкой» рукой человека, который должен был выехать первым.

Наряду с общественным молением началу сева посвящались семейные и родовые озксы. Вечером все члены семьи запирались в избе, хозяин зажигал свечу и клал под образами горсть зёрен из предназначенных для сева. Затем он усердно молился об успешном севе, просил богов уродить хлеб не только для себя, но и на долю нищих и безродных стариков. В доме предварительно затыкались все щели, отверстия, труба в печи, чтобы не могла уйти нисшедшая от молитвы на зерна благодать. Намоленные семена хозяин брал с собой в карман вместе с лепешкой, куском мяса и яйцом. Все это он зарывал на загоне. Этот обряд назывался «бросить семенную горсть» (каямс видьме коморо – э.). Благоприятными днями для его совершения считались вторник и четверг. После этого можно было начинать сеять в любое время². Иногда моления и жертвоприношения покровителям поля и урожая проводились перед началом сева каждого вида зерновых культур.

В жертву божествам приносили хлеб, пироги, блины, гуся или курицу (кости, ноги и голову которых зарывали на посевном поле). Обязательными приношениями были также яйца, воплощавшие идею плодородия земли. Их зарывали около межи, чтобы зёрна выросли такой же величины. Яйца закапывали в землю и перед посадкой огородных культур, чтобы был обильный урожай¹. В день сева соблюдалось множество запретов, которые должны были обеспечить богатый урожай: съезжая со двора, по мере возможности старались не оглядываться, не возвращаться назад, избегать встреч со скупым человеком, никому не давать ничего взаймы.

После окончания сева мордва совершала ряд молений для обеспечения благоприятной погоды, хорошего урожая, здоровья людям и скоту, благополучия в хозяйстве. Эти моления проводились как всей общиной (велень озкс – э.), так и отдельными группами мужчин (атянь озкс – э.) и женщин (бабань озкс или бабань каша – э.). Они проводились у водного источника: реки, ручья или колодца, а также у почитаемых деревьев. Например, в с. Торновое Волжского района девушки после окончания сева устраивали моление (стирь озкс – м.) у священной ивы. Здесь девушки просили богов о счастливом замужестве, о том, чтобы свекор и свекровь хорошо к ним относились, чтобы у них было много детей и др.². Жители с. Старая Бинарадка Красноярского района до настоящего времени считают сакральным местом (Репештя) у пруда, где ранее пожилыми женщинами проводилось моление (Баба озкс)³.

Самым главным было общесельское моление: велень озкс или велень пуре (ил. 4.15). Оно могло проводиться как на троицкой неделе, так и после нее – вплоть до Петрова дня. К нему тщательно готовились.

Ил. 4.15.
Общественное
моление. Село Старые
Сосны Клявлинского
района.
Фото из фондов музея
села Старые Сосны

¹ МЭЭ. 1987. Оренбургская обл. Тоцкий район, с. Большие Ремезенки (быв. Бузулукский у. Самарской губ.) (информант: Шатькина А.Р. 1919 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

² МЭЭ. 1984. Волжский район, с. Торновое (информант: Вельмина А.В. 1911 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

³ МЭЭ. 1996. Красноярский район, с. Старая Бинарадка (информант: Борисова О.П. 1927 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

¹ Гребнев М. Мордва Самарской губернии. Историко-этнографический очерк // СЕВ. 1887. № 2. С. 3.

² Черновые записи М.Е. Евсевьева, с. Подлесная Шентала Самарской губ. (1912–1915 гг.) // ЦГА РМ. Д. 42. Л. 5.

Для обряда готовили большое количество разнообразной еды: «Некоторые богатые мордвины... в продолжение праздника расходуют 10 одних баранов, не говоря о гусях, курах, пиве и прочем»¹. Пива (пуре – э.) варили от 200 до 400 ведер, приносили его на место моления, причем делали это обязательно мужчины.

Обрядовую пищу готовили в больших котлах, позже – чугунах, используемых лишь во время молянов. Их тщательно хранили; часто при переселении на новые места брали с собой. Жители с. Старое Вечканово Иса克林ского района помнят, что в подобных же котлах готовили пищу на престольные праздники еще в 1920–1930-х гг.²

Обычно сельское моление длилось три дня. В первые два дня молились верховному богу и покровителям различных природных стихий, а на третий день устраивали «солдат озкс», где просили здоровья и легкой службы для солдат. Люди не расходились до позднего вечера, старшие пили пиво, а молодежь заводила игры. Во время молений совершали ряд магических действий: обливание участников водой, чтобы вызвать дождь; подбрасывание вверх яиц, чтобы зерно было с яичный желток.

Повсеместно проводилось женское моление (бабань озкс), в котором участвовали и дети. Основным ритуальным блюдом на нём была каша, отсюда и другое его название – «бабань каша». Это блюдо, как и другие продукты, отличающиеся множественностью (орехи, бобы, зерна злаков) была олицетворением изобилия. Если на другие моления кашу обычно приносили уже сваренной, то здесь её готовили на месте. Причём для усиления магического воздействия, часто её делали из зёрен разных злаков. Возможно, что это было отголоском древнего обычая приготовления панспермии – каши из всех злаковых и бобовых культур, которые выращивали в конкретной местности. Ей приписывалась большая магическая сила, которую, якобы, обеспечивала именно такая смесь. Обрядовую кашу в качестве жертвы богам зарывали в землю, бросали в воду, клали в дупло или вешали в лукошке на священные деревья. Считалось, что чем выше подвесить лукошко, тем выше вырастут хлеба. Ритуальную кашу относили домой. Она, по словам И. Белореченского, «служила бы им полезной вещью перед началом всякого дела и даже в болезнях»³. Кашей кормили семью и домашний скот, чтобы обеспечить им здоровье и плодовитость, кидали на загон перед началом сева, рыбаки перед началом ловли бросали её в воду, звероловы и птицеловы кормили ею собак. Таким образом, путем контакта старались передать зерну и земле плодородную силу.

Во время «бабань озкс» иногда варили и салму, которая также была множественным продуктом. Над ней молились о размножении овец: «Сколько клецок в миске, пусть настолько же прибавят в поголовье серые овцы!»¹. Как и на других молениях, приносили в жертву животных, в основном забивали овцу, а также несколько кур и петухов. Они предназначались различным божествам: черная курица – богине земли, желтая – богине урожая, пестрая – богине ветра, белая – богине воды, красный петух – богине огня².

После окончания моления женщины шли на поле, где просили верховного бога не пускать на посевы своих «птиц», под которыми имелась в виду саранча. Жительница с. Большие Ремезенки Тоцкого района Оренбургской области (быв. Бузулукский уезд Самарской губернии) Н.В. Трофимова вспоминала, что участницы этого обряда снимали пояс, распускали волосы и бегали по полю с криками: «Уходи, саранча! Уходи!», «изгоняя» таким образом вредителей³.

С течением времени под влиянием христианства функции этих молений, проводившихся после окончания посевных работ: обеспечение дождей, здоровья людям и скоту, охрана посевов, перешли к обрядовому обходу полей (паксянь кругом велявтома, паксянь кружама, гранева якамо). В этом обходе участвовали все члены общины: дети, молодежь, взрослые, старики, а также священнослужители. Он обычно начинался у церкви, а в тех селениях, где её не было – у кладбища. У водного источника (реки, ручья, родника) совершали молебен о благоприятной погоде, обильном урожае. После этого все обедали. Как и на дохристианских молениях, всех участников шествия обливали водой, чтобы не было засухи. Тех, кто сопротивлялся, бросали в воду. Бочки с водой привозили и в деревню, чтобы обрызгать животных, а также людей, которые не смогли принять участие в молении⁴.

Кульминацией всей весенне-летней обрядности был праздник Троицы, впитавший прежние дохристианские обычаи, связанные с почитанием растительности, которая в это время распускалась и цвела.

Зеленью и цветами во время летних праздников украшали дома, улицы, церкви. Девушки во время всей троицкой недели ходили на гулянья в венках из листьев, цветов или просто втыкали цветы в волосы над ушами и вплетали их в косу. Центральным культовым объектом троицкого цикла была украшенная березка, вокруг которой развивались основные события. За березкой ходили девушки накануне или рано утром в день Троицы. Часто руководительницы девичьей группы одевались в мужскую одежду, как это было принято, например, у эрзян с. Павлушкино Бугурус-

¹ Harva U. Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952. S. 285.

² Черновые записи М.Е. Евсеева с. Подлесная Шентала Самарской губ. (1912–1915 гг.) // ЦГА РМ. Д. 42. Л. 10.

³ МЭЭ. 1987. Оренбургская обл. Тоцкий район, с. Большие Ремезенки (информант: Трофимова Н.В. 1923 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

⁴ Корнишина Г.А. Традиционные формы коллективного общения мордвы Самарского края // Самарская область. Этнос и культура. 1997. № 1. С. 9.

¹ Белореченский И. Исторический очерк села Лобаз Бузулукского уезда // СЕВ. 1874. № 12. С. 279.

² МЭЭ. 1984. Иса克林ский район, с. Старое Вечканово (информанты: Астафьев Ф.Г. 1910 г. р., Земляков И.В. 1914 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

³ Белореченский И. Исторический очерк села Лобаз... С. 280.

ланского уезда Самарской губернии (ныне Бугурусланского района Оренбургской области)¹.

Троицкую березку украшали платками, лентами, разноцветными лоскутками. В с. Большой Толкай Похвистневского района этот наряд назывался «фатат»². В песнях березку называли «летним днём» (кизэнь чи – э.), который девушки «приводили» в деревню. Перед этим её несколько раз окунали в реку, при этом просили богиню воды:

Ты, Ведь ава, матушка наша,
Ой, Ведь ава, кормилица...
Сполосни ты наш летний день (березку. – Г.К.),
Ты вымой, протри красивый день.
Пусть он будет, словно серебро белым,
Пусть он будет, словно золото прекрасным!³

Затем березку проносили по всему селу.

По воспоминаниям жителей мокшанских селений на Самарской Луке, Троицу праздновали широко, несколько дней, устраивая общественные моления. Так, старожилы с. Торное Волжского района указывают на место на входе из с. Рождествено, около старого вяза. Там в Троицу резали быка, купленного вскладчину, варили суп и кашу. На горе ставили столы, там ели, пили хмельное пиво, гуляли. Перед едой старушка, знающая молитвы, обращалась к Богу с просьбами об урожае⁴.

В с. Шелехметь Волжского района Троицу праздновали 3 дня, после Семика, начиная с пятницы. В первый день парни купали девчат в воде, они прятались в нижних рубашках, ребята их находили и силой толкали в воду. На второй день («родительская» суббота) ходили на могилы, около кладбища резали курицу, варили её только девушки, ворожили, пили сваренное пиво. Остальные участники обряда рядом с кладбищем варили в больших котлах молочный суп с яйцами, крошили туда кусочки хлеба, получалась тюрка, её ели ложками.

На третий день (в сам праздник Троицы) выбирали для общественного гулянья площадку; в селе было три таких места. В широких проулках ставили скамейки, столы, перед домами устанавливали берёзы, вкапывая их в землю. Накануне девушки варили пиво, которым на празднике всех угощали. Молодёжь наряжалась в барина и барыню, танцевали «Барыню». Музыкальным сопровождением танцев была игра на струнных инструментах – мандалинах и балалайках⁵.

На фотографиях А.О. Вайсянена 1914 г. в сёлах Вечканово (ныне Исаклинского района) и Мордовский Бугуруслан (ныне Бугурусланского района Оренбургской области) зафиксированы сюжеты, связанные с музыкальной культурой мордвы (ил. 4.16–4.20).

Ил. 4.16.
Скрипач.
Село Вечканово (ныне
Исаклинского района),
1914.
Фото А.О. Вайсянена

Ил. 4.17.
Юноша, играющий
на рожке.
Село Мордовский
Бугуруслан
(ныне Бугурусланского
района Оренбургской
области), 1914.
Фото А.О. Вайсянена

Ил. 4.18.
Мальчик учится играть.
Село Вечканово (ныне
Исаклинского района),
1914.
Фото А.О. Вайсянена

Ил. 4.19.
Участники
фольклорного
ансамбля Охруша,
Прошка и Охима.
Село Вечканово (ныне
Исаклинского района),
1914.
Фото А.О. Вайсянена

В течение всей троицкой недели мордвой проводились общественные гулянья: хороводы, игры, спортивные соревнования. Местами их проведения были сельские улицы, луга, лесные поляны, горы. Так, в с. Багана Шенталинского района праздничное массовое гулянье на Троицу происходило около леса, растущего на горе. В с. Новый Маклауш Клявлинского района основные гулянья проходили на горе Томбалькс, где находились большие качели, такая же ситуация наблюдалась и в с. Алёшкино Похвистневского района. В с. Ерзовка Кинель-Черкасского района гуляли на улице под окнами домов (ил. 4.21).

¹ Устно-поэтическое творчество мордовского народа... Т. 7, ч. 3. С. 150.

² МЭЭ. 1998. Похвистневский район, с. Большой Толкай (информанты: Кечаев М.И. 1918 г. р., Кечаева Е.Ф. 1921 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

³ Устно-поэтическое творчество мордовского народа... Т. 7, ч. 3. С. 153.

⁴ МЭЭ. 1995. Волжский район, с. Торное (информант: Пензина У.С. 1918 г. р.) // Личный архив Т.И. Ведерниковой.

⁵ МЭЭ. 1995. Волжский район, с. Шелехметь (информант: Некрасова К.П. 1924 г. р.) // Личный архив Т.И. Ведерниковой.

Нужно отметить, что нередко были троицкие гулянья, в которых принимали участие люди разных национальностей. Например, в мордовско-чувашском селе Тимяшево Шенталинского района мордва и чуваша во время Троицы приходили смотреть на хороводы друг друга. Если зрители знали слова песен, то нередко и сами становились участниками праздника. Совместно справляли Троицу мордва и русские с. Сенькино Шенталинского района и т. д.

Ил. 4.20.
Певчие Макар Охов
и Игнат Зорин.
Село Вечканово
(ныне Иса克林ского
района), 1914.
Фото А.О. Ваясьянена

В д. Грачёвка Кошкинского района еще в 1950–60-е гг. на троицкой неделе бытовали женские собрания (аштема ков – э.). Прямо на улице строили балаган: на жердевой каркас натягивали ткань. Женщины с вязанием, вышиванием, шитьем собирались там, пели песни и ночевали прямо в балагане¹.

Ил. 4.21.
Троица. Село Ерзовка
Кинель-Черкасского
района.
Фото из школьного
музея села Ерзовка

В народной традиции вся следующая за Троицей неделя связывается с проходами весны и встречей лета. Этот обряд перехода времён года принято называть «похоронами» весны. Во всех мордовских селениях устраивался прежде, нередко проводится и сейчас, традиционный массовый карнавал – проводы весны (Тундонь ильтямо – э.). Для него опять же наряжали березку, которую несли

впереди праздничной процессии. В некоторых селениях березку наряжали на каждой улице. В д. Шелехметь Волжского района берёзку носили по всем улицам, после шли на берег Воложки, кидали берёзку в воду¹.

В праздничном шествии нередко принимали участие ряженые: «жених» и «невеста», «дед» и «бабка», «медведи», «лошади». Костюмы обрядовых персонажей дополнялись зелеными ветвями и травой. Например, в райцентре Клявлино до недавнего времени сохранялся обычай участия в данной церемонии ряженых, изображающих медведей (овто – э.). И сам обряд здесь носит название «День проводов медведей» («Овтонь ильтямо чи» – э.). «Медведи» надевают на себя вывернутые мехом наружу шубы, шапки, а вокруг пояса развешивают различную зелень, в том числе и побеги крапивы. В руках ряженые также держали крапиву, которой по ходу процессии стремились ударить каждого из присутствующих, особенно детей². Подобные персонажи, в costume которых присутствовала растительность, в том числе и крапива, были известны и в других регионах проживания мордвы. Обычно это были женские фигуры: Цветочная и Конопляная молодухи, Крапивная сношенька и др. Участники праздничного шествия в Ельниковском районе Республики Мордовия стремились обязательно прикоснуться к чучелам, изготовленным из крапивы³. Возможно, таким способом люди пытались обрести здоровье, заключенное в лечебных свойствах жгучего растения.

Навстречу ряженным выносили угощение, обычно пиво. За это ряженые должны были петь и плясать или разыгрывать сценки, которые часто имитировали трудовые процессы. Например, «дед» плел лапти, а «бабка» пряла. Ряженые также обливали зрителей вином или пивом. Заканчивался обряд проводов весны обычно на хлебном поле или у речки. Здесь ломали березку и разбрасывали ее ветви по полю или топили в речке, стремясь таким образом передать земле и воде живительную силу растения.

В развитии троицкой обрядности мордвы-мокши Самарской Луки к началу XX в. видна тенденция сближения с русской традицией. Так, в с. Бахилово Ставропольского района старожилы признают, что Троица в довоенный период праздновалась «по-русски»: молодёжь собиралась на улицах; на столбах привязывали качели, гуляли, ходили на Волгу, плели венки из цветов или прутьев берёзы, пускали их на воду. По венкам гадали: «утонет – к смерти, поплывёт – долго жить будешь»⁴.

В с. Торновое Волжского района весну провожали три дня после Троицы. В первый из них из бревна делали «чучело» в образе мужчины. На второй день наряжали его в новый костюм, купленный

¹ Корнишина Г.А. Традиционные формы коллективного общения мордвы... С. 9.

² МЭЭ. 1995. Волжский район, с. Шелехметь (информант: Некрасова К.П. 1924 г. р.) // Личный архив Т.И. Ведерниковой.
³ Корнишина Г.А. Традиционно-обрядовая культура в системе мордовского этноса. Berlin: Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. С. 332.

⁴ Брыжинский В.С. Народный театр мордвы. Саранск, 1985. С. 87.

⁵ МЭЭ. 1995. Волжский район, с. Бахилово (информант: Равкина М.Г. 1915 г. р.) // Личный архив Т.И. Ведерниковой.

вскладчину, – рубашку, штаны, кепку, украшенную цветами. Несли его на перевёрнутой скамейке, ходили с ним по селу, шли к воде, там бросали. В обряде похорон «чучела» усматриваются параллели с русскими обрядами «похорон» весны, распространёнными на Самарской Луке, или с «похоронами чехони», устраиваемыми в соседнем с. Рождествено Волжского района¹.

Обряды проводов весны носили имитативный характер. Художественные образы весны в мифологическом народном сознании связывались с биологическим существом, от которого зависело рождение плода, но выращиванием (воспитанием) его (условно) занималось лето.

В начале лета проводились обряды, которые должны были обеспечить сохранность посевов. Так, между Троицей и Петровым днем пожилые женщины совершали моление на грани, на меже (грань озкс – э.). Зафиксированный И.С. Поздяевым в 1920-х гг. этот молян совершался жителями села ежегодно и только пожилыми женщинами. По мнению исследователя, обряд «имеет доисторическое прошлое, связан с эпохой матриархального быта, когда женщина, в силу своего положения была прикована к оседлости, была главной хозяйкой и занималась земледелием, когда от урожая хлеба зависела судьба и жизнь мордовского населения. Нет ничего удивительного, что этот молян впоследствии вошел в языческий культ мордвы. Его элементы сохранились до сего времени и влились в христианский культ, исповедуемый мордвой»².

Моление это устраивалось по православному календарю, обычно после Троицы, за несколько дней до Петрова поста. Молян посвящался богам: грани (Грань паз, Грань ава), земли (Модань паз, Мода ава). «На моляне молились и другим богам, от которых зависит, по верованиям языческой мордвы, урожайность хлебов. Силою моляна предполагалось вымолить и взять обратно на свои поля ушедших через грань в соседнее поле Модань паза и Мода аву, с даруемым ими плодородием. А ушли они на соседнее поле, прогнавшись на невнимание к ним со стороны хозяев их земли. По языческим воззрениям мордвы, разгневанного и ушедшего бога и богиню можно вернуть, для этого нужно совершить им молян и угостить их едой, вином, медовым квасом и др. напитками, когда зазеленеют поля и от озимых, и от яровых хлебов.

По языческим воззрениям Грань паз и Грань ава находились у грани и стерегли свои поля от злых духов, могущих перейти с соседних полей. А также оберегали Модань паза и Мода аву, чтобы последние не уходили за пределы своего поля и не лишали обладателей своего поля урожайности».

Молян «Грань озкс» совершался ежегодно следующим образом (текст редактирован): «В условленный день старухи всего

села делали приготовления к моляну: готовили разную еду, пекли лепешки, пироги, варили брагу, пуре (медовый квас), покупали вина, резали поросёнка, курицу. Готовили говядину, пекли яйца и их красили. И вот в условный день все это съестное в приготовленном виде старухи накладывали в кузовочки, вешали себе на плечи и пешком отправлялись на грань, к месту моляна. Здесь старухи расставляли принесенные с собой кушанья в ряд и готовили молян. Зажигали «штатол» – самодельную священную восковую свечу, которая была приготовлена только для этого рода моляна (каждый род молянов имел свой штатол).

Для чтения молитвы тут же выбиралась одна из старух, которая была в почете у всех и знала молитвы. Все вставали на колени лицом к востоку, впереди всех становилась старуха, выбранная читать молитву. Начиная молян. Все присутствующие про себя повторяли читаемые слова, приклоняясь к земле, зывая к небу и глядя на соседнее поле, куда, по их мнению, ушли Модань паз и Мода ава:

Пащанготь, Пащанготь, Пащанготь, Вере паз, Моданьпаз, Моданьава, Грань паз, грань ава, Мекс минек суронок а чачи? Мейс нолдынк Модань мелтенек тов? Мейс нолдынк Мода аванок тов?	Всевышний и великий бог, Верхний небесный бог, Бог земли, богиня земли, Бог грани, богиня грани, Почему у нас хлеб не родился? Почему вы отпустили из нашей земли плодородие? Почему отпустили богиню земли туда?
Мейс нолдынк Модань пазонек тов? Нать тенк эзь ванстовт? Нать тенк эзь кирдевь? Эли мейсэяк минь покордыдизь? Эли мейсэяк минь досадидизь?	Почему отпустили бога земли туда? Разве вы не сумели укараулить? Разве вы не сумели задержать? Или чем-либо мы вас оскорбили? Или чем-либо мы вас раздосадовали?
Грань паз, Грань ава Тангак Вере паз, Лездыда тенек саемс тосто	Бог грани, богиня грани И ты, Верхний – небесный бог, Помогите нам взять оттуда обратно
Модань пазонек, Мода аванок, Велявтомс мекев модань мелтенек.	Наших бога земли и богиню земли, Вернуть обратно к себе плодородие.

По окончании этой молитвы ведущая старуха, держа в одной руке штатол, а в другой кузовок для бога и богини Земли, а за нею и все прочие на коленях пятились назад. Дойдя до границы, переходили ее, двигаясь на несколько саженей внутри поля соседнего

¹ МЭЭ. 1995. Волжский район, с. Торное (информант: Пензина У.С. 1918 г. р.) // Личный архив Т.И. Ведерниковой.

² Поздяев И.С. Из материалов комиссии по изучению нацменьшинств. Древние обряды самарской мордвы // Известия СГУ. Вып. 5. 1928. С. 13-18; То же // Классика Самарского краеведения: антология. Вып. 5. «Золотое десятилетие» самарского краеведения / под науч. ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара, 2008. С. 200-205.

села (все время продолжая быть на коленях и пятиться). Остановившись, старуха начинала читать молитву:

Мода ава, Мода паз, Мейс туиди эсинек масторсто?	Богиня земли, бог земли, Почему ушли из своих владений?
---	--

После этих слов, по-прежнему стоя на коленях, в кузовок накладывали землю. Старуха продолжала читать молитву:

Мода, бояр-ава, Мода, азор-ава, Мода, бояр-атя, Мода, азор-атя, Сайдядызь эзь модазонок...	Госпожа, богиня земли, Хозяйка, богиня земли, Господин, бог земли, Хозяин, бог земли, Возьмем вас на землю...
--	---

После с наполненным землёй кузовком и с горящим штатолом в руках все присутствующие на коленях ползли через границу, лицом к своему полю, к месту моляна. Здесь кузовок и штатол клали на ранее подготовленное место. Все вставали и начинали плясать, хлопать в ладоши, бегать, восторгаться, выкрикивая первые слова предстоящего моляна:

Слав бог, слав бог, Мода аванть саиник, Мода пазонть саиник, Сюро мельткенть туиник.	Слава богу, слава богу, Богиню земли взяли, Бога земли взяли, Плодородие земле вернули.
---	--

Все приходили в неопишуемый восторг. Когда этим восторгом старухи доведут себя до полуизнеможения, продолжали молян. Часть принесенной земли зарывали в ямку, а часть разбрасывали вокруг мольбища и приступали к угощениям богов. Устраивали стол, покрывая землю белой скатертью, расставляя на ней всё принесенное из съестного и питьевого. Все опять становились на колени вокруг устроенного стола, и старуха читала молитву. Также брали брагу, вино, пуре и брызгали ими против ветра Варма пазу (бог ветра) и Варма аве (богине ветра). После совершения этих молитв все рассаживались вокруг стола, и начиналось кормление. Когда съедали и выпивали всё принесённое с собой, шли домой – до околицы села все вместе, а с околицы расходились»¹.

Большим праздником у самарской мордвы считался Петров день. С ним связано начало сенокоса, сбора целебных трав. К Петрову дню качали мёд. В 2004 г. в этот день участников экспедиции – студентов СГИК – в с. Старый Маклауш Клявлинского района огурцами с мёдом угощали сельские жители, в их числе – местный краевед В.К. Радаев (ил. 4.22).

Ил. 4.22.
Петров день.
Село Старый Маклауш
Клявлинского района,
2004

В культурных практиках существовали и так называемые окказиальные обряды, которые были призваны противодействовать засухе или тяжёлой болезни (эпидемии). Среди таких – описанное И.С. Поздьяевым тяжелое моление по случаю появления холеры или другой повальной болезни (Ломанинь стака мор озкс – э.)¹.

Согласно описанию (текст отредактирован), «в этом молении участвовали старики и старухи, вдовы и девицы. Замужние женщины, девицы и вдовы, имеющие половое сожителство или только заподозренные в нём, на молян не допускались. Да они и сами не шли. Не допускались также и те женщины и девицы, которые в жизни хоть раз были заподозрены в воровстве или краже.

Это моление делалось тайно, секретно от мужчин, обычно в глухую ночь, а также и приготовления к нему велись тайно. При первых слухах о появлении моровой болезни в своей деревне или в окрестных, несколько стариков и старух устраивали совещание старейшин, назначали время моляна и распределяли все приготовления. После чего приглашали сельского старосту (прывта) и ему поручали секретно известить персонально всех участников обряда о месте и времени моляна.

В ночное время старики и старухи, когда молодежь уже укладывалась спать, собирались в ранее назначенном доме, готовили молян. Если кто увидит и услышит что-либо об этом моляне, другим говорить не должен, иначе он не удастся: бог разгневется на деревню, и, в первую очередь, на рассказавшего, болезни тогда уже не остановить. Молитву читать выбиралась старуха. Все молились, стоя на коленях, повторяя за старухой слова и жесты, делая зем-

¹ Примечание И.С. Поздьяева: «Этот молян мной записан со слов граж. Пелагеи Максимовны Кузнецовой, 55 лет, неграмотная (она в детстве участвовала в приготовлениях на молян), в дер. Ново-Домосемейкине, Секретарской волости Бугурусланского уезда Самарской губернии. Молян не совершают, по ее словам, вот уже около 30 лет».

¹ Примечание И.С. Поздьяева: «В селе Секретарке Бугурусланского уезда, где записан этот молян в 1927 г., он совершался еще и при наличии церкви и штатного священника, примерно лет до 7-8 после открытия прихода. Только, значит, после 7-8 летней работы священнику удалось запретить совершение этого моляна. Таким образом, он не совершается уже около 40-50 лет. Местами этот молян совершался и в более поздние времена».

ные поклоны, взывая к небу, взирая и на штатол. Свечу зажигали, и изба окурилась богородской травой (цапор тикшесэ).

По окончании молитвы в эту же ночь с места моляна все шли на околицу. Брали заранее приготовленную соху, чтобы опахать вокруг села борозду. К этому времени на околице их ожидали заранее названные женщины, вдовы, старухи, девицы и девчонки. Здесь устраивали молян и делали приготовления к пропашке борозды: на концы обеих оглобель приделывали и зажигали штатолы, в горшочке разжигали жар, клали на жар богородскую траву и ладан, зажигали ещё один штатол. Когда все это было готово, на девочку лет 12-13 надевали хомут, которая могла его нести на своих плечах. Её впрягали в соху, по обеим сторонам сохи за оглобли впрягались ещё по несколько женщин и старух. Впереди сохи, с горнушкой – горшком с горящими углями, издающими запах от богородской травы, и со штатолом в руках становилась старушка.

За ручки сохи бралась одна из крепких женщин. Когда все это было готово, впереди стоящая со штатолом и горнушкой старушка трогалась с места, шла по околице и вокруг села. За ней шли впрягшиеся в соху, пропахивая борозду. Остальные женщины шли позади сохи, одна из них протягивала по борозде сырую нитку (верек суре – э.), обязательно спряденную девочкой. В случае отсутствия такой нитки брали другую (мекев юты суре – э.), которая по своей толщине или неровности не вмещается в ткацкие бёрда.

Процессия на каждом участке околицы останавливалась и устраивала молян. Посредине околицы из протягиваемой нитки завязывался узелок и зарывался в борозду. По принятии мордвой христианства, процессия на каждой околице делала сохой пропашной крест, и узелок завязывался уже в центре пропашного креста (теильть сьюлмо – э.), сюда клали медный грош или копейку, как это делалось и до принятия христианства.

Когда борозду вокруг села провели, процессия приходила к месту начала моляна. Здесь ещё раз делали пропашной крест и завершали обряд. Все становились на колени, старуха читала молитву, после она обращалась ко всем присутствующим со словами: «Больше молиться не о чем, скажите пащанготь, да пойдёмте по домам» («больчи уш озкомс амезьди, пащанготь мереди, да адядо» – э.).

Курицу, квас, блины, яйца, лепешки, брагу и прочие съедобные припасы оставляли на околице, где начинали и заканчивали молян, в жертву богам. Причем, для богов оставлялись и деньги, по несколько копеек, примерно до 20-30. По окончании моления соху, хомут и прочее относили на прежние места, и моленная процессия отправлялась на общественный погост, где тоже устраивался молян на могиле первого похороненного здесь человека, обычно имя его передавалось из поколения в поколение. Все участники под руководством старухи, стоя на коленях, обращались в молитве к покойникам, предкам.

По окончании моления на погосте все расходились по домам. По представлениям языческой мордвы, носительница моровой болезни имела подобие человека, по внешности очень страшная и некрасивая. Рассказывали, что многие во время моровых болезней её видели. После того, как уже была пропахана борозда, протянута с узелками нитка и соблюдены все другие церемонии, носительница моровой болезни пройти через эти ограждения не могла¹.

Во время засухи устраивались специальные моления о дожде (пиземе озкс – э.), которые кое-где еще продолжают бытовать и сейчас. Обычно проводилось оно у родника, реки, озера и т. д. Как уже отмечалось выше, женщины с. Старая Бинарадка Красноярского района подобный обряд совершали у пруда Баба озкс. Жительницы сел Коноваловка и Захаровка Борского района молились о дожде у колодца Бабань лисьма, который находится недалеко от селения, в лесу². В с. Большая Ёга Похвистневского района в таких случаях поднимались на гору Шихан Пандо, к родникам и озеру. При этом русские респонденты подчеркивали, что «мы (русские) пойдём, никакого дождя не случается. Тогда просим мордву, даем деньги, продукты; после их молений дождь обязательно выпадает»³.

Молельное место шелехметской мордвы-мокши вспоминают и показывают современные жители, оно находится между сёлами Шелехметь и Новинки, среди диких яблонь. Знойным летом 1995 г. пожилые женщины под руководством бабы Вари «горбатой» на том месте устроили общественное «моление дождя». Часа через 2-3 дождь действительно пошёл⁴.

Современные обряды вызывания дождя характеризуются тем, что молитвы обращены главным образом к христианским святым (хотя обязательно упоминают в молитве Ведь аву), используют атрибуты православного культа (иконы, лампы). Вместе с тем часто, после моления, его участники обливают друг друга водой, а в дар Ведь аве бросают в воду куски еды (хлеб, кашу, яйца).

Обряд вызывания дождя был тесно связан с культом предков. Существовала вера в то, что умершие могут оказать содействие в ниспослании дождя. Поэтому пиземе озкс (э.) часто совершался на кладбище. Например, в сёлах Благодаровка, Немчанка и Коноваловка Борского района такие моления на кладбище проводили ночью при свечах, причем молились у самых старых захоронений⁵. Часто после моления могилы обильно поливали водой, которую специально привозили с собой в бочках. Подобный обычай соблюдался в сёлах Новые Сосны Клявлинского района и Старая Бина-

¹ Поздяев И.С. Указ соч.

² МЭЭ. 1996. Борский район, с. Захаровка (информант: Исаева Е.А. 1907 г. р.), с. Коноваловка (информант: Есипова М.М. 1917 г. р.) // Личный архив Т.И. Ведерниковой.

³ МЭЭ. 1998. Похвистневский район, с. Большая Ёга (информант: Нечаева Н.Н. 1922 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной; МЭЭ. 1999. Похвистневский район, с. Большая Ёга (информант: Николаева Д.Т. 1925 г. р.) // Личный архив Т.И. Ведерниковой.

⁴ МЭЭ. 1995. Волжский район, с. Шелехметь (информант: Некрасова К.П. 1924 г. р.) // Личный архив Т.И. Ведерниковой.

⁵ Ведерникова Т.И. Обряд вызывания дождя: национальные традиции населения Самарской области // Взаимодействия человека и природы на границе Европы и Азии. Самара, 1996. С. 152.

радка Красноярского района вплоть до конца XX в. Только могилы не поливали, а просто обрызгивали водой, обходя всё кладбище¹.

Мордва-эрзя сёл Коноваловка и Захаровка Борского района в 1920–1930-е гг. обряды вызывания дождя, как указывалось выше, начинали от родника Бабань-лисьма, там брали воду, шли «по хлебам», ветками зелёного орешника окропляли поля. Обязательно заходили на старое кладбище. В 1921 г. там стоял единственный крест; около него молились предкам. В этом обряде участвовал и православный священник; молитвы были обращены главным образом к христианским святым, использовались атрибуты православного культа (иконы и лампы)².

В весенне-летний период возрастала обрядовая роль девушек и женщин, которые являлись олицетворением плодоносящих сил. Причем весной главенствующее место занимали девушки, подчеркивающие своей молодостью и красотой пробуждающиеся силы природы. А поздней весной и в начале лета основные обрядовые функции переходили к замужним женщинам. Именно в это время, от конца сева до колошения хлебов, проходили в мордовских деревнях женские братчины (авань поза, авань брага, авань пия – э.). Во время них обязательно была трапеза, на которой употреблялись мучные блюда и каша, а также напитки, приготовленные на основе ржаного солода: пиво, брага. В с. Коноваловка Борского района во время этого обряда участницы наряжались «молодушками», которые обходили село³. Возможно, что это было отголоском ранее существовавшего обычая, когда во время подобных братчин замужние женщины принимали в свое сообщество молодухек, вышедших замуж в течение последнего года.

Таким образом, в весенне-летних, как и в зимних, обрядах и праздниках символами плодородия служили зерно, хлеб, мучные блюда (блины, лепешки, пироги, каши). В дополнение к ним весной и летом использовались другие элементы: растительность, сельскохозяйственные орудия, яйца как важный ритуальный символ плодородия.

Осенние праздники и обряды. В осеннем цикле самое важное место занимают обряды, посвященные началу и окончанию уборочных работ и сбора плодов. По народным поверьям, боги не всегда охотно расставались с дарами земли, поэтому перед началом сбора фруктов, овощей и злаков в их честь устраивались моления. Первым осенним праздником был яблочный Спас. В этот день каждый хозяин брал яблоки для освещения в церковь, а потом в своем доме совершал моление в честь покровителя яблонь, чтобы тот сохранил зеленые яблоки от бури и ураганов, от острозубых

¹ МЭЭ. 1996. Красноярский район, с. Старая Бинарадка (информант: Солдаткина В.Р. 1925 г. р.); МЭЭ. 1997. Клявлинский район, с. Новые Сосны (информант: Спиридонова Е.Я. 1912 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

² Ведерникова Т.И. Обряды вызывания дождя в культурных практиках народов Самарского края в XX веке // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): материалы междунар. науч. конф., 14-16 марта 2019 г. / под общ. ред. проф. В.А. Вереманко; отв. ред. С.В. Степанов. СПб., 2019. С. 122.

³ МЭЭ. 1996. Борский район, с. Захаровка (информант: Исаева Е.А. 1907 г. р.) // Личный архив Т.И. Ведерниковой.

мышей и зайцев, чтобы яблоки уродились сладкие, и их было много. Затем все садились за стол, ели яблоки, отделяя кусочки для умерших предков¹.

Устраивались моления и в честь богинь: земли (Мода ава), поля (Пакся ава), плодородия (Норов ава). Им молились перед началом жатвы, прося помочь благополучно провести её, чтобы не порезать руки серпом, не получить солнечный удар. После окончания жатвы проводили моление серпа (тарваз озкс – э.). Богиня поля (Пакся ава), по представлениям мордвы, жила во ржи, поэтому каждый хозяин оставлял для неё специально несжатую полоску. Перед ней стелили белое полотенце, ставили на него хлеб-соль, втыкали в землю серпы, и все присутствующие садились на снопы. Старшая из жниц благодарила Пакся аву за хороший урожай, после чего она наверхывала колосья на серп и вырывала их с корнем. Зерна с этих колосьев скармливали курам, чтобы у них было много яиц.

Одним из самых торжественных, многолюдных и архаичных обрядов осеннего цикла был большой трехдневный праздник – сельское моление (велень озкс – э.). Буквально его называли плата за добро (паронь пандома – э.). На нем выполнялось множество ритуальных действий: зажжение родовых свечей (штатолов), проведение обрядовой трапезы, пение молитвенных песен (пазморот – э.), приношение жертв и др. Это делалось с целью отблагодарить богов за полученный урожай и добиться от них содействия в будущем.

Начиная с праздника Покрова Пресвятой Богородицы (1/14 октября), в мордовских селениях проводился праздник, который был своеобразным ритуалом перехода девушек в старшую молодежную группу. Назывался он Девичий дом пива (Тейтерень пия кудо – э.). Название его отражало как основной состав участников – девушек, достигших брачного возраста, так и основное угощение – пиво (пуре), которое варили из собранных продуктов в специально нанятом доме. Пуре готовили в особых условиях – девушки не должны были разговаривать с мужчинами, ставить ведро на пол, нельзя было уронить даже каплю на землю, посуда должна быть новой².

Расходы на проведение праздника несли семьи девушек, они выделяли продукты для угощения, средства для оплаты музыкантов, поваров, по мере необходимости предоставляли лошадей и транспорт. Иногда лошадей для руководительниц праздника выделял сам сельский староста. То есть родственники основных участниц, а также весь общинный коллектив придавали большое значение этому событию. Девичий праздник как бы завершал весенне-летний цикл молодежных гуляний, во время которых молодые люди и их родители присматривали будущих супругов. Для тех, кто не успел этого сделать, данное празднество было хорошим шансом наверстать упущенное перед зимним свадебным сезоном.

¹ Устно-поэтическое творчество мордовского народа... Т. 7, ч. 3. С. 167.

² Мордва Заволжья... С. 57.

Тема брака присутствовала на всем протяжении праздника. Так, в один из дней девушки разыгрывали свадебный ритуал, причем в роли невесты выступала одна из девушек, первый раз пришедшая в девичий дом. Сюда приходили поучаствовать в веселье практически все жители села. Родственники юношей и девушек наблюдали при этом, какие образуются пары, обсуждали поведение молодёжи, оценивали их умение петь и танцевать. Участницы праздника несколько раз выезжали с визитами в другие сёла, а также, в свою очередь, принимали гостей со всей округи. Тем самым расширялся круг знакомств молодых людей, возрастали их шансы на вступление в брак. Причем в празднике принимали участие не только девушки из мордовских сёл, но и соседних русских, чувашских селений. Например, на «пивань кудо» в мордовское с. Багана Шенталинского района приезжала молодежь из русских сёл Крепость-Кондурча и Волчуха¹.

С темой брака тесно переплеталась тема плодородия, которая присутствовала здесь, как и в других традиционных праздниках мордвы. Тем более, что основные участницы праздника – зрелые девушки, будущие матери, олицетворяли репродуктивные силы природы. Поэтому их обрядовые действия имели по народным поверьям особую силу. Так как «девичий праздник» проходил после окончания основных полевых работ, то его участницы часто исполняли песни и припевки, в которых отражена забота об урожае. Перед началом праздника его руководительницы (отоманки или покшкетъ) ездили на озимое поле, где благодарили богиню плодородия Норов аву за собранный урожай и просили не оставлять людей своими милостями в будущем:

Сюк, сюк тенть Норов ава,	Земной поклон тебе Богиня урожая,
Пасиба тенть сюронь шачомга,	Спасибо тебе за хлебный урожай,
Пасиба тенть розень максомга,	Спасибо тебе, что рожь дала,
Шачовтыть розинэк сы иестэнтъ,	Уроди нам рожь в будущем году,
Касовтыть суронок сы кизэстэнтъ.	Вырасти хлеба в будущее лето ² .

Девушки, наряженные в мужской костюм – казаки, также ходили по утрам провожать за околицу стадо, желая скоту уберечься от хищников и принести своим хозяевам больше молока, шерсти и др.

Азе паксяв, скалушка,	Иди-ка в поле, коровушка,
Пурнак ловсо ваканшка.	Собери молока миску.
Потявсынек лембестэ,	Теплое молоко мы подоим,
Чапавсынек чакшкесэ.	В горшке заквасим ³ .

¹ Чувашёв М.И. Тейтерень пиянь кудо – Девичий дом пива у эрзян // Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки: антология. Т. I. Самара, 2001. С. 23.

² Чувашёв М.И. Указ. соч. С. 14.

³ Чувашёв М.И. Указ. соч. С. 27.

Не последнюю роль в девичьем празднике играли и развлекательные моменты. Это было настоящим зрелищем с музыкой, песнями, танцами, играми, ряжением. Оно собирало множество зрителей, которые и сами принимали участие в веселье.

В конце октября проходило семейное моление в овине. Хозяин и его жена приносили в жертву держательнице овина (Авын аве – э.) курицу или красного петуха, чтобы она помогла им благополучно обмолотить собранный хлеб, не сжечь его при сушке. С наступлением холодов хозяева молились старику Морозу (Мороз ате – э.). Для него варили кисель из овса, ржи или гороха и выставляли его на окно. Старика просили принять угощение и не бить озимые посевы¹. На этом осенние земледельческие ритуалы заканчивались.

В народном календаре мордвы свое достойное место занимали престольные или храмовые праздники. Они устраивались в честь святого или события священной истории, которым посвящалась местная церковь или ее приделы. Наиболее почитаемыми в мордовской среде Самарского края были святые – Кузьма и Демьян, Николай Чудотворец, Михаил Архангел и др.

На престольные праздники были перенесены многие элементы традиционных верований, наблюдение над окружающим миром. По христианскому церковному календарю составляли долгосрочный и текущий прогноз погоды, намечали сроки проведения сельскохозяйственных и других работ. Например, с Николы весеннего начинали сеять поздние культуры, овощи. По Николиным дням предсказывали состояние зимы, будущего урожая: «Хвали зиму после Николы», «Перед Николой – иней – хороший урожай овса».

К престольным праздникам часто приурочивались ярмарки, базары, которые имели не только хозяйственно-экономическое значение, но и служили праздничной формой общения, обмена информацией. Кроме того, именно здесь нередко родители молодых людей присматривали будущих супругов для своих сына или дочери. Об этом, например, рассказывали жители с. Тимяшево современного Шенталинского района, которые ездили на ярмарку в Черемшан (ныне Республика Татарстан), куда съезжалась мордва из многих селений Бугульминского уезда².

Престольные праздники давали возможность укрепить и расширить родственные связи, так как их главной особенностью являлось взаимное гостевание родственников, съезжающихся на 3-4 дня со всей округи, нередко за несколько десятков километров. В первый день гости собирались, второй и третий день – праздновали и на четвертый уезжали домой³. Гости вместе с хозяевами ходили из избы в избу по принципу родства и свойства, что было продолжением традиционных собраний родственных коллективов, так называемых братчин.

¹ Смирнов И.Н. Мордва: историко-этнографический очерк. Казань, 1895. С. 236.

² МЭЭ. 1985. Шенталинский район, с. Тимяшево (информант: Кудашева К.В. 1938 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

³ МЭЭ. 1996. Кошкинский район, с. Степная Шентала (информант: Вечканова Е.П. 1908 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

Таким образом, земледельческие праздники мордвы были тесно связаны с её жизненным укладом. Они привлекали людей не только своим магическо-утилитарным назначением, но и зрелищностью, интересом к определенному сюжету, желанием каждого человека повеселиться, показать свои способности в плясках, хороводах, песнях. Полный цикл земледельческих праздников отмечался примерно до начала XX в. Они являлись своеобразными вехами, которые делили трудовой год крестьянина на определенные периоды. Теперь они утратили эту функцию регулятора трудовых процессов, их число намного сократилось. Многие традиционные праздники сейчас преобразуются в праздники проводов зимы, встречи лета, Нового года, праздники урожая и др.

Обычаи, обряды и поверья, связанные с животноводством. Видное место в традиционной культуре мордвы отводилось обрядам, направленным на увеличение плодovitости скота, обережения его от болезней и падежа, от хищных зверей и кражи. Для этого применялись различные магические средства, в основе которых иногда лежали те или иные разумные приемы. Одни обряды проводились в сроки календарного животноводческого цикла – момента выгона скота на пастбище и начала стойлового периода, другие приурочивались к общим традиционным праздникам, третьи были связаны с куплей-продажей животных, а также с их болезнью.

Вплоть до начала XX в. у мордвы проводились моления, посвященные покровителям как в целом скотоводства (Кардаз ава и Кардаз сярко – э.), так и отдельных животных. Так, перед Рождеством, наряду с другими богами, молились и Кардаз сярко, в дар ему забивали свинью. Делалось это с особыми обрядами. Назначенное животное откармливали три или более недель. За три дня до забоя свинью впускали в избу, где она жила под печкой. Перед закалыванием на шею жертвы женщины вешали полотенце, за которое затыкали несколько березовых веток. Хозяин дома забивал животное у камня кардаз сярко, на котором его и палили. Свиное мясо варили, а на бульоне варили лапшу, из ножек готовили холодец. Обязательно закалывали свинью и во время чествования покровителя свиней Тувонь паза, которое проводилось перед Новым годом. Мясо варили или жарили к праздничной трапезе, а кости относили на съедение в хлев, «чтобы свиньи водились хорошо»¹.

В предновогодний вечер дети совершали обход домов, подобный рождественскому колядованию. Они исполняли песни (таунсяи – э.). По своему содержанию и форме они во многом напоминают колядки, что отражалось в их магических функциях, тематике и исполнении. По мнению исследователей мордовского фольклора, таунсяи были более древнего происхождения, а колядки возникли

на их основе путем приурочивания к рождественским дням и заменой припева тавунся на коляда:

Тавунся! Бабай, панжт, пильгем палсть!	Тавунся Бабушка, отвори, ноги замерзли!
Тавунся! Якинъ суро варштамо! Тавунся!	Ходил хлеба смотреть!
Тавунся! Ажияшка олгозо! Тавунся!	С оглоблю солома!
Тавунся! Мазы алшка зерназо! Тавунся!	С красное яйцо зерно! ¹

Детей, как и на Рождество, одаривали. Им давали лепешки, вареные свиные ножки, кашу. Обойдя всю деревню, дети съедали эти приношения. Остатки трапезы отдавали обычно молодняку: телятам, пороссятам, ягнятам, но не старому скоту. То есть скот в начале года обязательно кормили остатками ритуальных блюд. Например, в райцентре Клявлино курам, чтобы они лучше неслись, отдавали зерно, раскидываемое в доме колядовщиками, а также зерно с полос, оставляемых после жатвы в дар божеству поля².

Кроме этого, домашний скот старались обильно кормить и обычной пищей. В этом проявлялась как «магия первого дня»: хорошо покормленный в эти дни скот не будет голодать и в остальное время года, так и идея принадлежности скота к семье. К корове, лошади и овце относились, как к членам семьи, и о них заботились так же, как и о прочих домочадцах. Иногда для скота пекли особый хлеб, пироги, лепешки в виде фигур животных и хозяйственных построек. Так, в с. Шентала на Крещение делали лепешки или хлеб, напоминающие лошадей, кур, овец, скотные дворы³.

Остатками ритуальных кушаний наделяли скот и во время чествования божества двора Кардаз авы, которое проходило недели за две до Масленицы. В конюшне на разостланное по полу сено клали кусочки жертвенных кушаний и просили: «Кардаз ава, кормилица! Пусть наши лошади, коровы, овцы преумножатся! Защити их от волков и злых людей»⁴. Затем шли в хлев, где резали гуся. Кусками ритуальной еды наделяли всех животных, включая собак.

В течение года проводилось несколько молений о здоровье и размножении лошадей. Лошадь играла важнейшую роль в крестьянском хозяйстве, была залогом и источником его благополучия. Вероятно, моления в честь лошадей совершались издревле. До христианизации на них обязательно забивали в жертву богам жеребенка или взрослое животное. Впервые этот обряд описал в своей книге «Путешествие в Тану» венецианский купец Иосафат Барбаро: «В известное время года они берут лошадь, которую при-

¹ Памятники мордовского народного музыкального искусства. Т. 3. Эрзянские приуроченные песни и плачи Заволжья. Саранск, 1988. С. 70.

² Личный архивный фонд М.Е. Евсевьева // Рукописный фонд НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (далее РФ НИИГН). Л–3. Л. 132.

³ Черновые записи М.Е. Евсевьева. Мордовские песни, обряды, обычаи... // ЦГА РМ. Д. 46. Л. 10.

⁴ Смирнов И.Н. Мордва... С. 284.

¹ Евсевьев М.Е. Историко-этнографические исследования... Т. 5. С. 376.

обретают сообща, и привязывают ей все четыре ноги к четырем кольям, а голову – к отдельному колу. Все эти кольца вбиты в землю. Затем приходит человек с луком и стрелами... и стреляет в сердце до тех пор, пока не убьет лошадь. Потом ее обдирают, из шкуры делают мешок, над мясом делают какие-то свои обряды и съедают его; шкуру туго набивают соломой и зашивают ее так искусно, что она кажется цельной; вместо каждой из ног подставляют прямой брусок дерева – так, чтобы лошадь могла стоять живая, на ногах. Наконец они идут к какому-нибудь большому дереву, обрубают соответственным образом сучья и прилаживают сверху помост, на который и помещают эту лошадь стоймя. В таком виде они ей поклоняются и приносят в дар соболей, горностаев, белок, лисиц и другие меха...»¹.

В XIX – начале XX в. моления о лошадях совершались несколько раз в год. Первое из них проходило во время Крещения, оно объединялось с молением покровителям двора и дома, во время которого просили о благополучии всех, домашних животных и птицы. К этому дню пекли жертвенный хлеб и готовили гусятину, которые прятали в хлеву, чтобы их могли найти и съесть дети. После окончания обряда устраивалось катание на лошадях. Считалось, что в противном случае Кардаз сярко рассердится и не будет присматривать за животными, отчего они могут заболеть². Моления о лошадях совершали и летом: одно в начале летнего цикла – обычно на Вознесение, другое – в августе в день христианских покровителей лошадей Фрола и Лавра. Участвовали в них обычно только мужчины-хозяева домов, так как лошадь считалась «мужским» животным. Именно они работали на конях и ухаживали за ними.

Подобные моления устраивались и в честь других животных. Так, о сохранности и благополучии крупного рогатого скота, о том, чтобы он давал больше продукции и потомства молились во время моления о коровах (скал озкс – э.) и моления о быках (бука озкс – э.). В Бугульминском уезде Самарской губернии бука озкс отмечался через неделю после Троицы. Обряд жертвоприношения совершали трое пожилых мужчин. Молились, обернувшись лицом к востоку, прося о хорошем самочувствии скота и жителей деревни³.

Во время этих молений приносили обычно в жертву то животное, в честь которого оно устраивалось. Их мясо варили и съедали во время общей трапезы, а часть – так называемую божью долю (ознома пель) вешали в кузовке на ветви почитаемого дерева, зарывали в землю, бросали в реку или сжигали. Так же поступали и с костями жертвы, кровь же её непременно спускали в маленькую ямку, которую делали на месте моления и засыпали землей или заваливали камнем.

Важнейшими моментами в скотоводческом хозяйстве были первый весенний выгон окота на пастбище и начало зимнего стойлового его содержания. Так, весенний выгон был заметной фазой в сложной социальной организации крестьянского хозяйства. Ему предшествовал наём пастухов и подпасков, от умения которых зависело сохранение и преумножение животных, количество полученной от них продукции. Организация летней пастбы была довольно сложной социальной механикой: требовался договор хозяев в вопросе о пользовании угодьями, о продолжительности выпаса – как каждодневного, так и в целом сезонного, о способах оплаты пастуху. Нанимали его старики (атят – э.) на общесельском собрании. По сведениям информаторов, примерно до 1970-х гг. платили пастуху в основном натуральными продуктами. Так за сезон (май-октябрь) с каждого двора ему полагалось 0,5 пуда (8 кг) зерна, 0,5 пуда картошки, фунт (400 г) масла. В помощь себе пастух брал подпаска, часто сына или племянника, которого содержал за свой счёт⁴. В более поздний период перешли на денежную оплату пастухов. В тех селениях, где не могли их нанять, хозяева пасли деревенское стадо сами по очереди.

Первый выгон скота со двора сопровождался целым рядом обрядов и примет. В этот день хозяйки погоняли животных веточками вербы, оставленными с праздника Вербного воскресенья. При этом говорилось: «Пусть бог их охраняет, когда они пьют холодную воду, едят зеленую траву, даст им здоровья»². Если в доме была молодуха, то именно она проводила эту церемонию. Часто во время первого выгона скота на пастбище хозяйка клала под ноги животным полотенце, свой фартук, пояс, или «лакомку» (карман-сумочку, которую носили на поясе). Это делалось для того, чтобы скотина не забывала свою хозяйку и двор, чтобы всегда возвращалась домой. На столбы ворот клали яйца – скот будет таким же тельным и круглым. Яйца и хлеб давали и пастуху, чтобы он лучше смотрел за животными³.

Традиционно весь домашний скот в начале пастбищного периода сгоняли к месту моления первого выгона скота (ливтема панема озкс). Оно проводилось обычно в овраге с родником. По его склонам зажигали костры. После молитвы верховному богу и покровителю скотоводства Велень пазу стадо прогоняли между огнями. Если поблизости от села не было оврага, то для скота делали специальную траншею⁴.

Очищение скота путем прогона его через огонь и земляные сооружения совершалось и во время других обрядов. Так, после общесельского моления, посвященного окончанию сева, весь дере-

¹ МЭЭ. 1998. Похвистневский район, с. Большая Ёга (информанты: Беркутова К.Т. 1913 г. р., Нечаева А.И. 1936 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

² Корнишина Г.А. Сезонные обряды мордвы: исторические корни и традиционные формы бытования. Саранск, 1999. С. 28.

³ МЭЭ. 1996. Кошкинский район, д. Грачёвка (информанты: Адаева А.И. 1907 г. р., Акимова В.З. 1924 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

⁴ Евсевьев М.Е. Историко-этнографические исследования... Т. 5. С. 398-399.

¹ Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 134-135.

² Harva U. Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen... S. 333.

³ Там же. S. 344-345.

венский скот, включая и свиней, прогоняли через дым и самодельные ворота, которые представляли собой поставленные под углом два бревна. В день святых Фрола и Лавра, когда молились о лошадях, также проводили подобную церемонию.

Огонь, который использовали во всех этих обрядах, должен был быть «новым» или «живым». Его добывали старинным способом – трением друг о друга двух кусочков дерева. При этом просили божеств огня Тол аву и Тол атю, чтобы они не переставали «кормить» людей. Иногда до появления «нового» огня во всех домах тушили печи и лучины, чтобы зажечь их от горящих углей обрядового костра. Кроме того, такой огонь часто добывали из дерева, опаленного молнией, что указывало на его «небесное», божественное происхождение. У русских в некоторых местах его так и называли – «небесный огонь».

С вхождением в быт мордвы христианства костры заменялись свечами, около которых ставили иконы. В обряде стал принимать участие священник, который кропил скот святой водой. Участники обряда «огораживали» животных, то есть ходили вокруг них с пением молитв и ударяли их веточками вербы¹. В советское время хозяйки во время первого выгона сами стали крестить животных веточками вербы со словами: «Спаси, сохрани»².

Отмечался мордвой и конец выпаса окота. В конце октября – начале ноября, когда стада возвращались с летних пастбищ на зимовку, проводили моление «кардаз озкс», посвященное покровителям двора и скотоводства Кардаз аве и Кардаз сярко. Его устраивали обычно в новолуние. В молении принимали участие лишь женщины и дети. На него приходили и замужние дочери. Мужчины на это время уходили из дома и возвращались лишь к началу трапезы. Участницы просили покровительницу хлева сохранить животных от болезней и падежа, благополучно дать ему перезимовать. В жертву божествам забивали овец или птицу, а также пекли блины и пироги. Часть еды клали в миску для «угощения» дворовых богов. Её на несколько дней вешали под матицу, затем отдавали животным. В каждый угол хлева клали по пирогу. В некоторых семьях подобное моление устраивали сразу обо всем домашнем скоте, другие же справляли моляны о каждом виде животных. В этом случае каждый раз готовили ритуальные кушанья и приносили жертвы³.

Специальными обрядами обставлялось употребление в пищу продуктов, изготовленных из первых надоев молока. Из молока первого удоя готовили крутой творог (топо, вазонь топо – э.). Над ним молились о здоровье телят и больших удоях. Это моление называлось топо озномо. После окончания моления, когда начинали кушать творог, присутствующие щелкали друг друга

ложками по лбу, чтобы теленок был здоров. Молоку от первого удоя приписывались лечебные свойства. На нем пекли лепешки, которыми кормили больных животных¹.

Обряды, связанные с животноводством, могли совершаться не только в определенные сроки календарного года, но и в случае каких-то чрезвычайных ситуаций, а именно эпидемий и падежа скота, болезни отдельных домашних животных.

Во время массового падежа скота устраивали тяжелое моление (стака озкс – э.). В нём имели право участвовать так называемые девственные группы: старые люди, вдовы и девушки, иногда дети. Остальные под страхом наказания должны были оставаться дома. В день моления зажигали «новый» огонь. На нём варили жертвенную пищу, зажигали факелы, которые несли впереди обрядовой процессии. Моление обычно совершалось ночью на околице села, куда собирались все участники. Оно должно было проходить в тишине: молитвы произносились шепотом, в деревне также не должно было быть никакого шума, жителей предупреждали об этом заранее. Руководители моления – старик или старуха, обращаясь к богу тяжелого, злого (Стака пазу), просили послать облегчение скоту.

Чтобы отогнать от села болезнь, его огораживали также так называемым «железным забором», то есть опахивали его кругом сохой или очерчивали железной лопатой. Железные предметы (ножи, топоры, сошники, иглы) считались оберегами от несчастий и болезней.

В соху или маленький плуг впрягали девушек или вдов. Обычно их было от двух до шести. Но в особо тяжелых и экстренных случаях количество участниц возрастало. Например, в начале XX в. во время моления семи божествам по случаю появления кометы, которое происходило в с. Багана Шенталинского района (бывшего Бугульминского уезда) в опахивании было занято 27 девушек².

Для усиления магического действия в данной церемонии могли дополнительно использоваться и другие железные предметы. Так, в той же Багане участники ритуальной процессии обходили село с ухватами, производя синхронные движения, изображавшие борьбу с болезнью.

Использовался во время стака озкс и ритуальный – «живой» огонь. Факелы несли впереди обрядовой процессии, зажигали от него костры, через которые перепрыгивали люди и между которыми прогоняли скот. Дымом от «живого» огня окуривали и самих исполнителей церемонии, чтобы защитить их от злого влияния. Его руководительница обходила всех присутствующих с сосудом для окуривания. При этом она говорила: «Горящий огонь, защити

¹ МЭЭ. 1996. Кошкинский район, с. Степная Шентала (информант: Вечканова Е.П. 1908 г. р.); МЭЭ. 1997. Исаклинский район, с. Мордово-Аделяково (информант: Иванова Е.С. 1925 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

² МЭЭ. 1996. Кошкинский район, с. Новая Кармала (информант: Лобанова М.С. 1913 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

³ Евсевьев М.Е. Историко-этнографические исследования... Т. 5. С. 353-354.

¹ МЭЭ. 1998. Клявлинский район, с. Старый Байтермиш (информант: Сульдина Т.Т. 1920 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

² Harva U. Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen... S. 311.

их от колдунов и злых людей: они пришли здоровыми, пусть и уйдут здоровыми»¹.

С ритуальными функциями «живого» огня сходны функции самодельных свечей – штатолов, которые, как и «новый» огонь, символизировали связь между небесным и земным пламенем. Недаром в мифологических произведениях мордвы говорится, что первая «большая свеча» (покш штатол) упала с неба, где горела когда-то перед самым верховным богом. Как указывалось выше, во время опахивания селения такие свечи несли впереди процессии, а также прикрепляли к оглоблям сохи².

Одежда исполнительниц обряда состояла, как правило, из длинных белых рубах без поясов. Женщины и девушки были без головных уборов, с распущенными волосами. Мужчины также надевали белые холщовые штаны и рубахи, которые не подпоясывали. Иногда участники обряда были обнажены, что является, вероятно, более архаичным обычаем.

Обойдя село кругом, возвратясь на исходную точку, руководитель обряда говорил: «Больше ты, болезнь, не приходи, мы перед тобой воздвигли железный забор. Иди в сторону семи полей, в тёмную воду. Мы дадим тебе поесть и попить. Оставайся там»³. В некоторых местах, по окончании опахивания, приносили в жертву злым духам чёрную кошку, щенка или петуха. Иногда одаривали и хранителя деревни Велень паза, для него зарывали в землю монеты на концах села. При этом кто-то из участников стрелял из ружья.

Мор скота и людей приписывали и гневу предков. Поэтому в некоторых сёлах опахивание деревни начиналось на кладбище. Там на самой старой могиле или на погребении самого первого жителя селения, если оно сохранялось, просили умерших охранить деревню от беды. После окончания обряда здесь же устраивалась коллективная трапеза.

Таким образом, против большой беды применялся целый комплекс обрядовых мер: отпугивание болезни железными предметами, угрозами, выстрелами, огнём. После принятия христианства с этой целью стали употребляться предметы церковного культа: иконы, ладан, лампы.

В случае болезни отдельных животных хозяйки проводили ночное моление (вень озкс). Они окуривали помещение для скота огнём или серой, а затем со свечой или горшком с горящими углями обходили дом и двор. При этом просили Кардаз аву освободить животных от болезни, даровать им здоровье и силу. После этого в хлевах оставлялось угощение. Лечили домашних живот-

ных и с помощью различных заговоров. Так, при мастите вымени у коровы произносили следующие слова:

Грудница кортан,	Грудницу (мастит) заговариваю,
Грудница пуван,	Грудницу отгоняю,
Грудница маштан...	Грудницу истребляю...
Скалонь одарсто, одар кедстэ,	Из вымени коровы, из ее сосков,
Одар ядрасто,	Из сердцевины вымени
Ловцо жиласто,	Из молочной жилы,
Ловцо лисьма прясто.	Из источника молока ¹ .

Магические действия совершались и в том случае, если у хозяев скот «не шел», то есть часто болел, плохо размножался, давал мало продукции. Тогда посреди двора в яму зарывали сухую конскую голову, немного творога и сырое яйцо. Двор три раза обводили косою и просили Матор аву очистить все положенное в нее, а Юртаву уберечь животных от волков. В подобной ситуации использовали и землю, которую брали с могилы покойных родственников. Взамен неё на месте погребения оставляли монету, приговаривая при этом: «Благоверный родитель! Беру у тебя, чтобы прибыль была. Я не так беру, покупаю, даю тебе монету!»². Эту землю смешивали с семенами мака и клали в кузовок, который, как во время сева, вешали на грудь и рассеивали смесь по двору. Проводилась эта церемония во время пасхальной заутрени.

Много примет и поверий было связано с покупкой и продажей домашних животных. Обычно с проданной коровой хозяйка отдавала посуду для дойки, каравай хлеба. При продаже следили, чтобы из-под скотины не взяли землю или солому. Считалось, что в этом случае из хозяйства уведут «племя», то есть животные не будут водиться, плохо будут доиться, не будут давать молоко и масло («ловцо ой саить»)³.

Чтобы сохранить плодовитость своего скота, при продаже хозяйка выдергивала из спины продаваемого животного три клока шерсти и бросала их через ворота с улицы во двор. Повод или веревку при передаче скотины передавали не голыми руками, а из полы в полу: продавец клал себе на ладонь правой руки полу своей одежды, затем брал этой рукой повод и передавал его в правую, также завернутую, руку покупателя. При этом рука покупателя должна была находиться поверх руки продавца. Эта церемония означала передачу всех прав на животное новому хозяину. Иногда её проводили, одевая рукавицы. Символика данного действия вполне понятна – одетая в рукавицу, не голая рука, была знаком богатства. При вводе купленного животного во двор перед ним

¹ МЭЭ. 1996. Кошкинский район, д. Грачёвка (информант: Адаева А.И. 1907 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

² Описание обычаев, обрядов, свадьбы в мордовских сёлах (извлечения из архива М.Е. Евсевьева) // РФ НИИГН. Л–52. Л. 20.

³ МЭЭ. 1997. Иса克林ский район, с. Мордово-Аделяково (информант: Иванова Е.С. 1925 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

¹ Harva U. Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen... S. 404.

² Поздяев И.С. Древние обряды Самарской мордвы... С. 16-17.

³ Harva U. Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen... S. 310.

стелили солому, которая также служила знаком благосостояния. Хозяин и хозяйка при этом снимали свои пояса и клали их перед скотиной так, чтобы она переступила через них. Таким образом, вновь приобретенное животное «прикрепляли» к дому, чтобы оно не убежало и не пропадало¹. Его также «представляли» божееству двора: «Калдаз кирди, матушка! Прими и охрани новую скотину!»². Причем, если покупали несколько разных животных одновременно, то вначале во двор впускали овец, затем корову, лошадь, свиней и наконец кур.

Основные обряды, связанные со скотом, выполняли обычно женщины. Именно они ухаживали за домашними животными, за исключением лошадей, которые издревле считались «мужскими». Каждая хозяйка должна была уметь отводить порчу от скота или своевременно обращаться к знающим людям. Именно женщины выполняли магические действия и руководили молениями, направленными на обеспечение здоровья и плодовитости домашних животных.

4.3. СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Для семейной обрядности самарской мордвы характерна этническая специфика; при утрате многих архаичных элементов, она до сего дня сохраняет традиционные черты.

Обряды детского цикла. Мордовская крестьянская семья, как и семьи других народов, не мыслилась без детей, поэтому их рождение издавна сопровождалось разнообразными обрядами, основной смысл которых заключался в стремлении обеспечить безопасность новорожденному и роженице, оказать благоприятное воздействие на нового члена семьи и приобщить его к соответствующим эталонам бытового уклада, к семейно-родовой единице.

О будущем потомстве начинали заботиться с момента вступления в брак. Обеспечить деторождение были призваны такие магические приемы, как сажание ребенка на колени молодой, обсыпание невесты и жениха зерном, хмелем. В молитвах, связанных со свадебными обрядами, заключалась просьба о многочислии будущих супругов.

Божествами, влияющими на деторождение, считались у мордвы богиня воды Ведь ава и богиня леса Вирь ава. В молениях, устраиваемых в их честь, просили даровать людям «полные лавки детей». Существовало поверье, что Ведь ава ворует новорожденных и даже еще не родившихся детей. Поэтому, если у женщины не было детей, она ходила на речку и приносила покровительнице воды различные подношения – пшено, хмель, деньги, и просила дать ей способность родить детей. Обращалась нерождаящая женщина и к помощи ворожеи. По сведениям А.А. Шахматова, ворожея делала из теста куклу и вместе с женщиной приходила в полночь к реке.

Женщина без пояса и креста, с распущенными волосами падала ниц, а ворожея говорила: «На вот этого тебе, а нам дай своего»¹.

Бездетные женщины приносили жертвы и покровительнице леса Вирь аве. До начала XX в. у мордвы сохранялся обычай устраивать моления под «священными» деревьями. К ним приходили и в тех случаях, если дети в семье умирали, а бездетные женщины приносили сюда лепешки, блины, яйца и др.

Для мордвы характерно особое почитание предков. К ним также обращались за помощью, делали жертвоприношения и в случае бесплодия.

Прибегали и к помощи повитухи, к которой женщины-мордовки относились с особым почтением. Повитуху просили тайно взять послед у родящей женщины. Его подмешивали к какому-нибудь кушанью и давали съесть женщине, у которой не родились дети, но так, чтобы она не знала об этом. Считалось, что после этого у бесплодной женщины станут рождаться дети, а та, у которой был взят послед, перестанет рожать. Повитухе приписывали и способность прекращать деторождение. Для этого якобы было достаточно зарыть особым образом детскую рубашку или испортить послед. Для этого бабушка клала его в лапоть и в полночь забивала осиновым колом. Если женщина не хотела рожать 3, 5, 6 и т. д. лет, то повитуха зарывала послед её последнего ребенка соответственно на 3, 5, 6 и т. д. день после родов².

Во время беременности женщина должна была соблюдать некоторые запреты. Будущей роженице запрещалось бить животных, смотреть на калек, нищих, посещать больных, ходить на похороны. Считалось, что в этих случаях она могла родить калеку или мёртвого ребенка. В случае нанесения обиды животному, новорожденный мог якобы появиться на свет весь в шерсти. Нельзя было также класть за пазуху яйца – «ребёнок будет золотушным», семечки – «ребёнок может заболеть корью», орехи – «у ребёнка будут шишки». То есть эти запреты были из области имитативной магии – «по образу и подобию» свойства людей, животных или предметов «могут» перейти на новорожденного. Но эти запреты были продиктованы и опасениями за здоровье беременной и будущего младенца. Действительно, увидев калеку или присутствуя на похоронах, будущая мать могла испугаться или сильно разволноваться, а ударив животное, могла получить ответный удар. Предсудительным также считалось отказать беременной женщине в желанной пище, ибо отказ мог привести к тому, что ребёнок якобы всю жизнь будет ощущать недостаток в этой пище.

В традиционных крестьянских семьях предпочтение отдавалось рождению мальчиков: землёй наделялись только «души мужского пола»; мальчики считались продолжателями рода, семьи, а девочки были «обузой»³. Это подтверждают следующие пого-

¹ Шахматов А.А. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910. С. 82-83.

² Евсевьев М.Е. Эрзянь-рузонь валкс. М., 1931. С. 143-144.

³ Это было связано, в первую очередь, с подушевым земельным наделом, который выделялся на душу мужского пола. При весеннем переделе земли учитывался и новорожденный мальчик.

¹ МЭЭ. 1996. Кошкинский район, д. Грачёвка (информанты: Адаева А.И. 1907 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

² Личный архивный фонд М.Е. Евсевьева // РФ НИИГН. Л-3. Л. 79.

ворки: «Отца, мать кормлю – долг плачу, сыновей в люди вывожу – взаимны даю, дочь снабжаю – за окно бросаю».

Когда дети спрашивали, откуда появился в семье маленький ребёнок, то при рождении мальчика отвечали: «Ведь ава подарила», если рождалась девочка, то говорили: «Ведь ава бросила»¹. Чтобы узнать пол будущего ребёнка, вели наблюдение за беременной женщиной. Например, в Клявлинском районе считали, что если на лице женщины много пигментных пятен, то родится сын. Большой продолговатый живот, обращенный более к правой стороне, также указывал на рождение сына². О том, кто родится у молодых первым, гадали на второй день свадьбы. Для этого вверх подбрасывали кусок хлеба, если он падал кверху коркой, то родится мальчик, если мякишем – девочка.

В прошлом женщины-мордовки работали почти до самых родов, поэтому нередко они рожали прямо в поле. Рожали также и дома, на сеннике, так как дома было тесно. Случалось, что они рожали без всякой помощи, особенно если это было не в первый раз. Большим уважением у мордвы пользовалась повитуха (бабушка – м., э., идень бабай – м., бабушка бабай – э.). На Пасху все женщины, которым повитуха помогала при родах, приходили к ней с подарками. Дети, которых она принимала, называли её бабушкой, а она их – мои внуки (унок, унокт – э.). Когда повитуха умирала, то женщины, рожавшие с её помощью, приносили ленты, куски полотна, тесьму или вышитые полотенца, ими обвязывали руки умершей. Считалось, что на «том свете» все они превращались в цветы³.

В качестве повитухи предпочитали здоровую женщину, имевшую много детей и внуков, часто ею была свекровь роженицы. Мать последней не могла помогать ей при родах, её даже не извещали о начале родов, так как считали, что она будет переживать за дочь, а это, якобы, определяло трудные роды. Женщины-повитухи, несомненно, обладали определенным минимумом медицинских знаний и навыков, которые передавались по наследству. В частности, при трудных родах поили роженицу мыльной водой или сырыми яйцами, вызывая тем самым рвотные судороги. Наряду с этим выполняли и магические приёмы. Например, для облегчения родов расплетали роженице косы, развязывали все узлы на одежде, вынимали серьги, открывали двери, размыкали замки, заставляли мужа три раза перешагнуть через жену и т. д. При трудных родах просили священника открыть алтарные ворота. Иногда для этого ездили за много вёрст. Данный приём широко применялся еще в 1920–1930-е гг.⁴

Самыми опасными для здоровья ребёнка считались первые шесть недель его жизни. Полагали, что в это время он наиболее

уязвим для воздействия потусторонних сил и колдунов, которые его могли съесть. Жительница с. Большой Толкай Похвистневского района рассказала, что у них жила Ведун баба, которая якобы могла залететь в трубу и съесть сердце новорожденного ребенка, отчего он синел и задыхался. То же самое будто может произойти и с новорожденным животным¹.

Чтобы предотвратить болезнь или смерть младенцев, применялись как утилитарные, так и магические приемы. Большая роль при этом отводилась воде. Сразу после родов три дня подряд топили баню, куда молодая мать вместе с повитухой и новорожденным ходили мыться. Перед обмыванием повитуха совершала молян в честь покровительницы Ведь авы и Баня авы, в дар последней под порог клали монету. Если рождалась двойня, то топили баню шесть дней, иначе по поверью душу одного из близнецов могла взять к себе Ведь ава.

Оберегами от «порчи» считались также и железные предметы: нож, топор, ножницы, иголки. Мать, укладывая ребенка в зыбку, три раза обводила её ножницами, которыми отрезали пуповину, или ножом, а затем клала их новорожденному под голову. Хорошим защитным средством у всех народов считался огонь и все производные от него: угли, зола, головешки. Перед тем, как первый раз положить младенца в зыбку, её окуривали дымом от мусора (чадынь чудовксонь мусорсо), который оставался на берегах после половодья. Иногда вместо этого просто три раза обводили внутри зыбки горячей свечой или лучиной, а с утверждением христианства для этой цели стали применять ладан. Золой в течение шести недель посыпали подоконники и пороги.

Защитные функции приписывались и печке, как и всему, связанному с огнем. Поэтому, чтобы защитить ребенка от сглаза, его обмывали водой на шестке, при этом заслонка печи должна была быть открыта. Покровительницу печи (Каштом аву) при этом просили защитить младенца от всяческих напастей:

Ванстык симемстэ,	Сбереги его, когда он пьет,
Ванстык ярсамсто,	Сбереги его, когда он ест,
Ванстык удомсто.	Сбереги его, когда он спит ² .

Часто в качестве оберега использовали ветки рябины или сирени, которые втыкали в дверные косяки. С целью уберечь ребенка от сглаза, в первые шесть недель жизни ему давали каждый день пить рябиновый отвар. Роженицу после родов хлестали рябиновыми ветками, чтобы она скорее поправилась и не поддавалась чарам колдунов. Хорошим защитным средством считались также ветки от веника, которым повитуха парила ребенка в бане. Их хранили в люльке до 40 дней³.

¹ Майнов В.Н. Очерки юридического быта мордвы // Записки РГО. Т. XIV. Вып. 1. СПб., 1885. С. 142.

² МЭЭ. 1984. Клявлинский район, с. Старые Сосны (информант: Астафьева П.С. 1909 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

³ Личный фонд М.Е. Евсевьева по мордовскому фольклору и этнографии // РФ НИИ ГН. Л–3. Л. 102, 161.

⁴ МЭЭ. 1984. Клявлинский район, с. Старые Сосны (информант: Девятова А.Я. 1909 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

¹ МЭЭ. 1998. Похвистневский район, с. Большой Толкай (информант: Кечаева Е.Ф. 1921 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

² МЭЭ. 1997. Похвистневский район, с. Ново-Мансуркино (информант: Иванова Е.С. 1925 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

³ Евсевьев М.Е. Черновые записи. Мордовская свадьба записана в селе Подлесная Шентала // ЦГА РМ. Ф. Р–267. Оп. 1. Д. 42. Л. 41 об.

Для предотвращения смерти детей у многих народов Поволжья, в том числе и у мордвы, практиковались различные обряды купли-продажи, которые должны были ввести в заблуждение потусторонние силы и лишить их возможности нанести вред ребенку. Ребенка «продавали» первому встречному или нищему, подавая его через окно. Затем мать выкупала свое дитя за 2-4 копейки. Применялся и так называемый «обмен» ребёнка. Дожидались первого встречного человека, отдавали ему ребёнка, которого тот относил во двор и клал в конскую колоду. После этого он звал отца новорожденного взять якобы случайно найденное дитя¹.

Согласно поверью, чтобы уберечь ребёнка от смерти, нужно было в течение дня напясть нитки, выткать из них холст и сшить младенцу рубашку. Выше мы уже отмечали, что Ведь ава могла «отбирать» детей у родителей. Поэтому, если дети в семье часто умирали, то повитуха выполняла обряд, который назывался «воровать детей у Ведь авы»: она заворачивала младенца в тряпки, которыми обычно затыкали в бане дымовое окошко, и передавала его через это окно другой женщине².

Опасениями за будущее потомство были вызваны и магические действия с плацентой (идь куд – м., аванькс, эйденъ тодов – э.). Так, в с. Новая Кармала Кошкинского района плаценту заворачивали в тряпочку, клали в лапоть и зарывали в подпол. У мокши Волжского района лапоть с последом, наоборот, прятали на чердаке³. В основе этого обычая лежало поверье, согласно которому, если послед найдет и съест животное, то у женщины будут рождаться дети, покрытые щетиной и шерстью. Делалось это и для того, чтобы никто не мог испортить его с целью помешать женщине родить.

Кроме защитных обрядов, которые должны были уберечь новорожденного от сглаза, болезней, у мордвы совершались обряды, призванные обеспечить ему долгую, счастливую и богатую жизнь. Уже при первом обмывании ребёнка повитуха клала в воду деньги⁴, чтобы они всегда у него водились, парила его рябиновым веником, чтобы вырос здоровым и красивым⁵. Иногда мальчиков парили дубовым веником, чтобы были сильными и здоровыми, а девочек березовым, чтобы были красивыми.

В день рождения ребёнка дома устраивали моление над хлебом (кшинь озондома – м., кши ознома – э.). На стол клали каравай хлеба (шумбра кше), кашу, яйца, и повитуха или свекровь молодой

матери поднимали хлеб и молили богиню плодородия Норов аву беречь младенца, дать ему счастья и здоровья:

Улеза счастливой пакшась,	Пусть будет счастлив ребенок,
Сэрьсь касозо,	Вырастет большим,
Вейна тезе улеза...	Найдет себе пару... ¹

По представлениям мордвы большое значение для дальнейшей судьбы новорожденного имел выбор «счастливого имени». До христианизации имя обычно давала повитуха или отец ребёнка. Иногда ребёнка называли по месту или времени его рождения. Так, если он появился на свет во время жатвы, его называли Нуяльте, от слова жать (нуема – э., нума – м.), если во время дождя – Пизяй (пиземе – м., э.), если рождался на пашне – Паксяй (пакся – м., э.) и т. д. В тех семьях, где дети часто умирали, новорожденному давали имя первого попавшегося на глаза человека, предмета или животного. Обоснованием такого выбора имени было то, что поскольку этот человек, животное или предмет здравствуют, то и ребёнок будет здоровым и счастливым².

Обряд наречения имени также проводила повитуха. Она после принесения покровительнице дома Куд-Юртаве и умершим предкам благодарственной жертвы заставляла держать кого-либо каравай хлеба над головой младенца, а сама брала в руки другой каравай и, стучая хлебом о хлеб, говорила: «Даю тебе имя такое-то». В XIX в. языческие имена у мордвы были заменены христианскими, которые давались во время крещения.

Крещение (кстиндамо – м., лемдема – э.) стало одним из самых торжественных обрядов детского цикла. К нему готовились все родственники ребёнка. Важная роль в проведении крестин отводилась крестным родителям: крестной матери (крестной тядя – м., крестной ава – э.) и крестному отцу (крестной аля – м., крестной тетя – э.). Кума готовила подарки ребёнку: рубашку, крест, шапочку, пояс, риску, пелёнку (на нее требовалось примерно 2 метра материи), в которую принимали младенца после купели, причем девочку принимала кума, а мальчика – кум. В обязанности кума в некоторых местах входила плата за крещение. Так, молодые в с. Старые Сосны Клявлинского района, кланяясь крестному в ноги, говорили: «Меня крестный из церкви выкупил»³. Но обычно за крещение расплачивались родители ребенка, и лишь когда они не в силах были это сделать, за них платил кум.

В крестные приглашались, как правило, молодые родственники. Нередко кумовство являлось наследственным, переходило из поколения в поколение. Лишь в случае частой смерти детей

¹ МЭЭ. 1984. Клявлинский район, с. Старые Сосны (информант: Девятова А.Я. 1909 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

² Евсевьев М.Е. Географические, исторические и антропологические сведения о мордве. Описание обычаев, обрядов // РФ НИИ ГН. Л–55. Л. 305.

³ МЭЭ. 1996. Кошкинский район, с. Новая Кармала (информант: Григорьева И.М. 1918 г. р.); МЭЭ. 1984. Волжский рфйон, с. Торное (информант: Вельмина А.В. 1911 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

⁴ С позиции мифологического осмысления деньги являлись платой за переправу по воде для ребёнка в обряде «перехода».

⁵ Евсевьев М.Е. Черновые записи. Мордовская свадьба записана в селе Подлесная Шентала // ЦГА РМ. Ф. Р–267. Оп. 1. Д. 42. Л. 41 об.

¹ Пешонова В.Л. Фольклор, собранный в Ульяновской, Куйбышевской, Оренбургской областях и Татарской АССР (июль-август 1958 г.) // РФ НИИ ГН. Л–281, Л. 635.

² Майнов В.Н. Очерки юридического быта мордвы... С. 12-13.

³ МЭЭ. 1984. Клявлинский район, с. Старые Сосны (информант: Астафьева П.С. 1909 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

в семье, в крестные брали первого встречного человека (встречной крестный).

Между крестниками и крестными были очень близкие взаимоотношения. Это выражалось во взаимопомощи, в подарках, которые они дарили друг другу на праздники. Большую роль играли крестные родители на свадьбе: крестные отец и мать жениха ходили сватать невесту, а затем возглавляли свадебный поезд, во время застолья крестных родителей молодых сажали на самые почетные места за столом, невеста дарила им подарки равноценные дарам, предназначенным для кровных родителей, обход молодыми дворов родственников начинался с домов крестных.

Обычно новорожденного крестили в течение шести недель после рождения, приурочивая это событие к какому-либо празднику. Если же младенец рождался слабым и недоношенным, то его старались крестить в первые же часы появления на свет. По поверьям, душа некрещеного младенца будет блуждать по ночам, не зная покоя, плакать днем и ночью. Крестила слабого ребенка повитуха или сама мать. Если все же новорожденный умирал некрещеным, то несли в церковь 40 крестиков с лентами как подаяние от него. В одних местах их оставляли в церкви, в других эти крестики раздавали присутствующим на похоронах близким родственникам. Один крестик клали вместе с умершим ребёнком в гроб¹.

В детском цикле следующую группу составляют обряды, которые «вводили» новорожденного в семейно-родовой коллектив, делали его одним из полноправных членов этого сообщества. Первым в этом ряду стоял обряд выкупа ребёнка (эйкакш идема), когда повитуха вручала младенца матери. Повитуха, держа в одной руке младенца, а в другой руке хлеб, спрашивала молодую женщину: «Что тебе нужно: хлеб или ребёнок?» Мать отвечала: «Ребёнка». Бабушка отдавала ей ребёнка со словами: «Вот твоя ноша»².

Во время первого укладывания ребёнка в колыбель (нюрям – м., лавсь – э.) с ним знакомились женщины-родственницы. У мордвы наиболее распространенными были лубяная (керонь – м., керень – э.) и плетеная (илиень – м., э.) колыбели. Первая делалась из цельного липового луба, согнутого в эллиптический круг. Для ее подвешивания сгибали дугу, края которой прикреплялись к люльке. Плетеную колыбель изготавливали из ивовых прутьев в виде корзинки, суженной к ногам. По ее краям делались дуги, к которым привязывали веревки. В начале XX в. получила распространение деревянная колыбель (шуфтонь нюрям – м., чувтонь лавсь – э.). Она была в виде прямоугольной рамы или ящика с

натянутым на неё холстом. По углам рамы привязывались веревки или ремни, концы которых соединяли и прикрепляли к пружине. Пружина же крепилась к специально ввинченному в потолок кольцу или вбитому в балку крюку. На колыбель делали специальную накидку (лавсь ланго). Ее шили из холста или из цветной фабричной ткани, для этого сшивали несколько расширяющихся книзу клиньев материи. Люльку для новорожденного делал дед со стороны матери, а его жена готовила матрас (пона ацам), подушку (тодов) и одеяло (вельхтерда)¹.

Перед укладыванием ребенка в колыбель ее «очищали»: окропляли водой, окуривали дымом. Весьма распространен был обычай класть в новую колыбель кошку или собаку. Таким образом старались «переложить невзгоды и болезни ребенка на это животное, а также обмануть колдунов, стремящихся съесть новорожденного»². Иногда перед укладыванием новорожденного в колыбель туда клали мужские вещи или предметы, если желали в будущем рождения мальчика, соответственно – женскую одежду и орудия труда для девочки³.

Проводился и специальный обряд «качания колыбели» (лавсень нурияфтомс – м., лавсень нурсемс – э.), который должен был обеспечить ребенку благосостояние. В колыбель клали лепешки и пироги, и все присутствовавшие при этом женщины, начиная с повитухи, по очереди качали колыбель (причем не руками, а всем туловищем), желая новорожденному сытой и счастливой жизни. Иногда этот обряд исполняли дети. Считалось, что чем большее их число приняло участие в качании колыбели, тем счастливее и здоровее будет младенец.

С колыбелью был связан ряд поверий. Нельзя было качать её пустой, иначе находящиеся в ней якобы злые силы могут «напустить» на ребенка болезнь, или колыбель навсегда останется пустой (то есть у женщины никогда больше не будет детей). Нельзя было оставлять колыбель с ребёнком без присмотра из-за опасения его «подмены» колдуном.

После крещения в течение трех-семи дней все родственники, соседи и односельчане приходили знакомиться с новорожденным (содафтома – м., э.), то есть он «входил» в состав родственного и сельского сообщества. По этому поводу проводилось специальное моление. Повивальная бабка обращалась с молитвой вначале к Иисусу Христу, а затем к «кормильцу Пасу», прося у них счастья для новорожденного. Для этого обеда варили кашу и пиво. Обращаясь к богам – христианскому и языческому, повитуха просила для ребёнка столько счастья, сколько в каше крупы и соли. После трехкратного повторения молитвы она съедала немного каши, а бабушка новорожденного выпивала пива. Затем все присутствовавшие угощались кашей и пивом. На этот праздник приглашали

¹ МЭЭ. 1984. Клявлинский район, с. Старые Сосны (информант: Астафьева П.С. 1909 г. р.); МЭЭ. 1985. Шенталинский район, с. Багана (информант: Косьмина А.Л. 1947 г. р.); МЭЭ. 1987. Оренбургская область, Тоцкий район, с. Большие Ремезенки (информанты: Шаткина А.Р. 1919 г. р., Прохина Н.Е. 1927 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

² Евсевьев М.Е. Черновые записи. Мордовская свадьба записана в селе Подлесная Шентала // ЦГА РМ. Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 42. Л. 41-41 об.

¹ МЭЭ. 1998. Похвистневский район, с. Ёга (информант: Нечаева А.И. 1936 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

² Евсевьев М.Е. Эрзянь-рузонь валкс. М., 1931. С. 71.

³ Евсевьев М.Е. Черновые записи. Мордовская свадьба записана в селе Подлесная Шентала...

всех родственников, каждый из которых приносил с собой хлеб, ведро пива, горшок каши и плоску масла. Над каждой из принесенных каш повитуха трижды читала молитву. В некоторых местах во время обеда кум и кума брали ложку с кашей, в которую наливали браги и вина, приправляли эту смесь перцем и подносили отцу новорожденного, говоря: «На, ешь! Как жене было горько родить ребенка, так и ты отведай горечи». После обеда кум и кума поднимали вверх пирог с начинкой или блюдо с кашей и, обращаясь к новорожденному, желали ему вырасти таким же большим, на какую высоту были подняты пирог или каша.

По окончании трапезы роженица дарила подарки свекру, свекрови, куму, куме, а также родственникам мужа. В ряде мест все родственники одаривались только при рождении первенца. При рождении всех следующих детей мать дарила подарки только родителям мужа и крестным младенца.

В XX в. появляется и постепенно упрочняется обычай устраивать угощение по поводу крещения ребенка (кстиньга или кстинья). Этот обычай имел такое же значение, как и содавтома. На него приходили родственники родителей новорожденного с кашей, пирогами, хлебом, яйцами и прочей снедью. Постепенно эти приношения стали заменяться на покупные: игрушки, одежду, мыло и др. Как и во время обряда содавтома обязательным блюдом, подаваемым на стол, была каша, которую пришедшие «выкупали», то есть клали около чашки с кашей принесенные гостинцы и деньги.

Таким образом, родильные обряды мордвы формировались и развивались под влиянием условий жизни и религиозных воззрений мордвы. В конце XIX – начале XX в. исполнялись многие христианские обряды: крещение младенца, причащение матери и ребёнка в церкви по истечении 6 недель после рождения и др. При трудных родах зажигали венчальные свечи, открывали в церкви царские врата. Для предохранения ребёнка от «злого духа» делали крестное знамение на дверях и окнах.

Вместе с тем во многих родильных обрядах конца XIX – начала XX в. просматриваются следы дохристианских религиозных верований. Это, в частности, магические приёмы, целью которых было обеспечить многодетность семьи, оградить роженицу и ребенка от «нечистой силы», сохранить новорожденному жизнь. Способы, с помощью которых стремились этого добиться, у мордвы являются общими с другими народами. Некоторые родильные обряды были связаны с обожествлением водной стихии, культом растительности и покровительниц деторождения (Ведь авы и Вирь авы). Культ предков, сильно развитый у мордвы, нашел отражение в том, что к ним обращались за помощью в случае, если в семье не родились или умирали дети. В родильной обрядности, так же как и в свадебной, нашли проявление и семейно-родственные связи, которые сохранялись длительное время.

В настоящее время родильные обряды мордвы претерпели значительные изменения. По мере того, как дом переставал быть местом рождения, постепенно отмирали обряды и магические действия, связанные с принятием родов, опекой над роженицей, первыми часами и днями из жизни новорожденного (закапывание послета, моление над хлебом и т. д.). Исчезли и многие магические действия, связанные с мистическими представлениями о сверхъестественных покровителях роженицы и ребенка, различные запреты для беременной женщины, многочисленные варианты оберегания роженицы и младенца от «нечистой силы» и др. Сохранившиеся же обряды во многом трансформировались. Например, повсеместно встречается обычай топить баню и мыть роженицу и ребенка после возвращения из роддома. Но если ранее это омовение считалось очистительным, магическим действием, то в настоящее время оно делается, в основном, лишь в гигиенических целях.

Поддерживается и обряд содавтома, когда через 1-2 недели после рождения ребёнка навестить его и молодую мать приходят родственники. Они приносят с собой «на зубок» подарки новорожденному, деньги. Во многих сёлах на это событие пекут курник с начинкой из куриного или гусяного мяса¹. Прочно сохраняется и кумовство. В современных мордовских семьях в крестные отцы и матери нередко берут близких друзей по работе или учебе. Характерно и взаимное кумовство, когда представители двух дружественных семей становятся друг у друга кумовьями.

Одновременно с исчезновением и трансформацией традиционных обрядов детского цикла возникают новые. К ним относится, например, обычай отмечать дни рождения детей. Кроме близких родственников, в этот день приглашают сверстников ребенка. Детям старшего школьного возраста предоставляется возможность приглашать товарищей по своему усмотрению, принимать участие в подготовке праздника. Детские именины в малой семье – это повод для сбора за столом всех родственников и знакомых родителей именинника. Нередко в этот день устраивают два стола: для сверстников ребёнка и для взрослых.

Важными моментами в жизни ребёнка считались появление первого зуба, первые шаги, первая стрижка волос. Все они отмечались определёнными обрядами. Появление первого зуба обычно замечали старшие дети, которые смотрели за малышами. Тому, кто обнаруживал первый зуб, дарили подарок: девочке – платок, а мальчику – рубашку. Они же первыми получали испечённые в этот день лепёшки (танцти кокоркат – м., тантей сукорот – э.).

Когда ребёнок начинал ходить, совершали обряд «разрезания пут» (тяртть керян – м., терть керян – э.). Для этого ребёнка ставили посередине стола и три раза проводили ножом между его ног, приговаривая: «Путы разрезаю». Затем ему давали ржаную соску –

¹ МЭЭ. 1997. Исаклинский район, с. Мордово-Аделяково (информант: Потапов И.И. 1911 г. р.); МЭЭ. 1997. Клявлинский район, с. Новый Казбулат (информант: Константинова А.П. 1927 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

«впускали внутрь Норов аву», чтобы она берегла младенца так же, как бережёт землю, помогала ему расти¹. Часто на эту церемонию приглашали детей, самому ловкому из которых и поручалось произвести этот обряд. Это делали для того, чтобы маленький ребенок вырос быстрым и смышлёным. Подобными действиями стремились обеспечить условия, которые бы помогли ребёнку скорее встать на ноги в буквальном смысле слова.

Одним из важных обрядов детского цикла была стрижка волос. Первый раз ребёнка стригли, когда ему исполнялся один год. До этого времени, по народным поверьям, чтобы он беспрепятственно рос, нельзя было ему стричь ногти и волосы. Ногти мать по мере роста откусывала зубами. К обряду первой стрижки приглашались близкие родственники и обязательно крестные родители, которые его и выполняли. Мальчика стриг наголо крестный отец, а у девочки крестная мать выстригала прядку волос через кольцо, что должно было способствовать их росту. Иногда право первой стрижки предоставлялось мальчикам-подросткам.

С волосами ребёнка и роженицы были связаны особые поверья. Для того, чтобы привязать дитя к матери, чтобы он в будущем всегда заботился о ней, пуповину перевязывали нитками, свитыми с волосами роженицы. Остриженные волосы детей хранили за потолочной балкой или сжигали. Считалось, что если их подберет птица и использует для своего гнезда, то это вызовет слабоумие ребёнка, или у него будут частые головные боли. А если волосы попадут в норку к мышам, то у малыша могут заболеть уши. Чтобы определить срок жизни новорожденного, во время крещения кум бросал в купель комочек воска с затертыми в него волосами младенца. Если воск некоторое время оставался на поверхности воды, это якобы предвещало долгую жизнь ребенка, а если он сразу тонул – то скорую смерть².

В настоящее время кое-где ещё сохраняются подобные обряды. Однако рассматриваются они не как магические действия, а как шуточные церемонии, дающие родителям удобный повод пригласить гостей.

Итак, в современной родильной обрядности прослеживается генеральная тенденция к изживанию её традиционных, но еще функционирующих элементов.

Свадебная обрядность. Свадьба занимала центральное место среди семейных обрядов мордвы. Она отличалась большой сложностью и разнообразием в каждой населенной мордвою местности, а иногда и в отдельных деревнях. Это свидетельствует о сложности процессов формирования мордовского населения региона и о его разносторонних контактах с соседними народами.

Первым этапом свадебной обрядности является сватовство (ладяма – м., ладямо – э.). Оно проходило в несколько этапов. Напри-

мер, у эрзи Кошкинского района вначале кто-то из родственников жениха шел в дом девушки, как бы на разведку, договариваться с ее родителями – можно ли прийти её сватать (вал теить – дают слово). Для того чтобы сватовство было удачным, сват садился под матицу, которая по поверьям мордвы «связывает» дом, поэтому человека, находящегося под ней, нельзя выгнать. Если сваты получали согласие, то родители жениха со своими родственниками приезжали для окончательного сватовства. Этот этап назывался «чиямо». Сваты приезжали обычно на подводах, их обязательно должно было быть нечётное число¹.

В с. Старая Бинарадка Красноярского района первый этап сватовства назывался «ладямо». Приходили обычно 2-3 человека – родители жениха и ещё кто-то из родственников. С собой приносили хлеб, вино, сало, рыбу. На второй этап – «запой», приходили более многочисленным составом также с продуктами, которые ставили на стол. Когда все принесённое съедали, родители девушки в свою очередь накрывали стол. Через два дня родители жениха приходили к родителям невесты, чтобы окончательно назначить день свадьбы (чинь путомо)². В старину после этого невеста считалась окончательно просватанной и переставала ходить на молодежные собрания. Она сидела дома и готовила подарки к свадьбе. На помощь к ней приходили подруги, которых мать невесты обязательно угощала.

Такое поэтапное сватовство наблюдалось и в других районах области. Так, в Шенталинском, Клявлинском, Челно-Вершинском районах предварительное сватовство называлось договором (басямо), затем «ладямо» и наконец назначение дня свадьбы (чинь путомо)³. От сватовства до свадьбы раньше проходило примерно 1,5 месяца.

В ряде мест после обряда чиямо существовал обычай ходить к жениху – знакомиться с местом его жительства, «дом глядеть», «печурки смотреть» (кудонь ваном – м., кудонь ваномо – э.). В Старой Бинарадке подобный обычай под названием «занавески мерить» сохраняется до настоящего времени. Подруги невесты посещают перед свадьбой дом жениха, якобы с целью снять мерки для шитья занавесок. На самом деле это повод для очередного веселого гулянья. Невеста с ними не ходит. Но одна из девушек наряжается невестой, а другая женихом. Вечером этого же дня жених с друзьями наносят ответный визит.

Таким образом, предсвадебные обряды включали сватовство, которое само по себе являлось комплексом обрядов, а также подготовку к свадьбе.

Центральным элементом обрядового цикла была собственно свадьба в доме жениха и невесты. Она знаменовала переход не-

¹ Евсевьев М.Е. Черновые записи. Мордовская свадьба записана в селе Подлесная Шентала // ЦГА РМ. Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 42. Л. 42.

² Гребнев М. Мордва Самарской губернии... // СЕВ. 1887. № 1. С. 17.

¹ МЭЭ. 1996. Кошкинский район, д. Городок (информант: Женгурова А.С. 1904 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

² МЭЭ. 1996. Красноярский район, с. Старая Бинарадка (информант: Нурдина Н.И. 1935 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

³ Корнишина Г.А. Отчет об этнографической экспедиции в Куйбышевскую область в 1985 г. // РФ НИИ ГН. Ф. И-1135.

сты из родного дома в дом мужа, из своего рода – в род супруга, являлась актом общественного утверждения брака, который давал молодым определенные правовые, экономические и религиозно-магические гарантии. Свадебные пиры знаменовали собой породнение двух родовых групп. Отсюда вытекает всё многообразие обрядов и церемоний этих дней, их многоплановость и драматичность, разносторонность содержания. При этом обрядовые действия происходили то в доме жениха, то переносились из дома в дом. Сюда же вписывался и обряд церковного венчания.

В доме невесты свадьба начиналась с обхода невестой с подругами своих родственников, во время которого она как бы прощалась с ними. В каждом доме девушек угощали, обязательным блюдом при этом была каша. В самарских селениях исполнение этого обряда имело свои особенности. Так, в с. Грачевка Кошкинского района девушки ездили на телегах или санях. Возможно, это объясняется разбросанностью села, которое пешком обойти очень сложно. Участницы обряда ехали стоя, впереди всех – невеста, при этом она причитала (урниль), как и в каждом доме родственников, где всех угощали.

В с. Старая Бинарадка это посещение родни проходило несколько по-другому. Здесь этот обряд назывался «ходить за кашей» (ямс якама)¹. Невеста в данном случае не ходила с девушками. Они несли с собой её головной убор, надетый на палку, находящуюся в руках впереди идущей подруги. Их также в каждом доме угощали. Каждому взрослому члену принимающей их семьи девушки пели песни-благопожелания. Старикам желали здоровья, хозяину с хозяйкой достатка, молодежи – счастливого брака. В Похвистневском районе подобный обход невестой родственников носил название «кормить хлебом» (кшиде андомо)². В северных районах, наоборот, родственницы невесты сами приходили к ней домой и приносили по чашке с кашей. При этом невеста также причитала, жалуясь им, что родители отдают её в чужой дом. Этот обряд здесь так и назывался «причитания над кашей» (кашань урнеме)³.

В настоящее время этот свадебный момент практически во всех сёлах заменяется веселым молодежным вечером, на который приезжают жених с друзьями. В этот вечер невеста дарит своей ближайшей подруге или маленькой девочке кольцо или гребешок с привязанной к нему ленточкой, что раньше символизировало передачу девичества.

До настоящего времени у самарской мордвы перед свадьбой невеста и жених ходят в баню. Теперь это имеет чисто гигиенические цели. Раньше же посещение невестой бани обставлялось

различными магическими элементами и обрядовыми действиями, которые символизировали её прощание с родным домом, с вольной жизнью. Недаром невеста в своих причитаниях сравнивала своё замужество со смертью.

В ряде мордовских селений Шенталинского района накануне посещения невестой бани ее подруги украшают лентами и бумажными цветами молодое деревце ели или сосны. Оно называется «красоткой». Его носят за невестой на всем протяжении свадебного торжества: в баню, в дом жениха, по домам родственников, когда молодую ведут «показывать» ей воду. У водного источника (ручей, речка или колодец) «красотку» ломают и всем присутствующим раздают с нее цветы и ленты¹. Этот обычай возник, вероятно, в 1950-е гг., так как М.Е. Евсевьев, который посещал эти сёла Самарской губернии в 1914-1915 гг., его не зафиксировал. Не описывает его в середине 1930-х гг. и И.С. Поздьяев².

Большое значение придавалось укладыванию вещей невесты в специальный свадебный круглой формы долблёный сундук – парь, который готовил свекор в подарок невестке. Обычно его заказывали мастерам. Заказчик рассчитывался зерном или работал в хозяйстве мастера столько дней, сколько тот делал парь. Сундук покрывали богатой резьбой, которая несла определенный сакральный смысл и должна была способствовать счастью, благосостоянию и многочиследию молодой семьи. Пиктографические знаки, отображающие трудовые процессы (например, производство холста), представлены условными фигурами людей (жениха, невесты, их будущих детей), а также женскими украшениями и орудиями труда³.

Обряд укладки паря (парьянь вачкама – м., парень вачкамо – э.) являлся важным моментом мордовской свадьбы. Он был не только знакомством с материальным благосостоянием невесты, но и должен был «обеспечить» её счастливую семейную жизнь. Парь очищали от «нечистой силы» (зажженной свечой, иконой, сыпали щепотку соли), на дно клали деньги, хлеб, лепешки, иногда посуду, чтобы «сундук всю жизнь не был пуст, чтобы молодые жили богато»⁴. Во время обряда невеста причитала:

Ох, авинем диринем!	Ох, матушка родимая!
Мезе экшне пурныди,	Почему так неожиданно собрались,
Мезе тевне теиди?	Такое дело делать?
Мейсь думиди явтомо?	Почему задумали отделиться?
Мейсь думиди тынь кудосто кучомон?	Почему задумали меня из дома отослать?
Мезе макстадо монень тынь дольнес?	Что дадите мне в приданое? ⁵

¹ МЭЭ. 1996. Красноярский район, с. Старая Бинарадка (информант: Нурдина Н.И. 1935 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

² МЭЭ. 1998. Похвистневский район, с. Ёга (информант: Нечаева А.И. 1936 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

³ МЭЭ. 1985. Челно-Вершинский район, с. Чувашское Урметьево (информант: Кудашов А.И. 1929 г. р.); МЭЭ. 1985. Шенталинский район, с. Тимяшево (информант: Трофимов Г.Ф. 1913 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

¹ МЭЭ. 1985. Шенталинский район, с. Багана (информант: Косьмина А.Л. 1947 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

² Сибиряк (Поздьяев) И.С. Урвакстомань седикелень койть. Саранск, 1936.

³ Мартынов В.Н. Памятники прикладного искусства мордвы. Саранск, 1971. С. 11.

⁴ МЭЭ. 1997. Клявлинский район, с. Новый Маклауш (информант: Зорькина Н.П. 1919 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

⁵ МЭЭ. 1997. Клявлинский район, с. Новый Маклауш (информант: Денисова У.М. 1916 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

Когда выдолбленные пари стали заменяться дощатыми сундуками, этот обряд продолжал сохраняться. Сундуки также заказывали мастеру, который часть заработанных денег клал внутрь него, «чтобы жизнь не была пустой»¹. У многих пожилых женщин и сейчас остались пари и сундуки, в которых они держат одежду. Некоторые приспособили пари для хранения зерна, муки, так как они не пропускают влаги, и эти продукты в них не портятся.

Во время укладки паря невесте обычно заплетали косу к венцу (коса чавить). Все присутствующие при этом женщины – мать, сноха, крестная мать, подруги – дарили невесте ленточки, кольца, браслеты, серьги, которые заплетали в волосы. Каждая женщина, подавая свой подарок, приговаривала:

Тень казнинень мон кайса, Тон а улят тень казнинень кантница, Только кармат тень казнине лангс авардеме.	Дарю тебе этот подарок, Не придется тебе его носить, А придется тебе над ним только плакать.
--	---

Невеста в свою очередь отвечала:

Эзине емавт сазорнем (авинем, уряжом)! Тон мазы суркскеть, Паро макшос каясынъ, Пиже чекерне сайсы.	Не теряй напрасно сестрица (матушка, сношенька)! Ты свое красивое колечко, В сундук положу его, Зеленой плесенью покроется ² .
---	---

Украшения, чтобы они не упали, дополнительно укрепляли булавками или пришивали нитками. Если какое-то из них падало во время венчания, это считалось недоброй приметой.

Когда невеста приезжала в дом жениха, её вели в амбар и там родственницы молодого (обычно девушки) снимали украшения с косы невесты. Она их раздавала пришедшим на свадьбу девочкам, девушкам, женщинам-молoduшкам.

В доме жениха накануне свадьбы пекли пироги. Традиционно их насчитывалось от 5 до 9. Каждый из пирогов имел свое название и назначение. Самый большой и важный из пирогов (лукш – м., лувонь кши – э.) преподносили отцу невесты. В зависимости от того, каким он получался, судили о достоинствах невесты, если лукш во время печения поднимался, это означало, что молодая народит много сыновей. Если же пирог расползался, то невеста будет бесплодной и злой. Второй по важности – входной пирог (сувамань пряка – м., совамо пряка или совамо кедьге – э.). Он облегчал поезжанам вход в дом невесты и её родственников, где она скрывалась от сватов. Пирог «материнское молоко» (ава лофца – м., ава ловсо – э.) предназначался матери невесты за вос-

питание дочери. Его вручала либо мать жениха, либо сваха вместе с платком и онучами лаптей. При этом ее благодарили за то, что она вырастила такую хорошую дочь:

Тейтерень тряместо, ваномсто, Ламо мужа тон неить, Прясо пацят калавлесь, Лангсот палят раздивлесь, Ашо ловсосо симивлик, Тюжа ойнесе андылик. Урьвань трямба, ваномга, Те курникенть туия. Церам якась виринев, Вирьстэ кундась овтыне, Вирьстэ чавсь сярдыне.	Во время воспитания дочери, Много нужды ты видела, На голове платок твой прохудился, Твоя рубаха изорвалась, Белым молочком ты ее поила, Желтым маслом кормила. За воспитание снохи, Этот курник я привезла. Сыночек мой ходил в лес, Поймал в лесу медведицу, Убил в лесу олениху ¹ .
---	---

Иногда дарили пирог и крестной матери невесты. Его делали с разной начинкой, а сверху украшали узором. В некоторых местах готовили и «молоко старика, отца» (алянъ лофца – м., атянь ловцо – э.). В него вместо начинки клали три косточки. Для подруг невесты пекли девичий пирог (стирень пряка – м., тейтерень пряка – э.), его сваха приносила в дом крестного отца, дяди невесты или замужней сестры (аштема куд – м., аштема кудо – э.), где она вместе с подругами скрывалась от поезжан.

В настоящее время в большинстве мордовских селений сохраняется бытование лишь одного пирога (курник, лукш, родонь пряка), который поезжане привозят в дом родителей невесты. Его украшают фигурками из теста, бумажными цветами, лентами, фигурами людей (куклат, рузават), вырезанными из бумаги. Традиционно во время свадьбы курник носят за молодыми повсюду: в церковь, по домам родственников, за водой. Его несут только молодые женщины, которые с ним и пляшут, передавая друг другу. Во время выхода молодой за водой у речки с курника срывают цветы и бросают их в воду, а сам пирог несут обратно домой.

У мокши Волжского района матери молодых пекли не пирог, а родовой хлеб (родонь копша), который символизировал роды жениха и невесты. При пляске во время свадебного застолья каждая сторона поднимала свой хлеб, при этом восхваляя собственный род. В конце веселья обменивались хлебом, приговаривая: «Теперь два рода соединились вместе, они будут дружить и помогать друг другу»².

Верхнюю корку свадебного пирога обязательно отвозили обратно в дом жениха. Считали, что именно в ней заключена вся

¹ МЭЭ. 1998. Клявлинский район, с. Старый Маклауш (информанты: Михайлова М.И. 1920 г. р., Груздева Е.Е. 1929 г. р., Михайлова Е.К. 1928 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

² МЭЭ. 1984. С. Торноее Волжский район, с. Торноее (информант: Вельмина А.В. 1911 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

¹ МЭЭ. 1998. Похвистневский район, с. Ёга (информант: Нечаева А.И. 1936 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

² МЭЭ. 1998. Райцентр Клявлино (информант: Нарушева Т.В. 1917 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

сила (спорина) хлеба, которую «мордва весьма ценит и всячески оберегает, чтобы она не перешла другим»¹. Иногда возвращалась не вся корка, а лишь фигурки из теста, которыми её украшали. Обычно это были изображения птиц (уток, голубей, наседки с цыплятами), которые служили символами женского счастья. Недаром их, как правило, отдавали молодым для съедения перед первой брачной ночью. В с. Большая Ёга Похвистневского района «борьба» за двух голубков, которыми украшают свадебный пирог, происходит до сих пор. Считается, чьи родственники победят в ней, тот из супругов и будет главенствовать в семье². В мордовских сёлах Шенталинского района сохраняется обряд «вскрывания» пирога, во время которого подруги невесты всячески мешают одному из родни жениха срезать с него верхнюю корку. Так эти обряды, раньше преследовавшие цель сохранения силы плодородия в своем родственном коллективе, сейчас трансформировались в развлекательные моменты свадьбы.

Утром свадебного дня жених мылся в бане, надевал новую одежду (ил. 4.23). Для предохранения от нечистой силы в его одежду на грудь и спину втыкали иголки, после чего он в сопровождении поезжан отправлялся за невестой. Главой свадебного поезда была сваха (кудава) – у самарской мордвы, как правило, мать жениха или его крёстная (ил. 4.24).

Вторым по значению лицом в этой процессии является уредев, который должен охранять молодых от порчи. В сёлах Старая Шентала, Багана, Старое Суркино Шенталинского района, Старый Байтермиш, Старые Сосны и Новые Сосны Клявлинского района функции уредева выполняет старший поезжанин (покш куда). В сёлах Шенталинского района уредеву или покш куда выбирают помощника (ярцку). Если уредевом был обычно крестный отец жениха, то ярцкой выбирали женатого брата или дядю жениха, но он обязательно должен был быть моложе уредева.

Повсеместно у мордвы области были два свадебных персонажа (урьвалют) – обычно родные или двоюродные братья невесты, игравшие роль её заступников и укрывателей от поезжан, но подкупленные родней жениха, продававшие свою сестру. Урьвалют все

Ил. 4.23.
Жених.
Село Шентала, 1914.
Фото А.О. Вайсянена

Ил. 4.24.
Одежда свахи села
Старый Байтермиш
Клявлинского района

время находились возле невесты: они выносили её на руках из родного дома или ждали около лошадей и сопровождали до дома жениха. В с. Тимяшево Шенталинского района невесту из дома выносили уредев и ярцка, а в Вилловатом Борского района – уредев и сваха. В обязанности урьвалют в некоторых сёлах Волжского, Клявлинского, Шенталинского и Исаклинского районов входило устройство особой кибитки для невесты «дом пребывания» (улема кудо), в которой она доставлялась в дом жениха. Для этого телегу сверху покрывали белым холстом, внутрь стелили кошму или перину.

Когда свадебный кортеж подъезжал к дому невесты, ее подруги и родственники запирали ворота и двери, требуя от поезжан выкупа:

Таргинка я, таргинка,
Зепка яки пятерник,
Пятер сурненк,
Вешнинка я, вешнинка,
Зеле песте кошелек,
Кошелексто ярмакнень.
Минь а вештано сядосто,
А вештано кавтосто,
Лопинешка бумажка,
Сур принешка сияшка,
Коморошка пижешка.

Вытаскивайте-ка, вытаскивайте,
Из кармана ручку,
Свои пять пальцев,
Найдите-ка, найдите,
В кармане кошелек,
В кошельке денежки.
Мы не просим много,
Мы не просим двойную цену,
С листок-бумажку,
На кончиках пальцев серебро,
Горсть меди¹.

Если поезжане не давали денег, то девушки в шуточной форме высмеивали (парявтнить) их «бедность» и «жадность»:

Тей самодот икеле,
Бояравась кумась,
Паро бояр кумнесь!
Псака стада саивлить,
Панда алга ванувлить,
Миненк ярмак нажувлить.

Пред приездом сюда,
Боярыня кума,
Хороший боярин кум!
Кошачье стадо взял бы,
Под горой пас бы,
Для нас бы деньги заработал¹.

¹ Евсевьев М.Е. Мордовская свадьба // Избр. труды. Т. 5. Саранск, 1966. С. 223.

² МЭЭ. 1998. Похвистневский район, с. Б. Ёга (информант: Нечаева А.И. 1936 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

¹ МЭЭ. 1998. Клявлинский район, с. Старый Байтермиш (информант: Янкина П.И. 1937 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.
² МЭЭ. 1998. Исаклинский район, с. Мордово-Ишуткино (информант: Лопатина А.М. 1935 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

После получения денег девушки дарили свахе ожерелье из разноцветных лоскутков, в середине которого помещался деревянный крест (крёст ведьме). Уредеву в подарок от невесты вешали на шею длинное, красиво вышитое полотенце. В свою очередь сваха одаривала невесту материалом на кофту и платком. Невеста в ответ дарила ей рубаху, а свекру – штаны. После этого родители девушки благословляли молодых. Сваха выходила из дома впереди всех и несла в руках икону (баславку), которой благословляли молодых. Перед отправкой свадебного поезда из дома невесты уредев три раза обходил его кругом с кнутом в руках, время от времени хлопая им по земле. Таким образом он огораживал свадебный поезд от злых сил.

После прощания невесты с родительским домом свадебный поезд отправлялся в церковь. В конце XIX в. венчание у мордвы совершалось в «день взятия молодой» (рвень севма ши – м., одирьвань саема чи – э.); невесту везли венчаться непосредственно из родительского дома. Лишь в некоторых местах свадебный поезд заезжал сначала в дом жениха, а уже оттуда – в церковь. Возможно, это отголосок того времени, когда венчание не входило в свадебную обрядность мордвы.

Встреча новобрачных в доме родителей мужа сопровождалась обрядами, которые символизировали приобщение молодой жены к новому семейству, пожелание благополучной, счастливой жизни. По описанию П.С. Палласа, у мокши с. Шелехметь (ныне Волжского района) в конце XVIII в. встреча молодых проходила следующим образом: «Как скоро невеста из села Рождествено, к которому погосту принадлежит Шелехметь, приехала назад со свахою в кибитке, которая покрыта была холстиною, то женихов дружка и поддружье, при непрерывном вопле невесты, выняли её из кибитки и несли до самых ворот; причём собравшийся из деревни весь женский пол поздравлял невесту, стоящую между дружками и свахами. Потом пришла мать со сковородою, наполненною сухим хмелем, который зажигала она горящею лучиною, и ставила сковороду к правой ноге невесты, а она отталкивала оную сковороду ногою. Сие делалось трижды, и каждый раз сгребали рассыпанный хмель на сковороду. При сём случае примечают, что если сковорода упадёт наоборот, т. е. дном кверху, то молодым предвещает всякое злоключение; если же она ляжет вниз дном, то почитают сие за счастливое предзнаменование. После сего подвеселившиеся уже наперёд поезжатые с радости кричат: «Подавай пива!», которого ещё до входа невесты в дом поднесли им в братыне, и невеста должна была в оную опустить несколько чистых колец, коих у ней много нанизано было на пальцах. Наперёд всего раздадут грешневую кашу собравшимся изо всей деревни старым и малым. Каждому из них дают по чумичке, и кладут иному в шапку, а иному в полу, или кто куда сам похочет»¹.

В ряде мест существовал обычай встречи молодых женщиной, изображающей медведя, одетой в шубу, вывернутую наизнанку, со сковородкой в руках, в которой лежали хмель и потухшие угли. Как и в описании П.С. Палласа, сковороду ставили под ноги невесте. Она должна была трижды отпнуть её. С помощью этого обряда старались определить характер молодой жены. Чаще всего молодых, приехавших с венчания, встречала мать жениха с хлебом-солью, их осыпали хмелем, зерном. Когда молодых вводили в дом, устраивали моление и кормление их обедом. На колени молодой сажали маленького мальчика, чтобы у новобрачных родились дети.

На второй день свадьбы совершали ряд обрядов, связанных с проверкой хозяйственных способностей молодой, а также приобщением ее к новой семье. Для этого её представляли умершим предкам мужа. Для их «угощения» брали блины, яичницу, мясо, пиво. В дар им невеста специально готовила одежду, её отдавали нищим. Умерших предков просили полюбить нового члена семьи, помогать ей в делах. О том же молили и покровителя двора, в дар ему молодуха на «чистом месте» оставляла кольцо.

В настоящее время второй день свадьбы носит в основном развлекательный, игровой характер. Ряженные, обычно это родственники со стороны невесты, приходят в дом родителей молодого мужа искать «овечку». Часто рядятся «цыганками», надевают яркие кофты и юбки. На юбку нашиваются металлические пробки от бутылок, которые издают звон во время ходьбы и особенно во время танцев. В Исаклинском районе и на молодухку надевают подобный наряд, только без пробок, а на него – фартук (запун)¹. Это связано с тем, что молодую жену заставляют делать какую-то домашнюю работу, подметать пол, печь блины. В Клявлинском районе второй день свадьбы называется «поедание блинов» (пачалксе ярсамо). Присутствующие гости стараются всячески препятствовать молодухке выполнять свои обязанности – отбирают у неё посуду, не подпускают к месту приготовления блинов и др. В ряде случаев гости на второй день свадьбы специально бьют горшки, пляшут на них, а затем просят, чтобы молодая убрала весь сор, показала, какая она хорошая хозяйка².

Обряд «битьё горшков» (шакшонь порксама – м., чакшонь тапсеме – э.) имел сакральное значение, символизируя разрушение целостности невесты в брачную ночь. По представлениям пожилых информантов, его совершали, чтобы «выселить» из избы нечистую силу, которая якобы проникала туда вместе с посторонними, когда двери были открыты для всех. В Клявлинском и Шенталинском районах в настоящее время термином «чакшонь

¹ МЭЭ. 1996. Исаклинский район, с. Мордово-Аделяково (информант: Бажутова В.Ф. 1923 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

² МЭЭ. 1986. Оренбургская область, Северный район, с. Старое Борискино (информант: Вечкитов Г.Г. 1903 г. р.); МЭЭ. 1987. Оренбургская область, Тоцкий район, с. Большие Ремезенки (информанты: Шатькина А.Р. 1919 г. р., Прохина Н.Е. 1927 г. р.); МЭЭ. 1987. Оренбургская область, Бузулукский район, с. Новотёпловка (информант: Шумкина А.И. 1908 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

¹ Паллас П.С. Путешествие... С. 126-127.

тапсеме» называют развлекательный элемент обряда – хождение молодых за водой к колодцу или роднику, когда у них отбирают ведра, выливают из них воду, отбрасывают в сторону кружку, из которой новобрачная должна поить всех встречающих. Иногда вместо ведер молодым дают горшки, кастрюли, чугуны¹. Так осуществилось слияние двух обрядов: битьё посуды и первый выход молодушки за водой (ведь ланга лифтема – м., ведь ланга ливтема – э.). Последний обряд был распространен у мордвы повсеместно. Раньше он символизировал представление нового члена семьи богине воды Ведь аве. Молодую вели обязательно к речке или ручью, где она делала богине приношение, обычно кольцо. Например, в с. Старая Бинарадка Красноярского района, где обряд сохранялся вплоть до недавнего времени, молодушке «показывала воду» девочка – родственница мужа, которая шла с ней к колодцу. За это молодая давала ей подарок: ленту, гребешок, колечко и др.²

После гуляний в доме родителей жениха и невесты молодая пара вместе со своими друзьями и родителями совершали обход домов родственников (род ланга якамо), принимавших участие в свадьбе. Впереди процессии шли новобрачные, за ними молодежь и последними – старики. В зависимости от количества участников свадьбы обход мог длиться неделю и больше.

Послесвадебная обрядность может быть по своему содержанию разделена на две основные группы: первая призвана была закрепить отношения между родами жениха и невесты, вторая – включить новобрачную в половозрастную группу замужних женщин и род мужа.

Закрепление связей между родами молодых происходило путем взаимных посещений новых родственников. Традиционно спустя две-три недели после свадьбы за молодушкой приезжали её братья (урьваля) и увозили ее гостить к отцу, где она жила около месяца. Этот обычай назывался «возвращение, отступление» (мекев потама – м., мекев потамо – э.). Отъезд молодой приурочивался к какому-то религиозному празднику; в ряде сел Шенталинского района, по сведениям М.Е. Евсевьева, его приурочивали к Покрову³. В назначенный срок за женой приезжали муж и свекор со свекровью. После выполнения обряда мекев потамо молодая получала право на посещение родителей и родных в любое время. До этого же, хотя бы последние жили в нескольких шагах, она не могла видаться с ними и входить к ним в дом.

Со временем этот обряд трансформировался. В 1920–1930-х гг. через неделю после свадьбы к молодым приезжали родственницы невесты (урьваля ават, жены урьвалей). Этот визит назывался

¹ МЭЭ. 1985. Шенталинский район, с. Багана (информант: Косьмина А.Л. 1947 г. р.); МЭЭ. 1997. Райцентр Клявлино (информант: Нарушева Т.В. 1917 г. р.), Клявлинский район, с. Новый Казбулат (информант: Рябова А.Д. 1913 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

² МЭЭ. 1996. Красноярский район, с. Старая Бинарадка (информант: Нурдина Н.И. 1935 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

³ Евсевьев М.Е. Черновые записи. Мордовская свадьба записана в селе Подлесная Шентала // ЦГА РМ. Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 42. Л. 14.

«привозить лапти-онучи» (карень-пракстат ускомо). Гостям организовывали застолье, во время которого на молодушку надевали головной убор замужней женщины (сороку). После этого молодая уезжала вместе с родственницами на некоторое время к своим родителям отдыхать, гостить (оймсема, аштеме). Так же как и раньше, за молодой женой приезжал муж, которого угощали в доме тестя, после чего супруги с урьваля ават возвращались домой. Молодушка после возвращения должна была с сопровождавшими ее родственницами обойти родню мужа. У входа в каждый дом ее встречала старшая в семье дочь с кружкой пива в руках, за что молодая дарила ей кольцо. В каждом доме гостей было принято обязательно угощать¹. Таким образом происходило окончательное вхождение молодухи в новую семью.

В настоящее время данный обычай практически не соблюдается, лишь в отдельных сёлах через две недели после свадьбы молодые с родственниками мужа ходят в гости к родителям невесты.

Ряд обычаев и обрядов второй группы связан с устойчивым представлением о своеобразном переходном периоде, в течение которого молодые, и особенно новобрачная, считались чрезвычайно восприимчивыми ко всем видам порчи. Поэтому молодушка некоторое время после свадьбы ела отдельно. За общий стол она могла сесть только после рождения ребенка, когда её признавали полноправным членом семьи. Возможно, что подобный обычай являлся также отголоском бытовавшего у мордвы умыкания невест, когда молодую женщину просто хотели спрятать от чужих глаз.

Сведения об умыкании невест до настоящего времени сохраняются в памяти информантов. Они сообщали, что это происходило в том случае, если родители не хотели отдавать девушку за понравившегося ей парня. Жительница с. Новая Кармала Кошкинского района рассказала, что её саму жених в конце 1930-х гг. украл прямо из клуба; отец так и не примирился со своим зятем².

К обрядам приобщения молодой к новому роду относится её посещение бани вместе с новыми родственницами в первую субботу после свадьбы. Для того, чтобы женщины приняли в свою среду, молодая одаривала их. На Масленицу молодушка должна была выходить на масленичную гору, угощать присутствующую там молодежь блинами. Молодые парни по очереди катали ее на салазках, за что получали в подарок кольцо³.

Надо отметить, что в течение первого года после свадьбы молодожёны продолжали сохранять тесную связь с молодёжной средой, принимая участие в гуляньях, гаданиях, играх, их могли вызвать на пляску в хороводе и др. Молодушка продолжала в течение этого года носить по праздникам свой свадебный костюм и даже девичьи

¹ МЭЭ. 1997. Райцентр Клявлино (информант: Нарушева Т.В. 1917 г. р.); МЭЭ. 1997. с. Новые Сосны Клявлинского района (информант: Спиридонова Е.Я. 1912 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

² МЭЭ. 1996. Кошкинский район, с. Новая Кармала (информант: Лобанова М.С. 1913 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

³ МЭЭ. 1996. Кошкинский район, с. Новая Кармала (информант: Лобанова М.С. 1913 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

чий головной убор. Переходный период заканчивался с рождением ребёнка, когда молодая пара окончательно переходила в группу взрослых общинников, семейных людей, которые пользовались всеми правами и обязанностями, присущими данной культуре.

Таким образом, в свадебной обрядности мордвы можно проследить многочисленные наслоения от разных эпох. Родовые отношения нашли отражение в активном участии родственников молодых в поисках будущего супруга, в подготовке и проведении свадьбы. Выражением тесных семейно-родственных отношений является и целый ряд обычаев: угощение невесты кашей ее родственницами, взаимные посещения, одаривания членов породнившихся семей и др. При этом идентификация двух родов по принципу «мы – свои», «они – чужие» проявлялась во «враждебном» отношении родственников девушки к поезжанам в момент приезда за невестой, взаимных шуточных охаиваниях и др.

Заметный след в свадебных обрядах мордвы оставили также языческие представления народа. В многочисленных причитаниях, сопровождавших весь свадебный цикл, его главные действующие лица обращались к покровителям дома, двора, бани, умершим предкам. Кроме того, совершали ряд магических действий: одни для того, чтобы невеста имела много детей (осыпание хмелем, сажание на ее колени ребенка и др.), другие – для предохранения молодых от нечистой силы (втыкание иголок в одежду молодых, троекратный обход уредевом свадебного поезда и др.).

Форма и содержание свадебной обрядности мордвы не были постоянными. Под влиянием изменяющихся социально-экономических условий, межэтнических контактов обрядность подвергалась постепенной трансформации. Одни элементы исчезали, вторые утрачивали первоначальный смысл и исполнялись лишь по традиции, третьи – переосмысливались и приобретали развлекательный, игровой характер.

В современной мордовской свадьбе уже не соблюдаются такие обряды, как причитание невесты, возвращение молодой в дом родителей после свадьбы, так называемое «охаивание» невесты родственницами жениха до свадебного торжества, обряд надевания невесте головного убора замужней женщины, обычай, запрещающий молодой женщине сразу после свадьбы садиться за общий стол в новой семье. Одновременно упрощается свадебный ритуал, теряется его жёсткая регламентация, переосмысливаются многие сохранившиеся обряды, оттеняя шуточную, развлекательную окраску («знакомство» родственников невесты с хозяйством жениха, первый выход невесты за водой, обряд со свадебными пирогами и др.). В силу того, что молодые предварительно сами договариваются о женитьбе, сватовство, как обязательный элемент обряда, приобретает лишь символический характер. Жених и его наиболее близкие родственники приходят в дом невесты, чтобы оговорить срок свадьбы, размеры расходов с обеих сторон. При этом сваты, как и прежде, садятся под матицу, ведут разговор в аллегорической форме.

Таким образом, в современной свадьбе мордвы наблюдается тенденция постепенного сокращения и трансформации ряда обрядовых элементов и церемоний. В отличие от свадьбы прошлого, она носит веселый, развлекательный характер.

Похоронно-поминальная обрядность любого этноса отличается особой консервативностью, является своего рода этническим и хронологическим индикатором, отражает религиозные верования и систему мировоззрения.

Похоронно-поминальная обрядность включает три последовательных этапа: до похорон, в момент захоронения и после этого. Наиболее полные представления об обрядовых действиях самарской мордвы до и после похорон дают нам описания иноэтнических авторов второй половины XIX – начала XX в., а также свидетельства очевидцев – информантов в этнографических экспедициях. Набор ритуальных действий в момент похорон и традиционный комплекс погребальных элементов, состав инвентаря, позу и ориентировку умершего отражают материалы археологических раскопок. В нашей работе используются материалы мокшанского Шелехметского I грунтового могильника 20-х гг. XVII – середины XVIII в. и эрзянского Коноваловского I могильника XVIII – начала XIX века.

Похоронно-поминальные обряды мордовского сельского населения до сих пор сохраняют много архаичных черт. Они определяются типичными для всех народов представлениями о потустороннем мире, куда приходил человек после своей смерти и продолжал жить так, как на земле: сеял хлеб, торговал, занимался извозом и др. Более того, считалось, что в загробной жизни тоже умирали и через вторичную смерть переходили еще в более высокое состояние блаженства. Умершие предки наделялись способностью заботиться о живых родственниках. Тех же, кто не оказывал им почтения, они якобы могли наказать.

Погребальные действия были направлены на облегчение перехода в потусторонний мир, устранение возможных препятствий на этом пути, создание благоприятных условий жизни «на том свете». Суеверный страх перед смертью, неумение объяснить ее причины породили немало примет и поверий о кончине человека, которые бытуют среди мордвы и в настоящее время. Предвестниками скорой смерти кого-то из домочадцев считается треснутое или разбитое зеркало, вой собак, появление в доме большого количества мышей или муравьев. Признаками смерти считаются и вещие сны: если во сне человек говорит с близким покойным родственником или знакомым, то он скоро встретится с ним в потустороннем мире¹. Если у умершего человека тело долго не деревенело, то это также считалось знаком близкой смерти для кого-то из его близких.

¹ Евсевьев М.Е. Мордовские песни, обряды, обычаи, записанные в селах Александровка и Бесовка. Черновые записи // ЦГА РМ. Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 46. Л. 41 об.

В мордовском обществе до сих пор прослеживается двойное отношение к умершему: с одной стороны, страх перед ним, стремление быстрее избавиться от него и его вещей, а с другой – забота о нем, стремление угодить покойному родичу, чтобы он «помогал», а не вредил живым.

Страх перед умершим был связан с опасением соприкосновения со смертью. Поэтому в похоронном цикле было много магических действий, которые должны были предохранить от смерти, очистить после контакта с покойным. В качестве предохранительных и очистительных предметов использовали золу, а также железные предметы – нож, топор, ножницы, которые клали на лавку после соприкосновения с гробом и телом умершего.

Немало обычаев похоронного цикла было связано с водой: обмывание покойного, окропление избы водой после выноса из нее гроба, мытье рук и лица после возвращения с кладбища, устройство бани для участников похорон. Мордва верила, что душа умершего «по выходе из тела» должна омываться в воде¹. Поэтому, когда человек по всем признакам был близок к смерти, родные спешили поставить на окно около его головы чашку или стакан с водой, так называемую воду для души (ойме ведь – э.). В с. Старое Вечканово Исаклинского района и сейчас убеждены, что знахарки видели, как колыхалась вода в чашке, когда из умирающего выходила душа². Эту воду держат до сорокадневных поминок, чтобы душа покойного могла «умываться» и «утолять» в ней жажду. По истечении этого срока её, как и воду после обмывания покойного, выливают под передний угол дома. Так делается, чтобы никто случайно не наступил на это место, во избежание болезни.

Было также распространено верование в очистительную и защитную силу огня. Так, в с. Старая Шентала Шенталинского района во время поминальной трапезы во дворе зажигали большой костер, вокруг которого обносили поминальные блюда. В нём же сжигали пряди волос с головы или бороды поминающих³. До сих пор во многих местах после возвращения с кладбища участники похоронной процессии заглядывают в печь, чтобы «не бояться смерти».

«Преградить смерти дорогу в дом» старались и другими способами. Например, в с. Старая Бинарадка Красноярского района с этой целью поперек ворот ставили корыто⁴. При выносе гроба из дома в одних местах старались не задеть им дверных притолок, чтобы смерть не зацепила других членов семьи. В других же местах, наоборот, старались при выносе трижды коснуться верхней и нижней перекладины двери, чтобы «не пустить смерть в дом»⁵. С этой же целью участников траурной процессии во время возвращения с кладбища несколько раз обводили магическим кру-

гом, для этого использовали скребок или заступ, употреблявшиеся при рытье могилы.

У мордвы, как и у других народов, была распространена боязнь перед вещами умершего. Щепки и обрезки от гроба, посуду, в которой обмывали покойного, отвозили в особое место, обычно за село или на само кладбище. Сейчас эти верования, хотя и не в полном объеме, но по-прежнему сохраняются. Теперь эти вещи не отвозятся в специально отведенное место, а, например, как щепки от гроба, просто сжигаются.

Кроме страха перед умершим, мордва выражала и заботу о нем; хоронили обязательно в новой, чистой одежде. Женщины мордовки с 50-ти лет готовят одежду «на смерть» себе и мужу. Пожилые люди часто сохраняют на этот случай традиционные элементы народного костюма: фартуки, рубахи, лапти и др., которые в повседневном быту уже не встречаются. Вместе с одеждой готовят полотенца и платки, которые раздают пришедшим на похороны и поминки. Их иногда бывает до 100 штук, так как на похороны приходят не только местные родственники и соседи, но и приезжают из других мест.

До третьего дня после смерти умерший находится в доме; кто-то из родных обязательно остаётся рядом с ним. Ночью читают псалтырь, время от времени кто-то из родственников причитает (лайши – э.). Похоронные причитания сопровождали весь ход погребального ритуала, начиная от обрядования покойника до опускания гроба в могилу. Профессиональных плакальщиц у мордвы не было. Каждая женщина должна была уметь причитать. Но иногда особенно одаренных воплениц специально приглашали оплакивать умершего. Сейчас многие молодые женщины не знают похоронных плачей, поэтому причитывают над покойником обычно женщины старшего возраста. За это им дарят платки.

Плакальщицы иногда сами придумывают тексты причитаний, используя традиционную форму. Так, в с. Красные Ключи Похвистневского района известна Матрена Петровна Каврина, исполнительница, обладающая даром импровизации и сочинительства (ил. 4.25).

В райцентре Клявлино хорошей причитальщицей считалась Татьяна Васильевна Нарушева. По её мнению, каждого надо оплакивать по-своему: как жил, от чего умер. Например, оплакивая мать, она причитала:

Ух, авакай диринем,
Ух, авакай ванынем!
Неужели авинем,
Свет лангсто надоел тенть
эрямось?
Мезень кисэ тон туить?
Мезень кисэ тон кулыть?
Эзить аште вачодо,
Эзить яка голойстэ...

Ух, матушка родная,
Ух, матушка кормилица!
Неужели матушка,
На белом свете надоело тебе
жить?
Почему ты ушла?
Почему ты умерла?
Не голодала ты,
Не ходила голой...¹.

¹ Белореченский И. Исторический очерк села Лобаз Бузулукского уезда // СЕВ. 1875. № 19. С. 425.

² МЭЭ. 1984. Исаклинский район, с. Старое Вечканово (информант: Кулаева Е.С. 1914 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

³ МЭЭ. 1985. Шенталинский район, с. Старая Шентала (информант: Лабжинова Н.Г. 1914 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

⁴ МЭЭ. 1996. Красноярский район, с. Старая Бинарадка (информант: Нурдина Н.И. 1935 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

⁵ МЭЭ. 1997. Клявлинский район, с. Новый Казбулат (информант: Рябова А.Д. 1913 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

¹ МЭЭ. 1998. Клявлинский район, с. Клявлино (информант: Нарушева Т.В. 1917 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

Ил. 4.25.
Г.А. Корнишина
и сказительница
М.П. Каврина.
Село Красные Ключи,
1998

В с. Старый Байтермиш Клявлинского района самобытной исполнительницей была Таисия Тимофеевна Сульдина. Приводим причитание по её умершему сыну:

Паро родонь пиже дугинень (или лелинень),	Хорошего рода мои родные (или братья),
Проводяка пиже тякам вечной жизнянде,	Проводите мое дитятко к вечной жизни,
Бесконечной тарканде.	На вечное поселение.
Мон ней тыненк приказан,	Я сейчас вам прикажу,
Мон ней тыненк наказан.	Я сейчас вам накажу.
Кадодо сонензэ ойминень таргамо таркине,	Подберите для него спокойное место,
Сельмень варштамо варине.	Чтобы мог он глядеть на белый свет.
Кода мусамам горине,	Когда найдёт меня горе,
Кода сайсамам тошныне,	Когда возьмёт меня тоска,
Те таркантень мон сан,	На это место я приду,
Сюров чувтос мон кундан.	За ветвистое дерево я ухвачусь.
Се шкинестенть, порастонтъ,	С того времени, с той поры,
Сон панжсы нежевтомо кенкшензэ,	Он откроет незапертую дверь,
Кавтов ахулдасынзе кедненде,	В две стороны разведёт руками,
Марясамам, кода монь ламо потмом,	Услышит, как моя душа,
Пешкедсь горядо,	Наполнилась горем,
Седеем пешкедсь тошнадо.	Моё сердце наполнилось тоской.
Ёвтаса мон горинем,	Скажу я про своё горе,
Чамдаса мон потминем.	Освобожу свою душу ¹ .

Все приходящие в дом покойного несли с собой что-то из продуктов: муку, крупу, яйца, иногда и деньги для читающих молитвы женщин. Ранее все приношения предназначались самому покойнику и умершим предкам. Теперь это в основном делается с целью помощи семье умершего. Покойных старались «накормить», «одарить», снабдить всем необходимым, чтобы снискать благосклонность для живых. Специально выбранные старик или старушка отламывали по кусочку от каждого кушанья, скоблили грош ножом и просили души покойных предков способствовать благополучию всех присутствующих.

Вместе с гробом во многих мордовских сёлах области делали носилки (кандумань чувт – э.), на которых гроб с телом покойного несли на кладбище. (ил. 4.26). Носилки представляли собой две палки длиной около 4 м с натянутыми между ними толстыми веревками. В большинстве сёл носилки делали для каждого покойника. После погребения их клали вдоль могилы. В ряде сёл (Мордово-Аделяково Исаклинского района, Немчанка Борского района) для переноски гроба использовали специальный «станок» в виде прямоугольного короба на ножках (ил. 4.27). По бокам его вделаны кольца, в которые вдевали шесты при переноске¹. Также в мордовских сёлах региона бытовал и бытует обычай переноски и опускания гроба в могилу на полотенцах. После эти полотенца разрезают на куски по 2 м длиной и раздают их носильщикам или читальщицам. Сейчас многие оставляют их в семье до следующих похорон.

Кладбища мордва сооружала на возвышенном месте – на дуне или мысе, его границами служили естественные преграды – берег реки, ручей или овраг, иногда находящийся неподалеку лес. Вблизи от Коноваловского могильника располагалось ритуальное место «старушечий колодец» (Бабань лисьма – э.).

Ил. 4.26.
Похороны.
Село Большой Толкай
Похвистневского
района.
Фото В.П. Тумайкина

¹ МЭЭ. 1998. Клявлинский район, с. Старый Байтермиш (информант: Сульдина Т.Т. 1920 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

¹ МЭЭ. 1997. Исаклинский район, с. Мордово-Аделяково (информант: Потапов И.И. 1911 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

Ил. 4.27.
Носилки.
Село Немчанка
Борского района

Захоронения относительно друг друга устраивались без определенной закономерности. Плотность их размещения, скорее всего, была связана с датировкой – чем позднее по времени сооружен могильник, тем выше плотность захоронений. На каждое погребение Шелехметского могильника приходится 8 м² площади памятника, более позднего Коноваловского – 1,5 м². Здесь на небольшом участке сосредоточены мужское и 3 женских погребения, поверх которых впущены еще 4 детских. Предположительно, это были захоронения членов семьи на одном участке, демонстрирующие сохранение крепких семейно-родственных отношений у мордвы.

Среди могил часто фиксируются свидетельства совершения ритуальных жертв – целые сосуды, фрагменты керамики, уголь, кости животных и украшения костюма. Например, на Шелехметском могильнике найдены развалы 4 сосудов, вероятно, оставленных при совершении поминальных жертвоприношений.

На внешней поверхности захоронения никак не выделялись, либо фиксировались слабо выраженные ямки. У 5-ти погребений Коноваловского могильника найдены остатки столбика, располагавшегося справа от черепа, что типично для эрзи. Захоронения со столбиками не выделялись по ориентировке от основной массы, три из них были мужскими, два – женскими. Предположительно, это локальная традиция, впервые отмеченная в могильниках мокши XII-XIV веков. Я.В. Беляев предполагает, что на поверхности захоронения отмечали небольшими холмиками, которые со временем сравнялись с поверхностью. Однако это могли быть и столбики, подобные найденным на Муранском могильнике¹.

Умерших хоронили в простых прямоугольных ямах. Такая форма была распространена еще с III-VII вв., в период сложения

¹ Беляев Я.В. Погребальный обряд мордвы мокши в XII-XIV вв. // Вопросы древней истории мордовского народа. Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1987. Вып. 80. С. 80.

погребальных традиций¹. Параметры могильных ям были определены антропометрическими характеристиками. Стенки ям в поздних захоронениях в большинстве случаев отвесные.

Глубина погребений в Шелехметском могильнике составляла 20-50 см, в Коноваловском – 41-80 см. В период раннего Средневековья могилы были глубже практически в два раза (51-100 см). Чем глубже погребение, тем богаче инвентарь, выше статус умершего. В более позднее время такой зависимости не наблюдается.

Могли хоронить без погребальных конструкций (Шелехметский могильник), в гробовищах или колодах (Коноваловский могильник). Гробовища имеют древние корни у мордовского населения, особо относящегося к лесу и дереву. Его «предшественник» – настил из досок на дне кенотафа² был найден еще в раннесредневековом могильнике Кораблино в Рязанской области³. Возможно, ему предшествовала также традиция обертывания покойного в луб или кору, о чём свидетельствуют материалы Ивановского могильника IV-VII вв., расположенного на левом берегу р. Суры. Захоронения в гробовищах, сложенных из толстых дубовых досок, также широко известны в мокшанских могильниках XII-XIV вв., например, в Муранском⁴ и Барбашинском⁵. В некоторых случаях нижняя и боковые части были зафиксированы коваными гвоздями (от 1 до 14 штук). Крышку не скрепляли с нижней частью гроба.

В этнографических описаниях имеются данные о традиции конца XIX – начала XX в. вырезать на стенках или крышке гроба отверстия, похожие на окна. Они служили для того, чтобы приношения, которые делали родные во время поминовения, «доходили» умершим, а также, чтобы души покойных могли свободно проникать в мир живых. В Бугульминском уезде Самарской губернии в окошечки даже вставляли стекла, чтобы умерший мог видеть все, что делается в потустороннем мире⁶. Этот обычай в трансформированном виде до последнего времени сохранился в сёлах Клявлино и Новый Маклауш Клявлинского района, где на крышке гроба против лица покойного карандашом рисуют окна.

В Коноваловском могильнике отмечен единственный случай устилания дна гробовища соломой. Существуют этнографические свидетельства нахождения на дне гроба стружки или как, например, в с. Клявлино, освященной травы. Пожилые женщины собирают ее заранее и на Троицу носят освящать в церковь⁷. Под голову умершего обычно подкладывают подушку, причем она не должна была быть перьевого, так как считалось, что на «том свете» умершего заставят пересчитывать все эти перья. Поэтому подушку набивают листьями, травой или старой ветошью.

¹ Зеленева Ю.А. Элементы погребального обряда мордвы VI-XI вв. // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола, 1987. С. 91.

² Кенотаф – погребение без останков покойного, своего рода символическая могила.

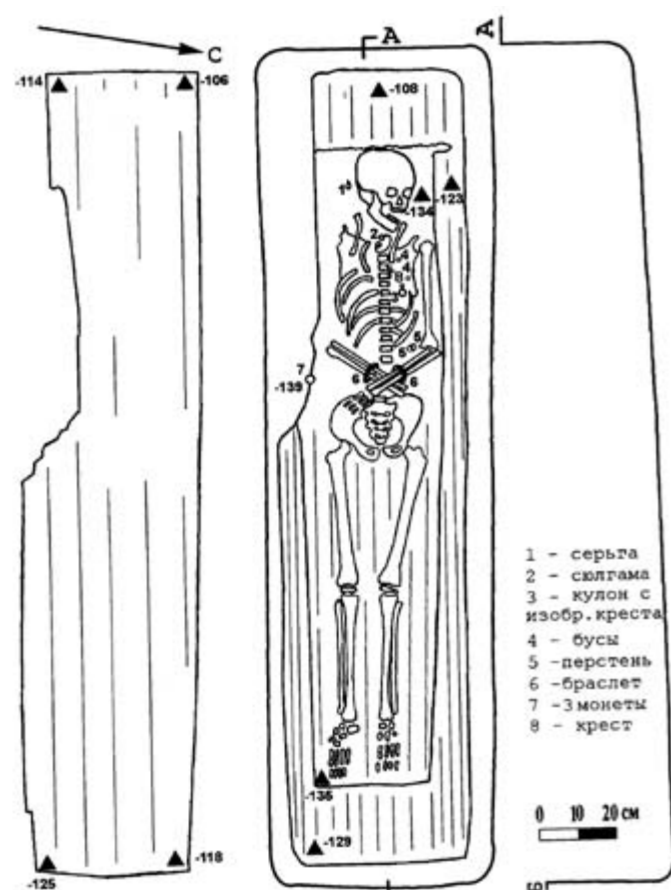
³ Ахмедов И.Р. Отчет о работах Рязано-Окской экспедиции ГИМ в 1999 г. // Архив ГИМ.

⁴ Алихова А.Е. Муранский могильник... С. 263.

⁵ Археологические исследования в РСФСР... С. 149.

⁶ Красноперов И. Мордовская община в Бугульминском уезде // Северный вестник. СПб., 1887. Кн. 1. С. 65.

⁷ МЭЭ. 1997. Клявлинский район, с. Клявлино (информант: Прохорова А.А. 1913 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

Ил. 4.28.
Погребение 32
Коноваловского I
грунтового могильника

Достаточно редкими являлись захоронения в колоде. В Коноваловском могильнике исследованы три погребения с колодами. Их параметры соотносились с размерами человека. Одна из колод женского погребения была выдолблена из цельного ствола дерева, предположительно, сосны (ил. 4.28). Возникновение захоронений в колодах у мордвы некоторые исследователи соотносят с золотоордынским периодом¹.

О похоронных ритуалах мордвы говорят находки костей животных, фрагментов сосудов и угольков в заполнении могильных ям. Рядом с умершим помещали черепа, челюсти крупного и мелкого рогатого скота, а также части курицы; со второй половины V в. н. э. – части лошади, крупного рогатого скота и свиньи. В северной группе мордовских могильников V-XI вв. встречается положение целой туши животного². Мокшане в XII-XIV вв. клали умершему мясо домашних или диких животных³, а также яйца⁴. Со временем традиция класть с погребенным яйцо была заимствована эрзей и просуществовала у обоих субэтносов вплоть до конца XIX в.⁵.

В более поздних этнографических материалах конца XIX – начала XX в. находим, что при совершении обряда захоронения

сначала в могилу бросали различные кушанья, тем самым располагая к погребяемому ранее умерших родичей. Части куриного мяса клали, чтобы умерший «при первом приходе на тамошнюю жизнь не был голоден»¹.

Имеются многочисленные свидетельства об использовании мяса домашних животных и в поминальной обрядности мордвы. Есть упоминание о ритуальном съедении на поминках быка (лучшим при этом считался белый с черными пятнами на лбу и животе), а также – коровы, овцы, свиньи, гусей, кур, яиц². Яйцо клали в могилу всем, в том числе и младенцам, с напутствием передать его на тот свет. В Коноваловском могильнике скорлупа обнаружена в женских, детских и мужских захоронениях.

Еще одна ритуальная традиция позднесредневековой мордвы, как эрзи, так и мокши – использование огня. В Коноваловском могильнике уголь содержали 9 погребений, в Шелехметском – 1. Применение огня в единичных мордовских памятниках фиксируется с V-VII вв.; с VIII-IX вв. становится характерной чертой погребальной обрядности³. Культ огня сохранялся у мокши и в эпоху Золотой Орды⁴. Согласно этнографическим источникам, при поминках на кладбище самарская мордва разжигала огонь, около которого прыгали и кричали, при этом бросали в пламя кости и яичную скорлупу⁵.

В период раннего Средневековья для мужских погребений было распространено вытянутое вдоль туловища положение рук, для женских – на груди или тазовых костях. Ноги также были вытянуты в большинстве случаев⁶. В позднее Средневековье мордва укладывала умерших на спину с вытянутыми ногами. Руки в большинстве случаев располагались в области пояса или груди, что, возможно, связано с проникновением христианской религии.

Практически все захоронения Коноваловского могильника имеют западную ориентировку с отклонением к югу или северу; около половины погребенных Шелехметского – юго-западную, чуть более трети – западную. В период раннего Средневековья западная ориентировка умерших достаточно редка для мордвы; эта традиция, начиная с XVII в. становится устойчивой, что можно связать с проникновением христианских канонів.

Инвентарь, сопровождающий умершего в загробный мир, отличается у мордвы большим разнообразием. С одной стороны, до начала XVIII в. сохраняются некоторые традиционные формы предметов, известные еще с XI-XIV вв. С другой стороны, в связи с политическими и социально-экономическими событиями и благодаря тесному общению с другими этносами, некоторые формы вещей исчезли, другие – видоизменились, появились и новые.

¹ Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. М., 1952. С. 156; Беляев Я.В. Указ. соч. С. 80.

² Зеленева Ю.А. Указ. соч. С. 94, 100.

³ Беляев Я.В. Указ. соч. С. 82.

⁴ Алихова А.Е. Муранский могильник... С. 263.

⁵ Малкова Н.М. Костные остатки животных... С. 247-249.

¹ Каминский Л. Краткий очерк быта и состояния крестьян Самарской удельной дачи // Архив РГО. Р. 34. Оп. 1. № 22. Л. 80.

² Каминский Л. Указ. соч. С. 71-73; Беневолинский Г. Мордовские верования // СЕВ. 1868. № 21. С. 529.

³ Зеленева Ю.А. Указ. соч. С. 94.

⁴ Беляев Я.В. Указ. соч. С. 82.

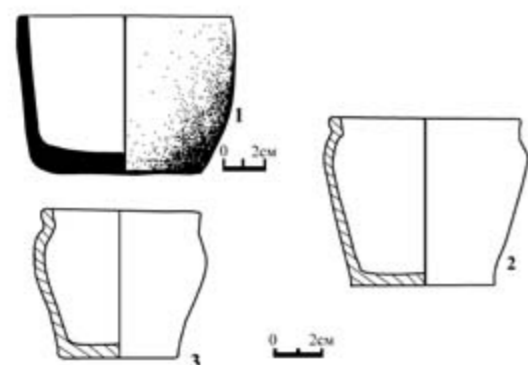
⁵ Каминский Л. Указ. соч. Л. 81.

⁶ Зеленева Ю.А. Указ. соч. С. 96.

Захоронения мордвы на территории Самарской области демонстрируют более скудный состав инвентаря в сравнении с изученными на коренной территории обитания. Здесь уже не встречены такие орудия труда, как топоры, ножи, кочедыки, серпы, кресала и кремни, шила, пряслица, наперстки, иглы или инструменты для вышивания. Редки также находки сосудов.

В середине XVII в., после ряда крестьянских восстаний, железные изделия в официальных документах были названы «заповедным товаром». Нерусским народам было предписано, чтобы они «кузнечного и серебряного дела не делали»¹. Им приходилось покупать орудия труда в городах по специальному разрешению и в строго ограниченном количестве. Русским купцам запрещали продавать инородцам «всякое железо, что годное к войне»². Вероятно, исчезновение у мордвы обычая помещать в могилы орудия труда и охоты связано с их дефицитом, а также проникновением христианских традиций в погребальную обрядность.

Сосуды (ил. 4.29) найдены лишь в двух захоронениях Шелехметского могильника, что может свидетельствовать о затухании средневековой традиции ставить умершему сосуд с напитком.

Ил. 4.29.
Сосуды.
Шелехметский I
грунтовой могильник

Вместе с женщинами в захоронение клали пеньку, веретена, гребень, нитки, с ребенком – игрушки, сладости, чашку с ложкой. В Коноваловском могильнике бронзовый гребень был положен женщине и девочке. В первом случае он располагался в районе пояса, во втором – на уровне груди.

Довольно часто у изголовья или в области таза умерших клали монеты. Трём мужчинам в Коноваловском могильнике у бедра был положен кошелек или кисет, где находилось по 3-4 монеты. На данном памятнике, единственном из исследованных этого периода, зафиксирована традиция скобления монет, оставленных для умерших. Видимо, она появилась в середине-конце XVIII в. и просуществовала достаточно долгий период времени, поскольку ее описание можно найти в этнографических источниках середины-конца XIX в. Причем в это время скоблили практически все

¹ Димитриев В.Д. Пресечение «шатости и смуты» как одно из основных направлений политики царского правительства в Среднем Поволжье в XVII в. (по наказам воеводам) // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары, 1982. С. 15.

² Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 118.

вещи, помещаемые с покойным, приговаривая, «чтобы все данные ему(ей) вещи на тот свет знал(а) и никому не давал(а)». Только после этой процедуры они полностью принадлежали покойному.

Погребальный женский костюм мордвы был сложным и ярким, он представлял лучшие образцы традиционной одежды с множеством украшений, среди которых встречались монеты. С середины XVIII в. их полностью заменили счетные пфенниги – жетоны западноевропейского происхождения (ил. 4.30, 4.31) или шелехи. Это очень важный элемент в составе украшений традиционного женского мордовского костюма XVII-XVIII вв. Частота встречаемости счетных пфеннигов в Поволжье, а также способ преимущественного применения показывают нам, что очевиден специальный их массовый завоз на эти территории с целью использования в украшениях. Жетоны похожи на монеты, которыми украшались костюмы многих народов Поволжья¹.

Треть умерших в Коноваловском могильнике были захоронены с крестами (ил. 4.4, 4.5), расположенными приблизительно на месте постоянного ношения – в районе от ключицы до пояса. В основном это были дети (37,5 %), а также мужчины (35 %), реже – женщины (25 %). Двое взрослых мужчин и одна девочка были похоронены с двумя крестами. Одной из женщин крест положили на крышку гроба. В 4-х случаях кресты были подвешены к нитке ожерелья вместе с бусами.

Ил. 4.30.
Жетоны (шелехи).
Коноваловский I
грунтовой могильник.
Фото Н.М. Малковой.
Музей археологии
и этнографии
Самарского
национального
исследовательского
университета
им. академика
С.П. Королёва

¹ Малкова Н.М., Морозов В.Ю. Украшения мордовского костюма в XVIII – начале XIX вв. (по материалам могильника у с. Коноваловки Борского района) // Краеведческие записки Областного историко-краеведческого музея им. П.В.Алабина. Самара, 1996. Вып. VIII. С. 259-261.

Ил. 4.31.
Жетоны (шелехи).
Коноваловский I
грунтовой могильник

Большинство крестов выполнены из желтой меди, семь – из красной, что является свидетельством более ранней даты их изготовления, три – из олова. Широкое употребление меди для литья крестов не было случайностью и не может быть объяснено лишь её технологическими особенностями – медь более тугоплавкий металл, чем серебро и олово, хотя и более дешевой. По представлениям верующих, нательные кресты должны быть обязательно медными, медь обладала «магическими» свойствами. Согласно библейскому преданию, пророк Моисей по указанию Бога «сделал медного змея и выставил его на знамя, и, когда змей жалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив»¹.

Все кресты, за исключением одного православного, являются типично старообрядческими, обладающими всеми свойствами

таковых. На этом основании можно утверждать, что среди мордвы в Бузулукском уезде в XVIII в. было немало староверов.

По форме отливок коллекция медного литья разделяется на следующие типы: кресты-тельники; икона-привеска квадратной формы; трехстворчатая икона-складень и две каплевидные привески со старообрядческими атрибутами, не отраженные в типологии по форме оливок, предложенной С.В. Гнутовой¹. По половозрастным характеристикам кресты, обнаруженные в Коноваловском могильнике, можно разделить на 4 группы: женские, мужские, детские и кресты, которые могли носить как мужчины, так и женщины. К последнему разряду относятся и так называемые казацкие кресты. Мужские кресты без орнамента имеют прямоугольное средокрестие, прямоугольные ветви, по краю идет бортик в виде рамки. Женские кресты отличаются богатым растительным орнаментом в виде стилизованного вьюна с листьями и завитками. Детские кресты значительно меньше размерами, чем кресты других групп. Текста на реверсе нет, но встречается геометрический орнамент. Нижняя лопасть у крестов этой группы может быть заострена. Казацкие кресты богато орнаментированы. На реверсе встречается как текст, так и геометрический орнамент. Распространены кресты с трапециевидными ветвями.

Кроме крестов найдена трехстворчатая икона-складень из желтой меди (ил. 4.2). Центральную ее часть занимает изображение Богородицы. На створках поясные портреты: 1-й ряд (сверху) – ангелы Михаил и Гавриил; 2-й ряд – апостолы; 3-й ряд – мученики. На обороте оглавия со Спасом Нерукотворным имеется ушко для подвешивания. По свидетельству Павла Алеппского, складни служили своего рода переносными иконами, их носили на груди поверх одежды образом наружу. Не менее интересной является иконка из красной меди прямоугольной формы размерами 4х6 см, изображающая Рождество Богородицы. В коллекции Центрального музея им. Андрея Рублева была найдена аналогия иконе-складню, датированная XVIII в. Совпадение орнамента, фона и каймы при сходстве технологических приемов оформления оглавий и створок свидетельствует о принадлежности произведений одной школе литья, предположительно, Загорской (Гуслицкой)².

Забота о покойном выражается также в традиции класть в гроб продукты: лепешки, яйца, вино, а также деньги. Отголоском этих времен, когда вместе с усопшим клали вещи, которые якобы могли пригодиться в загробном мире, является обычай, отмеченный в с. Старый Байтермиш. Здесь в гроб кладут мёд, чтобы покойному сладко жилось на том свете³.

Много традиционных черт сохраняется и в поминальной обрядности мордвы. Поминальный цикл был отражением стремления

¹ Гнутова С.В. Указ. соч. С. 8.

² Малкова Н.М., Орлова М.О. Медная пластика Коноваловского I грунтового могильника // Материалы XXX Урало-Поволжской археологической конференции молодых ученых. Самара, 1998. С. 150.

³ МЭЭ. 1998. Клявлинский район, с. Старый Байтермиш (информант: Янкина П.И. 1937 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

¹ Гнутова С.В. Русское медное литье: сб. ст. Вып. 1. М., 1993. С. 7.

живых удовлетворить нужды умерших и предотвратить их гнев, снискать расположение.

Поминки совершаются на 3-й, 9-й, 20-й, 40-й дни, через полгода и год после кончины. В дальнейшем поминальный стол устраивают в годовщину смерти. По обычаю обязательным является поминовение в течение трёх лет, а в дальнейшем все зависит от возможностей семьи покойного.

На поминки приходили родственники умершего, принося с собой что-нибудь съестное. На них «приглашали» и покойного, а также всех ранее умерших родственников. Для этого ехали на кладбище, захватив с собой вино, брагу и другие съестные припасы. Ели, положив прежде несколько кусочков на могилу; туда же лили немного вина и браги. Затем обходили могилы всех родственников, приглашая их в гости. Недавно усопшего приглашали и самого «приехать в гости и пригласить других умерших родственников».

У мордвы существовал обычай выбирать заместителя поминаемого покойника (васта озай – м., эзем озай – э.), обычно родственника умершего, более всех похожего на него. Иногда заместителя выбирали еще при жизни. По некоторым сведениям, выбирали не только заместителя, но и его жену или мужа (в зависимости от того, кто умирал). Если муж или жена умершего были живы, то они не садились за стол с заместителем умершего. Оба лица были обязательно посторонними. Им оказывали всяческое почтение: сажали в передний угол на разостланную постель, угощали, выслушивали рассказы о жизни их и других родственников в потустороннем мире, а при прощании падали перед ними ниц. Совершив поминальный обряд в доме умершего, ехали провожать его душу на кладбище. Здесь на могиле раскладывали различную снедь.

Особое значение придавали поминкам на 40-й день после смерти. Их называли большими. Они были окончательными проводами умершего в потусторонний мир. В связи с этим заместителя умершего чаще всего назначали именно в день больших поминок. В этот день как бы пополнялись запасы одежды, питания и всего прочего, необходимого умершему в загробном мире. С этой целью закалывали животное: для мужчины – быка или лошадь, для женщины – корову или овцу. Мясо животного варили и съедали во время поминок, а кровь по частям разливали в каждое блюдо и использовали для приготовления поминальных блинов. Голову, кожу и ноги убитого животного зарывали в могилу.

Заботились также и об одежде для покойника: около его заместителя клали подушку, новую рубаху, сапоги или новые лапти с оборками, пояс или белый балахон. Имитировалось и заготовление дров для умершего. Во время больших поминок во дворе разводили костер, иногда даже небольшой костер в избе. Таким образом старались защититься от смерти, которая «приходит» в дом вместе с покойником.

В конце XIX в. большие поминки уже не везде устраивали во всей полноте. Обычай выбирать заместителя умершего стал исчезать. В ряде мест стали просто раскладывать одежду покойного на лавке, где он умер, или на его могиле. В других сёлах делали куклу, изображавшую покойного, одевали в его одежду и прикрепляли к ней зажженную свечку.

Помимо поминок, связанных со смертью одного из сородичей, у мордвы устраивались общеродовые поминки по всем умершим родственникам. В конце XIX в. они приурочивались к церковным праздникам и совершались весной – перед Пасхой и на Фоминой неделе, на Троицу и осенью. В эти дни ходили на кладбище с брагой и съестными припасами. После поминания на могилах оставляли пищу.

У мордвы существовало представление, что души умерших присутствуют в доме во время церковных праздников и в родительские субботы. Поэтому в те дни, когда не поминали умерших на кладбище, это делали дома. Перед обедом в каждом доме зажигали свечу перед иконой, ставили на стол мясо, яйца, кашу, блины и брагу. Старший из семейства совершал молитву об упокоении душ умерших родных. После этого все угощались, от всех кушаний отделяя по кусочку покойным.

Как видно, на сроки проведения поминок, как общих, так и частных, оказало влияние христианство. Однако в самом их содержании сохранялось много дохристианских черт.

Веря в участие умерших предков в земных делах, к ним обращались в важные, ответственные моменты жизни. Так, в Троицын день, во время общих поминок, просватанную девушку, у которой умерли родители или кто-нибудь из родственников, носили на руках к могилам всех ее родных. Она называла всех покойников по именам, плакала¹. После отъезда свадебного поезда из дома невесты там устраивали моление предкам, которых просили благословить молодую на счастливую жизнь². Молодушка также не могла приходить на кладбище без специального «знакомства» с предками мужа. В первый раз она могла это сделать лишь спустя несколько лет после свадьбы. Обычно это происходило в субботу перед Троицей.

По представлениям мордвы, умершие становятся ближе к богам. Поэтому им устраивали моления, обращаясь с разными просьбами, например, о дожде в случае засухи, о даровании детей в случае бездетности.

Чудодейственная сила приписывалась и земле, взятой с могилы. Для того чтобы выявить лжесвидетеля или вора, ее размешивали с водой и давали выпить подозреваемому. При этом он должен был произнести следующие слова: «Возьмите меня к себе, умершие предки. Чтобы мне умереть в этом году». Если подозрения были небезосновательными, человек, по представлениям

¹ Каминский Л. Указ. соч.

² Евсевьев М.Е. Мордовские песни, обряды, обычаи записаны в селах Александровка и Бесовка... Л. 41 об.

мордвы, действительно должен умереть¹. Предки могли наказать виновных болезнью, бездетностью или как-то иначе, если им не оказывалось надлежащее почтение. Чтобы избавиться от гнева предков, приглашали опытную ворожею.

Для умилоствления умерших совершали специальное общественное моление, которое сопровождалось опахиванием или ограждением деревни. Особенно опасными считались умершие неестественной смертью – от пьянства, утопленники, самоубийцы. До конца XIX в. их хоронили не на общем кладбище, а в лесу или болоте. Злому влиянию этих покойников приписывали засуху и неурожай. Для предотвращения их вредоносного влияния тела таких покойников ночью вырывали из могилы и бросали в реку или болото².

В современной поминальной обрядности мордвы и сейчас сохраняется много традиционных черт. Как и раньше, в день похорон в доме умершего устраивают «горячий стол», готовят суп, кашу, блины, пироги, кисель. На второй день после похорон близкие родственники ходят на кладбище смотреть (варжама – м., варштамо – э.). Здесь тоже поминают умершего. Теперь, как и прежде, поминки происходят на 9-й, 20-й, 40-й день после смерти, через полгода и год. Накануне поминок в большинстве случаев топят баню и «приглашают» ушедшего помыться. Одна из близких родственниц покойного, «обращаясь» к нему с причитаниями, говорит, что его близкие истопили баню, принесли свежую родниковую воду, намочили веники. Она просит покойника прилететь птичкой и стукнуть в окно или хотя бы насекомым обернуться и дать знать, что он(она) прилетел, например, укусил бы в щеку.

Если на похороны может прийти и незванный человек, то на поминки обычно ходят только приглашенные. От каждой родственной семьи приходит одна женщина, иногда с ребенком. Мужчины, как правило, участвуют только на 40-й день, исключая близких родственников. По традиции поминки делали вечером и утром. Но в настоящее время их собирают с утра до 12 часов дня, а вечером готовятся к ним. В с. Степная Шентала Кошкинского района во время поминок на лавку кладут пирог или белый хлеб для душ умерших, которые по поверью слетаются в родной дом³.

Главными в поминальном цикле, как и ранее, считаются сорокадневные поминки. Полагают, что до этого времени душа усопшего еще находится на белом свете и часто «прилетает» домой. До этого срока на стене висит полотенце, на котором душа «отдыхает»⁴ или «вытирается» им после умывания⁵. До этих поминок для «умывания» души и «утоления» ее жажды на столе в переднем углу стоит сосуд с водой (ойме ведь), хлеб-соль. Хлеб меняют, когда

хозяйка печет свежий, а черствый каравай отдают птицам. У икон горит свеча или лампадка, чтобы душа покойного всегда могла «найти» дорогу домой. Отголоском обычая выбора на сорокадневные поминки «заместителя» покойного является оставшаяся в некоторых сёлах «смена» умершему одежды. Например, в с. Клявлино ее раскладывают на лавке во время поминок, а затем отдают кому-то из присутствующих, обычно родственнику. В большинстве сёл остался и обычай «проводов» души на кладбище, куда идут все участники поминок. При выходе из дома с собой берут сосуд с водой и полотенце. Воду в большинстве селений выливают под передний угол дома, а в с. Новые Сосны Клявлинского района ее несут на кладбище, где выливают на могилу поминаемого человека¹. Полотенце же отдают кому-то из родственников.

Во время всех поминок присутствующим раздают подарки, чтобы они поминали покойного. Обычно это платки, как головные, так и носовые, посуда: чашки, ложки, стаканы и т. д. В с. Мордово-Аделяково Иса克林ского района кроме этого обязательно раздают хлеб и соль². А в с. Грачевка Кошкинского района во время поминовения женщин раздают катушки ниток. Раньше раздавали и самотканые мотки пряжи, причем количество нитей в них должно было быть нечетным³.

До настоящего времени самарская мордва соблюдает и обычай общих поминок, которые приурочиваются к церковным праздникам: Троице, Пасхе, различным престолом. Идут на кладбище целыми семьями, с собой берут еду и питье. Куски еды оставляют на могильных крестах. Считается, что если их оттуда возьмут птицы, то они отнесут еду душам умерших. Кроме того, и дома для покойных родных пожилые женщины на Масленицу кладут перед иконами первый испеченный блин, а на Пасху – крашеные яйца.

В верованиях мордвы сохраняется представление о том, что усопшие могут помочь живым в их делах. Так, во время засухи пожилые женщины ходят на кладбище молиться о дожде. Причем в сёлах Клявлинского района это происходит в ночное время. В с. Клявлино воду везут с собой в бочке и поливают могилы, сначала самые старые⁴. В с. Новые Сосны Клявлинского района просто обрызгивают погребения, обходя кладбище кругом⁵. А в с. Новый Маклауш того же района вначале молятся у стола в середине кладбища, прося дождя у бога: «Бог Нишке, Верховный бог, дай дождя» (Никше паз, Вере паз, макст пиземе). В с. Новый Маклауш до сих пор знахарка с больным человеком ходит к могиле первого захороненного на сельском кладбище, где она молится о выздоровлении страждущего⁶.

¹ Личный фонд М.Е. Евсевьева по мордовскому фольклору и этнографии // РФ НИИ ГН. Л–3. Л. 102, 161.

² МЭЭ. 1997. Иса克林ский район, с. Мордово-Аделяково (информант: Потапов И.И. 1911 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

³ МЭЭ. 1996. Кошкинский район, с. Степная Шентала (информант: Варламова П.Н. 1908 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

⁴ ПМА. 1997. С. Новые Сосны Клявлинского района (информант: Спиридонова Е.Я. 1912 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

⁵ МЭЭ. 1997. Клявлинский район, с. Новый Маклауш (информанты: Денисова У.М. 1916 г. р., Спиридонова А.А. 1927 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

¹ МЭЭ. 1997. Клявлинский район, с. Новые Сосны (информант: Спиридонова Е.Я. 1912 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

² МЭЭ. 1997. Иса克林ский район, с. Мордово-Аделяково (информант: Потапов И.И. 1911 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

³ МЭЭ. 1996. Кошкинский район, с. Грачевка (информант: Адаева А.И. 1935 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

⁴ МЭЭ. 1997. Клявлинский район, с. Клявлино (информант: Прохорова А.А. 1916 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

⁵ МЭЭ. 1997. Клявлинский район, с. Новые Сосны (информант: Спиридонова Е.Я. 1912 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

⁶ МЭЭ. 1997. Клявлинский район, с. Новый Маклауш (информанты: Денисова У.М. 1916 г. р., Спиридонова А.А. 1927 г. р.) // Личный архив Г.А. Корнишиной.

Поминальная пища самарской мордвы сходна по своему составу с пищей мордовского населения других регионов: блины с медом; кутья – сладкий рис с изюмом и медом; суп – в обычные дни мясной, во время постов рыбный, гороховый, овощной; каша, иногда нескольких сортов; закуски, пироги. В последнее время многие традиционные поминальные блюда заменяются покупными продуктами. Так, вместо блинов и пирогов, которые раньше раздавались во время похорон и поминок, теперь раздают конфеты и печенье. Уходит из быта ранее обязательный овсяной кисель и кулага. Претерпела изменения и технология приготовления традиционной браги (поза или пуре), которая делалась на основе ржаного солода. Сейчас же ее часто готовят из сушеной сахарной свеклы, а также из хлеба или сушеного магазинного концентрата.

Таким образом, погребальный и поминальный обряды, несмотря на достаточно хорошую степень сохранения, так же как и другие семейные обряды, претерпевают изменения в сторону упрощения. Многие традиционные элементы меняют свое содержание, а некоторые и совсем исчезают. Так, на протяжении XX в. исчезли те обычаи, которые были связаны с культом умерших предков, например, выборы «заместителя» покойного. В то же время в поминальном ритуале закрепились церковные обряды: чтение молитв во время поминок, приурочивание их к церковному календарю. Упростилась и технология приготовления поминальных блюд, порядок их подачи на стол, многие из них заменяются современными покупными продуктами. Тем не менее, погребальные и поминальные обряды в сельской местности сохраняются намного полнее, чем другие ритуалы. Основными их исполнителями остаются пожилые люди, которые являются хранителями народной традиции.

В целом можно заключить, что в современных условиях сфера бытования традиционной обрядности – органичной составляющей уникальной культуры мокши и эрзи – заметно сузилась, и этот процесс продолжается: многие ее формы исчезают или находятся на грани исчезновения, сократилось число носителей и хранителей народных традиций, каковыми являются люди старшего поколения.

В данной работе авторы стремились зафиксировать и оставить в памяти последующих поколений сохранившиеся, а также уже вытесненные из быта «массовой» культурой традиционные обычаи и обряды, проследить их истоки, рассмотреть их структуру, сформировать обобщающую картину традиционно-обрядовой культуры мордвы, которая составляет цельный комплекс поверий, обрядовых действий, развлечений и других компонентов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое комплексное исследование этнотерриториальной группы мордвы Самарского края позволяет сделать следующие выводы.

Мордва – традиционный для региона народ, органично вписавшийся в исторические процессы его заселения. Археологические памятники свидетельствуют о появлении и бытовании в крае эрзи и мокши в эпоху Золотой Орды, в XIII-XIV веках.

Во второй половине XIV – XVI вв. правобережье Самарского края было зоной постоянных хозяйственно-промысловых интересов мордвы.

Формирование современной этнотерриториальной группы мордвы происходило в XVII-XIX вв. в процессе аграрного освоения и дисперсного расселения на новых территориях, что было обусловлено вхождением Среднего Поволжья в состав Российского государства. Участники этого процесса стали первыми постоянными жителями Самарского правобережья и южного лесостепного Заволжья, заложили основы его хозяйственного, социального и культурного развития. У них в равной степени происходило «обретение родины», становление новой полиэтничной общности.

Массовое переселение мордвы с верхневолжья и правобережья осуществлялось одновременно с другими народами – русскими, татарами, чувашами. Внутриэтническая консолидация мордвы, взаимодействие эрзи и мокши вне коренных территорий обитания нашли отражение в самобытности духовной и материальной культуры, в особенности это демонстрирует традиционный народный костюм. Этническую культуру самарской мордвы характеризуют как её уникальные свойства, так и заимствования от иноэтничных соседей.

К началу XX в. мордва проживала во всех уездах Самарской губернии, в большинстве своём – в Бугурусланском, Бузулукском, Ставропольском и Самарском.

В XX в. для мордовского этноса в целом свойственна отрицательная динамика численности, ассимиляция, снижение этнического самосознания. Все меньше в повседневном общении используется родной язык, даже в сельской местности. Утрата традиционной культуры обусловлена государственной политикой формирования новой исторической общности «советский народ», процессами урбанизации и глобализации, смешанными браками, преимущественно с представителями русского населения.

Вместе с тем, в настоящее время наблюдается рост этнического самосознания людей, повышение интереса к своим корням и исторической памяти предков, стремление выразить свою идентичность через участие в деятельности самодеятельных художественных коллективов. Сегодня в Самарской области создаются и активно развиваются национально-культурные общественные организации, реализуются многочисленные проекты, ориентированные на популяризацию традиционной народной культуры.

Информационный потенциал нашей книги рассчитан на помощь всем интересующимся историей и культурой края в обретении своих корней, в передаче культурного опыта народа молодому поколению, в патриотическом воспитании детей и подростков, в организации общественных акций и презентации традиционной культуры мордвы, в разработке и освоении маршрутов для этнотуризма.

Надеемся, что книга станет целостным интегрированным источником по изучению мордвы – древнейшего, самобытного, крупнейшего по численности финно-угорского народа России.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ МОРДВЫ НА ТЕРРИТОРИИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Наименование могильника	Годы исследования	Ф.И.О. исследователя/организация	Количество раскопанных погребений
Эпоха Золотой Орды			
Муранский	1891	Поливанов В.Н.	101
	1892		77
	1893		115
	1900		152
	1950	Алихова А.Е.	483
Барбашинский	1907	Глазов В.Н.	2
	1908	Миллер В.А.	более 12
	1918	Члены Самарской музейной археологической комиссии	около 20
	1921	Башкиров А.С.	более 70
	1935	Латынин Б.А.	62
	2011	Сташенков Д.А.	10
	2012	Сташенков Д.А.	6
Усинский II	1987	Богачёв А.В.	2
	1988	Васильева И.Н.	18
Кузькинский	2005-2006	Сташенков Д.А.	16
Эпоха позднего Средневековья			
Шелехметский I	1970	Матвеева Г.М., Иванов В.А.	10
	1996	Малкова Н.М.	5
Коноваловский I	1996	Малкова Н.М.	97

Приложение 2

ПОЛЕВЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ САМАРСКОЙ МОРДВЫ В 1970–2010-е гг.

Год исследования	Головная организация, Ф.И.О. исследователя	Название населенного пункта, района	Ф.И.О. респондента	Год рождения респондента
1970-1971	НИИЛИЭ Мордовской АССР, Тумайкин В.П. ¹	сёла Исаклы, Старое Вечканово, п. Новое Вечканово Исаклинский район сёла Старая Шентала, Лесная Багана, посёлки Кузьминовка, Родина Шенталинский район с. Старое Мансуркино, д. Нефедкино, п. Заря Похвистневский район с. Степная Шентала Кошкинский район с. Новосемейкино Красноярский район с. Сиделькино, п. Редкая Береза Челно-Вершинский район		
1976	НИИЛИЭ Мордовской АССР, Тумайкин В.П., Шуляев А.Д., Поляков О.Е., Разживин В.Ф., Лузгин А.С.	с. Виловатое Богатовский район с. Коноваловка, посёлки Немчанка, Захаровка, ст. Немчанка Борский район сёла Малый Толкай, Большой Толкай Похвистневский район		
1979	СГИК, Ведерникова Т.И.	с. Нижнее Павлушкино Бугурусланский район Оренбургская обл. с. Верхнее Павлушкино Бугурусланский район Оренбургская обл.	<i>Смоляков Иван Алексеевич</i> <i>Прокаева Анастасия Михайловна</i> <i>Пивкина Матрена Григорьевна</i> <i>Каткова Татьяна Архиповна</i> <i>Катков Захар Андреевич</i> <i>Осипов Лазарь Михайлович</i> <i>Кучкина Варвара Яковлевна</i> <i>Бутаева Василиса Владимировна</i> <i>Астаева Варвара Яковлевна</i>	1901 Шестайкино 1903 В-Павлушк. 1913 Н-Павлушк. 1912 Н-Павлушк. 1903 Н-Павлушк. 1896 1889 1905 1896 Коровино

¹ Тумайкин В.П. Сведения по материальной культуре мордвы Куйбышевской области // Этнокультурные процессы в Мордовии. Саранск, 1982. С. 148-157.

Год исследования	Головная организация, Ф.И.О. исследователя	Название населенного пункта, района	Ф.И.О. респондента	Год рождения респондента
1979	СГИК, Ведерникова Т.И.	с. Коровино Бугурусланский район Оренбургская обл. с. Старые Сосны Камышлинский (Клявлинский) район с. Мордовская Селитьба Сергиевский район с. Лопатино Ставропольский район <i>мордва</i> с. Нижнее Санчелеево Ставропольский район <i>мокша-русские</i> с. Верхнее Санчелеево Ставропольский район <i>мокша-русские</i>	<i>Солдаткин Степан Федорович</i> <i>Саушкина Мария Спиридоновна</i> <i>Иванов Владимир Васильевич</i> <i>Буравова Анна Степановна</i> <i>Еремеев Иван Харитонович</i> <i>Кузьмин Семен Прокофьевич</i> <i>Кузьмина Александра Емельяновна</i> <i>Куприянова Матрена Ефимовна</i> <i>Вельмиськин Николай Сергеевич</i> <i>Макарова Анна Алексеевна</i> <i>Васина Авдотья Захаровна</i> <i>Васин Григорий Васильевич</i> <i>Щаев Василий Алексеевич</i> <i>Щаев Иван Яковлевич</i> <i>Клюкин Григорий Алексеевич (рус.)</i> <i>Маслова Варвара Григорьевна (рус.-м.)</i> <i>Ягусарова Александра Васильевна (рус.)</i> <i>Бугульжанов Федор Федорович</i>	1899 1897 1896 1904 1900 1894 1894 1909 1907 1898 1889 1902 1901 1898 1895 1906 1913 1897
1984	НИИЛИЭ Мордовской АССР, Лузгин А.С., Рузанкин Н.И., Корнишина Г.А., Беяева Н.Ф., Прокина Т.П., Бузакова Р.Н., Бабушкина Р.В., Лисина Е.Н.	с. Старое Вечканово, д. Новый Байтермиш Исаклинский район	Старое Вечканово <i>Астафьев Ф.Г.</i> <i>Земляков И.В.</i> <i>Сметанова Ф.П.</i>	1910 1914 1897

Год исследования	Головная организация, Ф.И.О. исследователя	Название населенного пункта, района	Ф.И.О. респондента	Год рождения респондента
1984	НИИЛИЭ Мордовской АССР, Лузгин А.С., Рузанкин Н.И., Корнишина Г.А., Беяева Н.Ф., Прокина Т.П., Бузакова Р.Н., Бабушкина Р.В., Лисина Е.Н.	сёла Старые Сосны, Новые Сосны, Старый Байтермиш, Клявлино Клявлинский район	Старые Сосны <i>Глухова М.С.</i> <i>Девятова А.Я.</i> <i>Астафьева П.С.</i>	1913 1909 1909
		сёла Торновое, Шелехметь, <i>Мокша</i> Мордовские Липяги Волжский район	Торновое <i>Вельмина А.В.</i>	1911
1985	НИИЛИЭ Мордовской АССР, Лузгин А.С., Корнишина Г.А., Беяева Н.Ф., Прокина Т.П., Гвоздева Т.Н.	сёла Тимяшево, Старая Шентала, Багана, д. Подлесная Андреевка Шенталинский район	Тимяшево <i>Кудашева К.В.</i> <i>Карбатова Н.Ф.</i> <i>Трофимова Н.В.</i> <i>Трофимов Г.Ф.</i> Багана <i>Косьмина А.Л.</i>	1938 1908 1929 1913 1947
		сёла Сиделькино, Чувашское Урметьево Челно-Вершинский район	Чувашское Урметьево <i>Кудашов А.И.</i>	1914
		с. Шилан Красноярский район	Шилан <i>Синегубов Я.Е.</i>	1901
1986	НИИЛИЭ Мордовской АССР, Корнишина Г.А., Беяева Н.Ф., Прокина Т.П., Кряжимская О., Доленко В.В.	сёла Большой Сурмет, Малый Сурмет, Емантаево, Зерикла, Камыш-Садак Абдулинский район Оренбургская обл. (бывш. Бугурусланский у. Самарской губ.)	Староборискино <i>Вечкитов Г.Г.</i>	1903
		сёла Староборискино, Вертима, Новодомосейкино, Аксенкино Северный район Оренбургская обл. (бывш. Бугульминский у. Самарской губ.)		
		сёла Пронькино, Советское (бывш. Мордовская Бокла), Аксаково Бугурусланский район Оренбургская обл. (бывш. Бугурусланский у. Самарской губ.)		

Год исследования	Головная организация, Ф.И.О. исследователя	Название населенного пункта, района	Ф.И.О. респондента	Год рождения респондента
1987	НИИЛИЭ Корнишина Г.А., Беяева Н.Ф., Николаев С.Д.	сёла Большая Ремизенка, Малая Ремизенка Тоцкий район Оренбургская обл. (бывш. Бузулукского у. Самарской губ.)	Большая Ремизенка <i>Шаткина А.Р.</i> <i>Прохин С.И.</i> <i>Прохина Н.Е.</i> <i>Панакшина Е.Ф.</i>	1919 1924 1927 1921
		сёла Новая Тепловка, Старая Тепловка, Елшанка 2 Бузулукский район Оренбургская обл. (бывш. Бузулукского у. Самарской губ.)	Новотепловка <i>Шумкина А.И.</i> <i>Явкин Н.И.</i> <i>Ковалева О.А.</i>	1908 1908 1913
1989	НИИЛИЭ Корнишина Г.А., Беяева Н.Ф., Николаев С.Д.	с. Мордовский Бугуруслан Бугурусланский район Оренбургская обл. (бывш. Бугурусланский у. Самарской губ.)		
1995	СГИК, Ведерникова Т.И.	с. Шелехметь Волжский район <i>мокша</i>	<i>Парваткин Александр</i> Фомич <i>Некрасова Клавдия</i> Прокофьевна	1919 1924
		с. Торновое Волжский район <i>мокша</i>	<i>Пензин Василий</i> Маркелыч <i>Пензина Ульяна</i> Степановна	? - 1996
		с. Бахилово Ставропольский район <i>мокша</i>	<i>Непрядова Мария</i> Васильевна <i>Козлов Алексей</i> Егорович <i>Федосеева Домна</i> Ивановна (рус.) <i>Лябаев Степан</i> Иванович <i>Равкина Мария</i> Григорьевна	1912 1907 1915
1996	СРОО «Историко-эко-культурная ассоциация "Поволжье"», СамГУ, СГИК, Ведерникова Т.И.	с. Коноваловка Борский район <i>эрзя-рус.</i>	<i>Дерябина Серафима</i> Тимофеевна (рус.) <i>Есипова Мария</i> Максимовна (э.) <i>Ильин Николай</i> Романович (рус.)	1912 1917 1936
		п. Захаровка Борский район <i>Мордва эрзя</i>	<i>Исаева Елизавета</i> Анисимовна, <i>Кулакова Зоя</i> Прокофьевна, <i>Леонтьев Петр</i> Яковлевич (рус.) <i>Леонтьева Варвара</i> Павловна	1907 1916

Год исследования	Головная организация, Ф.И.О. исследователя	Название населенного пункта, района	Ф.И.О. респондента	Год рождения респондента	
1996	СРОО «Историко-эко-культурная ассоциация “Поволжье”», СамГУ, СГИК, Ведерникова Т.И.	с. Немчанка Борский район <i>эрзя</i>	<i>Есипова Анна Ермолаевна (э.); Дерябина Зоя Кузьминична (рус.)</i>	1909	
			<i>Кузьминична (рус.)</i>	1914	
		с. Благодаровка Борский район <i>мокша</i>	<i>Ликинева Мария Трофимовна, Сургаева Вера Степановна</i>	1929	
				1914	
1996	СРОО «Историко-эко-культурная ассоциация “Поволжье”», ГУНИИГН при Правительстве Республики Мордовия, Никонова Л.Н., Николаев С.Д., Корнишина Г.А. Шуляев А.Д.	сёла Степная Шентала, Новая Кармала, Грачёвка, д. Городок Кошкинский район	<i>Степная Шентала Мочалова В.В.</i>	1936	
			<i>Вечканова Е.П.</i>	1908	
			<i>Варламова П.Н.</i>	1908	
			<i>Григорьева И.М.</i>	1918	
			<i>Мочалова П.И.</i>	1908	
			Новая Кармала	<i>Аркаева А.А.</i>	1921
				<i>Лобанова М.С.</i>	1913
				<i>Самаркин Н.Г.</i>	1935
		<i>Самаркина А.Д.</i>		1934	
		Старая Бинарадка	<i>Борисова О.П.</i>	1927	
			<i>Солдаткина В.Р.</i>	1925	
		Грачевка	<i>Адаева А.И.</i>	1907	
			<i>Акимова В.З.</i>	1924	
			<i>Миркинова А.Л.</i>	1917	
			<i>Дорогова А.С.</i>	1917	
		Городок	<i>Женгурова А.С.</i>	1904	
<i>Чернова А.М.</i>	1913				
<i>Мочалова Н.К.</i>	1913				
Старая Бинарадка	<i>Борисова О.П.</i>	1927			
	<i>Солдаткина В.Р.</i>	1925			
	<i>Нурдина Н.И.</i>	1935			
	<i>Кургина М.И.</i>	1925			
	<i>Борзякова В.К.</i>	1921			
1997	СРОО «Историко-эко-культурная ассоциация “Поволжье”», ГУНИИГН при Правительстве Республики Мордовия, Никонова Л.Н., Николаев С.Д., Корнишина Г.А.	сёла Клявлино, Новые Сосны, Старые Сосны, Новый Маклауш, д. Новый Казбулат Клявлинский район	<i>Новые Сосны Спиридонова Е.Я.</i>	1912	
			<i>Паркаева А.В.</i>	1937	
		сёла Мордово-Аделяково, Мордово-Ишуткино, п. Ивановка Иса克林ский район	<i>Клявлино Нарушева Т.В.</i>	1917	
			<i>Белекеева В.С.</i>	1936	
			<i>Белекеева А.С.</i>	1907	
			<i>Перчик В.Е.</i>	1939	
			<i>Слугина Р.А.</i>	1941	
			<i>Прохорова А.А.</i>	1916	
			с. Захаркино Сергиевский район		

Год исследования	Головная организация, Ф.И.О. исследователя	Название населенного пункта, района	Ф.И.О. респондента	Год рождения респондента
1997	СРОО «Историко-эко-культурная ассоциация “Поволжье”», ГУНИИГН при Правительстве Республики Мордовия, Никонова Л.Н., Николаев С.Д., Корнишина Г.А.	сёла Клявлино, Новые Сосны, Старые Сосны, Новый Маклауш, д. Новый Казбулат Клявлинский район	<i>Новый Казбулат Рябова А.Д.</i>	1913
			<i>Варламова О.П.</i>	1910
		сёла Мордово-Аделяково, Мордово-Ишуткино, п. Ивановка Иса克林ский район	<i>Мордово-Аделяково Бажутова В.Ф.</i>	1923
			<i>Потапов И.И.</i>	1911
			<i>Иванова Е.С.</i>	1925
		с. Захаркино Сергиевский район	<i>Новый Маклауш Тимешева Н.К.</i>	1925
			<i>Батяев К.А.</i>	1916
			<i>Спиридонова Х.М.</i>	1896
			<i>Спиридонова А.А.</i>	1927
			<i>Денисова У.М.</i>	1916
<i>Зорькин В.Я.</i>	1919			
<i>Зорькина Н.П.</i>	1919			
1998	СРОО «Историко-эко-культурная ассоциация “Поволжье”», ГУНИИГН при Правительстве Республики Мордовия, Музей изобразительных искусств им. С.Д. Эрьзи, Корнишина Г.А., Прокина Т.П., Прокина Н.В.	сёла Старый Маклауш, Старый Байтермиш Клявлинский район	<i>Ивановка Петрова А.С.</i>	1907
			<i>Петрова С.Д.</i>	1936
		сёла Большой Толкай, Красные Ключи, Большая Ёга, Алешкино Похвистневский район	<i>Петрова Р.Н.</i>	1933
			<i>Ромоданова К.Я.</i>	1932
			<i>Начина Т.У.</i>	1931
		с. Мордово-Ишуткино Иса克林ский район	<i>Начина В.В.</i>	1938
			<i>Старый Маклауш Груздева Е.Е.</i>	1929
			<i>Михайлова Е.К.</i>	1928
			<i>Емельдязова А.З.</i>	1927
			<i>Павлова Е.Т.</i>	1937
1997	СРОО «Историко-эко-культурная ассоциация “Поволжье”», ГУНИИГН при Правительстве Республики Мордовия, Никонова Л.Н., Николаев С.Д., Корнишина Г.А.	сёла Старый Маклауш, Старый Байтермиш Клявлинский район	<i>Михайлова М.И.</i>	1920
		сёла Большой Толкай, Красные Ключи, Большая Ёга, Алешкино Похвистневский район	<i>Старый Байтермиш Сульдина Т.Т.</i>	1920
			<i>Янкина П.И.</i>	1937
			<i>Клявлино Нарушева Т.В.</i>	1917
		с. Мордово-Ишуткино Иса克林ский район	<i>Большой Толкай Кечаев М.И.</i>	1918
			<i>Кечаева Е.Ф.</i>	1921
			<i>Чепурнаева У.М.</i>	1906
			<i>Батраев В.И.</i>	1935
			<i>Чегаева М.А.</i>	1929
с. Мордово-Ишуткино Иса克林ский район	<i>Большая Ёга Нечаева Н.Н.</i>	1922		
	<i>Беркутова К.Т.</i>	1913		
	<i>Нечаева А.И.</i>	1936		
	<i>Шершов И.С.</i>	1934		
	<i>Шершова Е.С.</i>	1937		

Год исследования	Головная организация, Ф.И.О. исследователя	Название населенного пункта, района	Ф.И.О. респондента	Год рождения респондента
1998	СРОО «Историко-эко-культурная ассоциация "Поволжье"», ГУНИИГН при Правительстве Республики Мордовия, Музей изобразительных искусств им. С.Д. Эрьзи, Корнишина Г.А., Прокина Т.П., Прокина Н.В.	сёла Старый Маклауш, Старый Байтермиш Клявлинский район	Красные Ключи <i>Ларионова Е.И.</i> <i>Каврина М.П.</i>	1913 1910
		сёла Большой Толкай, Красные Ключи, Большая Ёга, Алешкино Похвистневский район	Алешкино <i>Осипов А.Г.</i>	1947
		с. Мордово-Ишуткино Исаклинский район	Мордово-Ишуткино <i>Ледяева А.П.</i> <i>Лопатин П.И.</i> <i>Лопатина А.М.</i>	1912 1934 1935
1998	СГИК, Ведерникова Т.И.	с. Липовка Хворостянский район <i>обрусевшая мордва</i>	<i>Батова Мария Константиновна</i> <i>Мартынова Серафима Михайловна (э.)</i> <i>Сорокин Михаил Федорович (рус.)</i> <i>Кирсанова Мария Федоровна (рус.)</i> <i>Кирсанова Агафья Федоровна (рус.)</i> <i>Дуданова Зинаида Всеволодовна (рус.)</i> учитель	1910 1925 жен. в 1946 венч. в 1927
1999	СГИК, Ведерникова Т.И.	с. Большая Ёга Похвистневский район	<i>Киселева Анастасия ?</i> <i>Николаева Домна Тихоновна,</i> <i>Борзова Татьяна ?</i>	1916
2001-2002	СГИК, Ведерникова Т.И.	с. Семёновка Кинель-Черкасский район		
2001	СГИК, Ведерникова Т.И.	с. Ерзовка Кинель-Черкасский район	<i>Колесникова Александра Алексеевна,</i> <i>Прокофьева Анна Васильевна,</i> <i>Кичайкина Надежда Александровна</i> <i>Чертоганова Любовь Степановна</i> <i>Чертоганов В.О.</i>	1925 1938
		с. Чёрновка Кинель-Черкасский район		
2002	СГИК, Ведерникова Т.И.	с. Свободные Ключи Кинель-Черкасский район		

Год исследования	Головная организация, Ф.И.О. исследователя	Название населенного пункта, района	Ф.И.О. респондента	Год рождения респондента
2004	СГИК, Ведерникова Т.И.	с. Клявлино Клявлинский район	<i>Радаев В.К.</i>	
		с. Старые Сосны Клявлинский район		
		с. Старый Маклауш Клявлинский район		
		с. Сухой Колок Клявлинский район		
2018	СГИК, Ведерникова Т.И., Малкова Н.М.	с. Старые Сосны Клявлинский район		
2019	СГИК, Ведерникова Т.И.	с. Трофимовка Нефтегорский район	<i>Бабина Валентина Васильевна,</i> <i>Ломакин Анатолий Кириллович</i>	1939
		с. Чёрновка Кинель-Черкасский район	<i>Харькова Клавдия Семёновна</i>	1938

Приложение 3

**МОРДОВСКИЕ СЕЛЕНИЯ САМАРСКОГО КРАЯ В 1795 г.
ПО ДАННЫМ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИМЕЧАНИЙ К ГЕНЕРАЛЬНОМУ МЕЖЕВАНИЮ»
И 5-й РЕВИЗИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ 1795 г.**

РГАДА Ф. 1355. Оп. 1.	Уезд / Селения	Число душ			Число дворов/ Примечания
		муж. пол	жен. пол	всего	
Ед. хр. 1422, Лист	Самарский уезд				
342 об.	с. Архангельское / Липовка	483	472	955	141; на р. Б. Липовка по дороге из Оренбурга в Симбирск; владельч. кр-не
72-75 об.	с. Архангельское / Титовка с деревнями: Горки Малая Томылова Глушицы	346 133 88 300	275 110 84 336	621 243 172 636	84 44 23 92 ясашные и эконом. кр-не
59 об.-62	Морд. Липяги	88	73	161	26 ясашные и эконом. кр-не
30 об.-32	Старая и Новая Семейкина	341	343	684	70 Владения пахот. солдат, ясашных из чуваш, морд. и русских кр-н
226-230	с. Кузьмодемьянское / Чёрновка с деревнями: Березовка Тростянка	297 100 144	296 104 145	593 204 289	100 36 55; влад-я казен. вед-ва ясаш, экон., из морд. новокрещ. кр-н, пахот. солдат
217	с. Архангельское / Каменка	781	766	1547	210; церк.1776 Влад-я семьи Скрябиных, казен. ясаш. кр-н, пахот. солдат и однодворцев
259	Мордовская Селитьба	157	205	362	31; ясаш. из морд. новокрещ.
208	с. Богоявленское / Кобельма	314	350	664	114 влад-я из мордвы новокрещ. ясаш. и экон. кр-н
264	с. Спасское / Чесноковка	148	150	298	65; церк.1753 влад-я князя Е.А. Голицына
214	с. Покровское / Елховка	436	477	913	136. Общего влад-я капит. И.П. Ульянина, казен. вед-ва экон., ясаш. кр-н, пахот. солдат и однодворцев
291	д. Степная Шентала	251	277	528	62; казен. вед-ва из морд. новокрещ. ясаш. кр-н
287 об.- 288	с. Богоявленское / Старая Кармала с деревнями: Новая Кармала Грачевка	189 252 156	180 269 160	369 521 316	59; церк. 1770 85 61; казен. вед-ва русских, новокрещ. из морд. и чуваш ясаш. кр-н, пахот. солдат

РГАДА Ф. 1355. Оп. 1.	Уезд / Селения	Число душ			Число дворов/ Примечания
		муж. пол	жен. пол	всего	
Итого	20 селений			10076	
Д. 1430, лист	Ставропольский уезд				
78-79	Благовещенская слобода / Сускан из морд. новокрещ. ясаш. кр-н	231	106	337	70
89-89 об.	Выселок / Ивановка влад-я рус., новокрещ. ясаш. морд., чуваш.	131	112	243	62
102 об.	Нижне-Санчелеево	375	413	788	118
102 об.	Верхне-Санчелеево	288	305	593	58
102 об.	Старая Бинарадка	427	430	857	131
102 об.	Пискала	321	346	667	102 гос. и уделън. кр-не
102 об.	Узюково	334	339	673	109 гос. и уделън. кр-не
125	д. Дмитриевка / Сухие Аврали корон. вед-ва ясаш. новокрещ. морд., в т.ч.1 дом и 6 чел. однодворцев	386	394	780-6	122
128	Кирилловка / Аврали ясаш. мордвы	113	148	261	26
128	Новая Бинарадка всего в т. ч. ясаш. морд.	470 321	436 293	906 614	70 20
149 об.	д. Табурная новокрещ. морд. и чуваш. эконом. кр-не	186	131	317	137 на прав. стороне р. Черемшан
153	д. Александровка влад-я О.Н. Самсоновой	40	42	82	30
159-159 об.	Белый Яр, казен. вед-ва пахот. солд. и ясаш. кр-н	685	835	1520	229
185	с. Рождественское / Лебяжье с деревнями: Сабакаева Васильевка / Грязнуха	428 172 89	428 179 83	856 351 172	148 ясаш. морд., чуваш. 53 –«- 30 –«-
206 об.	д. Тимошкина / Высокий Колок новокрещ. ясаш. мордва	95	100	195	25
213-214	Новая Бесовка / Кармала	111	149	260	40 ясаш. кр-не
214 об.	с. Рождественское / Старая Бесовка Новокрещ. ясаш. мордва	170	180	350	60
218 об.	2 ч. с. Старая Бесовка Средняя Бесовка Ч. Новой Бесовки / Кармала влад-я князя Дадиани	290 224 147	226 200 141	516 424 288	80 70 40
232	с. Дмитриевка / Малыкла Князя Дадиани ясаш. морд.	145 184	130 185	275 369	40 74

РГАДА Ф. 1355. Оп. 1.	Уезд / Селения	Число душ			Число дворов/ Примечания
		муж. пол	жен. пол	всего	
232	д. Куликовка Князя Дадиани Ясаш. морд.	111 97	100 107	211 204	56 32
232	Новая Малыкла ясаш. морд.	367	240	607	62
269 об.- 270 об.	д. Ерёмкина казен. вед-ва новокрещ. ясаш. морд. и чуваш.	313	260	573	78
283	д. Богдашкина казен. вед-ва новокрещ. ясаш. морд.	151	156	307	50
374	д. Старый Урень казен. вед-ва новокрещ. ясаш. морд.	105	137	242	36
444 об.	с. Покровское / Красная Река казен. вед-ва ясаш. кр-н	493	520	1013	180
Итого	32 селения			15845	
Д. 1874, ист.	Бугульминский уезд				
118	с. Борисово из морд. новокрещ. казен. вед-ва кр-н	354	320	674	90; на прав. стороне р. Б. Сок, Камышла
115	Старая Домосейкина из морд. новокрещ. казен. вед-ва кр-н	142	110	252	35; на прав. стороне р. Б. Сок
95-96	Новая Домосейкина из морд. новокрещ. ясаш. кр-н удельн. кр-н	55 70	51 73	106 143	12 20
235	д. Добринка из морд. новокрещ. ясаш. кр-н	95	95	190	30; на лев. стороне р. Кандыз
133	Васильевка / Кузайкина из морд. новокрещ.	71	71	142	18; по обе стороны р. Каратай
156-157	д. Сугушла из морд. новокрещ.	113	156	269	26; на прав. стороне р. Б.Сугушла
237	д. Новая Борискина из морд. новокрещ. ясаш. кр-н	77	109	186	25; на прав. стороне р. Кандыз
241	Дмитриевка / Усулы новокрещ. мордвы	61	48	109	22; на прав. стороне р. Б.Кандыз
242	Новоселка / Серезкина из морд. новокрещ. ясаш. кр-н	172	158	330	42 на ключе Якушкинском
244	д. Аксенкина из морд. новокрещ. ясаш. кр-н	105	100	205	27; на лев. стороне р. Кандыз
246-248	деревни Маторина Алексеевское Черный Ключ Мордовский Кандыз / Секретарка из морд. новокрещ. ясаш. кр-н ВСЕГО	84 8 16 217 325	69 8 18 193 288	153 16 34 410 613	22 3 6 50 81

РГАДА Ф. 1355. Оп. 1.	Уезд / Селения	Число душ			Число дворов/ Примечания
		муж. пол	жен. пол	всего	
249-252	с. Рождественское / Маклауш и деревни: Ст. Казбулатова, Нов. Казбулатова, Нов. Маклауш	230 79и10 70 94	379 67и5 55 84	609 161 125 178	73 ясаш. морд. лев. сторона р.Шеш. 27 и 2 ясаш., удельн. морд. 16 ясаш. морд. 21 ясаш. морд.
253	Черемшанские Вершины / Клявлино, казен. вед-ва ясаш. новокрещ. морд.+чуваш.	107	60	167	30
260	д. Спиридоновка Ясаш. новокрещ. морд.	205	180	385	59 на лев. стороне р. Степ. Шешма
312	д. Кармалка / Сарабикулино ясаш. новокрещ. морд.	202	202	404	65
263	Ново-Кувацкая слобода отстав. унтер-офицер, солдат и детей ясаш. кр-н	154 9	170 4	324 13	43 3
271	д. Ивановка ясаш. морд. удельн. новокрещ. кр-н	88 29	90 29	178 58	20 8
281	Тихие Ерыклы	61	48	109	13 ясаш. морд.
300	д. Новая Резяпкина / Ойкина ясаш. новокрещ. морд.	68	40	108	20
301-303	д. Карабикулова новокрещ. морд.+служ. татары	34	32	66	10
325-328	с. Богоявленское / Шентала с деревнями: Новая Суркина / Сенькина Старая Суркина, Вязовка вновь поселен. ясаш. новокрещ. морд.	335 98 104 43 580	300 108 109 49 566	635 206 213 92 1146	112 36 25 16 189
331	Темешева / Щербень новокрещ. морд.	154	169	323	94
332-333	Андреевка / Подлесное новокрещ. морд.	160	82	242	29
354-355	д. Афонькина / Новомордов- ская ясаш. новокрещ. морд.+чув.	191	199	390	50
364	д. Богана ясаш. новокрещ. морд.	377	389	766	103
376-377	д. Старая Урметева крещ. морд.+крещ. чуваш.	72	30	102	20
376-377	Новая Урметева крещ. морд.	49	52	101	18
Итого	37 селений			9996	

РГАДА Ф. 1355. Оп. 1.	Уезд / Селения	Число душ			Число дворов/ Примечания
		муж. пол	жен. пол	всего	
Д. 1876, Лист	Бугурусланский уезд				
40	с. Рождественское / Морд. Бугуруслан ясаш. новокрещ. морд., удельн. вед-ва кр-н	291 36	116 42	407 78	89 13
40-43	д. Староверская / Елатманка ясаш. новокрещ. морд., удельн. вед-ва кр-н отстав. солдат и детей	82 78 18	64 84 19	146 162 37	27 27 7
40-43	д. Пронкина новокрещ. ясаш. морд.	35	39	74	7
40-43	д. Шестайкина новокрещ. ясаш. морд.	15	20	35	6
40-43	д. Давыдкина / Киватская новокрещ. ясаш. морд.	54	55	109	16
40-43	д. Алексеевка / Озерок, Баша- рина новокрещ. ясаш. морд.	112	43	155	28
40-43	д. Новая Григорьевка новокрещ. удельн. морд.	42	25	67	14
40-43	д. Лобин Ключ новокрещ. ясаш. морд.	18	20	38	5
41-43	д. Камен. Ключ / Ключевка новокрещ. ясаш. морд.	58	71	129	17
41-43	д. Верх. Заглядкина новокрещ. ясаш. морд.	42	36	78	14
41-43	д. Ниж. Заглядкина / Яковлев- ка новокрещ. ясаш. морд.	18	19	37	7
41-43	д. Козловка новокрещ. ясаш. морд.	24	17	41	10
43	д. Белое Озеро / Тюрино ясаш. новокрещ. морд., удельн. вед-ва кр-н	15 18	7 11	22 29	4 7
43	д. Каменка / Нойкино новокрещ. ясаш. морд.	282	290	572	78
43	д. Морд. Бокла новокрещ. ясаш. морд.	192	170	362	54
50	д. Морд. Астанеево ясаш. морд.	23	20	43	6
64	д. Кирюшкина ясаш. морд. удельн. кр-н рус.	219 26	263 38	482 64	52 11
64	д. Нуштайкина ясаш. морд. удельн. кр-н рус.	181 38	159 48	340 86	44 9
82	д. Алпаева ясаш. новокрещ. морд.	144	163	307	42
85	д. Узеля ясаш. новокрещ. морд.	153	128	281	39
86	д. Ст. Павлушкина ясаш. новокрещ. морд.	215	207	422	72

РГАДА Ф. 1355. Оп. 1.	Уезд / Селения	Число душ			Число дворов/ Примечания
		муж. пол	жен. пол	всего	
87	д. Нов. Павлушкина ясаш. новокрещ. морд. удельн. морд.	19 30	15 23	34 53	5 10
88	д. Афонькина / Коровино ясаш. новокрещ. морд. рус. ясаш. удельн. кр-н	258 21 26	236 15 21	494 36 47	77 7 6
91	д. Кабаевка / Васильевка ясаш. новокрещ. морд.	72	78	150	15
91	д. Терис-Тамак новокрещ. морд.	123	93	216	42
91	д. Степановка новокрещ. морд. новокрещ. чуваш.	104 108	88 79	192 187	28 30
92	д. М. Сурметева / Анисимовка новокрещ. морд.	98	122	220	25
92	д. Б. Сурметева / Радаевка новокрещ. морд.	252	257	509	68
95	д. Мартыновка / Елань рус. ясаш. ясаш. новокрещ. морд.	70 155	71 134	141 289	23 36
96	д. Нов. Терис / Меклебаева новокрещ. морд.	111	115	226	41
96	д. Ерыкла / Нов. Кармалка ясаш. новокрещ. морд. рус. ясаш. одновдор.	130 29 31	105 35 22	235 64 53	34 9 9
97	д. Верх. Сурмет / Подлесная новокрещ. морд. тептярей	178 4	175 3	353 7	47 1
99	д. Нов. Якупова / Абдулова теп- тярей, татар. удельн., ясаш. морд.	6	6	12	3
100	д. Алмистева ясаш. морд. ясаш. новокрещ. морд. из Казан губ. переш.	61 39	64 39	125 78	13 10
100	д. Кускина ясаш. морд. удельн. кр-н	93 6	94 6	187 12	24 2
101	д. Радостная ясаш. новокрещ. морд. перешед. из Тамбов. губ.	72 34	55 34	127 68	15 9
107	д. Борискина ясаш. новокрещ. морд.	72	78	150	17 на прав. стороне р. Камышле?
108	д. Байтермишева/Савельевка ясаш. новокрещ. морд.	59	36	95	12
109	д. Тимофеевка ясаш. морд. удельн. морд.	70 4	65 1	135 5	16 1

РГАДА Ф. 1355. Оп. 1.	Уезд / Селения	Число душ			Число дворов/ Примечания
		муж. пол	жен. пол	всего	
115	д. Камыш-Садак ясаш. новокрещ. морд.	295	302	597	84
116	д. Нов. Узели / Петровка ясаш. морд.	96	95	191	18
119	д. Кукчумова из Хвалын. у. ясаш. новокрещ. морд. из Тамбов. губ. однодвор.	58 96	99 153	157 249	27 45
120	д. Каратай / Седяка удельн. кр-н ясаш. морд.	81 57	86 47	167 104	30 23
122	д. Гаврилова, ясаш. морд.	77	78	155	23
126	д. Егорьевка, ясаш. морд.	35	24	59	7
176	д. Сок-Кармала рус. ясаш. новокрещ. морд. новокрещ. чуваш.	58 108 17	34 69 12	92 177 29	15 50 8
179	д. Трифоновка/Михайловка ясаш. новокрещ. морд.	133	133	266	38
181-182	с. Дмитриевское / Кандыз с деревнями Рус. Бокла Красноярка Павлушкина / Незнайкина ясаш. кр-н	470 139 83 78	527 128 81 71	997 267 164 149	189 38 26 23
187	с. Архангельское / Ключи ясаш. новокрещ. морд.	313	315	628	80
187	Б. Толкай ясаш. новокрещ. морд.	338	397	735	82
187	М. Толкай ясаш. новокрещ. морд.	373	392	765	91
187	д. Ю(Ё)га ясаш. новокрещ. морд.	120	135	255	16
193	Абдуловский завод в числе др. новокрещ. морд.	133	94	227	74 всего
194	д. Нов. Мансуркино в числе др. новокрещ. морд.	50	39	89	70 всего
194	д. Ключевка / Аманак новокрещ. морд.	66	59	125	20
203	Фролкино (Ерзовка) ясаш. новокрещ. морд. однодворцев	231 26	196 12	427 38	105 7
205-206	Семёновка / Сарбайкина ясаш. новокрещ. морд. ясаш. новокрещ. чуваш.	19 150	15 130	34 280	6 47
206	д. Солянка ясаш. новокрещ. морд. экон. кр-н однодворцев	57 13 7	32 15 10	89 28 17	20 6 2
225	с. Богородское / Вечканово ясаш. новокрещ. морд.	204	209	413	75
225	д. Каргала ясаш. новокрещ. морд.	54	59	113	13

РГАДА Ф. 1355. Оп. 1.	Уезд / Селения	Число душ			Число дворов/ Примечания
		муж. пол	жен. пол	всего	
226	Ст. и Нов. Байтермиши ясаш. новокрещ. морд. и чу- ваш.	212	237	449	76
229	д. Старые Сосны казен. вед-ва морд. удельн. морд.	169 14	173 8	342 22	137 2
229	д. Нов. Сосны казен. вед-ва морд.	120	123	243	31
245-247	с. Никольское / Аделяково новокрещ. морд.	160	156	316	46
247	д. Вязовка, новокрещ. морд.	151	148	299	40
247	д. Захаркина новокрещ. морд.	215	179	394	74
248	с. Архангельское / Ишуткино новокрещ. морд.	233	265	498	70
Итого	71 селение			16713	
Ед.хр.962, Лист	Бузулукский уезд				
69-71	д. Ст. Тёпловка ясаш. морд. однодворцы	153 46	113 37	266 83	49 13
70	д. Нов. Тёпловка морд. новокрещ. однодворцы	244 87	240 86	484 173	77 27
70	Верх. Вязовка морд. новокрещ. однодворцы	159 119	148 123	307 242	62 32
70	Ниж. Вязовка морд. новокрещ. однодворцы	131 100	130 63	261 163	37 33
70	Каменка /Покровка морд. новокрещ. однодворцы	107 20	107 28	214 48	40 8
70	Елшанка / Трифоновка мордва	116	129	245	43
70	Ивановка ясаш. мордва	19	28	47	6
70	Березовка морд., чуваш.	94	73	167	34
71	Пьянковка морд., чуваш.	56	53	109	27
71	Сарапкина морд. новокрещ. однодворцы эконом. кр-не	93 3 38	82 5 22	175 8 60	38 1 10
73 об.	д. Ермаков Колок мордвы но- вокрещ. гос. кр-не	57	44	101	27
77 об.	д. Курманаева новокрещ. мордвы	220 92	182 71	402 163	75 29; гос. чуваш., ясаш. рус., эконом., одно- двор., пахот. солд.

РГАДА Ф. 1355. Оп. 1.	Уезд / Селения	Число душ			Число дворов/ Примечания
		муж. пол	жен. пол	всего	
79	д. Лобазы гос. ясаш. русских новокрещ. мордвы новокрещ. чуваш всего	14 179 15 208	13 176 21 210	27 355 36 418	5 51 3 59
82 об.	д. Бобровка из мордвы ново- крещ. каз. вед-ва кр-н	43	42	85	12
89-90	д. Федоровка новопоселен.	31	28	59	6 по обе стороны р. Бузулук
89 об. - 90	д. Алдаркина из мордвы и чуваш новокрещ. каз. вед-ва кр-н	188	179	366	40
90	д. Таволжанка из мордвы и чуваш новокрещ. каз. вед-ва кр-н.	98	86	184	32
166	д. Ивановка / Коноваловка из мордвы новокрещ. ясаш., экон. вед-ва кр-н	308	276	584	102
201	д. Новотоцкая удельн. имения и каз. вед-ва из мордвы ново- крещ.	104	118	222	34
215	Слоб. Никольская / Домашки- на влад-я малорос. черкас новокрещ. мордвы эконом. вед-ва кр-н пахот. солдат Всего	185 77 70 15 347	148 83 80 5 316	333 160 150 20 663	75 28 29 5 130
219	Креп. Красносамарская отстав. солдат отстав. казаков с дет. пахот. солдат экон. вед-ва из мордвы новокрещ. Всего	65 196 7 54 43 365	71 233 10 20 54 388	136 429 17 74 97 753	151
219	д. Съезжая / Леонтьевка удельных морд. новокрещ. ясаш. всего	66 183 249	64 160 224	130 343 473	50 59 109
219	д. Съезжая / Максимовка удельных морд. новокрещ. ясаш. Всего	101 129 230	95 130 225	196 259 455	34 26 60
262	д. Чёрновка однодворцев экон. из морд. новокрещен. Всего	320 77 209 606	348 84 215 647	668 161 424 1253	153
267	д. Егорьевка / Семейкина морд. новокрещ. удельн. имения эконом вед-ва кр-н Всего	255 6 110 371	270 5 110 385	525 11 220 756	85 3 35 123
Итого	25 селений			6202	
Всего по губ.	146 селений	88942 / 91209	95611 / 97555	184553 / 188764	

Приложение 4

**МОРДОВСКИЕ СЕЛЕНИЯ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX в.
ПО ДАННЫМ М. ГРЕБНЕВА¹**

Приходы церковные	Число душ			Дата основания храмов
	муж. пол	жен. пол	всего	
Самарский уезд				
Морд. Липовка	520	580	1100	1857-1860
Глушицкое (Томылово)	330	366	696	1835
Титовка	862	988	1850	1780-1845
Липяги	183	186	369	1838
Горки	166	179	345	1863
Новосемейкино	1003	1092	2095	1847-1848
Тростянка	392	413	805	1860-1861
Шиланский Ключ	802	889	1691	1856-1864
Бузаевка	300	300	600	1854-1868
Б.Каменка	500	600	1100	1776
Сухие Аврали	455	545	1000	1846-1848
Кобельма	320	380	700	1779
Вязовка	23	27	50	1857-1859
Б. Чесноковка	222	228	450	1753
Никольское (Красные дома)	262	252	514	1852-1874
Елховка	86	66	152	1807
Степная Шентала	964	1021	1985	1833-1876
Старая Кармала	586	611	1197	1781
18 селений	7976	8723	16699	
Ставропольский уезд				
Никольское	443	475	918	1851
Выселки	43	49	92	1863-1864
Нижне-Санчелеево	566	621	1187	1844-1847
Верхне-Санчелеево	823	943	1766	1861
Кирилловка	146	173	319	1837-1839
Нов. Бинарадка	578	687	1265	1834
Стар. Бинарадка	1374	1431	2805	1842-1852
Пискалы	995	1669	2664	1871
Узюково	1096	1208	2304	1862
Александровка	922	886	1808	1882
Нов. Бесовка	1674	1778	3452	1861-1862
Стар. Бесовка	714	920	1634	1780-1855

¹ Гребнев М. Мордва Самарской губернии: историко-этнографический очерк // СЕВ. Ч. неофиц. 1886. № 22. С.440-446.

Приходы церковные	Число душ			Дата основания храмов
	муж. пол	жен. пол	всего	
Нов. Малыкла	1325	1443	2768	1858-1879
Стар. Малыкла	307	341	648	1759
Бирля	973	1063	2036	1863-1881
Васильевка	213	341	554	1863
Лебязье	11	9	20	1754
Благовещенский Сускан	510	561	1071	1798-1866
Чув. Сукан	105	115	220	1861
Белый Яр	387	399	786	1782-1871
Матюшкино	2033	2056	4089	1790-1865
Крас. Река	1029	1187	2216	1780-1858
Архангельский, д. Ботьма	401	420	821	Храм не позднее 1823
23 селения	14868 / 16668	18309 / 18775	33177 / 35443	

Бугульминский уезд

Мартыново	437	486	923	1799
Борискино и д. Наумовка	1691	1767	3458	1784
Домосейкино	717	777	1494	1855-1870
Лукинский (д. Добрина)	338	395	733	1821
Нов. Маклауши и д. Тирикла	656	688	1344	1871
Ново-Мертвощинский (д. Домосейкина)	193	219	412	1809
Поповский (д. Дмитриевка и Измайловка)	278	309	587	1860-1863
Секретарка и д. Ново-Борискина	938	1101	2039	1872
Старые Маклауши и д. Казбулат, Ст. и Нов. Урмагсейка	1065	1145	2210	1798-1880
Верхне-Кармал. слоб.	382	422	804	1786-1872
Ново-Кувацкая	1465	1450	2915	1828
Старо-Кувацкая	959	1026	1985	1745-1750; 1801
Петровское	316	325	641	1853-1863
Тихоновка	294	308	602	1863-1865
Туарма	465	471	936	1804-1849
Черемшанская Крепость	691	737	1428	Постр. 1732; 1769
Шентала	2807	3047	5854	1827
25 селений	13697 / 13692	14670 / 14673	28367 / 28365	

Бугурусланский уезд

Кирюшкино	772	807	1579	1895
Б. Толкай	1182	1215	2397	1855
М. Толкай	1237	1300	2537	1865

С. Ключи и д. Ёга	1485	1565	3050	1770
Ибряйкинский (д. Нуштайкина)	668	681	1349	1773
Флоркино (Ерзовка)	454	609	1063	1861
Семёновка	172	167	339	1864
Захаркино	590	653	1243	1856-1861
Исаклы	261	280	541	1817-1859
Аделяково	902	999	1901	1772
Аманак	444	622	1066	1801-1845
Вечканово	797	837	1634	1760
Воскресенское	906	876	1782	1841
Исаково	89	88	177	1760
Ишуткино	619	635	1254	1781
Кротково	534	500	1034	1788-1814
Ново-Ганькино	103	109	212	1855-1879
Старые Сосны	1471	1486	2957	1840
Покровка	644	675	1319	1822
Сарайгир	600	625	1225	1821-1824
Кузьминовка	196	220	416	1835-1838
Кармала-Ивановка	603	652	1255	1844-1850
Мартыново	600	640	1240	1853-1858
Григорьевка	620	635	1255	1874
Афонькино	1195	1205	2400	1838-1857
Палибино	806	826	1632	1771
Морд. Бокла	500	539	1039	1875
Нойкино	781	793	1574	1877-1878
Пронькино	598	667	1265	1876
Морд. Бугуруслан	963	1068	2031	1821-1828
Аксаково	441	506	947	1816-1822
Рычково	554	593	1147	1865
Сок-Кармалы	258	299	557	1835-1882
Красноярка	779	855	1634	1877
Рус. Бокла	282	269	551	1836
Кандызская слобода	879	931	1810	1745-1750, 1791-1797
Павлушкино	1011	1037	2048	1873
Баклановка	720	721	1441	1839-1864
Петровка	300	270	570	1874
Б. Сурмет	1148	1200	2348	1854-1878
Борискино	378	417	795	1866
Зернаевка	758	790	1548	1880
Камыш-Садак в т. ч. д. Савельевка	1178 185	1162 210	2340 395	1866

Тимошкино	446	443	889	1865
Георгиевский / д. Емантаевка	887	810	1697	1861
Радовка	170	179	349	1864-1870
48 селений	30973 / 31166	31187 / 32666	62160 / 63832	
Бузулукский уезд				
Лабазы	630	650	1280	1836-1839
Курманаево	1113	1169	2282	1836-1839
Алексеевский (д. Новотроицкая)	375	367	742	1836-1839
Гришкино	560	566	1126	1858
Герасимовка и д. Тарпановка	424	390	814	1836
Благодаровка	626	686	1312	1853
Перовка	284	318	602	1843-1866
Георгиевское	425	429	854	1852-1854
Филипповка	151	153	304	1854-1869
Виловатое	811	818	1629	1836
Коноваловка	1200	1400	2600	1843-1846
Съезжее	543	546	1089	1824-1827
Чёрновка	398	442	840	1832
Колки	654	644	1298	1844
Неприк	170	180	350	1859-1861
Новотёпловка	926	894	1820	1807-1862
Ключевский (д. Новотоцкая)	298	294	592	1851
Баклановка	379	400	779	1837-1841
Ниж. Вязовка	1416	1297	2713	1844-1850
Каменка	450	473	923	1853-1854
Пронькино	326	352	678	1870-1871
Шулаевка	284	282	566	1860-1864
Яшкино	316	324	640	1836-1841
Толкаевка	642	686	1328	1849
Михайловка	92	111	203	1848
Пронькино	371	367	738	1861-1863
Шестаковка	222	208	430	1857-1860
Богдановский (д. Б. Ремизенка)	353	334	687	1853-1858
Логачевка	108	90	198	1839
Преображенский (д. Кишаловка)	140	158	298	1860-1863
Ефимовка	150	160	310	1843-1849
32 селения	14858 / 14837	15152 / 15188	30050 / 30025	

Николаевский уезд				
Новозахаркино	390	379	769	1844-1862
Константиновка-Барсуковка	300	300	600	1805-1826
М.Глушица / Соплевка	630	673	1303	1841-1853
Подъём	1660	1721	3381	1822
Вязовый Гай	500	560	1060	1829-1841
Каменный Брод	1250	1522	2772	1812-1829
Мосты	200	250	450	1809
Ломовский (д. Тёпловка)	150	163	313	1837-1843
Милорадовка	120	130	250	1840-1850
М. Перекопное	730	800	1530	1810-1833
10 селений	5630 / 5930	6498	12128 / 12428	
Новоузенский уезд				
Калдино	420	432	852	1860-1864
Миус	520	600	1120	1836-1852
2 селения	940	1032	1972	
146 селений	88942 / 91209	95611 / 97555	184553 / 188764	

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

АББРЕВИАТУРЫ И СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В УКАЗАТЕЛЕ

АН – академия наук
 АНО – автономная некоммерческая организация
 АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
 АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
 БГУ – Башкирский государственный университет
 ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
 ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
 ГубОНО – губернский отдел народного образования
 ГЭС – гидроэлектростанция
 ИИА УО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
 ИИАП – Институт истории и археологии Поволжья
 ИРГО – Императорское Русское географическое общество
 КГИК – Куйбышевский государственный институт культуры
 КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
 КГПУ – Куйбышевский государственный педагогический университет
 КГУ – Куйбышевский государственный университет
 МАИ – Московский археологический институт
 МордГПИ – Мордовский государственный педагогический институт
 МордГУ – Мордовский государственный университет
 НИИ – научно-исследовательский институт
 НИИЯЛИЭ – Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
 ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии
 ОК КПСС – областной комитет коммунистической партии Советского Союза
 РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

РГО – Русское географическое общество
 РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия
 РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
 РМ – Республика Мордовия
 РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
 РФ – Российская Федерация
 СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
 СамГТУ – Самарский государственный технический университет
 САО – Самарское археологическое общество
 СГИК – Самарский государственный институт культуры
 СГПУ – Самарский государственный педагогический университет
 СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
 СМ МАССР – Совет Министров Мордовской Автономной Советской Социалистической Республики
 СМИУ – Самарский муниципальный институт управления
 СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
 СССР – Союз Советских Социалистических Республик
 СРОО – самарская региональная общественная организация
 УАК – Учёная архивная комиссия
 ФЗО – школа фабрично-заводского обучения
 в., вв. – век, веков, веках
 в т. ч. – в том числе
 г., гг. – год, годы
 г. о. – городской округ
 губ. – губерния
 губисполком – губернский исполком
 губком – губернский комитет
 д. – деревня
 д-р ист. наук – доктор исторических наук
 зав. – заведующий
 зам. – заместитель
 засл. – заслуженный
 им. – имени
 канд. ист. наук – кандидат исторических наук
 канд. пед. наук – кандидат педагогических наук
 Средневожский крайкогиз – Средневожское краевое государственное издательство
 обл. – область
 ок. – около
 по наст. время – по настоящее время
 проф. – профессор
 род. – родился
 с. – село
 сер. – середина
 с. н. с. – старший научный сотрудник
 у. – уезд
 уком – уездный комитет
 Центриздат – Центральное издательство народов СССР

АГАПОВ Сергей Александрович (род. в 1952, г. Куйбышев), историк, археолог, канд. ист. наук. Окончил исторический факультет КГУ (1975). Организатор и директор СРОО «Историко-культурная ассоциация “Поволжье”» (с 1993 г. по наст. время). Руководитель и участник многочисленных археологических экспедиций в Волго-Уральском регионе **19, 32**

АКИНФОВ Владимир Николаевич (1841-1914), владимирский вице-губернатор, симбирский губернатор (1893-1902), тайный советник, пожизненный член Владимирской УАК, участвовал в создании Симбирской УАК, член ИРГО **12**

АКУТИНА, помещица **188**

АЛЕКСЕЕВ Борис, заводчик деревни Сок Камышлы (Борисовой) **82**

АЛЕКСЕЕВА Вера Ивановна **2, 26, 36, 98, 99, 101, 110, 117, 120, 332, 335**

АЛИХОВА Анна Епифановна (1902-1989), археолог, научный сотрудник Института археологии АН СССР, канд. ист. наук. Защитила диссертацию на тему «Мордовские могильники X-XIV вв.». С 1950 по 1956 г. в составе Куйбышевской археологической экспедиции возглавляла отряд по исследованию зоны затопления Куйбышевской (Жигулёвской) ГЭС **11-12, 16-17, 40-42, 45-46, 50, 263-264, 277**

АНДРОФАГИН Василий Алексеевич (1900, с. Большая Каменка Красноярского района - 1948), языковед, педагог. Окончил Бугурусланскую учительскую семинарию (1919). Учился в Саратовском госуниверситете, аспирантуре КГПИ. Работал ответственным секретарем журнала «Сятко» («Искра»), сотрудником Центриздата. С 1933 г. жил в Саранске, преподавал в МордГПИ, НИИ мордовской культуры, Институте повышения квалификации кадров народного образования. В 1937 г. репрессирован. Умер в лагере в Пермской обл. Реабилитирован в 1956 г. **112**

АРНАУТОВ статский советник **82, 83**

АРТАМОНОВА Людмила Михайловна (род. в 1952), д-р ист. наук, проф. Выпускница исторического факультета КГУ (1975), зав. кафедрой истории Отечества СГИК. Автор свыше 250 научных работ по проблемам российской истории и культуры, поволжского и самарского регионоведения **32, 35, 62, 76, 83**

АЩЕРИН А.П. переписчик **64**

БАГРАТИОН-МУРХАНСКАЯ Дарья Арчиловна, имеретинская царевна из рода Багратионов, дочь царя Имерети и Кахети Арчила II. В конце XVII в. вместе с отцом и братьями переехала в Россию **77**

БАТАЕВ Павел Петрович (1915, с. Новые Сосны Клявлинского района - 1942), поэт, журналист. Работал в районной газете «Ленинский путь» («Знамя Родины»), где были напечатаны его первые стихи. С 1934 г. жил в Саранске. Был редактором в Мордовском книжном издательстве, в молодежной газете «Ленинэнь киява» («По ленинскому пути»). В 1941 г. мобилизован на фронт, участвовал в боях под Москвой. Похоронен в городе Медынь Калужской обл. **115**

БАШКИРОВ Алексей Степанович (1885-1963), историк-антиковед, археолог, этнограф и краевед, культуролог, д-р ист. наук, проф. В 1919-1922 гг. жил в Самаре, был директором краеведческого музея и преподавал в университете. С 1923 г. - в Москве, заведовал отделом византийских древностей в Историческом музее. Член Института археологии и искусствознания, Института народов Востока СССР РАНИОН. Работал зав. кафедрой археологии историко-философского факультета МГУ. Репрессирован, арестован и выслан в Казахстан (1935). В 1945-1962 гг. возглавлял кафедру всеобщей истории Ярославского государственного университета **15, 277**

БЕЛЕНОВ Николай Валерьевич (род. в 1982), математик, доцент кафедры

информационно-коммуникационных технологий в СГСПУ, канд. пед. наук **32**

БЕЛОРЕЧЕНСКИЙ Иоанн, священник Бузулукского у., автор ряда статей в «Самарских епархиальных ведомостях» **26, 210, 258**

БЕЛЯЕВ Яков Васильевич (род. в 1950), археолог. Окончил МордГУ (1978). В 1980-1983 гг. - научный сотрудник сектора археологии и этнографии Мордовского НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР. В 1983-2017 гг. работал в научном отделе МордГУ. Область научных интересов - средневековая история и погребальная обрядность мордвы XIV-XVII вв. **44, 262, 264-265**

БЕЛЯЕВА Надежда Федоровна (род. в 1950), этнограф, проф., д-р ист. наук. Засл. деятель науки РМ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (2005). Окончила МордГУ (1972). С 1990 г. - преподаватель МордГПИ им. М.Е. Евсевьева. Автор более 100 научных и учебно-методических работ, в т. ч. 7 монографий. Научные интересы связаны с духовной культурой мордвы. Участник этнографических экспедиций в мордовские села Поволжья, в т. ч. Самарской обл. (1984-1989) **30**

БЕРЕЖКОВ Николай Борисович (1922, с. Ёга Похвистневского района - 1959), летчик, Герой Советского Союза. Окончил Похвистневский сельскохозяйственный техникум. Обучался в Энгельсской военной авиационной школе пилотов. С 1943 г. на фронте. Воевал на Северо-Кавказском, Южном, 4-м Украинском, Прибалтийском фронтах. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды. После войны работал председателем сельского Совета в родном селе. Его имя носят улица и средняя школа Похвистнево **100**

БИЛЕНКО Маргарита Васильевна, канд. ист. наук, занималась изучением истории мордвы XVII в. **24, 55**

БОГАЧЁВ Алексей Владимирович (род. в 1962, Куйбышев), археолог, д-р ист. наук, писатель. Окончил исторический факультет КГУ. Работал в археологической лаборатории КГУ, ИИА УРО РАН, был председателем правления Фонда «Полдень. XXII век». Заведовал кафедрами в СМиУ и СамГТУ. Автор свыше 150 научных работ, в т. ч. 12 монографий **18, 277**

БОГАЧЁВА Мария Михайловна (род. в 1936, с. Красные Ключи Похвистневского района). Председатель правления мордовского культурно-просветительского общества «Масторава» Похвистневского района (1999-2017). Была секретарем сельского Совета и зам. главы администрации Подбельской волости. Лауреат премии Фонда спасения эрзянского языка имени А.П. Рябова, Почётный гражданин района **118, 119**

БОЛТИН Иван Никитич (1735-1792), российский историк, археограф, член Петербургской АН. Его исторические взгляды высоко оценивали С.М. Соловьев и В.О. Ключевский **56**

БУЛКИН Иван Гурьянович (1912, с. Шилан Красноярского района - 1943), поэт, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза. Окончил механический техникум. Был членом бюро Куйбышевского горкома комсомола. Заведовал отделом учащейся молодежи Куйбышевского горкома ВЛКСМ, был секретарем комитета ВЛКСМ и зам. секретаря партбюро своего цеха Завода им. Масленникова. Сражался в составе 347-й Мелитопольской стрелковой дивизии. Погиб при освобождении Ставрополя. Его именем названы улицы в Ставрополе и Самаре **116**

БУКАНОВА Роза Гафаровна (род. в 1950), д-р ист. наук, проф., засл. деятель науки РФ. Автор исследований по истории Башкирского края и оборонительным линиям на Юго-Востоке Европейской России **54**

БУРНАШОВ И., стряпчий Новодевичьего монастыря **64**

ВАРАКСИН С., казанский комиссар **68**

ВАСИЛЬЕВ Игорь Борисович (1948-2004), археолог, канд. ист. наук. Получил историческое образование в БГУ (Уфа). В 1970 г. по приглашению Г.И. Матвеевой переехал в Куйбышев, прошел путь от ассистента до зав. кафедрой археологии и истории древнего мира СамГПУ. Создал научно-исследовательскую археологическую лабораторию. Заведовал отделом археологии и этнографии, был зам. директора по науке ИИА УрО РАН СССР (Свердловск). В 1994 г. возглавил созданный в Самаре Институт истории и археологии Поволжья. Автор 170 научных статей и монографий **17**

ВАСИЛЬЕВА Ирина Николаевна (род. в 1953, Куйбышев), археолог, канд. ист. наук, с. н. с. ИИАП. Окончила исторический факультет КГУ, аспирантуру на кафедре археологии МГУ. Работала в археологической лаборатории КГУ, ИИА УрО РАН, ИИАП. Защитила кандидатскую диссертацию «Технология гончарного производства Волжской Болгарии в X-XIV вв.». С 1971 г. активно занимается полевой работой, участвовала в Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства. Автор более 60 научных статей, монографий, научно-популярных изданий **18, 38, 42, 45, 47, 50, 51, 277**

ВЕДЕРНИКОВА Тамара Ивановна **2, 5, 31, 33, 35-36, 84, 88, 9, 95, 98, 106, 108, 138, 150, 187, 190, 193-195, 206-207, 212, 215-216, 221-222, 278-282, 284-285, 332, 335**

ВИДЯЕВ Фёдор Алексеевич (1912, с. Степная Шентала Кошкинского района - 1943), моряк-подводник, участник Великой Отечественной войны. После окончания Ленинградского военно-морского училища служил на Северном флоте.

Принимал участие в спасении полярников-папанинцев. Старший помощник командира, с 1942 г. – командир подводных лодок Щ-421, Щ-422. Погиб при выполнении боевого задания. Его именем назван посёлок Видяево в Мурманской обл. В с. Кошки Ф.А. Видяеву установлен памятник (2012) **100, 103**

ВОЛКОВА Татьяна Ивановна (род. в 1943, с. Кузьминовка Шенталинского района). Засл. учитель РФ. Окончила Мелекесский государственный педагогический институт. В 1960-2000 гг. работала учителем русского языка и литературы, завучем, а затем директором Старошенталинской средней школы. Председатель Шенталинского районного мордовского культурно-просветительского общества «Масторава» (1989-2011), создатель и директор Старошенталинского историко-этнографического музея имени М.И. Чувашёва (с 2002). Награждена орденом «Знак Почёта». Лауреат Государственной премии РМ за подготовку и издание антологии «Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки» **33-34, 109, 118-120**

ВОРОБЬИН (Воробин) Владимир Данилович, голова московских стрельцов (1679-1682), воевода в Арзамасе (1685), полковник, стольник (1686-1692) **59, 60**

ВОРОПАНОВ Виталий Александрович, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ **72**

ВТУЛКИН Михаил Алексеевич (1929, с. Дунаевка Похвистневского района - 1991), писатель, поэт, журналист. В 1948 г. окончил Малотолкайское педучилище, учился в юридическом институте. Работал корреспондентом газеты «Эрзянь правда».

Написал детские книги «Сиянь пей» («Серебряный зуб», 1977), «Сырнень шка» («Золотое время», 1981), «Ведьбайгине» («Росинка», 1992). Вместе с народным писателем Мордовии В.К. Радаевым составил сборник эрзянских легенд, преданий и сказов (1977) **115**

ВЯЙСЯНЕН Армас Отто (1890-1969), финский фольклорист-музыковед, собиратель и исследователь произведений музыкального фольклора финно-угорских народов, скрипач, педагог, общественный деятель **26-27, 135, 144-145, 147, 151, 173-175, 177, 183-184, 213-214, 250**

ГЕОРГИ Иоганн Готлиб (1729-1802), немецкий медик, химик, натуралист, этнограф, путешественник, проф. минералогии и академик Императорской Академии наук и художеств. В 1768 г. в составе Академической экспедиции работал в Поволжье. На основе своих записей с включением материалов участников академических экспедиций XVIII в. создал первое полное систематизированное описание народов России **22, 142**

ГЕРАКЛИТОВ Александр Александрович (1868–1933), археолог, историк, проф. Окончил Казанский университет, преподавал в Саратовском университете. С 1908 г. – член Саратовской УАК и помощник библиотекаря; затем - хранитель её исторического архива. С 1914 г. – член Таврической УАК. Участник ряда археологических раскопок. Автор более 60 научных работ **24, 54, 55-56**

ГЛАЗОВ Владимир Нилович (1862-1933), археолог-любитель, член Императорского Русского Археологического общества (1900) и Археологического института (Санкт-Петербург). Проживал в Вельске. Учился в Полоцкой кадетской гимназии, Санкт-Петербургском юнкерском пехотном училище, служил в 92-м пехотном Печорском полку, Лесном департаменте, затем земским начальником 3 участка

Гдовского уезда Санкт-Петербургской губ. **12, 50, 277**

ГОДУНОВ Борис Федорович (1552-1605), боярин, фактический правитель государства при Федоре Иоанновиче, русский царь в 1598-1605 гг. **56**

ГОЛОВКИН Константин Павлович (1871-1925), самарский купец, меценат, художник, архитектор, археолог и краевед. Инициатор создания художественного отдела при Самарском городском музее (1897). В октябре 1918 г. уехал с семьей в Иркутск. В 1922 г. вернулся в Самару, работал в губернском архивном бюро **12**

ГОЛЬМСТЕН Вера Владимировна (1880-1942), археолог, действительный член Московского археологического института, член-корреспондент Императорского Московского Археологического общества. Окончила женскую гимназию Министерства народного просвещения при Покровской общине сестер милосердия в Петербурге (1898) и восьмой педагогический класс (1899). Училась на историко-филологическом факультете Московских высших женских курсов в МАИ. Научный сотрудник Исторического музея в Москве (1911-1919). Работала в Самаре в ГубОНО (1919–1920), профессором Самарского университета (1919-1929), директором Самарского губернского музея (1922-1929). С 1929 г. трудилась в ГАИМК и Государственном Эрмитаже **10, 14-18, 29, 311**

ГОРОДЦОВ Василий Алексеевич (1860-1945), археолог, музейный деятель, проф., д-р археологии, засл. деятель науки РСФСР, основоположник советской археологической науки. В начале 1920-х гг. разработал единый план археологических исследований по берегам крупных рек. Живо интересовался археологическими исследованиями в Среднем Поволжье, несколько раз бывал в Самаре с целью оказания методической

помощи музеям, знакомства с новыми археологическими материалами **14**

ГРЕБЕНЦОВ Дмитрий Иванович (1895-1938), первый редактор журнала «Сятко» («Искра») (1929-1931) на эрзянском языке, издававшегося в Самаре. Работал первым секретарём Козловского райкома партии, ректором Мордовской высшей коммунистической сельскохозяйственной школы в Саранске. Репрессирован и расстрелян (1938). Реабилитирован в 1956 г. **107, 112**

ГРЕБНЕВ Матвей Иванович, столоничальник Духовной консистории в 1880-х гг., сотрудник и автор статей по истории и культуре мордвы Поволжья в периодическом издании «Самарские епархиальные ведомости» **4, 6, 26, 69, 88, 95-96, 148, 188, 208, 244, 295, 297, 299**

ГУРЬЯНОВ Григорий Назарович (1914, ст. Шентала Шенталинского района - 1963). Участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза. С 1939 г. в Красной армии. На фронте с 1942 г., был командиром орудия в 151-й стрелковой дивизии. Участвовал в боях за освобождение Ивано-Франковской обл. Награжден орденами Ленина, Красной Звезды, медалями. После войны трудился инструктором пожарной команды в Куйбышеве **100**

ДАИАНИ Егор (Георгий) Леванович (1683-1765), князь, грузинский царевич, генерал-майор артиллерии в армии Петра I **77, 287-288**

ДАИАНИ Софья Александровна (1691-1747), княгиня, урожденная Багратион-Имеретинская **77**

ДЕМИДОВ Александр Николаевич (род. в 1987), доц. кафедры философии, истории и теории мировой культуры СГСПУ, канд. филос. наук **36**

ДЁМКИН Юрий Михайлович (род. в 1973), председатель АНО «Мордовский культурный центр» (с 2013), директор АНО «Единый Совет национально-культурных объединений города Тольятти». Награждён медалью «За межнациональное согласие» (Республика Мордовия), Почётной грамотой РМ, дипломом Думы г. о. Тольятти «За заслуги перед городским сообществом» (2018), Почётной грамотой Губернатора Самарской обл. (2020) **122**

ДОРОГОЙЧЕНКО (Дорогойченков) Алексей Яковлевич (1894, с. Большая Каменка Красноярского района - 1947), прозаик, поэт, публицист, критик, переводчик. Участник Гражданской войны. Был председателем Самарского губисполкома. Главный редактор литературно-художественного журнала «Красная Армия». С 1921 г. – в Москве, заведовал литературным отделом газеты «Правда», трудился в журналах «Молодая гвардия», «Работница», «Земля советская». Возглавлял Всероссийское общество крестьянских писателей. Председатель Литфонда РСФСР, первый председатель Союза писателей Мордовии. Перевёл на русский язык первый сборник стихов мордовских поэтов (1940), многие народные песни, собранные М.Е. Евсевьевым и опубликованные в книгах «Эрзянь морот» («Эрзянские песни») и «Мордовская свадьба» **113**

ДУБМАН Эдуард Лейбович **2, 5, 24, 32-35, 55, 62, 65-66, 71, 74, 206, 216, 333, 335**

ДУНЯШИН Алексей Васильевич (1904, с. Большой Толкай Похвистневского района - 1931), прозаик, публицист, критик. Окончил Самарский рабфак, Московский государственный институт журналистики (1928). Работал специальным корреспондентом в газете «Од эрямо» («Новая жизнь»). Входил в состав первой редакции журнала «Сятко» («Искра») **112, 114**

ДУХОВНИКОВ Григорий, священник **188**

ЕВСЕВЬЕВ Макар Евсевьевич (1864-1931),

учёный, учитель, просветитель. Окончил Казанскую учительскую инородческую семинарию, историко-филологический факультет Казанского университета. Преподаватель истории и этнографии, эрзянского и мокшанского языков в Мордовском образцовом начальном училище при Казанской семинарии, других высших и средних учебных заведениях Казани. С 1920 г. – зав. отделом, научный сотрудник Казанского краеведческого музея. Организатор Центральных курсов мордовских учителей в Москве (1926-1928), первых 3-годичных курсов в Казани, краткосрочных курсов в Нижнем Новгороде, Самаре, Саранске, Саратове, Симбирске. Создатель словаря «Образцы мордовской народной словесности», автор первых букварей для мокши (1892) и эрзи (1897). Соавтор первого советского букваря для эрзи «Тундонь чи» («Весенний день»). Переводчик более 10 вероучительных и учебных книг. Участник фольклорно-этнографических экспедиций в Поволжье; первый фотограф, зафиксировавший многообразие бытовой культуры мордвы **27-28, 103-104, 108, 113, 166, 181-182, 200, 204-205, 208, 211, 226-227, 229-230, 233-238, 240-241, 244, 247, 250, 254, 257, 271-272, 303, 310**

ЕКАТЕРИНА II Великая (1729-1796), российская императрица в 1762-1796 гг. **83**

ЕФИМОВ Петр Николаевич (? - после 1925), горный инженер, управляющий известковыми заводами С.Г. Ванюшина в с. Ширяево, коллекционер. Был членом САО, Самарской музейной археологической комиссии **12**

ЖУРАВЛЁВ Вячеслав (Числав) Григорьевич (1935, с. Большой Толкай Похвистневского района – 2018), учитель, писатель, поэт, член Союза писателей России, засл. поэт РМ. В 1990 г. был в числе первых организаторов Самарского областного мордовского общества

«Масторава». Ведущий радиопередачи на эрзянском языке на областном радио «ГТРК-Самара», на многонациональной радиостанции «Радио-7 из Самары». Лауреат международной премии Общества М.А. Кастрена за вклад в развитие радиожурналистики финно-угорских народов России, премии Фонда спасения эрзянского языка им. А.П. Рябова за сохранение и развитие эрзянского языка, Литературной премии Программы родственных народов Эстонии и Ассоциации финно-угорских литератур **117, 118**

ЗАГРЯСКИЙ (Загряжский) Петр Алексеевич, московский дворянин, стольник, окольниковый. Воевода Самары в 1642 г. **57**

ЗМЕЕВ Лев Федорович (1832-1901), врач, библиограф, д-р медицины, окончил Московский университет, приват-доцент Санкт-Петербургской Медицинско-хирургической академии, служил на Кавказе, в воронежском и самарском земствах **25, 145, 147, 158**

ЗМЕЁВ Андрей Иванович (?-1742), первый комендант крепости Ставрополь, полковник, бригадир **67**

ЗЮЗИН М., подьячий, писец **58**

ИВАНОВ Владимир Александрович (род. в 1950), археолог, проф. Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, д-р ист. наук **17, 18, 277**

ИВАНОВ Степан, заводчик деревни **76**

ИНЧИН Анатолий Иванович (1917, Шентала – 1997), поэт, прозаик, журналист. Преподавал физику и математику в средней школе. Участник Великой Отечественной войны. Начальник разведки партизанского отряда, начальник штаба на севере Сумщины Брянской обл. Принимал

участие в развитии партизанской борьбы в Чехословакии, Венгрии, Болгарии и Югославии. После войны работал в Западной Украине в органах НКВД и МВД, стал профессиональным журналистом. Инициатор создания Самарского областного мордовского общества «Масторава», первый председатель организации **116, 118**

ИОСИФ (?-1652), Патриарх Московский и всея Руси (1642-1652) **59**

КАВКАЕВ Николай Герасимович (род. в 1943, с. Лукьяновка Похвистневского района), поэт, член Российского Союза профессиональных литераторов. Проживает в г. о. Отрадный. Член городской литературной студии «Оракул» (1998). Автор 17 сборников стихов, из которых два – «Вечкемань сюлмо» (2013), «Пизёлонь тол» (2015) вышли на эрзянском языке **117**

КАВТАСЬКИН Андрей Семёнович (1912, с. Красные Ключи Похвистневского района – 1983). Участник Великой Отечественной, советско-финской войн, Герой Советского Союза. Окончил Ленинградское военное артиллерийское училище. Командовал 1844-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком. Окончил Ленинградскую Высшую офицерскую артиллерийскую школу. Жил и работал в Великом Новгороде. Награжден орденом Ленина, Красного Знамени, тремя орденами Красной Звезды **100**

КАДЫШЕВА Анна Ивановна (?-1870), в 1862-1870 гг. - настоятельница общины Раковского Свято-Троицкого монастыря (ныне недействующий, расположен в Красноярском районе) **196**

КАМИНСКИЙ А., чиновник **140, 142, 189**

КАРПОВ П. В., член Самарской музейной археологической комиссии, купец **12**

КАСЬЯНОВА Инна Александровна (1934-2017), музыкант, фольклорист,

проф. КГПУ (СГПУ), член Правления и зам. председателя Самарской организации Союза композиторов России, засл. деятель искусств России, дочь самарского пивовара Александра Касьянова **30, 31, 33-34**

КЕППЕН Пётр Иванович (1793-1864), российский статистик, этнограф, библиограф, академик Российской академии (1837) и Петербургской АН (1843). Организатор систематического сбора статистических данных об этническом составе населения России. В 1851 г. издал первую «Этнографическую карту Европейской России» **85**

КЕРОВА Анна Кузьминична (Инокения Мария), крестьянка, инициатор основания Раковского Свято-Троицкого монастыря (ныне недействующий, в Красноярском районе) **196**

КИРЕЕВ Иван **79**

КИРИЛЛОВ Пётр Семёнович (1910, с. Малый Толкай Похвистневского района – 1955), поэт, прозаик, драматург, переводчик. В 1932 г. издал первый сборник стихов «Межавтомо» («Без межи»). Окончил Московский редакционно-издательский институт (1933), Всесоюзный институт кинематографии (1937). В 1930-х гг. вышли в свет большая эпическая поэма «Валске Сура лангсо» («Утро на Суре»), историческая драма «Кузьма Алексеев». Пьеса «Литова» стала первой пьесой на эрзянском языке, поставленной на мордовской сцене (Саранск, 1939). Участник Великой Отечественной войны, член Союза писателей СССР. Награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, Красной Звезды. С 1946 г. жил в Москве. Создатель сценариев первых документальных фильмов о Мордовии, составитель сборников мордовских народных песен и сказаний **115**

КИСТАНОВ Иван Васильевич (род. в 1947,

с. Кивать Ульяновской обл.), председатель общественной организации «Мордовская национально-культурная автономия городского округа Сызрань» (2011). Окончил МордГУ им. Н.П. Огарёва. Депутат Городской думы Сызрани II и III созывов. Награждён орденом «Знак Почёта» **122**

КЛЮЧЕВСКИЙ Василий Осипович (1841-1911), выдающийся русский историк, проф. Московского университета, академик Петербургской АН **198-199**

КОЗЛОВ Виктор Иванович (1924-2013), этнограф, демограф, д-р ист. наук, проф. Участник Великой Отечественной войны. Воевал с августа 1942 по ноябрь 1945 г. в составе 65-й армии 2-го Белорусского фронта. В 1949 г. окончил факультет картографии Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии. Защитил кандидатскую диссертацию «Расселение мордвы в XIX-XX вв.» (1956), докторскую по книге «Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы» (1969). Участник свыше 15 экспедиций, в т. ч. в Поволжье. С 1956 г. и до конца жизни работал в Институте этнографии, где прошёл путь от младшего научного сотрудника до зав. лабораторией и сектором. Создатель научного направления – этническая экология. Автор более 100 научных работ, в т. ч. 15 монографий. Награжден Орденом Славы III степени (1945), медалью «За боевые заслуги» (1945). Лауреат премии имени Н.Н. Миклухо-Маклая (1963), Государственной премии СССР в области науки и техники (1981) **32, 38, 55, 70, 90, 92, 95**

КОЗЛОВ Николай Михайлович (1926, с. Нефедкино Похвистневского района - 1983), генерал-лейтенант, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза. После учёбы в школе ФЗУ работал слесарем на заводах в Куйбышеве и Ташкенте. Окончил Харьковское танковое училище (1943). Был командиром танка

и танковой роты. Отличился в битвах за Днепр, на Курской Дуге, под Будапештом. После войны окончил Ленинградскую высшую офицерскую бронетанковую школу (1946), военную академию бронетанковых войск (1961) **100**

КОЛЕСНИКОВА Любовь Александровна (род. в 1962, с. Нижнеягодное Похвистневского района), председатель Самарской региональной общественной организации «Мордовский национально-культурный центр “Масторава”» (2003), председатель общественной организации «Региональная мордовская национально-культурная автономия» Самарской обл. (2012), зам. председателя региональной общественной организации «Союз народов Самарской области» (2014), член Общественной палаты Самарской обл., Совета общероссийского общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации», Исполкома межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа. Засл. работник культуры РМ. Окончила КГПУ (1990), работала учителем начальных классов. Награждена Почётной грамотой Самарской Губернской думы (2010), Благодарностью министра регионального развития Российской Федерации (2011), Почётной грамотой губернатора Самарской обл. (2012), Почётным знаком губернатора Самарской обл. «За труд во благо земли Самарской» (2016) и др. **118, 120, 123**

КОЛЮБАКИН Иван Яковлевич Большой, стольник (1682-1692), воевода в Коротояре (1687) **66**

КОРНИШИНА Галина Альбертовна **2, 5, 30-31, 35, 196, 199-203, 205-507, 209-212, 214-215, 221-222, 225, 229-231, 233-234, 236-241, 243, 245-251, 253-255, 258-261, 263, 269, 272-273, 279-284, 333, 335**

КРАСНОПЕРОВ Иван Маркович (1839–1920), статистик, этнограф, мемуарист. Окончил в Вятке духовное училище и

Духовную семинарию. С 1862 г. обучался в Казанском университете. С 1872 г. – преподаватель географии и истории на курсах сельских учительниц в Ставропольском у. Самарской губ. Заведовал статистическим отделом Самарского земства (1882-1893). Редактор восьми «Сборников статистических сведений по Самарской губернии». С 1886 г. – сотрудник «Русских Ведомостей», «Юридического вестника», «Вестника Европы», «Северного вестника», «Самарской газеты». Автор статей о народных традициях крестьян Вятской и Самарской губ. **25, 93, 97, 143, 263**

КУДРЯВЦЕВ Никита Алферович (?-1728), государственный и военный деятель, стольник (с 1692), второй воевода (1697-1699), затем первый воевода (1699-1708) в Казани, комендант Казани (1708-1714), первый вице-губернатор Казанской губ. (1714-1727) **68**

КУЗНЕЦОВ Владимир Дмитриевич (род. в 1953, с. Коноваловка Борского района), директор федерального историко-археологического музея-заповедника «Фанагория», д-р ист. наук, проф., зав. отделом классической археологии ИА РАН, член-корреспондент Германского археологического института. Окончил исторический факультет МГУ. Член редколлегий журналов «Вестник древней истории», «Российская археология», «Проблемы истории, филологии, культуры». Автор более 120 научных публикаций, монографий **124**

КУЛИКОВ Иван Игнатьевич (1900-1935), журналист, писатель. Учился в Саранской учительской семинарии. Работал учителем, зав. библиотекой, на партийных должностях, в редакции газет «Трудовая правда», «Новая деревня», «Средневожская деревня» «Красная Мордовия», журнала «Волжская новь». Один из организаторов и первый директор (1932-1934) НИИ мордовской культуры **113**

КУРБСКИЙ Андрей Михайлович (1528-1583), князь, боярин, полководец и политический деятель, писатель и публицист **52, 53**

ЛАТЫНИН Борис Александрович (1889-1967), археолог, этнолог, музейный работник, д-р ист. наук. Служил в Красной армии (1918–1920). Окончил археологическое отделение факультета общественных наук и аспирантуру Петроградского госуниверситета. Работал в Институте языка и мышления, ГАИМК, Государственном Эрмитаже. Репрессирован, выслан в Куйбышев, находился в лагерях на Колыме, вольных поселениях Дальнего Востока. С 1946 г., будучи под надзором, трудился научным сотрудником в Сызранском краеведческом музее. Реабилитирован в 1957 г. В 1953–1967 гг. - сотрудник отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа **16, 50, 277**

ЛЕОПОЛЬДОВ Андрей Филиппович (1800-1875), этнограф, историк, краевед, писатель, служил чиновником особых поручений при самарском губернаторе С.Г. Волховском, советником Самарского губернского правления, редактором «Самарских губернских ведомостей» **25**

ЛЕПЁХИН Иван Иванович (1740–1802), естествоиспытатель, д-р медицины, академик Императорской академии наук и художеств. Окончил Страсбургский университет. Участник Академических экспедиций XVIII в. Руководил одним из отрядов Оренбургской научной экспедиции в Поволжье, на Урале, Европейском Севере. Собрал значительные ботанические коллекции, опубликовал этнографические материалы по культуре народов России **22-23, 140-141**

ЛОСЕВ И. **56, 64**

ЛУЗГИН Александр Степанович (1949-2020), историк, этнограф, д-р ист. наук.

Председатель Государственного комитета РМ по национальной политике. Окончил МордГПИ им. М.Е. Евсевьева (1972), аспирантуру МНИИЯЛИЭ (1978); с 1978 г. - научный сотрудник сектора археологии и этнографии этого института, с 1986 г. - лектор, консультант по межнациональным отношениям ОК КПСС, ответственный работник СМ МАССР; с 1992 г. - директор Мордовского книжного издательства; с 1998 г. - министр печати и информации РМ; с 2003 г. - председатель Государственного комитета РМ по национальной политике. Лауреат Государственной премии РМ (1998). Награжден медалью «За трудовую доблесть», Почетной грамотой РМ (1999). Участник этнографических экспедиций, в т. ч. по Самарской обл. Исследователь народных промыслов мордвы **28-30**

ЛУКОЯНОВ Андрей (1685 - после 1762), мордовский крестьянин. Был в числе первых жителей д. Аделянкиной (ныне с. Старое Аделяково Челно-Вершинского района). Выступил «заводчиком» переселения в сер. XVIII в. в новую деревню, названную по его имени Андреевкой (ныне с. Подлесная Андреевка Шенталинского района) **81**

ЛУКЪЯНОВ Алексей Миронович (1910, с. Красные Ключи Похвистневского района - 1991), прозаик, поэт, журналист, член Союза писателей СССР. Один из лидеров московского кружка эрзянской интеллигенции. Был редактором эрзянской секции издательства «Учпедгиз», зам. редактора газеты «Эрзянь Коммуна». Редактор журнала «Сятко» («Искра») (1932-1933). Автор семи сборников стихов и первого эрзянского романа в стихах «Кинель» (1933). Участник Великой Отечественной войны. Был сотрудником фронтовой газеты. Участвовал в Битве за Москву. Воевал в составе Западного и 3-го Белорусского фронтов. Награждён двумя орденами Красной Звезды. Похоронен в Москве. В родном селе в честь поэта названа улица **115**

ЛУКЪЯНОВ Прокофий Максимович (1916, с. Красные Ключи Похвистневского района - 1987), агроном, участник Великой Отечественной войны, полный кавалер ордена Славы. После окончания Бугурусланского сельскохозяйственного техникума работал агрономом в Подбельском МТС (1937-1941). В Красной армии с 1941 г. Гвардии старшина, участник боев под Москвой и Минском, Битвы за Берлин. В 1944 г. участвовал в форсировании р. Бобр Минской обл. Отличился в боях в районе с. Думбровица (Румыния), городе Кезлин (Польша). После войны – председатель колхоза «Гудок» Подбельского района, председатель укрупнённого колхоза имени Калинина (1952-1959). Жил в г. Отрадный, работал экспедитором в объединении «Первомайнефть». Награждён орденом Отечественной войны 1 степени, медалями **66, 100, 103**

ЛЮЛЯКИНА Серафима Марковна (1922, с. Подбельск Похвистневского района - 1993), сказительница, засл. работник культуры и лауреат Государственной премии Мордовской АССР. Художественный руководитель Нижнегодинского Дома культуры. Лауреат областных, всероссийских и всесоюзных фестивалей самодеятельного творчества. Автор ряда статей в республиканской периодической печати, коллективных сборниках **116, 120**

ЛЯСКОВСКИЙ Б. – земский статист. В 1860 г. опубликовал «Материалы для статистического описания Самарской губернии» **92**

МАЙНОВ Владимир Николаевич (1845-1888), педагог, этнограф, географ, писатель **25, 93, 159, 236, 239**

МАЛИЕВ Николай Михайлович (1841 - не ранее 1916), антрополог, археолог, этнограф **25, 137, 157**

МАЛКОВА Наталья Михайловна **2, 5, 18-19, 21, 34, 45, 52, 104, 109, 189, 191, 264, 267, 269, 277, 285, 331, 335**

МАРИНИН Денис Илларионович (1869, с. Новое Семейкино Красноярского района – 1953), активист мордовского движения в 1920-30-х гг. Участник революций 1905 и 1917 гг., Гражданской войны и установления Советской власти в Мордовии. Вёл большую культурно-просветительскую работу среди мордвы Самарской губ. В 1920 г. Самарским губернским комитетом ВКП(б) назначен заведующим отделом национальных меньшинств губкома партии. В апреле 1921 г. по его инициативе в Самаре был открыт детский дом для детей-сирот из мордвы, родители которых погибли во время революции и Гражданской войны. В 1930-х гг. – делегат мордовских языковых (терминологических) научных конференций (Саранск) **105-108**

МАРУЩЕНКО Александр Александрович (1904-1976), археолог, слушатель археологических курсов Самарского университета, работал сотрудником музея при Самарском университете, сотрудником губернского архивного отдела **14**

МАТВЕЕВ Павел Александрович (1844-?), писатель, член Самарского окружного суда, секретарь комиссии при ИРГО для изучения народных юридических обычаев, редактор журнала «Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии» **25**

МАТВЕЕВА Галина Ивановна (1933-2008), археолог, основатель самарской археологической школы, канд. ист. наук, проф. Окончила историко-филологический факультет Пермского государственного университета (1956). Была директором краеведческого музея в Троицке Челябинской обл., Башкирском государственном университете. Защитила кандидатскую диссертацию «Население лесной и лесостепной Башкирии в III-VIII вв. н. э.». С 1969 г. трудилась в КГУ (СамГУ). Руководитель археологических экспедиций, среди ее учеников более 25 являются кандидатами, 5 – докторами исторических наук **17-18, 277, 303**

МАТКИН Михаил Григорьевич (1889-1938), археолог, активный участник краеведческого движения 1919-1929 гг. **14**

МЕДВЕДЕВ Михаил Михайлович (1923, с. Коноваловка Борского района - 1987), Герой Советского Союза. На фронте Великой Отечественной войны с июля 1942 г. Сапёр 89-го гвардейского отдельного батальона связи 78-й гвардейской стрелковой дивизии. Награждён орденами Красной Звезды, Красного Знамени (1945), медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Праги» и др. Жил и похоронен в Семипалатинске (Казахстан) **100**

МЕНШИКОВ Александр Даниилович (1673-1729), русский государственный и военный деятель, граф, князь **62, 64, 68**

МЕЩАНОВА Татьяна Фёдоровна (1950, с. Чёрная речка Исаклинского района - 2021), засл. учитель РФ, отличник просвещения РСФСР. Окончила КГПИ. Преподавала русский язык и литературу, родной (эрзянский) язык, историю и культуру в Старовечкановской средней школе. Руководила школьным историко-этнографическим музеем, исследовательской группой при нем, краеведческим кружком, детским народным фольклорным ансамблем «Вишка лейне» («Маленькая речка»). Почётный гражданин Исаклинского района, награждена дипломами и благодарственными письмами Самарской Губернской думы, Министерства образования и науки Самарской обл., Министерства культуры Самарской обл., главы РМ, Почётной грамотой губернатора Самарской обл. **109**

МИЗИНОВА (Шихобалова) Вера Павловна (1893–1987), музейный работник, археолог. Окончила трехгодичные Высшие этнолого-археологические курсы в Самаре, историко-этнологический факультет 1 МГУ и заочный Индустриальный институт в Ленинграде. Работала в музее ОАИЭ

в Самаре, в 1928-1929 гг. – стажер ГИМа. После отъезда В.В. Гольмстен из Самары переехала в Ленинград, трудилась в ИИМК, Государственном Эрмитаже **14**

МИЛЛЕР Василий Александрович (1878–1943), агроном, жил в Самаре в 1906-1908 гг., вместе с братом Михаилом Александровичем составил археологическую карту Самарской губ. **12, 50, 277**

МОРОНЦОВ Леонтий, соборный старец, позднее келарь Звенигородского Савво-Сторожевского монастыря. В 1673/74-1684 гг. был промышленником Надеинского Усолья на Самарской Луке **62**

МУРАТОВ Владимир Николаевич (род. в 1956, с. Алтухово Кинель-Черкасского района), предприниматель, обладатель многих общественных наград и премий в области меценатства и бизнеса. Основатель Музея мордовской культуры им. Ф.Ф. Ушакова в г. о. Отрадный. Директор мордовского благотворительного фонда «Паро» («Добро») **36, 124**

НАЗАРОВ Алексей подписал в 1755 г. от имени мордовских крестьян-переселенцев из Симбирской губ. купчую на землю, где была основана д. Алексеевка (ныне с. Алешкино Похвистневского района) **76**

НАЯКШИН Кузьма Яковлевич (1900-1982), краевед, историк, проф. Куйбышевского политехнического института, канд. ист. наук. Почетный гражданин Куйбышева **29**

НИКОЛАЕВ Сергей Дмитриевич (род. в 1961), ученый, канд. ист. наук. Окончил МордГУ им. Н.П. Огарёва (1986), заведовал отделом археологии и этнографии в НИИ при Правительстве РМ. Научные труды посвящены системе родства мокши и эрзи. В 2000-2018 гг. – редактор самарской областной мордовской газеты «Валдо ойме» («Светлая душа») **34, 104, 109, 112, 281-284**

НОЛЬДЕ Борис Эммануилович (1876-1948), барон, российский юрист, государственный и политический деятель, историк **72**

ОЛИМПИАДА, игуменья **64**

ОРЛОВ Владимир Григорьевич (1743-1831), граф, младший из знаменитых братьев Орловых, генерал-поручик, директор Академии наук **83**

ОСИПОВ Афанасий Матвеевич (Артур Моро) (1909-1989), поэт, кандидат искусствоведения, член Союза писателей СССР, засл. поэт РМ. Учился в школе ФЗУ при типографии Центриздата народов СССР в угро-финском отделе. Во время Великой Отечественной войны был редактором газеты «Вперед за Родину». Воевал, награжден орденом Красной Звезды. После войны преподавал в вузах Москвы и Мордовии. Вел большую общественную деятельность. Издал 16 книг на эрзянском и русском языках. В 1989 г. на родине поэта был открыт Дом-музей Артура Моро. В 1997 г. издан его посмертный роман «Степан Эрзя» **113**

ОХИН Иван Петрович (1902, с. Старый Байтермиш Клявлинского района - ?), партийный деятель, активист национального движения. В 1920-е гг. возглавлял в Самаре Клуб национальных меньшинств им. И.В. Сталина при губернском комитете ВКП(б). В 1930-е гг. проживал в Саранске, был зав. производством и парторгом Мордовского государственного издательства. Арестован в 1938 г., реабилитирован в 1939 г. Участник Великой Отечественной войны. Награждён медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» **106-107**

ПААСОНЕН Хейкки (1865-1919), лингвист, проф. Хельсинкского университета. Основатель исторической фонетики финно-угорских и самодийских языков **26**

ПАВЛОВ Пётр Павлович (1925, с. Старый Маклауш Клявлинского района - 2016), генерал-майор, Герой Советского Союза. На фронте был стрелком 300-го гвардейского стрелкового полка 99-й гвардейской стрелковой дивизии 7-й армии Карельского фронта. В 1947 г. уволен в запас. Окончил Куйбышевскую областную партийную школу (1949). В 1951 г. был призван на политработу в военно-морской флот. Награжден орденом Ленина, Отечественной войны 1-й степени, медалями. Почётный гражданин города Лодейное Поле Ленинградской обл. Проживал в городе-герое Севастополе **100**

ПАЛЛАС Петр Симон (1741-1811), путешественник на русской службе, естествоиспытатель, один из основателей биогеографии и экологии, этнограф, лексикограф, академик Санкт-Петербургской АН. В 1768-1774 гг. возглавлял первый отряд Оренбургской (академической) экспедиции в Поволжье и другие территории России **22-23, 252-253**

ПАЛЬЧИКОВ Филипп Петрович (1682-1744), русский кораблестроитель, сподвижник Петра I, полковник, статский советник **67-69**

ПАНТЕЛЕЕВ Л., писец **58**

ПЕРЕТЯТКОВИЧ Георгий Иванович (1840-1908), историк и педагог. Ученик С.М. Соловьева. Темы его магистерской и докторской диссертаций были посвящены вопросам колонизации и хозяйственного освоения Поволжья в XV - начале XVIII в. **24, 54**

ПЕРРИ Джон (1670-1732), английский инженер, капитан; писатель, оставивший заметки о России **73-74**

ПЕСТРИКОВА Валентина Ивановна (род. в 1952), историк, канд. ист. наук. Окончила исторический факультет КГПИ, одна из учредителей и директор (1991-1993), ныне

руководитель проектов СРОО «Историко-эко-культурная ассоциация «Поволжье»». В 1992-1998 гг. руководила Лабораторией по проблемам традиционной культуры народов Поволжья при КГПИ, организатор историко-этнографических экспедиций по Самарской обл. **19, 32**

ПЕТРОВА Ксения Семёновна (1892, Бугуруслан Оренбургской обл. – 1942), преподаватель, драматург, член Союза писателей СССР. Участник Гражданской войны. Зав. Бугурусланским уездным отделом народного образования (1920), зав. Мордовской секцией Главполитпросвета и инструктор Наркомата национальностей в Москве (1921). С 1923 г. – директор семилетней школы в с. Бинарадка Старо-Буянской волости Самарской губ. В 1926-1942 гг. – преподаватель родного языка в Малотолкайском педагогическом техникуме, в Комвузе и Совпартшколе (Саранск), учитель в с. Старые Сосны (ныне Клявлинского района). Литературную деятельность начала со стихов и одноактных пьес (1926) «Кода сынъ глушастъ» («Как они глушили»), «Чопода вий» («Тёмная сила») и «Ташто койсэ» («По старинке»). Печаталась в газете «Якстере теште» («Красная звезда»), в журнале «Сятко» («Искра») **104, 114-115**

ПЛЕМЯННИКОВ Федор Тимофеевич, воевода Самары **57**

ПОЗДЯЕВ (Сибиряк) Илларион Сергеевич (1902-1984), советский партийный деятель, учёный. Учился в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока им. Сталина (1921-1923). В июле 1921 г. - делегат от Пензенской губ. на I Всероссийском съезде мордовских коммунистов в Самаре. Активный участник движения по созданию Мордовской автономии. Зав. отделом нацменьшинств Пензенского губкома РКП(б), подотделом Саранского укома (1923). В 1924-1926 гг. – партийный работник с мордовским населением в Сибири; в 1926-1931 гг. –

сотрудник Самарского ГубОНО; в 1931-1932 гг. – зав. отделом национальной литературы, главный редактор отдела Средневолжского Крайкогиза. В 1932-1935 гг. - студент Куйбышевского отделения института Красной профессуры, преподаватель Высших краевых курсов марксизма-ленинизма. С 1935 г. - генеральный директор НИИ мордовской культуры. Репрессирован (1937- 1955). С 1960 г. - сотрудник общества «Знание» в Куйбышеве, консультант Мордовского НИИЯЛИЭ **28-29, 105, 107-108, 112-113, 216, 218-219, 221-222, 247**

ПОЛИВАНОВ Владимир Николаевич (1848-1915), этнограф, археолог, член-корреспондент французского и бельгийского обществ археологии, почетный член Императорского археологического института, Симбирский губернский предводитель дворянства (1898-1915), гофмейстер двора его императорского величества, председатель Симбирской губернской УАК **11-12, 20, 39-40, 45-46, 277**

ПОПОВ Александр Владимирович (1867-1918), врач, исследователь Оренбургского края. С 1903 г. – бессменный председатель Оренбургской УАК **12**

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Павел Александрович (1858-1942), историк, археолог, этнограф. Член к.-д. партии. Один из основателей Самарского общества народных университетов. Преподавал в Самарском университете. Осенью 1918 г. арестован большевиками, освобожден после вмешательства В.И. Ленина. Продолжил преподавать в университете, с 1922 г. - в сельскохозяйственном институте. Был членом САО, первым товарищем (заместителем) председателя ОАИЭИ при университете, возглавлял археологическую комиссию и Высшие этнолого-археологические курсы общества. Автор краеведческих статей **12-13, 28, 59, 140-142, 158**

ПРОКИНА Татьяна Петровна 2, 5, 30-31, 279-280, 283-284, 334-335

ПУРКАЕВ Максим Алексеевич (1894-1953), советский военачальник, участник Гражданской, Великой Отечественной войн и войны с Японией. Командир полка 24-й Самаро-Симбирской Железной стрелковой дивизии. С 1926 г. - начальник штаба в 33-й Самарской, 37-й, 29-й и 48-й Тверской стрелковых дивизиях. Окончил Военную академию им. Фрунзе. В 1938 г. возглавил штаб Белорусского военного округа. Военный атташе при полпредстве СССР в Германии. В 1940 г. – начальник штаба Белорусского военного округа, Киевского особого военного округа. 7 ноября 1941 г. командовал военным парадом в Куйбышеве. Был начальником штаба Юго-Западного фронта, командующим Калининским фронтом, войсками Дальневосточного и 2-го Дальневосточного фронтов. С 1952 г. – начальник Управления высших военно-учебных заведений. Награжден 2 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й степени и медалями **100**

ПУТЯТИН Абрам Артемьевич (Авраам Артамонович) (ок. 1710-1769), российский государственный деятель, тайный советник, сенатор, князь, Оренбургский губернатор (1764-1768) **83**

ПУШЕЧНИКОВ Дмитрий Юрьевич (?- 632/33), московский дворянин. Член государева двора, назначался головой в Курске и Брянске, воеводой в Торжке, Вятке и Путивле. Выполнял ряд важных государственных поручений. В 1623/24-1626/27 описывал Алатырский у. **55, 65**

ПУЩИН Кирилл Панкратьевич (1630-е - после 1703), дворянин, стольник. Самарский воевода (1682-1683) **62**

РАДАЕВ Василий Кузьмич (1907, с. Большой Толкай Похвистневского района - 1991),

поэт, член Союза писателей СССР, лауреат Государственной премии Мордовии. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Ленинградский госуниверситет (1938). В послевоенное время работал учителем в с. Большой Толкай, преподавал в Ичалковском педучилище. Автор критических статей по мордовской литературе, творчеству мордовских писателей. Собиратель и исследователь мордовского фольклора. По фольклорным материалам написаны поэма «Сияжар» (1960), «Пенза и Сура» (1972), «Эрзянские легенды, предания и сказы» (1977), «Тюштя» (1991) **115, 218, 285, 304**

РАДОВ Илья Александрович (род. в 1944 с. Трофимовка Нефтегорского района), краевед, член Союза писателей России. Создатель Фонда содействия исследованиям и поддержке национальной культуры «Род наш». Ныне проживает в Подмосковье **91**

РАЗЖИВИН Вячеслав Фёдорович (род. в 1941), этнограф, канд. ист. наук **30, 278**

РАПТАНОВ Тимофей Алексеевич (1906, с. Большой Толкай Похвистневского района - 1936), писатель, журналист. С 1930 г. трудился в Москве в газете «Якстере теште» («Красная звезда»), печатался в газетах «Красная Мордовия», «Эрзянь коммуна», «Ленинэнь киява» («Дорогой Ленина»). Автор первого романа на эрзянском языке «Чихан пандо ало» («Под Чихан-горой»), повести «Татю» (1933) о жизни деревни в годы революций и Гражданской войны, предшествующие коллективизации **114**

РЕЙНХОЛЬМ Агатон (1857-1887), финский художник, исследователь традиционной культуры народов Поволжья. Летом 1884 г. вместе с А.О. Хейкелем посещал мордовские деревни Самарской губ. **26, 170**

САЛЬНИКОВ Алексей Степанович (1921, с. Захаркино Сергиевского района - 1985), участник Великой Отечественной

войны, старший сержант. В 1940 г. был призван в Красную армию. Участвовал в битве под Москвой. Командовал орудием 674-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта. Отличился во время освобождения Польши. Награжден медалью «За отвагу», орденом Ленина, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени. После демобилизации жил в родном селе, работал бригадиром тракторной бригады. Его именем названа улица в с. Захаркино **100**

САМАРКИН Иван Фёдорович (1902, с. Новая Кармала Кошкинского района - 1968), военный. Участник Великой Отечественной войны. В 1924 г. призван в Красную армию. Окончил курсы подготовки командиров РККА (1929), пулеметные курсы (1935), курсы «Выстрел» (1938). К началу Великой Отечественной войны был майором. На фронте с 1942 г. Командовал 1185-м стрелковым полком 356-й стрелковой дивизии 61-й армии Центрального фронта. За успешное форсирование Днепра у с. Новоселки Черниговской обл. присвоено звание Героя Советского Союза. Награжден орденами Ленина, Красной Звезды, Александра Невского, двумя орденами Красного Знамени. После войны работал в военкомате Кировского района Куйбышева. Похоронен на Безымянском кладбище **100**

САФАЙ (Сафа Гирей) (1510-1549), казанский хан в 1524-1531, 1535-1546, 1546-1549 гг. **56**

СВЕТЕШНИКОВ Надея (Епифаний) Андреевич (?-1646), один из богатейших купцов-предпринимателей первой половины XVII в. **56**

СЕМЕВСКИЙ Михаил Иванович (1837-1892), русский историк, журналист, общественный деятель **192**

СЕТИН Фёдор Иванович (1919, с. Захаркино Сергиевского района - 2003),

литературовед, д-р филол. наук, проф., член Союза журналистов СССР. Окончил Малотолкайский педтехникум, Московский городской педагогический институт. Инициатор создания в Москве общества мордовской культуры «Масторава», на свои средства издавал газету «Кулят». В 1953-1955 гг. – декан Московского библиотечного института, с 1984 г. – проф. кафедры детской литературы Московского государственного института культуры. Автор 40 книг и брошюр, 258 статей **115**

СИМАКОВ Николай Евстафьевич (1828-1886), художник, этнограф, автор эскиза Самарского знамени в русско-турецкой войне на Балканах и освобождении Болгарии. Участник Самарской ученой экспедиции 1879 г. в Среднюю Азию, составитель альбома чувашских и мордовских узоров **24, 139**

СКОБЕЛЕВ Елисей Васильевич (1887-1967), педагог, канд. пед. наук, засл. учитель Мордовской АССР, автор первых эрзянских букварей советского периода. Окончил Уфимский учительский институт. В 1920 г. был секретарем Всероссийского совещания по просвещению мордвы в Самаре. С 1920 по 1940 г. – директор Малотолкайского мордовского педагогического техникума. С 1940 г. – начальник школьного управления Наркомпроса МАССР. Заместитель директора Мордовского института усовершенствования учителей. Читал лекции в Мордовском государственном педагогическом институте **104**

СМИРНОВ Юрий Николаевич **2, 5, 24, 32-33, 35, 62, 67, 70, 74, 80, 83-85, 139-140, 142, 189, 206, 334-335**

СОКОЛОВ Федор, священник Михайло-Архангельской церкви с. Максимовка (Коржевка) Бузулукского у. **25, 145**

СОЛОВЬЕВ Сергей Михайлович (1820-1879), выдающийся русский историк, ректор Московского университета, академик

Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, проф. **24, 299, 309**

СТАШЕНКОВ Дмитрий Алексеевич (род. в 1969), археолог, канд. ист. наук, ученый секретарь СОИКМ им П.В. Алабина **12, 14-16, 19-20, 48-50, 277**

СУББОТИН Андрей Андреевич (1854-?), самарский купец, домовладелец, член САО. При отступлении чехов в 1918 г. покинул Самару **12**

СУЛЬДИН Виктор Михайлович (род. в 1952), работник культуры. Окончил КГИК. Основатель и художественный руководитель самарского мордовского народного хора «Масторава» («Земля-матушка»). С 1978 по 2003 г. – директор ДК Радиоцентра № 3, ДК ГПЗ-31. В 1999-2003 гг. – председатель Самарской региональной общественной организации «Мордовский национально-культурный центр “Масторава”». За большой вклад в сохранение и развитие мордовской культуры награжден Почетной грамотой губернатора Самарской обл., благодарственными письмами главы РМ, председателя Самарской Губернской думы, министра культуры Самарской обл., администрации г. о. Самара **118**

ТАРАСОВ Ефим Иванович (1870-1935?), историк, проф., проректор по научной работе, ректор Самарского университета (1918-1923) **12**

ТАТИЩЕВ Василий Никитич (1686-1750), историк, географ, экономист, государственный деятель, руководитель Оренбургской административной комиссии, устроитель Ставрополя-на-Волге **67**

ТОЛСТОЙ Александр Васильевич (?-1896), симбирский землевладелец. В 1875-1895 гг. был почетным мировым судьей Сызранского у. Увлекался археологией и архивным делом. Состоял почетным членом Археологического института и многих научных обществ, участвовал

в работе археологических съездов. В 1895 г. стал одним из учредителей Симбирской губернской УАК. По его завещанию в комиссию было передано ок. 20 древних актов, 2 590 монет и книги по нумизматике **12**

ТРИФОНОВ Григорий Трофимович (1885, с. Малая Глушица Большеглушицкого района - ?), педагог, композитор, преподаватель родного языка, литературы, руководитель хоровых кружков. Преподавал музыку в Малотолкайском педтехникуме и Ульяновской учительской школе, работал завучем школы № 2 в Самаре, руководил хором в Доме офицеров и авиационном техникуме. Репрессирован в 1942 г., вторично - в 1949 г. Реабилитирован в 1957 г. **107**

ТРУБНИКОВА Нина Владимировна (1912-1997), археолог, музейный работник, канд. ист. наук. Трудилась в Государственном историческом музее, с 1958 г. – внештатный с. н. с. сектора истории НИИЯЛИЭ при Совете Министров РМ **16**

ТУМАЙКИН Виктор Петрович (1945-1979), историк, этнограф, канд. ист. наук. Окончил МордГУ (1969), преподавал историю в Сабаевской средней школе, работал научным сотрудником сектора истории Мордовского НИИЯЛИЭ. В 1970-е гг. руководил комплексной этнографической экспедицией в Куйбышевскую обл. В 1974 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова защитил кандидатскую диссертацию «Соседская община заволжской мордвы в пореформенный период (по материалам Самарской губ.)». В 1977-1978 г. составил историко-этнографический атлас МАССР **29-30, 88, 92, 94, 135-136, 139, 261, 278**

ТЮГАНКОВА (Шепелева) Елена Владимировна (род. в 1983), канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории и методики обучения МГПУ им. М.Е. Евсевьева. Тема диссертации - «Социокультурная адаптация

мордвы Самарского края (сер. XIX – начало XXI в.)». Имеет более 50 научных и учебно-методических публикаций, область научных интересов – история формирования и расселения самарской мордвы, материальная и духовная культура, современные этнокультурные и демографические процессы, национальные и общественные организации **36**

УКЛЕИН Семён Матвеевич (1733-1809), тамбовский портной, основатель молоканской общины **190**

УРУС (?-1590), ногайский хан (бий) с 1578 г. **54**

ФАЛЬК Иоганн (Юхан) Петер (1725?-1774), шведский путешественник, натуралист. В 1768-1774 гг. руководил одним из отрядов Оренбургской Академической экспедиции по изучению природы, географии и народов Поволжья **22-23**

ФЕДОРОВ Козьма, крестьянин д. Подлесная Андреевка (ныне Шенталинского района). Депутат Уложенной комиссии в 1767-1768 гг. от новокрещен из мордвы Ставропольского у. **83**

ФЕДОРОВ Николай Иванович, протоиерей Бугульмы, законоучитель Бугульминского уездного училища **25, 159**

ХЕЙКЕЛЬ (Гейкель) Аксель Олай (1851-1924), финский этнограф, ученый, проф. Хельсинкского университета. В 1883-1910 гг. провел обширные этнографические и археологические исследования финно-угорских народов России. В 1884 г. с художником А. Рейнгольмом побывали в мордовских селах Самарской губ. **26, 170-171, 314**

ХОВАНСКИЙ Сергей Александрович (1883-1941), князь, член-учредитель Самарской губернской архивной комиссии, действительный член САО, член Комитета Александровской публичной библиотеки.

Заведовал губернским архивным бюро. После революции несколько раз был арестован Самарской ЧК за своё социальное происхождение. В 1927 г. получил приговор без права проживания в ряде крупных городов, в т. ч. и в Самаре **12-13**

ЧИНДЯЕВА Мария Борисовна, жительница с. Новая Кармала Кошкинского района **100**

ЧУВАШЁВ Михаил Иванович (1909, с. Красные Ключи Похвистневского района – 1973), фольклорист, краевед. Преподавал физику в Шенталинской средней школе № 2. В 1950-х – начале 1970-х гг. занимался собиранием, фиксированием, обработкой эрзянского и русского фольклора, обрядов и обычаев **30-31, 33, 109, 119-120, 224, 304**

ШАХМАТОВ Алексей Александрович (1864-1920), филолог, лингвист, историк, основоположник исторического изучения русского языка, древнерусского летописания и литературы, академик **28, 234-235**

ШУЛАЙКИН Александр Михайлович (1923, с. Старый Аманак Похвистневского района – 2010), участник Великой Отечественной войны, полный кавалер ордена Славы. Воевал на 3-м Украинском фронте, был командиром орудия. Участник Парада Победы на Красной площади. После войны трудился механизатором, учётчиком тракторной бригады в родном селе. Почётный гражданин Похвистневского района. В 1983 г. улица, на которой жил А.М. Шулайкин, названа его именем **100**

ЩЕГЛОВ Василий Никифорович (1790-1854), крестьянин из с. Прислонихи Симбирской губ., беседник **196**

ЩЕГЛОВ (Орхидея) Дмитрий Гаврилович (?) - организатор и первый редактор газеты «Чинь стямо» («Восход солнца»). Участник Гражданской войны, работник

отдела нацменьшинств при Симбирском губернском комитете РКП(б). Член комиссии по подготовке и созыву I Всероссийского съезда мордовских коммунистов. С 1921 г. в Москве, работал в мордовской секции ЦК РКП(б), в редакции газеты «Якстере Теште» («Красная звезда»), в коллегии мордовского отдела Народного комиссариата по делам национальностей **110-111**

ЮРЧЁНКОВ Валерий Анатольевич (1960-2017), историк, краевед, д-р ист. наук, проф., директор НИИЯЛИЭ, под его руководством институт был реорганизован в НИИ Гуманитарных наук при Правительстве РМ **35, 65, 71, 73, 85**

ЯВЕРЛАКОВ (Эверлаков) Василий Яковлевич, стольник, самарский воевода (1671-1672) **59**

ЯГАФОВА Екатерина Андреевна (род. в 1968, с. Девлезеркино Челно-Вершинского района), этнолог, д-р ист. наук (2004), зав. кафедрой философии, истории и теории мировой культуры СГСПУ. Член Российской Ассоциации этнографов и антропологов России, член Российской Ассоциации визуальной антропологии. Организатор этнографических экспедиций в Поволжье и Приуралье. Засл. деятель науки Чувашской Республики (2018) **33, 36, 206**

ЯЗЫКОВ Иван Никитич (1660-1661), самарский воевода **61**

ЯЗЫКОВ М. Д., подполковник **70**

ЯКОВЛЕВ Федор Тимофеевич (1875-1933), железнодорожный служащий, член Самарской УАК, САО, комитета по заведению самарским городским музеем, директор музея (1917-1919) **12-13**

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Абдулинский район 280
 Абдулова (Новая Якупова) 86
 Абдуловский завод 86, 292
 Аврала (Кирилловка) 87, 287
 Аделяково, Аделякова (Старое Аделяково) 69, 76, 86, 96, 293, 297, 311
 Аксаково 96, 280, 297
 Аксенкина 86, 280, 288
 Алатырский уезд 24, 54, 55, 62, 70, 72, 78, 85, 89, 195, 315
 Алатырь, река 10, 53, 55
 Алдаркина 87, 294
 Александровка 7, 28, 87, 91, 96, 168-169, 200, 205, 257, 271, 291, 299
 Алексеевка (Землянка) 90
 Алексеевка (Озерок, Башарина) 86, 294
 Алексеевск 66, 79,
 Алексеевская крепость 66
 Алексеевский район 190
 Алексеевское 86, 284
 Алёшкино 28, 76, 190, 213, 283-284
 Алмистева 86, 291
 Алпаева 86, 286
 Аманак 7, 86, 96, 292, 301
 Андреевка (Подлесная, Подлесное) 81, 83, 86, 202, 280, 289, 311, 318
 Анисимовка (Малая Сурметева) 86
 Ардатовский уезд 90
 Арзамасский уезд 24, 70, 78
 Архангельская область 99
 Архангельский 96, 296
 Архангельское (Новинки) 59
 Архангельское (Титовка) 87, 286
 Архангельское (Липовка) 87, 286
 Архангельское (Каменка) 87, 286

Архангельское (Ключи) 86, 292
 Архангельское (Ишуткино) 86, 293
 Аскула 58, 60, 62, 63
 Акульский овраг 57, 60
 Атяшево 333
 Афонькино 96, 297
 Афонькина (Новомордовская) 86, 289
 Афонькина (Коровино) 86, 291
 Ахметлей 65
 Ахтулина 57, 58, 59

Б

Багана, Богана 76, 86, 129, 174-175, 190, 213, 224, 231, 240, 247, 250, 254, 278-280
 Багряш 28
 Байтермишева (Савельевка) 86
 Байтермыш 82
 Баклановка 96, 297-298
 Балахонский уезд 78
 Барбошина Поляна 12
 Барсуковка (Константиновка) 91, 96, 190, 299
 Барыш, река 53, 55, 65
 Бахилово, Бахиловая, Бахилов Буярак 7, 8, 15, 28, 33, 56, 60-63, 150-151, 205, 215, 281
 Бежецкий уезд 78
 Безенчукский район 187, 190
 Бектяшка 63, 64
 Белозерский уезд 78
 Белая Гора 9
 Белое Озеро (Тюрино) 86, 290
 Белый Яр 87, 96, 287, 296
 Березняки 138
 Березовка 16, 87, 91, 286, 293
 Березовый Солонец 60, 62-63
 Бесовка 69, 70, 200, 205, 257, 271
 Бинарадка (Старая Бинарадка) 7, 22, 76, 81, 87, 96, 103-104, 148, 200, 209, 221-222, 245-246, 254, 258, 284, 287, 295, 314
 Бирля, Бирли 64, 68-69, 70, 88, 96, 296
 Благовещенская Слобода (Сускан), Благовещенский Сускан 87, 96, 287, 296
 Благодаровка 7, 32, 33, 88, 96, 190, 221, 284, 298
 Бобровка 87, 294
 Богатовский район 7, 25, 33, 135, 145, 150, 190, 192-195, 200, 278
 Богдановка 190
 Богдановский (Большая Ремизенка) 88, 298
 Богдашкина 87, 288

Богородское (Вечканово) 86, 292
 Богоявленское (Кобельма) 87, 286
 Богоявленское (Старая Кармала) 87, 286
 Богоявленское (Шентала) 86, 289
 Бойкино 193
 Большая Ёга 7, 28, 33, 196, 221, 229, 250, 283-284
 Большая Каменка 7, 29, 96, 302, 306
 Большая Ногайская Орда 54
 Большая Раковка 195-196
 Большая Ремизенка (Богдановский), Большие Ремезенки 88, 96, 209, 211, 231, 253, 280, 300
 Большая Сугушла, река 288
 Большая Сурметева (Радаевка) 86, 291
 Большая Чесноковка 96, 295
 Большеглушицкий район 190, 197, 318
 Большой Иргиз, река 54
 Большой Кандыз, река 288
 Большой Кинель, река 18
 Большой Сурмет 96, 280, 297
 Большой Толкай 7, 29, 82, 86, 96, 114-115, 181-182, 212, 237, 261, 278, 283-284, 292, 306-307, 315-316
 Большой Черемшан, река 54, 63, 66-69, 166
 Борискино, Борискина 27, 86, 96, 147, 183-184, 291, 296-297
 Борисово 82, 86, 288, 302
 Борковка, Борковская 57-61, 63
 Боровка 69, 70
 Боровский уезд 78
 Борская крепость 75
 Борский район 7, 18-19, 32-33, 121, 124-125, 130, 135, 146, 150, 153, 163, 190-191, 200, 206, 221-222, 251, 261-262, 267, 278, 281-282, 284, 310, 312
 Ботьма 96, 296
 Брусяна 60
 Брянский уезд 90
 Бугульма 79, 313
 Бугульминская Большая Слобода 79, 82
 Бугульминский уезд 25, 36, 84, 86-89, 91, 92, 93-94, 96-97, 135, 142, 145, 166, 200, 206, 225, 228, 231, 263, 280, 288, 296
 Бугуруслан 79, 314
 Бугурусланский уезд 25-26, 36, 84, 86-89, 91-92, 94, 96-97, 103, 133, 135, 138-139, 144-145, 148, 158, 166, 185, 188, 195, 197, 218-219, 275, 280-281, 290, 296
 Бугурусланский район 27, 212-213, 278-281

Бузаевка 88, 96, 295
 Бузулук, река 294
 Бузулукский район 253, 281
 Бузулукский уезд 26, 36, 84, 86-89, 90-92, 94, 96-97, 133-135, 138-139, 145, 147-148, 158, 191-195, 197, 209-211, 258, 269, 275, 281, 293, 298, 302, 317

В
 Вад, река 10
 Васильевка 7, 85, 96, 296
 Васильевка (Грязнуха) 87, 287
 Васильевка (Кабаевка) 86, 291
 Васильевка (Кузайкина) 86, 288
 Верейский уезд 64
 Вертима 185, 280
 Верхнее Павлушкино 278
 Верхнее Санчелеево, Верхне-Санчелеево 7, 69, 87, 96, 190, 279, 287, 295
 Верхне-Кармалинская слобода 96
 Верхний Сурмет (Подлесная) 86
 Верхняя Вязовка 87, 91, 293
 Верхняя Заглядкина 86, 290
 Вечканово 22, 27-28, 96, 136, 151, 177, 213-214, 297
 Вечканово (Богородское) 86, 292
 Виловатовская волость 191, 195
 Виловатое 7, 33, 96, 150, 190, 251, 278, 298
 Вилюйский уезд 90
 Винновка, Винная на Ключе 60, 63
 Винновский овраг 60
 Владимирский уезд 78
 Волга, река 8, 9, 12, 20, 28, 37, 39, 40, 51-56, 58, 60, 63-65, 67-70, 77-79, 83-85, 87, 121, 140-141, 148, 150-151, 161, 187, 215
 Волжский район 7, 17-18, 28-29, 33, 110, 148, 187, 190, 195, 197, 207, 209, 212, 215-216, 221-222, 238, 249, 251-252, 280-281
 Вологодский уезд 78
 Волчуха 224
 Воскресенка 187, 190, 195
 Воскресенская волость 84
 Воскресенское 96, 297
 Выползова 57, 59
 Выселки 96, 295
 Выселок (Ивановка) 87, 287
 Высокий Колок (Тимошкина) 87, 287
 Вязовка (Дергуновка) 91
 Вязовское 89
 Вязовый Гай 96, 195, 299

Г
 Гаврилова 86, 292
 Гавриловка 190
 Галицкий уезд 78
 Георгиевка (Егорьевка) 91
 Георгиевский 96, 298
 Георгиевское 96, 298
 Герасимовка 96, 298
 Глушица 91
 Глушицкое (Томылово) 96, 295
 Глушицы 87, 148, 286
 Глушницы 80
 Горелый Колок 7
 Горки 87, 96, 286, 295
 Горностаевка 188
 Городищенский уезд 183
 Городок 7, 245, 282
 Грачёвка 7, 26, 87, 200, 214, 229, 233-234, 246, 273, 284, 286
 Григорьевка 96, 297
 Гришкино 88, 96, 298
 Грязнуха (Васильевка) 87, 287
 Губашево, Губашева 80, 148
 Гусарский Городок 80

Д
 Давыдкина (Киватская) 86, 29
 Дергановка 91, 96
 Дергачи 190, 195
 Дергуновка (Трофимовка, Росташи) 190, 194
 Дергуновка (Вязовка) 91
 Дмитриевка 96, 296
 Дмитриевка (Усулы) 86, 288
 Дмитриевка, Дмитриевское (Малыкла) 87, 287
 Дмитриевка (Сухие Аврали) 87, 287
 Дмитриевское (Кандыз) 86, 292
 Дмитровский уезд 78
 Добринка 86, 96, 288
 Добринка (Лукинский) 296
 Домашка 84
 Домашкина (Никольское) 87, 294
 Домосейкино 96, 296
 Домосейкина 96
 Домосейкина (Ново-Мертвощинский) 296
 Дон, река 8
 Дубовый Умёт 148
 Дюрек 89

Е
 Егорьевка 86, 91, 292
 Егорьевка (Семейкина) 87, 294
 Егорьевка (Георгиевка) 91
 Еделево 65
 Елатманка (Староверская) 86, 290
 Елецкий уезд 90
 Ельцов овраг 91
 Екатерининская волость 83
 Елань (Мартыновка) 86, 291
 Елховка 96, 188, 190, 295
 Елховка (Покровское) 87, 286
 Елховский район 28, 89, 190-191
 Елшанка 281
 Емантаевка, Емантаева 88, 96, 280, 298
 Епифанский уезд 78
 Ерёмкина 87, 288
 Ерзовка 7, 25, 33, 36, 101, 137, 148, 188, 190, 206, 207, 213-214, 285
 Ерзовка (Фролкино) 26, 86, 96, 148, 188, 292, 297
 Ермаков Колок 87, 293
 Ермаково 15
 Ерыкла (Новая Кармалка) 86, 291
 Ефимовка 96, 298

Ё
 Ёга 96, 241, 246, 297, 303

Ж
 Жигулёвск 121, 123

З
 Захаркино, Захаркина 7, 86, 96, 115, 284, 293, 297, 314, 316
 Захаровка 7, 33, 146, 221-222, 278, 284
 Землянка (Алексеевка) 90
 Зерикла 280
 Зернаевка 88, 96, 297
 Зябловка 91

И
 Ибряйкинский (Нуштайкина) 297
 Ивановка 86, 87, 91, 282-283, 289, 293
 Ивановка (Выселок) 87, 287
 Ивановка (Коноваловка) 87, 294
 Иваново-Подбельское 188, 190
 Измайловка, Измайлова 88, 96, 296
 Ильинское (Подгоры) 57, 59
 Иргиз, река 84

Исаклинский район 7, 22, 27-28, 30, 109, 119, 121, 128, 166, 172, 177, 179-180, 182, 206, 210, 213-214, 230, 233, 243, 251, 253, 258, 261, 272-273, 278-279, 282-284, 312
 Исаклы 28, 96, 278, 297
 Исаково 88, 96, 297
 Исса, река 10
 Ишуткино 96, 297

К
 Кабаевка (Васильевка) 86, 291
 Кадом 53
 Казанбаевка (Малячкино) 65
 Казанский уезд 54, 56, 67-68, 75, 77-78, 81-82
 Казанская губерния 27, 75, 84, 87, 90, 105, 165, 310
 Казань 53, 66-67, 103, 107, 143, 307, 310
 Казбулат 96, 296
 Калдино 88, 96, 299
 Калиновка 7, 29, 187, 190
 Калужская губерния 90
 Кама, река 53
 Каменка 88, 96, 148, 195, 298
 Каменка (Нойкино) 86, 290
 Каменка (Покровка) 87, 91, 293
 Каменная Коза 9
 Каменная Чаша 62
 Каменный Брод 29, 96, 299
 Каменный Ключ (Ключевка) 86, 290
 Камышенка, река 73
 Камышла, река 288, 291
 Камышлинский район 278
 Камыш-Садак 86, 96, 280, 292, 297
 Кандабулак, река 89
 Кандыз (Дмитриевское) 86, 292
 Кандыз, река 288
 Кандызская слобода 96, 297
 Кануевка 187, 190
 Карабикулова 86, 289
 Карамол 60
 Каратай, река 288
 Каратай (Седяка) 86, 292
 Караульная 57
 Карачевский уезд 90
 Каргала 86, 293
 Кармала (Старая Кармала) 69, 76, 295
 Кармала (Новая Бесовка) 69-70, 87, 287
 Кармала-Ивановка 96, 297

Кармалка (Сарабикулино) 86, 289
 Кармалка, река 69
 Кармалы 63, 69-70, 76
 Карсунский уезд 6, 76, 78, 195
 Кашпир 65
 Керенский уезд 78
 Киевская губерния 90
 Кималовка 88
 Кинель, река 56, 142
 Кинельский район 84, 91
 Кинель-Черкасский район 7, 18, 25, 33, 35, 84, 101, 121, 137-138, 148, 150, 188, 206-207, 213-214, 285, 313
 Кинешемский уезд 78
 Кирилловка 96, 187, 195, 295
 Кирилловка (Аврали) 87, 297
 Кирсановский уезд 90
 Кирюшкино, Кирюшкина 86, 96, 290, 296
 Кишаловка (Преображенский) 96, 300
 Ключевка (Аманак) 86, 292
 Ключевка (Каменный Ключ) 86, 292
 Ключи (Архангельское) 86
 Ключи 96
 Клявлино (Черемшанские Вершины) 7, 28, 33, 86, 128-129, 178, 190, 201-203, 215, 227, 248, 254-255, 259, 263, 273, 280, 282-283, 285, 289
 Клявлинский район 7, 23, 28, 33, 98, 111, 118-120, 126, 145, 147, 149-150, 153, 155, 166, 172, 177, 179, 188, 190, 199-203, 205, 207, 209, 213, 218, 222, 231, 236, 238-240, 243, 245, 247, 249-251, 253-255, 258-260, 263, 269, 272-273, 279, 280, 282-285, 302, 313-314
 Кобельма 96, 295
 Кобельма (Богоявленское) 87, 286
 Кобельма (Калиновка) 29, 187
 Козловка 86, 290
 Козловский уезд 90, 193
 Козьмодемьянский уезд 78
 Колки 96, 298
 Коломенский уезд 78
 Кольвань 195
 Кондурча, река 39, 51, 66-69
 Коноваловка (Ивановка) 7, 19, 33, 87, 96, 124-125, 130, 150, 153, 191, 206, 221-222, 267, 278, 281, 294, 298, 310, 312
 Конотинка, река 69
 Константиновка (Барсуковка) 91, 96, 190, 197, 299

Коржевка (Максимовка) 25, 145, 191-192, 317
 Коровино (Афонькина) 86, 278-279, 291
 Котьяковский уезд 85
 Кочкурово 89
 Кошки 100, 304
 Кошкинский район 98-99, 101, 121, 138, 148, 155, 190, 200, 202-203, 214, 225, 229, 230, 233-234, 238, 245-246, 255, 272-273, 278, 284, 304, 316, 319, 332
 Краково 88-89
 Красная Река (Покровское) 96, 288
 Красноармейский район 29, 190, 195
 Красносамарская крепость 75, 87, 294
 Краснослободский уезд 90, 91
 Красноярка 86, 88, 96, 292, 297
 Красноярская крепость 67
 Красноярский район 7, 23, 29-30, 76, 89, 121, 187, 190, 195, 200, 209, 222, 245-246, 254, 258, 278, 280, 282, 302, 306, 308, 312
 Красные Дома (Никольское) 88-89, 96, 190, 295
 Красные Ключи 7, 113-114, 196, 259-260, 283-284, 303, 308, 311, 317, 319
 Крепость-Кондурча 224
 Кривое Озеро 68, 70
 Кротково 96, 297
 Крымза, река 56
 Кубанская губерния 90
 Кузайкина (Васильевка) 86, 288
 Кузькино 12, 19, 39, 48
 Кузьминовка 96, 278, 297, 304
 Кузьмодемьянское (Чёрновка) 87, 296
 Куйбышев 100, 107, 302-303, 304, 306, 309, 313, 315, 316, 331, 333-334
 Кукчумова 86, 292
 Кукшум 68, 70
 Куликовка 87, 288
 Курманаево, Курманаева 87, 96, 287, 298
 Курмышский уезд 78
 Курск 315
 Курская губерния 84, 89, 90
 Курумоч 148
 Кускина 87, 291
 Кяхта 8, 190

Л

Лабазы 96, 298
 Лбище 9
 Лебедянский уезд 90
 Лебяжье (Рождественское) 87, 96, 287, 296

Ленинград 16, 36
 Леонтьевка (Съезжая) 87, 146, 294
 Ливенский уезд 90
 Липецкий уезд 90
 Липовка, река 68
 Липовка (Архангельское) 87, 95, 285-286
 Липяги 96, 295
 Лобазы 87, 294
 Лобин Ключ 290
 Логачевка 96, 298
 Ломовка 90, 91, 96
 Ломовский уезд 78
 Ломовский (Тёпловка) 299
 Лопатино 7, 88, 278
 Лукинский (Добрина) 296

М

Маза 8, 190
 Маклауш (Рождественское) 86, 289
 Максимовка (Коржевка) 25, 145, 191-192, 317
 Максимовка (Съезжая) 7, 33, 87, 193, 194-195, 294
 Максимовская волость 191
 Малая Глушица (Соплевка) 96, 299
 Малая Сурметева (Анисимовка) 86
 Малая Томыловка, Малая Томылова, Томылово (Гушицкое) 29, 87, 96, 148, 286, 295
 Малое Перекопное 96, 299
 Малый Кинель, река 39, 51
 Малый Сурмет 280
 Малый Сызган 82
 Малый Толкай 7, 28, 86, 96, 103, 108, 137, 190, 196, 278, 292, 296, 308
 Малыкла (Дмитриевка) 69, 70, 77, 83, 87, 287
 Малыкла, река 69
 Малячкино (Казанбаевка) 65
 Манадыши 89
 Мартыновка, Мартыново (Елань) Бугурусланского уезда 86, 96, 197, 291, 297
 Мартыновка, Мартыново Бугульминского уезда 96, 296
 Маторина 86, 288
 Матюшкино 96, 296
 Меклебаева (Новый Терес) 86, 291
 Милорадовка 96, 299
 Миус 96, 299
 Михайловка Бугурусланского уезда 96, 298
 Михайловка (Трифоновка) Бугурусланского уезда 86, 292

Можайский уезд 90
 Мокша, река 10
 Мокша 91
 Мордва 63
 Мордово, Мордова 57, 60-61, 63
 Мордово-Аделяково 7, 180, 206, 230, 233, 243, 253, 261, 272-273, 284
 Мордово-Ишуткино 7, 251, 283-284
 Мордовская 60
 Мордовская Бокла 86, 96, 280, 290, 297
 Мордовская Борковка 83
 Мордовская Липовка 88, 96, 295
 Мордовская Селитьба 7, 87, 278, 286
 Мордовские Липяги 29, 84, 87, 148, 280, 286
 Мордовский Бугуруслан 27, 86, 96, 213, 281
 Мордовский Кандыз (Секретарка) 29, 86, 96, 288, 296
 Мордовское Астанеево 86
 Моршанский уезд 90
 Москва 73, 100, 103, 108, 113, 142-143, 146, 159, 302, 305-308, 311, 313-317, 319
 Московская губерния 90
 Мосты Бузулукского уезда 147
 Мосты (Овсяный Гай) Николаевского уезда 91, 96, 299
 Моча, река 80
 Муранка 16, 39
 Мусорка 85

Н

Надеинское Усолье 56, 62-63, 313
 Наумовка 96, 296
 Незнайкина (Павлушкина) 86, 292
 Немчанка 7, 33, 163, 221, 261-262, 278, 284
 Неприк 88, 96, 298
 Нефтегорский район 91, 121, 129, 190, 194-195, 285, 314
 Нижегородская губерния 84, 89-90, 92, 94, 105, 165-166
 Нижегородская область 19, 44-45
 Нижегородский уезд 69, 70, 78
 Нижнее Павлушкино 278
 Нижнее Санчелеево, Нижне-Санчелеево, Сунчелеева, Тучеево 7, 76, 87, 187, 279
 Нижнеягодное 7, 309
 Нижний Новгород 134
 Нижняя Вязовка 87, 91, 96, 293, 298
 Нижняя Заглядкина (Яковлевка) 86, 290
 Низовка 188

Николаевский уезд 91-92, 94-96, 195, 197, 298
 Николаевское 89
 Никольское 88, 96, 191, 295
 Никольское (Аделяково) Бугурусланского уезда 86, 293
 Никольское (Домашкина) Бузулукского уезда 87, 294
 Никольское (Красные Дома) Ставропольского уезда 88, 89, 96, 190, 191, 295
 Новая Бесовка (Кармала) 69, 87-88, 96, 287
 Новая Бинарадка 7, 87, 96, 287, 295
 Новая Борискина, Ново-Борискина 86, 88, 96, 288, 296
 Новая Григорьевка 86, 290
 Новая Домосейкина 86, 96, 288
 Новая Казбулатова 86, 289
 Новая Кармала 7, 22-23, 26, 87, 96, 98-100, 129, 155, 190, 203, 230, 238, 255, 284, 287, 316, 319, 332
 Новая Кармалка (Ерыкла) 86, 291
 Новая Малыкла 87, 96, 288, 296
 Новая Павлушкина 86, 291
 Новая Подкараульная (Архангельское, Новинки) 9, 57, 59, 190, 221
 Новая Резяпкина (Ойкино) 86, 289
 Новая Тёпловка 87, 96, 280, 293
 Новая Урмагсейка 96, 296
 Новая Урметева 86, 289
 Новая Шентала 76
 Новая Якупова (Абдулова) 86, 291
 Новгородская губерния 90
 Новинки (Архангельское, Новая Подкараульная) 9, 57, 59, 190, 221
 Ново-Ганькино 88, 96, 297
 Новодевичье 63
 Ново-Домосемейкино 29, 218, 280
 Новое Ерёмкино 28
 Новое Мансуркино 86, 237, 292
 Новое Санчелеево 69
 Новое Суркино 7
 Новозахаркино 96, 298
 Ново-Кувацкая слобода 96, 289, 296
 Ново-Малыклинский район 166
 Ново-Мертвощинский (Домосейкина) 296
 Ново-Оскольский уезд 90
 Ново-Пречистенская волость 64
 Новокуйбышевск 29, 148
 Новомордовская (Афонькина) 86
 Новопречистенская волость 64, 67
 Новоселка (Сережкина) 86, 288

Новосемейкино, Новая Семейкина 7, 87, 96, 278, 286, 295, 312
 Новотоцкая (Ключевский) 87, 96, 294, 298
 Новотроицкая (Алексеевский) 96, 298
 Новоузенский уезд 36, 88-89, 91-92, 94-96, 197, 299
 Новохоперский уезд 90
 Новые Сосны 7, 86, 115, 201, 207, 221-222, 250, 255, 272-273, 280, 282-283, 293, 302
 Новые Узели (Петровка) 86
 Новый Байтермиш 86, 179, 279, 293
 Новый Казбулат 205, 207, 243, 245, 258, 284
 Новый Кувак 190
 Новый Маклауш 86, 213, 247, 263, 272-273, 282-283
 Новый Путь 9
 Новый Терис (Меклебаева) 86
 Новый Шешминск 67
 Ногайский Брод (Шигоны, Уса) 65
 Нойкино 4, 96
 Нойкино (Каменка) 86, 290
 Нуштайкина (Ибряйкинский) 86, 96, 290, 297

О

Овсяный Гай (Мосты) 91, 96, 299
 Одоевский уезд 78
 Озерок (Алексеевка) 86, 290
 Ока, река 8-9, 78
 Оренбург 78, 286
 Оренбургская губерния 27, 29, 32, 120, 148, 166, 183-185, 209, 211-213, 239-240, 253
 Оренбургская область 75, 90, 133, 138, 213, 278-281, 314, 336
 Орловская губерния 84
 Отрадный 117, 121, 124, 308, 311, 313

П

Павловская волость 191, 195
 Павлушкино, Павлушкина (Незнайкина) 86, 96, 211, 292, 297
 Палибино 96, 297
 Патровка 190
 Пенза 190
 Пензенская губерния 84, 87, 89-92, 97, 105, 108, 111, 164-166, 179-180, 183, 191, 194, 314
 Пензенская область 19, 44
 Пензенский уезд 75, 78-82
 Переволоки 40
 Перовка 96, 298
 Пестровка 29, 190

Пестравский район 90, 147, 190, 192
 Петровка 88, 96, 153, 297
 Петровка (Новые Узели) 86, 292
 Петровское 88, 96, 296
 Петропавловское 89
 Печерские Выселки 16
 Пискалы, Пискала 87, 96, 287, 295
 Подбельск 7, 33, 120, 196, 311
 Подбельское 188
 Подбельская волость 303
 Подбельский район 311
 Подгоры (Ильинское) 57, 59
 Подкараульная 59
 Подлесная (Верхний Сурмет) 86, 291
 Подлесное, Подлесная (Андреевка) 81, 83, 86, 202, 280, 289, 311, 318
 Подъём 96, 299
 Подъём-Михайловка 7, 29, 187, 190
 Покровка 96, 297
 Покровка (Каменка) 87, 293
 Покровское (Елховка) 87, 286
 Покровское (Красная Река) 87, 288
 Помряскино 195
 Похвистневский район 7, 18, 25, 28, 30, 33, 100, 103, 109, 113-115, 117, 119-122, 125, 135, 137, 166, 172, 181-182, 190, 196-197, 212-213, 221, 237, 246, 250, 259, 261, 278, 283, 303-304, 306-309, 311, 313, 315-316, 319
 Преображенка 187
 Преображенский (Кишаловка) 298
 Преображенское 64
 Пречистенская слобода 64
 Пролейка 28
 Пронькино Бугурусланский уезд 96, 280, 297-298
 Пронькино, Пронькина Бузулукский уезд 88, 96, 298
 Пронкина 86, 290
 Пьяна, река 10
 Пьянковка 87, 293

Р
 Радаевка (Большая Сурметева) 86, 291
 Радовка 88, 96, 298
 Радостная 87, 291
 Ранненбургский уезд 90
 Ремезенки, Большая Ремизенка 88, 96, 209, 211, 240, 253, 280
 Республика Казахстан 68, 99, 302, 311
 Республика Мордовия, Мордовия 5, 7, 19,

29, 36, 44-45, 91, 111-112, 115, 117-118, 120-121, 165, 215, 284, 305-306, 308, 310, 312-313, 316, 334
 Республика Татарстан 166, 225
 Рождествено 57, 59, 212, 216, 252
 Рождественское (Бесовка) 83
 Рождественское (Лебяжье) 87, 96, 287, 296
 Рождественское (Маклауш) 86, 289
 Рождественское (Мордовский Бугуруслан) 86, 290
 Рождественское (Старая Бесовка) 87, 287
 Росташа (Трофимовка, Дергуновка) 91, 190, 194-195, 285
 Ростовский уезд 64, 78
 Русская Бокла 86, 96, 292, 297
 Русские Липяги 84
 Рыбинск 134
 Рычково 88, 96, 297
 Ряжский уезд 78
 Рязанская губерния 84
 Рязанская область 263, 331

С

Сабакаева 87, 287
 Савельевка 96, 297
 Савельевка (Байтермишева) 86, 291
 Сайман 65
 Сакмарский городок 78
 Самара 7, 105, 107, 110, 112, 117, 120-121, 123-124, 131-132, 302-307, 312-315, 317-319
 Самара, река 56, 66, 142
 Самарская Лука, Лука 8-9, 11, 15-18, 20, 24, 28, 33, 38-39, 48, 51, 54-56, 58-63, 65, 66, 74, 79, 83, 85, 150-151, 187, 198, 212, 215-216, 313
 Самарский уезд 24, 26, 56, 58, 60, 62, 77, 79, 85, 89, 139, 148, 196, 286, 295
 Санкт-Петербург 12, 305
 Санчелеево (Нижнее Санчелеево) 7, 69, 76, 87, 96, 187, 279, 287, 295
 Сапожковский уезд 90
 Сарабикулино (Кармалка) 86, 289
 Сарайгир 96, 297
 Саранск 5, 109, 111-112, 118, 121, 124, 302, 307-308, 312-313, 334
 Саранский уезд 62, 75, 78-79, 81, 90
 Сарапкина 87, 91, 293
 Саратов 8, 24, 53, 307
 Саратовская область 19, 44

Саратовская губерния 84, 87, 90, 105, 164-166, 179, 183
 Сарбайкина (Семёновка) 86, 293
 Свияжск 53
 Свияжский уезд 54, 78, 81
 Свободные Ключи 36, 285
 Северный район 29, 185, 253, 280
 Севский уезд 90
 Седяка (Каратай) 86, 292
 Секретарка 29, 86, 96, 288, 296
 Семейкино, Семейкина 79
 Семейкина (Егорьевка) 87, 294
 Семёновка 36, 96, 148, 285, 297
 Семёновка (Сарбайкина) 86, 292
 Сенькино 8, 214
 Сергиевск 23, 66-67
 Сергиевский район 7, 115, 121, 278, 284, 316
 Сержкина (Новоселка) 86, 288
 Сиделькино, Седелкина, Седелково 7, 22-23, 69-70, 127, 278, 280
 Симбирск 11-12, 22, 45, 66-67, 146, 286
 Симбирская губерния 12, 84-85, 87-88, 90, 92, 94, 105, 108, 111, 165-166, 180, 183, 195, 313, 319
 Симбирская провинция 75
 Симбирский уезд 64-65, 75, 77-78, 80-82
 Скопинский уезд 90
 Слободской уезд 78
 Сок, река 39, 51, 66-69, 79, 89, 142, 288
 Сок Камышла (Борисова) 82, 302
 Сок Кармалы, Сок-Кармала 69, 79, 82, 86, 96, 292, 294
 Соколка, река 69
 Соль-Илецк 148
 Солянка 86, 148, 292
 Соплевка (Малая Глушица) 96, 299
 Сорочинская крепость 75
 Сосновый Солонец 60, 63
 Спасский уезд 90
 Спасское (Чесноковка) 87, 286
 Спиридоновка 85, 86, 289
 Средняя Бесовка 87, 287
 Ставрополь 23, 75, 83, 303, 307
 Ставропольский район 7, 15, 22, 28, 76, 88, 121, 148, 168-169, 170-171, 187, 190, 195, 205, 215, 282, 283
 Ставропольский уезд 22, 26, 28, 75-76, 78, 80-81, 83, 86-88, 91-92, 94, 96-97, 148, 158, 166, 187, 195, 275, 287, 295, 310, 318
 Старая Аскула 60

Старая Бесовка 69, 96, 166-169, 287, 295
 Старая Бесовка (Рождественское) 83, 87, 96, 287
 Старая Бинарадка (Бинарадка) 7, 22, 76, 81, 87, 96, 103-104, 148, 170, 200, 209, 221-222, 245-246, 254, 258, 282, 287, 295
 Старая Дергановка 91
 Старая Домосейкина 86, 288
 Старая Казбулатова 86, 289
 Старая Кармала (Кармала, Кармалы, Богоявленское) 69-70, 76-77, 87, 286, 295
 Старая Малыкла 69, 96, 296
 Старая Павлушкина 86, 290
 Старая Семейкина 87, 286
 Старая Такмакла 83
 Старая Тёпловка 87, 90, 281, 293
 Старая Урмагсейка 96, 296
 Старая Урметева 86, 289
 Старая Шентала 8, 27-28, 109, 120, 176, 250, 258, 278, 280
 Староборискино 280
 Старо-Буянская волость 104, 313
 Староверская (Елатманка) 86, 290
 Старое Аделяково (Аделяково, Аделякова, Никольское) 69-70, 76, 81, 86, 96, 293, 297, 311
 Старое Вечканово 7, 22, 27, 128, 210, 258, 278-279
 Старое Суркино (Суруш, Суркино, Суркина) 8, 76, 86, 250, 289
 Старо-Кувацкая 96, 296
 Старо-Оскольский уезд 90
 Старые Сосны 7, 23, 30, 33, 96, 145, 147, 149, 160, 178-179, 190, 209, 236, 238, 239-240, 279-280, 282-283, 285, 293, 297, 314
 Старый Аманак 7, 319
 Старый Байтермиш 7, 23, 31, 86, 150, 231, 250-251, 260, 269, 280, 283-284, 293
 Старый Маклауш 7, 33, 126, 190, 199, 218, 219, 249, 284-285, 314
 Старый Тукшум 190
 Старый Урень 87, 288
 Степановка 86, 291
 Степная Шентала 7, 26, 76, 87, 96, 100, 148, 190, 202, 225, 230, 272, 278, 282, 286, 295, 304
 Степная Шешма, река 289
 Степно-Шенталинская волость 26
 Стюхина 76
 Сугушла 86, 288
 Суздальский уезд 78
 Сура, река 10, 53, 65, 70, 263

Суркино (Старое Суркино, Суруш) 8, 76, 250, 289
 Султангулова 76
 Сургут, река 69
 Суруш (Старое Суркино, Суркино) 76
 Сускан, река 69
 Сускан (Благовещенская Слобода) 87, 96, 287, 296
 Сухая Вязовка 197
 Сухие Аврали 87, 96, 195, 287, 295
 Сухие Аврали (Дмитриевка) 87, 287
 Сухой Колок 33, 285
 Сухореченское поселение 18, 51
 Сходнево 190
 Съезжая (Леонтьевка) 87, 294
 Съезжая (Максимовка) 87, 294
 Съезжее 7, 33, 96, 190, 298
 Сызранка, река 56
 Сызранский район 65
 Сызранский уезд 85, 90, 317
 Сызрань 23, 65, 121-123, 148, 309

Т

Табурная 64, 68, 87, 287
 Таволжанка 87, 294
 Тамбов 190
 Тамбовская область 44
 Тамбовская губерния 84, 87, 89, 90-92, 95, 97, 105, 108, 191, 193, 291-292
 Тамбовский уезд 146
 Тарпановка 96, 298
 Татарская Кулатка 65
 Ташла 69, 76
 Ташолка, река 69
 Тверской уезд 78
 Тверская губерния 89, 90
 Тверь 192
 Темешева (Щербень) 86, 289
 Темников 53
 Темниковский уезд 78, 90
 Тёпловка 90-91, 147, 190
 Тёпловка (Ломовский) 91, 299
 Терешевские Вершины 65
 Терешка, река 24, 53, 55-56, 65
 Терис-Тамак 86, 291
 Терюшевская волость 69, 77
 Тетюши 53-54
 Тетюшский район 166
 Тимковский уезд 90
 Тимофеевка 86, 291
 Тимошкино 88, 96, 298

Тимошкина (Высокий Колок) 87, 287
 Тимяшево 214, 225, 246, 251, 280
 Тирикла 88, 96, 296
 Титовка 24, 80, 87, 96, 139, 148, 286, 295
 Тихие Ерыклы 86, 289
 Тихоновка 88, 96, 296
 Толкаевка 96, 298
 Тольятти 7, 121-122, 126, 306
 Томская губерния 90
 Томылово (Малая Томыловка) 29, 87, 148, 286
 Томылово (Глушицкое) 96, 295
 Торновое (Торновая, Торновая Поляна) 7-8, 17, 32-33, 57-63, 150, 209, 212, 215-216, 238, 249, 280-281
 Тоцкая крепость 75
 Тоцкий район 209, 211, 240, 253, 280
 Трифоновка (Михайловка) 86, 292
 Трифоновка (Ялшанка, Елшанка) 87, 91, 293
 Троицкое 89
 Тростянка 87, 96, 286, 295
 Трофимовка (Дергановка, Дергуновка, Росташи) 91, 96, 190, 194-195, 285, 316
 Туарма 96, 296
 Туева 69
 Тучеева (Сунчелеева, Нижнее Санчелеево) 76
 Тюрино (Белое Озеро) 86, 290

У

Углицкий (Угличский) уезд 65, 78
 Удельная 196
 Узеля 86, 290
 Узюково 7, 22, 87, 187, 287, 295
 Ульяновская область 19, 166, 239, 309, 331
 Урень, река 56
 Уса (Ногайская орда) 65
 Уса, река 39-40, 51
 Усинский 39
 Усманский уезд 90
 Усулы (Дмитриевка) 86, 288
 Утёвка 146
 Уфа 289
 Уфимская губерния 90, 105
 Уфимский уезд 78, 81

Ф

Фатежский уезд 90
 Фёдоровка 87, 91, 294
 Филипповка 88, 96, 298
 Фролкино (Ерзовка) 26, 86, 148, 187, 292

Х

Хвалынский уезд 183
Хворостянский район 281
Хмелев овраг 62

Ц

Царево-Кокшайский уезд 78
Цивильский уезд 78
Цна, река 9

Ч

Чебоксарский уезд 55, 78
Челно-Вершинский район 7, 18-19, 22-23, 33, 76, 109, 121, 127, 166, 172, 245-246, 278, 280, 311, 319
Чембарский уезд 90
Черемшан, река 23, 67, 69, 84, 142, 287
Черемшан, Черемшанская крепость 78, 96, 142, 226, 297
Черемшанские Вершины (Клявлино) 86, 258
Чёрновка Бузулукского уезда, Кинель-Черкасского района 7, 33, 36, 87, 96, 150, 281, 293-294, 298
Чёрновка (Кузьмодемьянское) Самарского уезда 87, 286
Чёрновский 110
Черниговская губерния, область 39, 90
Черный Ключ 86, 288
Чесноковка, река 89
Чесноковка (Спасское) 87, 286
Чувашская Брусяна 60
Чувашские Липяги 84
Чувашский Сускан 88, 96
Чувашское Урметьево 202, 246, 280
Чуракаева 60

Ш

Шацк 53
Шацкий уезд 78, 90
Шелехметь, Шелехмецкая 7-8, 17-18, 23, 28-29, 33, 58-61, 63, 150, 207, 212, 215, 221, 252, 280-281
Шентала 26, 34, 36, 57, 69-70, 76, 96, 144-145, 159, 173-176, 190, 227, 250, 289, 296, 306, 307
Шенталинский район 7-8, 27-28, 33, 76, 109, 111, 116, 118-119, 121, 129, 131, 159, 166, 172, 174-175, 190, 202, 213-214, 224-225, 231, 240, 245-247, 250-251, 253-254, 258, 278, 280, 304, 306, 311, 318

Шестайкина 86, 278, 290
Шестаковка 88, 96, 298
Шеш, река 289
Шешма, река 67
Шигонский район 8, 12, 20, 30, 48, 65, 190
Шигоны (Ногайский Брод, Уса) 65
Шилан 7, 29, 280, 303
Шиланский Ключ 88, 96, 295
Ширяево (Ширяевские Вершины) 60-61, 63, 306
Ширяевский овраг 61-63
Шулаевка 88, 96, 298

Щ

Щигровский уезд 90

Ю

Юрьевский уезд 78

Я

Яблонная 62
Яблоневый овраг 62
Яблоневый Ключ 62
Яблонная поляна 62
Ядринский уезд 78
Ялшанка (Трифоновка) 87, 91
Ярославский уезд 78
Яшкино 96, 295

ОБ АВТОРАХ**МАЛКОВА**

Наталья Михайловна – руководитель проекта

Родилась 10.05.1968, г. Куйбышев. Заместитель директора по науке ГБУК «Самарская областная универсальная научная библиотека», археолог, кандидат исторических наук. Автор более 30 публикаций, научных статей по археологии, религиоведению, развитию национальной культуры, библиотечному делу.

Выпускница Самарского государственного университета (1992). Защитила кандидатскую диссертацию на тему «Погребальный обряд эрзи и мокши XVI-XVIII вв.» (2000). Работала в археологической лаборатории НИГ-7 СамГУ (1992–1998). Участник и руководитель археологических экспедиций (разведок и раскопок) в Самарской, Ульяновской, Московской и Рязанской областях, в том числе по изучению древностей мордвы (1991–2007). Работала ведущим специалистом, главным консультантом в Министерстве культуры Самарской области, курировала вопросы сохранения археологического наследия, развития национальной культуры, муниципальных образований Самарской области (2000–2010).

АЛЕКСЕЕВА
Вера Ивановна

Родилась 19.06.1976, село Новая Кармала Кошкинского района. Заместитель председателя общественной организации «Региональная мордовская национально-культурная автономия» Самарской области, специалист по связям с общественностью РОО «Союз народов Самарской области». В 1998 г. с отличием окончила Самарский государственный педагогический университет, исторический факультет (специальность – учитель истории и социально-политических дисциплин). С 1994 по 2010 г. – автор и ведущая радиопередач на эрзянском языке «Седейшкавань кортнемат» («Поговорим по душам») на многонациональном «Радио-7 из Самары», «Эрзянь кель» («Эрзянский язык») на ГТРК «Самара», «Эрзянь вал» («Эрзянское слово») на «Радио XXI век. Самара». С 2002 г. – сотрудник Дома дружбы народов Самарской области. Перевела на эрзянский язык более 30 известных русских песен, которые вошли в сборник песен «Моронь пусмо» (2015). Награждена Почётной грамотой губернатора Самарской области (2017). Автор книги «Новая Кармала» по истории родного села (2019). Лауреат областной общественной акции «Благородство» (номинация «Память») 2019 г. Лауреат Губернской премии в области культуры и искусства за 2020 год.

ВЕДЕРНИКОВА
Тамара Ивановна

Родилась 17.02.1953, село Суна Кировской области. Доцент кафедры теории и истории культуры Самарского государственного института культуры, этнограф, кандидат исторических наук, доцент. Автор более 130 научных публикаций, в том числе 8 монографий по истории и этнографии народов Самарского края.

Закончила исторический факультет (1975) и аспирантуру (1981) МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1981 г. защитила кандидатскую диссертацию «Формирование этнически смешанного населения степного Самарского Заволжья в XVII – сер. XIX вв.». С 1994 г. возглавляла кафедру региональной культуры и этнографии, с 2002 по 2009 г. – кафедру культурологии в СГИК. Эксперт по народной художественной культуре, член Экспертного совета по присвоению звания «Мастер ДПТ Самарской области» при ГБУК СО «Агентство социокультурных технологий».

Родился 01.04.1950, г. Куйбышев. Профессор Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева, историк, доктор исторических наук. Автор более 300 научных работ, в том числе более 12 монографий.

Окончил Куйбышевский металлургический техникум (1969), исторический факультет Куйбышевского государственного университета (1974). Работал преподавателем истории и обществоведения Красноярской вечерней средней школы (1974–1977). В 1977–1989 гг. – научный сотрудник Куйбышевского университета, старший преподаватель (1990), доцент (1992), профессор (2000) кафедры российской истории СамГУ. В 1986 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Церковно-монастырские феодалы в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII – начале XVIII вв.», в 2000 г. – докторскую диссертацию по теме «Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья во второй половине XVI – XVII вв.».

ДУБМАН
Эдуард Львович

Родилась 2.10.1959, с. Атяшево Мордовской АССР. Профессор кафедры истории России Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, этнограф, доктор исторических наук. Автор более 270 научных и учебно-методических работ, в том числе 8 монографий и 4 учебных пособий.

Приоритет научно-исследовательской деятельности – история и культура финно-угорских народов. Член трех диссертационных советов при ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва» и Казанском (Приволжском) федеральном университете. Входит в редколлегия журналов «Гуманитарий» и «Финно-угорский мир». С 2017 г. возглавляет сектор истории и этнографии межрегионального научного центра финно-угроведения при Мордовском государственном университете. Эксперт РФФИ по направлениям «Этнологическое регионоведение» и «Социально-культурная антропология».

КОРНИШИНА
Галина Альбертовна

ПРОКИНА
Татьяна Петровна

Родилась 11.11.1953, г. Саранск. Заслуженный работник культуры Республики Мордовия. Закончила филологический факультет Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (1976).

Многие годы работала в Мордовском республиканском Музее изобразительных искусств им. С. Эрьзи заведующей отделом Декоративно-прикладного творчества (до 2015 г.). Автор ряда изданий, посвящённых традиционному мордовскому костюму.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Тамара Ивановна Ведерникова
Наталья Михайловна Малкова
Эдуард Львович Дубман
Юрий Николаевич Смирнов
Галина Альбертовна Корнишина
Татьяна Петровна Прокина
Вера Ивановна Алексеева

Мордва Самарского края: история и традиционная культура

Коллективная монография

СМИРНОВ
Юрий Николаевич

Родился 21.03.1955, г. Новомосковск Тульской области. Профессор Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева, историк, доктор исторических наук. Автор около 350 научных публикаций: монографий, коллективных трудов, статей.

Закончил исторический факультет (1977) и аспирантуру (1980) МГУ им. М.В. Ломоносова. Здесь же защитил кандидатскую (1982) и докторскую (1999) диссертации. В 1981 г. стал ассистентом кафедры дореволюционной отечественной истории (ныне российской истории) Куйбышевского госуниверситета, затем – старшим преподавателем (1984), доцентом (1987), профессором (1999). Декан исторического факультета Самарского университета в 1998-2020 гг. В 2002 г. организовал и возглавил кафедру документоведения, с 2013 г. заведует кафедрой всеобщей истории, международных отношений и документоведения.

Технический редактор Л.В. Кузьмина
Дизайн макета – Л.С. Кулакова
Компьютерная верстка – Н.А. Зимина

Самарское археологическое общество:
443041, г. Самара, ул. Ленинская, 142, каб. 154.
<http://archsamara.ru>

Подписано в печать 15.11.2021
Формат 60x84/8. Бумага мелованная. Печать офсетная.
Объем 41 усл. печ. л.
Тираж 450 экз. Заказ № 1975

Отпечатано в типографии ООО «Слово»
443070, Самарская область, г. Самара, ул. Песчаная, 1, тел. (846)267-36-82